Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 15

Минск
2022

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 15

Минск
Издательский центр БГУ
2022

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

С 2009 года сборник индексируется в Российском индексе научного цитирования

П78 **Проблемы** укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – Вып. 15. — 399 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2022
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2022

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Швед Андрей Иванович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент (председатель редакционного совета)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета)

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич – Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры теории права и прав человека Украинского католического университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственногопедагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Марчук Василий Васильевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)

Солтанович Андрей Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Винокуров Александр Юрьевич – профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (научный редактор)

Сидоренко Дарья Олеговна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (технический редактор)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Ескендиров А.А.
Статус несовершеннолетнего в аспекте национального законодательства 10

Ирзун А.К.
Тенденции совершенствования законодательства в целях обеспечения национальной безопасности 18

Ломакина И.Б.
Конституирующие ценности как фундаментальная скрепа правовой культуры: постановка проблемы 26

Раскина Т.В.
Наркопреступность в Российской Федерации: состояние и противодействие 33

Рочева Е.А.
К вопросу о гендерном разрыве в преступности 39

Русецкий О.В.
Методологические основы исследования и критерии криминологической оценки правоприменительной практики 45

Сидоренко Д.О., Сидоренко Е.О.
Вопросы использования систем видеонаблюдения в целях защиты людей пожилого возраста 52

Третьяков Г.М.
Структура криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий 59

Чуешов К.В., Касьянова Е.В.
К вопросу о детерминантах преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий 66

Шурпаев Ш.М.
Направления использования современных цифровых технологий для предупреждения коррупции в сфере публичных закупок 71

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

Бильдейко А.А.
Должностное лицо как субъект административных правонарушений 78

Довгялло М.М.
Отдельные правовые аспекты методики проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов: объект экспертизы и ее этапы 86

Дятлова В.О.
Законодательство об административной ответственности как фактор влияния на деятельность субъектов предпринимательской деятельности..... 91

Полящук Н.А.
Мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе 100

Тайшибаев А.С.
Анализ практики применения мер административно-правового принуждения органами внутренних дел Республики Казахстан 107

Чмыга О.В.
Единоличные органы территориального общественного самоуправления Беларуси: правовой статус и перспективы совершенствования правового регулирования 117

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Афонченко Т.П., Коржов Н.Ю.
Санкционное обеспечение социального уголовно-правового контроля 124

Бурый В.Е.
Развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVII веке 129

Коротич Е.А.
О некоторых аспектах совершенствования противодействия экстремистской деятельности 135

Красникова Е.В., Павловская Н.В.
Развитие законодательства о борьбе с коррупцией в России 143

Ларченко А.А.
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемные аспекты правоприменения статьи 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь..... 150

Лосев В.В.
Уголовная ответственность должностного лица за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных..... 157

Мартыненко И.Э.
Юридическое определение культурного геноцида, формы проявления его в прошлом и в настоящее время 162

Марчук В.В., Хомич В.М.
К вопросу о правовой оценке деятельности подпольных польских формирований на территории Беларуси в 40-х–50-х годах прошлого века 169

Морозова Ю.В.
Некоторые вопросы применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания по законодательству Российской Федерации: анализ судебной практики 179

Рыжанков А.Ю.
Реализация принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации наказания при привлечении к уголовной ответственности за служебную халатность 184

Семенихин М.А.
Проблемные вопросы ответственности физических и юридических лиц за нарушение законодательства об архитектурной и градостроительной деятельности 192

Спиридонов А.И.
Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан 202

Тимощук К.И.
Преступления против религиозных прав граждан: сравнительный анализ 211

Хлус А.М.
Уголовно-правовая и криминалистическая классификации преступлений как основание для построения частных методик расследования 216

Шупицкая О.Н.
Конституционные основы совершенствования уголовно-правовых мер ответственности 222

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Богданович Н.А.
Отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого): материальные и процессуальные вопросы 228

Варавко Ю.В.
Архивные уголовные дела и иные материалы как источник информационно-аналитической деятельности следователя 233

Козел В.М.
Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам 240

Мельник Л.Л.
К вопросу о наложении ареста на криптовалюты и электронные деньги, их эквиваленты: проблемы правового регулирования. 247

Моисеева И.А.
Теоретические и практические вопросы применения медиации в уголовном процессе Республики Беларусь 255

Отепова Г.М.
Роль сотрудников органов внутренних дел Республики Казахстан в формировании сервисной модели полиции 262

Петрова О.В.
Исторические основы правового регулирования производства по делам о преступлениях несовершеннолетних 268

Синица И.М.
Восстановительное правосудие: перспективы применения по уголовным делам, связанным с семейно-бытовым насилием 274

Солтанович А.В., Долгоруков С.В.
О классификации принципов уголовного процесса и ее значении для совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь 280

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Васько Н.О.
Информационное обеспечение прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике травматизма в учреждениях образования 288

Винокуров А.Ю.
Запрос прокурора в кредитную организацию в системе средств противодействия коррупции 293

Головко И.И.
Диалектика квалификации правонарушения прокурором (на примере надзора за исполнением законов) 299

Джи М.
О полномочиях органов прокуратуры по надзору за исполнением наказаний и защите прав человека 304

Дицевич Я.Б., Колобов Р.Ю.
О некоторых современных тенденциях природоохранной прокурорской деятельности 311

Меркурьев В.В., Ульянов М.В., Васнецова А.С.
Деятельность органов прокуратуры по профилактике терроризма и экстремистской деятельности в Российской Федерации 317

Никитин Ю.А.
Порядок подачи и рассмотрения возражений по результатам проверки, проведенной контролирующим (надзорным) органом 323

Омельянович В.В.
О новой форме деловой коммуникации прокурорских работников как значимом условии повышения эффективности их деятельности 329

Плоскунов Д.В.
Инициирование прокурором пересмотра результатов разрешения вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания 334

Соркин В.С., Седач А.В.
Об особенностях процессуального положения прокурора в ходе досудебного производства (проблемы правоприменения и возможные пути их разрешения) 341

Скобелев В.П.
Апелляционное производство в гражданском процессе и некоторые вопросы регулирования компетенции должностных лиц органов прокуратуры 348

Чижик Е.В.
Проблемы правового регулирования деятельности прокурора в стадии исполнения приговора 358

Чмыга О.В.
Контрольное правомочие на обращение и обязанности по работе с обращениями граждан и юридических лиц как инструменты интенсификации представительской функции местных Советов депутатов 365

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Емельянов С.Л.
Право на возмещение вреда, причиненного преступлением, в свете норм международного законодательства 371

Зимин В.В., Зимин В.П.
Международные антикоррупционные стандарты: понятие, источники и их виды 377

Порохов М.Ю.
Технология блокчейн в гражданском судопроизводстве: опыт интернет-судов КНР 388

НАШИ АВТОРЫ 395

УДК 343.3.7

СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ескендиров А.А.

Ключевые слова: ребенок, права и свободы, законодательство, охрана и защита.

Введение

Детство – один из важнейших этапов в жизни человека, традиционно формирующийся на принципах развития творческой активности и взращивания правильных морально-нравственных качеств (справедливость, гуманизм, толерантность, гражданственность и др.).

В Казахстане ребенку от рождения принадлежат и гарантируются права, свободы и законные интересы человека и гражданина в соответствии с Конституцией, принципами и нормами международного ювенального права, международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан, Законом Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345–II «О правах ребенка в Республике Казахстан» и иными нормативными правовыми актами национального законодательства.

Основная часть

Основным национальным нормативным правовым актом, определяющим юридические основы защиты прав и интересов ребенка, является Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345–II «О правах ребенка в Республике Казахстан». Согласно п. 12-1 ст. 1 указанного Закона ребенок, находящийся в трудной жизненной ситуации, – это ребенок, жизнедеятельность которого нарушена в результате сложившихся обстоятельств, предусмотренных Законом Республики Казахстан от 29 декабря 2008 г. № 114–IV «О специальных социальных услугах», и который не может преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи [1].

К специальным социальным услугам законодатель относит комплекс услуг, обеспечивающих лицу (семье), находящемуся в трудной жизненной ситуации, условия для преодоления возникших социальных проблем и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества (п. 1 ст. 1) [2]. В свою очередь, трудная жизненная ситуация – это ситуация, признанная по предусмотренным национальным законодательством основаниям объективно нарушающей жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно (п. 8 ст. 1) [2].

Таким образом, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, – это те дети, которые остались вне условий семейной социализации и общественной интеграции, т. е. процесс их развития претерпевает серьезные отклонения от полноценной жизнедеятельности. Правовое регулирование жизнедеятельности несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, осуществляется рядом нормативных правовых актов, в том числе подзаконных актов Республики Казахстан.

Статья 118 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье устанавливает порядок устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [3]. В частности, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание в семью на усыновление, под опеку или попечительство или по договору о передаче ребенка в приемную или гостевую семью, на патронатное воспитание, а при отсутствии такой возможности – в организации всех типов (образовательные, медицинские и др.). При этом в интересах указанной категории детей органами опеки и попечительства может быть принята во внимание их национальность, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и обучении.

Согласно приложению № 7 к приказу Министра просвещения Республики Казахстан от 31 августа 2022 г. № 385 «Об утверждении Типовых правил деятельности организаций дошкольного, начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального, послесреднего образования, специализированных, специальных, организациях образования для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациях дополнительного образования для детей и взрослых» [4] и п. 9 приказа Министра образования и науки Республики Казахстан от 22 февраля 2013 г. № 50 «Об утверждении номенклатуры видов организаций образования» к организациям образования для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей относятся: центр поддержки детей с особыми образовательными потребностями; детская деревня семейного типа; центр поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; дом юношества (центр социальной адаптации) и центр адаптации несовершеннолетних [5]. Кроме того, к несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся и дети, отбывающие уголовное наказание в учреждениях средней безопасности для содержания несовершеннолетних либо помещенные в специальные организации образования. При этом до благоустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью или в указанные организации образования исполнение обязанностей опекуна (попечителя) временно возлагается на органы опеки и попечительства по месту нахождения ребенка.

В процессе работы с подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, особое значение и эффект приобретают результаты их социальной адаптации и реабилитации.

Социальные службы должны обеспечить процесс активного приспособления таких детей к общепринятым правилам и нормам поведения в обществе, а также оказать им помощь в преодолении негативных последствий психологической или моральной травмы. На этапе социальной реабилитация ребенка следует реализовать комплекс гуманитарных мер по восстановлению утраченных им социальных связей и функций, восполнению среды жизнеобеспечения, усилению заботы о нем.

В целях социальной реабилитации детей и подростков создаются специализированные учреждения. Так, в соответствии со ст. 13 Закона Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 591–II «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» специальные организации образования –

это учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения, созданные в целях обеспечения воспитания, обучения и социальной реабилитации несовершеннолетних в возрасте от 11-ти до 18-ти лет, систематически совершающих правонарушения, влекущие меры административного воздействия, злостно уклоняющихся от получения начального, основного среднего и общего среднего образования, систематически совершающих самовольные уходы из семьи и детских учебно-воспитательных организаций, совершающих иные антиобщественные действия [6].

При рассмотрении вопроса о направлении в специальные организации образования несовершеннолетних, злоупотребляющих алкогольными напитками, наркотическими средствами и психотропными веществами, их аналогами, в обязательном порядке изучается целесообразность назначения им прохождения курса лечения от психического, поведенческого расстройства (заболевания), связанного с употреблением психоактивных веществ.

В случае совершения воспитанником специальной организации образования общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, он может быть направлен в организацию образования с особым режимом содержания. Порядок направления несовершеннолетнего в специальные организации образования или организацию образования с особым режимом содержания определяется гл. 37 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) Республики Казахстан (ст. 332–334) [7].

Организация образования с особым режимом содержания – это учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, созданное в целях обеспечения особых условий воспитания, обучения и социальной реабилитации несовершеннолетних (ст. 14) [6]. В организации образования с особым режимом содержания помещаются подростки в возрасте от 11-ти до 18-ти лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода:

1) совершившие особо тяжкие преступления или два и более общественно опасных деяния, в отношении которых досудебное расследование было прекращено в связи с не достижением возраста уголовной ответственности либо примирением сторон;

2) в случаях, если они осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от уголовной ответственности и наказания на основании ст. 83 УК Республики Казахстан.

Порядок направления несовершеннолетних, указанных в подп. 1 п. 2 ст. 14, в организации образования с особым режимом содержания определяется ГПК Республики Казахстан. Порядок направления несовершеннолетних, указанных в подп. 2 п. 2 ст. 14, определяется ст. 545 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [8].

Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных устанавливается гл. 24 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (ст. 150–157) [9].

На сегодняшний день в нашей стране действуют:

– одно учреждение средней безопасности для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола;

– один локальный участок для несовершеннолетних осужденных женского пола в пределах учреждения средней безопасности для содержания взрослых женского пола;

– семь специальных организаций образования для малолетних и несовершеннолетних, систематически совершающих административные правонарушения или антиобщественные действия;

– две организации образования с особым режимом содержания для малолетних и несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности и наказания.

Правовые механизмы обеспечения прав ребенка регламентируют вопросы ответственности родителей, законных представителей (опекунов, попечителей и др.) и должностных лиц за нарушения его конституционных прав.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях предусматривает ответственность:

– за невыполнение родителями или другими законными представителями обязанностей по воспитанию и (или) образованию, защите прав и (или) интересов несовершеннолетних детей, а также по уходу за ними и содержанию (ст. 127);

– за невыполнение должностными лицами местных исполнительных органов, законными представителями ребенка обязанности по постановке на учет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в жилище, а равно постановка на учет с нарушением установленного срока (ст. 129);

– за невыполнение должностными лицами местных исполнительных органов, законными представителями ребенка обязанности по сохранности жилища детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 130);

– за нарушение порядка и сроков представления в Республиканский банк данных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, желающих принять детей на воспитание в свои семьи, и разглашение сведений о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей (ст. 135) [10].

Уголовный кодекс Республики Казахстан устанавливает ответственность: за торговлю несовершеннолетними (ст. 135); подмену ребенка (ст. 136); незаконную деятельность по усыновлению (удочерению) (ст. 137); разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 138); неисполнение обязанностей по уплате средств на содержание детей (ст. 139); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 140); ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 141); злоупотребление правами опекуна и попечителя (ст. 142); незаконный вывоз несовершеннолетнего лица за пределы Республики Казахстан (ст. 143) [11].

К иным правовым источникам, регламентирующим вопросы защиты права ребенка, относятся:

– Закон Республики Казахстан от 13 декабря 2000 г. № 113–II «О детских деревнях семейного типа и домах юношества»;

– Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 г. № 285–V «О государственной молодежной политике»;

– Закон Республики Казахстан от 9 апреля 2016 г. № 501–V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав ребенка»;

– Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2016 г. № 192 «О создании института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан»;

– постановление Правительства Республики Казахстан от 11 июня 2001 г. № 789 «Об утверждении Типового положения о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав»;

– постановление Правительства Республики Казахстан от 30 марта 2012 г. № 406 «Об утверждении Типовых правил о Доме юношества» и др.

Реализация законодательных актов обеспечивается посредством государственной политики и юридической практики.

В основу формирования ювенальной политики положен ряд принципов, основные из которых:

– законодательное обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка в соответствии с международными стандартами;

– установление и соблюдение государственных минимальных социальных стандартов качества жизни детей и подростков;

– государственная поддержка семьи в целях обеспечения полноценного воспитания детей и подростков, защиты их прав;

– государственная поддержка общественных организаций, некоммерческих и иных объединений, осуществляющих правозащитную деятельность в интересах ребенка;

– ответственность государственных организаций, должностных лиц и граждан за нарушение и причинение вреда интересам ребенка.

Органы центральной и местной исполнительной власти, обеспечивающие гарантии прав и свобод несовершеннолетних, реализуют государственную политику в интересах подрастающего поколения, в том числе осуществляют деятельность в области: образования и воспитания; охраны здоровья; социальной защиты и социального обслуживания; содействия социальной адаптации и социальной реабилитации детей; обеспечения их занятости и охраны труда; профилактики детской безнадзорности и правонарушений; организации детского и семейного отдыха; государственной поддержки общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

Финансирование республиканских мероприятий по реализации государственной политики в интересах детей осуществляется за счет республиканского бюджета, внебюджетных источников, а также за счет средств бюджета акимата г. Астана, г. Алматы и областей.

Государственный доклад о положении детей в Республике Казахстан ежегодно разрабатывается в целях обеспечения центральных и местных органов исполнительной власти объективной систематизированной аналитической информацией о положении детей в стране и регионах, тенденциях его изменения. Государственный доклад о положении детей в стране представляется Комитетом по охране прав детей Министерства образования и науки Республики Казахстан. Порядок его разработки и распространения (в том числе опубликования) определяется Правительством Республики Казахстан.

В компетенцию Правительства Республики Казахстан также входит внесение Президенту Республики Казахстан национального доклада «Молодежь Казахстана» (*прим. авт.* – ежегодный отчет, содержащий анализ реализации государственной молодежной политики и рекомендации по ее совершенствованию),

который представляется уполномоченным органом по вопросам государственной молодежной политики (п. 2 ст. 5, п. 8 ст. 6 Закона Республики Казахстан «О государственной молодежной политике») [12].

Одним из механизмов формирования и реализации государственной молодежной политики является обсуждение на республиканском форуме молодежи (*прим. авт.* – лица в возрасте от 14-ти до 29-ти лет) национального доклада «Молодежь Казахстана», где заслушиваются отчеты центральных и местных исполнительных органов, по итогам которого в Правительство Республики Казахстан вносятся рекомендации по совершенствованию государственной молодежной политики.

Органы центральной и местной исполнительной власти содействуют несовершеннолетним в защите и реализации их прав и законных интересов с учетом их возраста и в пределах установленного национальным законодательством объема дееспособности посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, проведения учебно-методической, информационной и иной работы с ребенком по разъяснению его прав и обязанностей, порядка защиты прав, установленных законодательством Республики Казахстан, а также посредством поощрения исполнения несовершеннолетними обязанностей, поддержки практики правоприменения в области защиты прав и законных интересов ребенка.

Родители ребенка либо лица, их заменяющие (опекуны, попечители и т. д.), содействуют ему в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов с учетом его возраста и в пределах установленного национальным законодательством.

Педагогические, медицинские, социальные работники, психологи и иные специалисты, ответственные за работу по воспитанию, образованию, охране здоровья, социальной поддержке и социальному обслуживанию ребенка, по поручению органов опеки и попечительства и других компетентных органов могут участвовать в мероприятиях по обеспечению защиты прав и законных интересов ребенка в органах образования, здравоохранения, труда и социального развития, правоохранительных и других органах, занимающихся защитой прав ребенка.

Общественные объединения и иные некоммерческие организации также могут осуществлять свою деятельность по подготовке ребенка к реализации им своих прав и исполнению обязанностей.

В целях обеспечения прав ребенка на охрану здоровья в республиканских и региональных учреждениях здравоохранения осуществляются мероприятия по оказанию малолетним и несовершеннолетним бесплатной медицинской помощи, предусматривающей профилактику заболеваний, медицинскую диагностику, лечебно-оздоровительную работу, в том числе диспансерное наблюдение, медицинскую реабилитацию детей-инвалидов и детей, страдающих хроническими заболеваниями, и санитарно-курортное лечение детей.

В соответствии с национальным законодательством местные исполнительные органы осуществляют мероприятия по обеспечению профессиональной ориентации, профессиональной подготовки детей, достигших возраста 14-ти лет (профессиональные технические школы).

Правоохранительные органы и суд принимают меры по защите ребенка от информации, наносящей вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в частности, запрещается осуществлять для детей показ, продажу,

дарение, размножение, прокат и распространение игрушек и информационной продукции, направленных на разжигание расовой, национальной, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную исключительность, войну, содержащих призывы к насильственному изменению конституционного строя и нарушению территориальной целостности Республики Казахстан, порнографию, причиняющих вред здоровью и развитию детей, а также иным образом наносящих ущерб духовному и нравственному развитию ребенка (ст. 39) [1].

Однако, в отличии от российского ювенального законодательства, которое в целях обеспечения безопасности жизни, охраны здоровья, нравственности ребенка, защиты его от негативных воздействий регламентирует процедуру проведения экспертизы (социальной, психологической, педагогической, санитарной) настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей (ч. 3 ст. 14) [13], в нормативных источниках Республики Казахстан такая процедура осталась вне поля зрения.

Заключение

Таким образом, перечень национальных нормативных правовых актов в сфере ювенальной политики достаточно широк, однако механизмы реализации прав детей недостаточны, поскольку детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, не становится меньше. При этом остро стоят вопросы обеспечения таких детей социальным жильем, продолжения их обучения в системе специального среднего и высшего образования, получения бесплатной медицинской помощи и т. д. Кроме того, подлежат разрешению проблемы социальной защиты малоимущих семей, противодействия экономической эксплуатации детей, профилактики семейного насилия и т. д.

Список цитированных источников

1. О правах ребенка в Республике Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 8 авг. 2002 г., № 345–II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345. – Дата доступа: 10.09.2022.

2. О специальных социальных услугах : Закон Респ. Казахстан, 29 дек. 2008 г., № 114–IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000114. – Дата доступа: 10.09.2022.

3. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье, 26 дек. 2011 г., № 518–IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518. – Дата доступа: 10.09.2022.

4. Об утверждении Типовых правил деятельности организаций дошкольного, начального, основного среднего, общего среднего, технического и профессионального, послесреднего образования, специализированных, специальных, организациях образования для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациях дополнительного образования для детей и взрослых : приказ Министра просвещения Респ. Казахстан, 31 авг. 2022 г., № 385 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200029329#z1640. – Дата доступа: 10.09.2022.

5. Об утверждении номенклатуры видов организаций образования : приказ Министра образования и науки Респ. Казахстан, 22 февр. 2013 г., № 50 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008390#z1. –Дата доступа: 10.09.2022.

6. О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности : Закон Респ. Казахстан, 9 июля 2004 г., № 591–II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000591. – Дата доступа: 10.09.2022.

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан. – Алматы : НОРМА-К, 2022. – 466 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – Алматы : НОРМА-К, 2017. – 332 с.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан. – Алматы : НОРМА-К, 2017. – 334 с.
10. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. – Алматы : НОРМА-К, 2022. – 599 с.
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Алматы : НОРМА-К, 2022. – 288 с.
12. О государственной молодежной политике : Закон Респ. Казахстан, 9 февр. 2015 г., № 285–V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285. –Дата доступа: 10.09.2022.
13. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации, 24 июля 1998 г., № 124–ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

Аннотация. Одним из серьезных показателей благосостояния государства является уровень благополучия его подрастающего поколения, состояния общественной культуры, нравственности и духовности граждан. Охрана и защита прав ребенка относится к глобальным проблемам современности, в разрешении которых заинтересовано все мировое сообщество. Статья содержит авторский взгляд на состояние национального ювенального законодательства в сфере охраны и защиты прав несовершеннолетних. Отдельно автор статьи рассмотрел вопросы юридической компетенции государственных органов, должностных лиц, родителей и иных законных представителей, ответственных за воспитание несовершеннолетних. Также в статье особо подчеркнута роль государства по развитию основных позиций ювенального законодательства во всех сферах жизнедеятельности несовершеннолетних. Вопросы формирования законопослушного поведения у несовершеннолетних, несомненно, имеют особое влияние на весь процесс становления и развития современного государства.

THE STATUS OF MINOR IN THE ASPECT OF NATIONAL LEGISLATION

Yeskendirov A.A.

Keywords: child, rights and freedoms, legislation, protection and protection.

Abstract. One of the serious indicators of the welfare of the state is the level of well-being of its younger generation, the state of public culture, morality and spirituality of citizens. At the same time, the protection and protection of the rights of the child belongs to the global problems of our time, in the resolution of which the entire world community is interested. The article contains the author's view on the state of national juvenile legislation in the field of protection and protection of the rights of minors. Separately, the author of the article considered the issues of the legal competence of state bodies, officials, parents and other legal representatives responsible for the upbringing of minors. The article also emphasizes the role of the state in the development of the main positions of juvenile legislation in all spheres of life of minors. The issues of the formation of law-abiding behavior among minors undoubtedly have a special impact on the entire process of formation and development of the modern state.

УДК 343.322

ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ирзун А.К.

Ключевые слова: Польша, полонизация, карта поляка, угрозы национальной безопасности.

Введение

Тенденции в деятельности руководства Польши в отношении Беларуси в течение всего постсоветского периода имеют последовательный деструктивный характер, несмотря на особенности управления страной разными политическими силами. Современное состояние белорусско-польских отношений можно без преувеличения назвать очень сложным, что обусловлено стремлением властей Польши строить их с нашим государством на основе прагматизма и доминирования исключительно польских интересов.

Ключевые нарративы, детерминирующие устремления Польши на белорусском направлении в настоящее время заложены в Стратегии национальной безопасности Польши, принятой 12 мая 2020 г. [1].

Согласно Стратегии, Польша стремится к достижению своих национальных интересов и обеспечению национальной безопасности, в том числе путем укрепления позиций за рубежом с использованием инструментов «мягкой силы». Для этого используются общественная и культурная дипломатия, социальные коммуникативные технологии, продвижение польского языка, науки, культуры, истории, христианского наследия страны. То есть путем целенаправленного воздействия на межнациональные и межконфессиональные отношения в белорусском обществе реализуется комплекс мер, направленных на полонизацию западных регионов нашей страны, формирование в них пропольски ориентированной общности граждан, выработку у белорусских поляков выгодных Варшаве общественного сознания и идеологических установок.

Для достижения данных целей в Польше приняты и постоянно совершенствуются нормативные правовые акты, закрепляющие систему преференций и льгот для представителей полонии, а также создающие условия для привлечения в страну ментально близких мигрантов с Востока. В их числе законы Польши «Об иностранцах», «О репатриации», «О польском гражданстве», «О Карте поляка» и ряд других. Последний заслуживает отдельного внимания, т. к. является проявлением системного, планового и наступательного подхода в восточной политике Варшавы, а карта поляка (далее – КП) – одним из ключевых инструментов полонизации.

Об актуальности рассматриваемой темы свидетельствует тот факт, что на территорию нашей страны распространяет свое действие закон иностранного государства, который не соответствует ряду норм международного права, противоречит двусторонним договоренностям Польши и Беларуси. Следовательно, его реализация может привести к осложнению отношений в среде польского национального меньшинства в Беларуси, способна вызвать

межнациональные и межконфессиональные разногласия и тем самым повлиять на гражданское согласие и стабильность в белорусском обществе [2].

Деструктивную роль указанного закона отметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в послании к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь в 2008 г.: «Мы не должны допустить, чтобы этническое противостояние раскололо наше монолитное общество. Глубоко ошибаются те, кто рассчитывает установить свои законы на нашей земле, изобретая сценарии типа «карты поляка» [3].

В 2021 г. Генеральный прокурор Республики Беларусь А.И. Швед в интервью Общенациональному телевидению заявил, что Польшей ведется подрывная работа против Беларуси, а карта поляка – один из элементов гибридной войны против белорусского государства [4].

При этом необходимо констатировать, что популярность КП у граждан Республики Беларусь неизменно растет, с каждым годом увеличивается число лиц, ее получивших. Согласно данным Министерства внутренних дел и администрации Польши, с 2008 по 2022 гг. белорусам выдано свыше 162 тыс. КП (лидирующая позиция среди всех стран бывшего СССР) [5].

Несмотря на то, что в Республике Беларусь принят ряд законодательных норм, направленных на снижение деструктивного потенциала рассматриваемого закона, данная проблема не утрачивает своей остроты, требует принятия дополнительных мер противодействия, в том числе путем разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства.

Основная часть

Анализ положений закона Польши «О Карте поляка» [6; 7] позволяет констатировать, что его реализация несет следующие угрозы, предусмотренные Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь [8].

Так, в политической сфере внешним источником угроз является деятельность специальных служб, иных организаций и отдельных представителей иностранных государств, направленная на причинение ущерба национальным интересам Республики Беларусь. В нашем случае польские спецслужбы, благодаря беспрепятственному доступу к «Центральному реестру признанных и аннулированных карт поляка», ведущемуся в МИД Польши, обладают информацией о значительном количестве граждан Беларуси, давших обязательство «не действовать в ущерб основным интересам Польши». Следовательно, выдача КП способствует активизации разведывательной деятельности специальных служб Польши на белорусском направлении.

Внутренним источником угроз в политической сфере является формирование либо распространение идеологии сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости, незаконная деятельность организаций, группировок отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды. В данном случае реализация закона «О Карте поляка» создает условия для дискриминации граждан Республики Беларусь по национальному признаку, т. к. наделение обладателей КП рядом преимуществ приводит к неравенству в правах с теми гражданами, которые ею не обладают. Кроме того, получение лицом польской национальности предоставляемого законом «О Карте поляка» статуса – принадлежности к польской нации и приобретение в связи с этим имущественных прав и льгот, придает обладателям КП некоторую исключительность.

Наделение незарегистрированной организации, названной в польском законе «Союз поляков», фактически действующей незаконно, правом выдачи рекомендаций гражданам Беларуси, необходимых для получения КП, влечет искусственное усиление ее позиций и повышает возможность использования Варшавой в деструктивных целях, вносит разлад между представителями диаспоры, состоящими в легальном общественном объединении «Союз поляков на Беларуси», снижает авторитет последнего.

Также выдача КП создает условия для полонизации той части населения Республики Беларусь, которая ранее не акцентировала внимания на своей польской национальности, и дискриминации граждан Республики Беларусь по национальному признаку, т. к. обладателям КП предоставлен ряд преимуществ, что приводит к неравенству в правах с теми этническими поляками, которые не получили данный документ.

Указанные факторы создают предпосылки к распространению в Беларуси идеологии сепаратизма, национальной нетерпимости, что может повлечь нарушение социальной стабильности.

В социальной сфере внутренним источником угроз является снижение численности трудоспособного населения. Реализация закона «О Карте поляка» создает устойчивый канал трудовой и студенческой миграции граждан Беларуси в Польшу посредством предоставления обладателям КП льгот и преференций при бесплатном получении многократных виз, трудоустройстве, занятии предпринимательской деятельностью, в системе образования и иных. Фактически за счет бюджета Республики Беларусь происходит подготовка кадров для экономики сопредельного государства.

Следствием миграции в Польшу по большей части молодого трудоспособного, находящегося в наиболее активном репродуктивном возрасте населения Беларуси может стать возникновение такого внутреннего источника угроз в демографической сфере, как неблагоприятная половозрастная структура населения.

По состоянию на июль 2022 г. право на постоянное проживание на территории Польши получили 50,505 тыс. белорусских граждан. В 55 % случаев постоянный вид на жительство получен на основании КП. Тенденция роста наблюдается с 2015 г., когда было выдано 5,1 тыс. видов на жительство, в 2016 – 6,4 тыс., 2017 – 8,9 тыс., 2018 – 12,6 тыс., 2019 – 18,2 тыс., 2020 – 23,4 тыс., 2021 – 38,3 тыс. [9].

В информационной сфере внешними источниками угроз являются информационная деятельность зарубежных государств, иностранных организаций и отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам Республики Беларусь, целенаправленное формирование информационных поводов для ее дискредитации, а также ведение зарубежными государствами борьбы в информационном пространстве. Так, в польских СМИ и подконтрольных им информационных ресурсах, работающих в Беларуси, постоянно декларируется поддержка польского национального меньшинства, распространяются заявления о том, что его права якобы ущемляются, осуществляется жесткая критика любых действий белорусских органов власти, даже по надуманным предлогам. Предпринимаются попытки придать данной проблеме международный характер, создаются инфоповоды для дискредитации Республики Беларусь. У представителей польской диаспоры формируются

выгодные Варшаве идеологические установки. Происходит целенаправленное информационное воздействие на общественное сознание и поведение граждан, формируются предпосылки для возможных территориальных претензий со стороны Польши к Беларуси в будущем.

В целях локализации перечисленных угроз в Республике Беларусь с 2011 по 2022 гг. принят комплекс правовых и организационных мер. В частности, запрещена деятельность общественных объединений, союзов, направленная на содействие предоставлению иностранными государствами гражданам Республики Беларусь льгот и преимуществ в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью.

Государственным служащим запрещено получать от иностранных государств документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользоваться такими льготами и преимуществами. Определено, что при поступлении на государственную службу граждане не вправе иметь указанные иностранные документы. За нарушение данных норм предусмотрены последствия в виде прекращения гражданской службы.

Аналогичные требования закреплены для депутатов всех уровней, сотрудников органов внутренних дел, работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, работников органов финансовых расследований и военнослужащих (за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по призыву).

На республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. приняты изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, предписывающие, что Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.

Для реализации предусмотренных законодательством положений органам власти Республики Беларусь необходимо владеть информацией о гражданах, получивших КП, чтобы своевременно принимать эффективные меры противодействия рискам и угрозам национальной безопасности.

В общем случае объективные данные о количестве обладателей КП и иных аналогичных документов требуются для достоверной оценки статистической информации, характеризующей миграционные настроения в обществе, оценки и прогнозирования состояния национальной безопасности в политической, социальной и демографической сферах.

В частном случае важна информация о их местах работы (службы) и социальном статусе (госслужащие, военнослужащие, сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, пенсионеры и др.), на основании которой можно выявлять конкретных лиц, причастных к противоправной деятельности, направленной на нанесение ущерба национальным интересам Республики Беларусь.

Однако практика показывает, что, несмотря на внушительный перечень принятых законодателем правовых мер, назвать эффективной существующую систему, достаточной для нивелирования угроз национальной безопасности Республики Беларусь, возникающих вследствие реализации Польшей Закона

«О Карте поляка», невозможно. Отсутствует система контроля за исполнением введенных ограничений.

Сколько граждан Республики Беларусь из числа обладателей КП относятся к категориям, которым законодательством запрещено получать и использовать подобные документы, определить невозможно. Польская сторона никогда не предоставит белорусской доступ к «Центральному реестру признанных и аннулированных карт поляка», а обязанность для граждан нашей страны уведомлять государственные органы о получении КП и иных аналогичных документов не предусмотрена.

На сегодняшний день ни один государственный орган Беларуси не обладает механизмом, который бы позволил официально и достоверно устанавливать владельцев КП, а также выделять из их числа тех, на кого распространяются введенные законодательством ограничения. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что польской стороной созданы условия для получения КП гражданами Республики Беларусь на территории сопредельного государства.

Также необходимо отметить, что лица, имеющие определенный должностной правовой статус, скрывают наличие у них КП, до предъявления неоспоримых доказательств не признают факта обладания данным документом во избежание возможных негативных последствий, а также чтобы иметь возможность пользоваться предоставляемыми преимуществами (чаще всего в меркантильных целях). При этом обычные граждане (не занимающие должностного положения), как правило, не скрывают наличия КП.

Кроме того, не выработан комплекс мер, работающих на упреждение, т. е. прямо или косвенно влияющих на решение человека получать или не получать КП. Нет профилактической разъяснительной работы, направленной на информирование граждан Республики Беларусь о том, что обладание подобными документами иностранных государств дает не только преимущества, но и при определенных обстоятельствах может повлечь негативные последствия.

С учетом изложенного признать существующую систему правовых норм как отвечающую потребностям сегодняшнего дня и современной оперативной обстановке нельзя.

Полагаем, что дальнейшее совершенствование законодательства Республики Беларусь, направленное на расширение ранее принятых мер противодействия реализации Польшей Закона «О Карте поляка», должно учитывать необходимость решения следующих задач:

создание механизма контроля за исполнением ранее введенных ограничений для обладателей документов иностранных государств, предоставляющих права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью;

создание на государственном уровне механизма выявления обладателей КП и иных аналогичных документов;

организация централизованного учета таких граждан;

введение обязанности для граждан нашей страны уведомлять уполномоченные государственные органы о получении указанных документов;

введение ответственности для граждан Беларуси за несообщение о наличии у них вида на жительство в другом государстве и иных документов иностранных государств, предоставляющих права на льготы и преимущества в связи

с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью;

введение ограничений обладателям таких документов на доступ к государственным секретам;

недопущение рекламы таких документов, а также образовательных и иных услуг, оказываемых в целях содействия их получению;

принятие профилактических мер, прямо или косвенно влияющих на решение человека получать или не получать вышеназванные документы иностранных государств.

Для решения указанных задач предлагаются следующие направления совершенствования законодательства.

В целях создания механизма выявления обладателей КП и иных аналогичных документов видится целесообразным дополнить Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» отдельной статьей, обязывающей граждан нашей страны письменно уведомлять территориальный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, об оформлении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание в иностранном государстве, либо иного документа иностранного государства, предоставляющего права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью.

За нарушение данной нормы полагаем возможным предусмотреть административную ответственность. Административно наказуемым деянием считать нарушение установленного порядка подачи уведомления (несвоевременная подача уведомления, предоставление требуемых сведений не в полном объеме, предоставление заведомо недостоверных сведений), а также неуведомление о наличии указанных документов иностранных государств.

Учитывая, что многие граждане Республики Беларусь не скрывают наличия у них КП, выявлять обладателей таких документов возможно путем опросов и анкетирования граждан в различных государственных органах. Например, в данной работе задействовать возможности Минобороны (через военные комиссариаты), Минтруда и соцзащиты (отделы кадров организаций, учреждений и предприятий, органы Фонда социальной защиты населения), МНС (территориальные инспекции), МВД (подразделения по гражданству и миграции). Для этого необходимо внести в оформляемые ими дела, анкеты и заявления вопрос о наличии у гражданина документов иностранных государств, предоставляющих льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью.

Учет установленных обладателей КП предлагается вести в регистре населения, внеся изменения в Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения». Для этого дополнить перечень основных персональных данных, подлежащих записи в регистре, информацией о наличии у гражданина документов иностранных государств, предоставляющих льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью.

В целях недопущения либо минимизации рекламы КП и иных аналогичных документов предлагается внести изменения и дополнения в Закон Республики

Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе», предусмотрев запрет их рекламы, а также норму, предписывающую, что реклама о трудоустройстве и учебе за пределами Беларуси граждан Республики Беларусь не должна содержать сведений о вышеуказанных документах, их названий, а также предложений о помощи и подготовке к их получению.

Также видится обоснованным создание условий, при которых лицам, имеющим двойное гражданство либо КП и аналогичные документы иностранных государств, ни при каких условиях не будет предоставляться допуск к государственным секретам Республики Беларусь (независимо от факта передачи этих документов в кадровое подразделение). Соответствующую норму предлагается закрепить в Законе Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах», расширив перечень оснований для отказа в предоставлении гражданам допуска к государственным секретам.

Полагаем, что реализация всех вышеизложенных мер и их широкое освещение в СМИ окажут профилактическое влияние и сдерживающий эффект на граждан Беларуси, желающих приобрести гражданство другого государства либо стать обладателем КП и аналогичных документов.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Действия Польши на белорусском направлении по достижению своих геополитических устремлений создают реальные и потенциальные угрозы национальной безопасности Республики Беларусь в политической, социальной и иных сферах. Важную роль в этом играет развитие законодательства, направленного на закрепление системы преференций и льгот для представителей полонии, создание условий для их миграции в Польшу.

2. В Республике Беларусь приняты законодательные, организационные и иные меры, направленные на нивелирование указанных угроз. Вместе с тем существующая система противодействия полонизации является недостаточно эффективной в современных условиях, требует дополнительного критического осмысления и доработки. Причем новые меры должны вырабатываться не только как реакция на деструктивные шаги Польши, но и носить упреждающий характер, создавать условия для профилактики оперативной обстановки.

3. Видится целесообразным совершенствовать положения отдельных нормативных правовых актов, а также перерабатываемой в настоящее время Концепции национальной безопасности в части формирования новых рисков, вызовов и угроз, связанных с проведением сопредельными странами недружественной политики.

4. Необходимо продолжить научные исследования в данной сфере для выработки научно обоснованных, комплексных и эффективных мер обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Баньковский, А. Л. Отражение нарративов государственной исторической политики в документах доктринально-стратегического характера: зарубежный опыт / А. Л. Баньковский // Историческая политика и память о прошлом в контексте обеспечения национальной безопасности (ко Дню народного единства и 145-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского) : материалы межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 20 сент. 2022 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол. : Г. Г. Краско [и др.]. – Минск, 2022. – С. 19–28.

2. О позиции Конституционного Суда Республики Беларусь по Закону Республики Польша «О Карте поляка» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 7 апр. 2011 г., № П-258/2011 / ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. «Здоровье государства – это благополучие человека, согласие в обществе, целеустремленность нации» [Электронный ресурс] : Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 29 апр. 2008 г. / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Генпрокурор Швед назвал «карту поляка» элементом подрывной работы : сайт newgrodno.by // [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://newgrodno.by/society/shved-karta-poliaka/ – Дата доступа: 17.09.2021.

5. Карта поляка // сайт «ВикипедиЯ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Карта поляка/. – Дата доступа: 10.08.2022.

6. Карта поляка: полный перечень изменений 2016/2017 // сайт «vPolshu.by» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vpolshu.by/karta-polyaka-polnyj-perechen-izmenenij/. – Дата доступа: 02.03.2018.

7. Закон об иностранцах в Польше изменят в 2021 году // Телеграм-канал Польский консультант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/polandconsult/zakon-ob-inostrancah-izmenjat-v-2021-godu/. – Дата доступа: 05.10.2021.

8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Респ. Беларусь от 30.12.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.by/world_of_law/text.asp/. – Дата доступа: 01.09.2022.

9. Количество белорусов с видом на жительство в Польше превысило 50 тыс. человек // сайт Экономическая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://neg.by/novosti/otkrytj/kolichestvo-belorusov-s-vidom-na-zhitelstvo-v-polshe-prevysilo-50-tys-chelovek/. – Дата доступа: 11.09.2022.

Аннотация. В статье раскрываются устремления Польши по достижению своих национальных интересов с использованием инструментов «мягкой силы», одним из которых является «карта поляка». Выделяются и систематизируются в соответствии с Концепцией национальной безопасности возникающие в связи с этим внешние и внутренние источники угроз национальной безопасности Республики Беларусь. На основе вывода о недостаточности существующей системы мер для нивелирования имеющихся угроз обосновывается актуальность принятия Республикой Беларусь дополнительных мер противодействия реализации сопредельным государством Закона «О Карте поляка». Сформулированы подлежащие решению в связи с этим задачи, изложены предложения по совершенствованию действующего законодательства, в том числе при переработке Концепции национальной безопасности.

TRENDS IN IMPROVEMENT OF LEGISLATION TO ENSURE NATIONAL SECURITY

Irzun A.K.

Keywords: Poland, polonization, the Pole’s Card, threats to national security.

Abstract. The article reveals Poland's aspirations to achieve its national interests using «soft power» tools, one of which is «the Pole’s Card». External and internal sources of threats to the national security of the Republic of Belarus arising in this regard are identified and systematized in accordance with the Concept of National Security. Based on the conclusion that the existing system of measures to neutralize existing threats is insufficient, the relevance of the adoption by the Republic of Belarus of additional measures to counter the implementation by the neighboring state of the law «On the Pole’s Card» is justified. The tasks to be solved in this regard are formulated, proposals are set out to improve the current legislation, including when revising the Concept of National Security.

УДК 34.02

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СКРЕПА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ломакина И.Б.

Ключевые слова: конституирующие ценности, правовая культура, правопорядок, право, правовые традиции.

Введение

Данная статья с точки зрения неклассической методологии рассматривает конституирующие ценности как фундаментальные начала правовой культуры. Основной акцент делается на том, что конституирующие ценности не универсальны, а контекстуальны и темпоральны. Их содержание зависит от материальных условий жизни и ментальности народа. Конституирующие ценности выступают основанием правопорядка. Институционализация конституирующих ценностей предполагает закрепление в принципах, которые, в свою очередь, доктринально и юридически оформляются в долженствования правовой культуры. Долженствования правовой культуры генерализируются в магистральную линию развития, которая во многом предопределяет характер и особенности правового развития каждого народа. Особенности правового развития по многим основаниям коррелируют с концептом «характер права». Данный концепт в российском теоретическом правоведении не получил широкой проработки, однако, по нашему мнению, его использование как нельзя лучше показывает сущностные черты правовой жизни различных народов, имеющих разный вектор цивилизационного развития. Концепт «характер права» позволяет избегать абстрактных идеологических конструктов и прежде всего не увязывать особенности права с «уровнем» его развития. Уровень развития права измеряется категориями: высокий – низкий, при этом высокий, конечно, у тех, кто этот уровень (планку) установил. Установка планки для себя и установка планки для других не всегда совпадают. Характер права зависит от конституирующих ценностей, которые, как говорилось выше, имеют доктринальное и нормативное закрепление в различных формах его внешнего выражения. В динамическом аспекте конституирующие ценности обнаруживают себя в повседневных практиках, и именно в этих практиках реализуются правомочия и обязанности субъектов, имеющих соответствующий правовой статус.

На основании изложенного можно утверждать, что конституирующие ценности – не универсалии, возникшие раз и навсегда. Конституирующие ценности «кровь от крови и плоть от плоти» народов их создавших. Поэтому у одних народов – конституирующей ценностью выступает идея свободы (а право мыслится как свобода в равенстве – либерализм); у других народов конституирующей ценностью выступает идея государства (государство выступает как цель, как средство, как то, что обеспечивает стабильность и процветание в нестабильной среде, как то, что мыслится категориями Родина, Отчизна, Отечество и т. п.).

Конституирующие ценности необходимо рассматривать в неотрывной связи с процессом конструирования каждым отдельно взятым народом правовой реальности. Конституирующие ценности выступают фундаментальной скрепой правовой культуры и обусловливают особенности норм, институтов и прочее; от них зависит содержательная сторона идеалов, принципов права; конституирующие ценности напрямую связаны с правовой политикой, режимом законности и т. д.

Вышеизложенное дает основание полагать, что с обозначенных позиций нет абсолютно одинаковых, универсальных правовых ценностей, как нет абсолютно одинаковых правовых культур. Все правовые культуры имеют особенности, которые вытекают из характера права и порядка, основанного на нем [1, с. 18].

Основная часть

Итак, первое, что стоит отметить, исходя из вводной части настоящей статьи. Конституирующие ценности всегда связаны с материальными условиями жизни и ментальностью народа. Конституирующие ценности определяют магистральную линию развития любого общества. Весьма интересную трактовку правовым ценностям дает судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев, усматривая в правовых ценностях этос права (способ мышления и деятельность). В своей работе «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)» он отмечает, что даже в рамках европейской традиции права образ права континентальной Европы отличается от образа права англосаксов. Для обозначения неидентичного понимания права автор предлагает вслед за американским философом права П. Шлагом использовать термин «эстетика права» [2, с. 133].

Представленный подход к пониманию права показывает необходимость введения в научный оборот понятий, которые бы адекватно схватывали правовую реальность, и в этом смысле «эстетика права» как термин призван более точно определить сущностные особенности права у каждого народа в отдельности. Однако, возможно, использование нейтрального понятия «характер права» больше подходит для этих нужд, учитывая, что термин «эстетика» уже несет определенную коннотацию, связанную с искусством и красотой. Не вдаваясь в выяснение этимологии слова «эстетика права» отметим лишь то, что сегодня теоретическое правоведение столкнулось с проблемой разработки нового категориального аппарата, призванного более точно определять сущность правовых явлений, выявлять их глубинные свойства и назначение для социальной практики.

Итак, основная идея статьи заключается в том, что конституирующие ценности необходимо рассматривать в контексте всей институциональной системы каждого отдельно взятого государственно-организованного общества (народа, народов, проживающих в нем). Институциональная система каждого государственно-организованного общества базируется на определенном порядке, в котором цементирующее значение имеют конституирующие ценности. Поэтому именно конституирующие ценности – эти «ценности – ценностей» – не являются трансцендентными для всех. Хотя классические парадигмы правопонимания и, прежде всего, юснатурализм исходил из обратного, усматривая в праве универсалии «свободы» и «справедливости» [3].

Рассматривая конституирующие ценности с позиций их неуниверсальности, а именно: с позиций контекстуальности и темпоральности, отметим, что, будучи

конструктом (продуктом деятельности человека), все конституирующие ценности выношены и выстраданы народом, породившим их. Именно правовые ценности определяют и букву закона, и дух права, а также определяют генеральную линию развития правовой культуры и общества в целом [4, с. 165]. Это в идеале!

Конституирующие ценности всегда должны лежать в основе основополагающих принципов правовой культуры. Эти принципы в зависимости от особенностей правовой культуры могут быть позитивированы (юридизированы), как, например, в традиции романо-германской правовой семьи, и не позитивированы (в традиции англо-американской правовой семьи). Конституирущие ценности – квинтэссенция правовой традиции, которая объективируется в нормах, институтах, социальных практиках носителей правовых статусов, правопорядке в целом.

Справедливости ради стоит отметить, что гармоничное правовое развитие – это развитие, сочетающее в себе аутентичное, непротиворечивое сочетание конституирущих ценностей с правовой практикой, включая правотворчество и правоприменение.

Рассмотрим варианты неаутентичного развития права. Данная проблема всегда связана с аккультурацией, с ломкой старой правовой системы и внедрением новых норм в ее конституционное тело. Все постсоветское пространство права подверглось перекройке по чужим лекалам, конечно, не без усердия «младореформаторов», получивших готовые рецепты от близких по духу коллег из-за рубежа.

Вопрос, какие ценности стали приоритетными в устройстве нового мира – мира, в котором должно было царить право, а не произвол (именно так понимали право СССР некоторые либерально настроенные политики и романтики от науки; либертаризм как тип правопонимания в этом направлении преуспел как никто другой)? Ответ: конечно, индивидуалистические ценности, завоеванные кровью в ходе буржуазных революций. Ценности индивидуализма, разделения властей, примата расширительной трактовки естественных прав, свобод как высшей ценности с привязкой к частной собственности и ее непременной защитой были внедрены сначала в конституции, а затем и в умы большинства, ждущих перемен граждан [5].

Выверенные с точки зрения западной культуры конституирующие ценности, закрепленные в либеральных доктринах и получившие позитивацию в Основном Законе государства (Конституции), становились нарративами не только для западной культуры, но и практически для всех государств постсоветского пространства.

Сначала облаченные в либеральные материи конституирующие ценности стали руководством к действию в процессе свержения феодального строя, а затем стали использоваться и для свержения коммунистических режимов в модернизируемых странах. При таком подходе значение государства сводилось к роли служанки, хотя термин «служанка» не использовался, более предпочтительным по отношению к государству выступал образ «ночного сторожа».

Несмотря на весь гуманистический пафос либерализма – люди, а вернее, большая часть населения постсоветских стран, вступившие на путь либерально-правового развития, счастливее не стали. Конституирующие ценности,

объективированные в принципах, доктринально и нормативно закрепленных в европейских Конституциях, декларациях и прочих нормативных актах, не явили миру реально универсальных прав и свобод, как изначально заявлялось. Зато дали миру двойные стандарты, за которыми по-прежнему, как и во времена европейской колонизации, мыслилось для одних одно, для других – другое.

Возникает вопрос, почему гуманистические идеи Просвещения оказались вполне прогрессивными для европейской культуры и малопригодными для неевропейской? Почему гуманистические ценности породили двойные стандарты? Отвечая на поставленные вопросы, стоит отметить, что в европейской традиции право – это только границы, в которых субъекты (не все, а только те, которые имеют определенный правовой статус) права реализуют свои правомочия. В границах действия права жизнь, и правда, более упорядочена, а значит, и замирена *(термин – М.М. Ковалевского)*. В рамках границ, очерченных правом, всегда или почти всегда одни правила игры. За границами же права нет субъектов права, а стало быть, и правила замиренной жизни здесь не действуют. В незамиренной среде возможен грабеж (вывоз ресурсов), убийство и даже геноцид (массовое истребление индейцев), ничем неприкрытая эксплуатация (вывоз африканцев и использование их в качестве рабов на плантациях в Северной Америке), испытание бактериологического, химического и даже атомного оружия (Хиросима, Нагасаки). И не удивительно, что в такой противоречивой действительности формируется особый язык, камуфлирующий многие социальные процессы. Все «цветные революции» проходили под лозунгом демократизации, однако на самом деле реальной демократизацией и не пахло, а перекроенная правовая система должна была создать благоприятные условия для иностранного капитала и вывоза ресурсов по выгодным ценам. И все это должно было свершиться под натиском гуманистических ценностей, объективированных в принципах, доктринах и нормах.

При этом конституирующие принципы эпохи Просвещения, доктринально закрепленные либерализмом, несмотря на свое лицемерие, по-прежнему пытаются доминировать во всем мире. Правда, прогнозы Ф. Фукуяма [6, с. 34] не оправдались.

Современная изменяющаяся действительность и все более нарастающая конфликтогенность побудили наиболее здравомыслящую часть интеллектуальной элиты задуматься о причинах противоречивости современного мира. Признание по ряду направлений провала в глобальной политике и отказ от либеральных стратегий развития побудил научный и политический дискурс к размышлению о причинах пробуксовки либеральной идеологии в модернизируемых странах. Одним из первых, кто последовательно и достаточно ярко показал современные противоречия между либерализмом и исламом, либерализмом и конфуцианской традицией права, был С. Хантингтон.

Хотя ранее схожие идеи развивались в рамках культурно-исторической парадигмы цивилизационных исследований (Д.Л. Андреевым, Л.Н. Гумилевым, Н.Я. Данилевским, П.А. Сорокиным, А. Тойнби, О. Шпенглером). Их заслуга – выявление особенного в каждой культуре, констатация того, что многообразие мира противостоит любой унификации как на уровне национального государства, так и на глобальном уровне. Тем не менее нельзя не отдать должного С. Хантингтону, поскольку именно он, фиксируя противоречия мира,

в современных терминах геополитики показал внутренний конфликт, выливающийся по объективным причинам в столкновение двух цивилизаций: западной с ее универсалистскими претензиями и двумя крупнейшими «восточными» цивилизациями: Дальневосточной, опирающейся на колоссальный экономический динамизм, и Исламской, переживающей мощный демографический взрыв [7, с. 236].

В 1993 г. появилась статья в полемичном стиле под заголовком «Столкновение цивилизаций?», которая позже приобрела теоретическое основание и оформилась в вполне солидный текст под названием «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка». Оценивая значение работы Хантингтона, А.В. Багаева пишет: «По сути, цивилизации в его модели представляют собой историко-культурные ареалы, которые с полным правом можно идентифицировать как регионы. Ценность теории Хантингтона состоит в том, что она развивает тему конфликта таких регионов, который, прикрываясь этнокультурной или конфессиональной спецификой, отражает не просто несовпадение, а конкуренцию экономических, политических, стратегических и иных акторов, чья борьба начинается в регионе, но поднимается на международный, глобальный уровень» [8, с. 34].

Ставшая мировым бестселлером книга Хантингтона, вызвала яростные споры не только в среде научного профессионального сообщества, но и в среде политического истеблишмента и массмедиа. Оценивая значение этого фундаментального труда для всей политико-правовой мысли, можно констатировать, что с его появлением возник новый реалистический дискурс, в котором признавалась идея о немирном мире, в котором первостепенное значение для цивилизаций имеют конституирующие ценности.

И именно эти ценности определяют вектор развития каждой отдельно взятой цивилизации. Это означает, что либеральный романтизм XVIII–XX вв. был иллюзорен от начала и до конца, так как в нем содержались конституирующие ценности именно западной культуры. А глобализационные проекты XXI в., не учитывающие конституирующих ценностей народов, разделяющих иной вектор цивилизационного развития, например, народов, чьими ценностями был коллективизм, православие и народность, привели к отторжению, хотя и не к полному, имплантированных ценностей другой правовой культуры. Интересные сведения в своей монографии приводит С.Н. Бабурин. Ссылаясь на современных исследователей, он отмечает, что сегодня по-прежнему три четверти правовых культур разделяют именно коллективистские ценности, а не индивидуалистические [9, с. 652], несмотря на массированную либеральную экспансию.

Таким образом, проблема понимания важности конституирующих ценностей для каждой отдельно взятой правовой культуры и тем более культуры, претендующей на статус самостоятельной, по своей сложности и неоднозначности актуализировала полемику связанную с сохранением национальных традиций в сфере политического управления, а также отстаивания суверенитета в сфере экономической и правовой жизни.

Однако стоит отметить, что как в научной среде, так и в среде политического истеблишмента есть те, кто стоит на иных позициях. Так, например, сегодня западно ориентированная элита по-прежнему является проводником ценностей индивидуализма и североамериканского глобализма. Вместе с тем

посмодернистские практики с расширением соматических прав (эвтаназия, гендерные революции, отказ от религиозных и национальных ценностей, декриминализация наркотиков и проституции, хищническое потребление экологических ресурсов, бездушная культура потребления) заставляют небезразличных людей задуматься о судьбе страны и судьбе народов, ошибочно выбравших либеральный путь развития и попавших в жернова всепоглощающей «какофонии» постмодернизма. Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин оценивает глобализационные процессы именно в такой тональности, хотя идеи либерализма в 90-е гг. XX в. и ему были не чужды, как и большинству политиков ныне стоящих у власти [10].

Возникает вопрос, почему в 90-е гг. XX в. критическая масса представителей передовой общественности практически всецело ратовала за создание единого общечеловеческого (общеевропейского) дома, в котором одни правила игры, где всем одинаково тепло и сыто? Дома, в котором не будет больше «плохого сына», пугающего атомной бомбой мирных, добрых, гуманных, цивилизованных людей Запада. Старые коммунистические правила игры признавались утратившими юридическую силу, а новые правила следовало взять там, откуда проистекает «добро и гуманизм», где свобода и справедливость доказали свою жизнеспособность. Поэтому конституционно-правовое строительство началось под эгидой индивидуалистических правовых ценностей, имеющих (как декларировалось либеральной доктриной) универсальный, общечеловеческий характер.

Чем обернулось такое строительство? Такое строительство обернулось разрушением старого правопорядка, на разлагающемся трупе которого возникла новая система, явившая миру мутанта, от которого, с точки зрения либералов, и пахнет «дурно», и плоды которого выглядят химерично: несменяемость власти, ее долговременный характер, замаскированный под демократическую процедуру, коррумпированность чиновников, местничество, отсутствие подлинного в западном понимании политического и правового плюрализма. В чем же причина? На наш взгляд, причина в том, что незамиренность миров (европейского – западного и неевропейского – восточного) проистекает из цивилизационных ценностных противоречий.

Народы, попавшие под вестернизацию, исторически имели иные конституирующие ценности. Эта правовая и политическая традиция основывается не на принципе разделения властей в западном понимании, а на симфонии власти государственной, партийной, а в ряде случаев и религиозной. Изменения последних лет, происходящие в политико-правовой жизни России показывают, что отказ от индивидуализма – есть возврат к своим исконным конституирующим ценностям, которые в поправках к Конституции нашли свое исконное место. Даже при беглом взгляде на эти поправки очевидным является то, что эмоционально окрашенные словоупотребления, такие как: «общая судьба», «память предков», «идеалы и вера в Бога», «преемственность развития», «защита исторической правды», «подвиг народа», «защита Отечества», «приоритет семейного воспитания», «защита семьи», «культура – уникальное наследие многонационального народа», «сохранение общекультурной российской идентичности» [11] и т. д., возвращают Россию на тот магистральный путь развития, который ей аутентичен, который

исторически ей предопределен самим фактом своего существования как цивилизации.

Заключение

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что конституирующие ценности – это ценности, которые возникают в недрах национальной правовой культуры. Эти ценности объективируются в принципах права, доктринально легитимируются и чаще всего позитивируются в Основном Законе государства. На содержание конституирующих ценностей влияют материальные условия жизни и ментальность народа. Конституирующие ценности не могут быть универсальными, они всегда контекстуальны и темпоральны. Содержание конституирующих ценностей определяет магистральную линию развития каждого отдельно взятого государственно-организованного общества.

Список цитированных источников

1. Ломакина, И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания / И. Б. Ломакина // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2021. – № 1(89). –С. 17–25.

2. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г. А. Гаджиев. – М. : НОРМА ИНФРА-М, 2013. – 320 с.

3. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер. – М. : ИРИСЭН, 2019. – 308 с.

4. Ломакина, И. Б. Правовые ценности в нормативной регуляции обществ с Евразийским вектором развития / И. Б. Ломакина // Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты и форматы реализации : сб. трудов XIII Казанск. науч.-практ. форума, 10–11 июня 2019. – Казань : «Медицина», 2019. – С. 164–173.

5. Нерсесянц, В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсесянц. – М. : Юристь, 1996. – 160 с.

6. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : Ермак, АСТ, 2005. – 592 с.

7. Хантингтон, С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / С. Хантингтон, А. Тойнби. – М. : ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 288 с.

8. Багаева, А. В. Региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений / А. В. Багаева // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. – Ч. 2. – М., 2018. – С. 31–36.

9. Бабурин, С. Н. Государствоведение: научные труды / С. Н. Бабурин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 711 с.

10. Зорькин, В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском междунар. форуме, 16 мая 2019 г. – Режим доступа: https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-ozvoliaet-tvorit-dobro.html. Дата доступа: 14.07.2022.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М. : Юрист, 2021. – 60 с.

Аннотация. В данной статье автор ставит проблему понимания конституирующих ценностей, не сводимых к закрепленным нормам Конституции. Автор показывает, что новая геополитическая ситуация требует более адекватного видения правовых феноменов, в частности, конституирующих ценностей применительно к каждой отдельно взятой национальной правовой культуре. Поэтому автор предлагает в качестве адекватного

видения рассматривать конституирующие ценности с точки зрения материальных условий и ментальности народов. Отказываясь от навязанных либерализмом двойных стандартов, автор предлагает рассматривать право с точки зрения своей аутентичной шкалы ценностей.

CONSTITUTING VALUES AS A FUNDAMENTAL BRACE OF LEGAL CULTURE: STATEMENT OF THE PROBLEM

Lomakina I.B.

Keywords: constituent values, legal culture, legal order, law, legal traditions.

Abstract. Annotation. In this article, the author poses the problem of understanding the constitutive values that are not reducible to the fixed norms of the Constitution. The author shows that the new geopolitical situation requires a more adequate vision of legal phenomena, in particular the constitutive values in relation to each individual national legal culture. Therefore, the author proposes, as an adequate vision, to consider constitutive values from the point of view of material conditions and the mentality of peoples. Rejecting the double standards imposed by liberalism, the author proposes to consider law from the point of view of its own authentic scale of values.

УДК 343.9

НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Раскина Т.В.

Ключевые слова: уровень наркопреступности, структура наркопреступлений, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие, организованная наркопреступность.

Введение

Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, в качестве целей государственной политики определены сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления, снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков, формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте. Достижению обозначенных целей должна способствовать комплексная работа по противодействию незаконному обороту наркотиков. Под наркотиками имеется ввиду обобщенное понятие наркотических средств и психотропных веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, аналогов наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ [1, ст. 3198], а также растений, содержащих наркотические средства или

психотропные вещества либо их прекурсоры, включенных в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации [2, ст. 6696].

С 2017 по 2021 гг. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (далее – наркопреступления), а также их удельный вес в структуре всех учтенных преступлений сокращаются. Вместе с тем все большее использование для совершения наркопреступлений и их конспирации приобретают информационно-телекоммуникационные технологии (далее – ИТКТ), особую опасность продолжает представлять организованная наркопреступность. Это определяет актуальность изучения вопросов противодействия незаконному обороту наркотиков и выбор в качестве цели исследования разработку мер, направленных на совершенствование противодействия наркопреступности.

Основная часть

Для достижения цели на основе диалектического, системного методов, статистического анализа, обобщения проанализировано состояние наркопреступности в Российской Федерации за 2017–2021 гг., выделены ее отличительные тенденции. Так, за последние пять лет количество зарегистрированных наркопреступлений уменьшилось с 208 681 в 2017 г. до 179 732 в 2021 г. Их доля в структуре всех учтенных в Российской Федерации преступлений снизилась с 10,1 % в 2017 г. до 9 % в 2021 г. Уровень наркопреступности в Российской Федерации, рассчитанный как соотношение количества зарегистрированных наркопреступлений, совершенных за определенный период времени, к численности всего населения за тот же период времени, также постоянно сокращается. Если в 2017 г. он составлял 142,1 на 100 тыс. населения, то в 2021 г. – уже 123,0 на 100 тыс. населения.

Отмеченные положительные изменения стали следствием реализации государственной антинаркотической политики Российской Федерации, стратегические направления которой были утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690. В частности, в ходе проводимого с 2010 г. совершенствования государственного управления и российского законодательства в сфере оборота наркотиков и противодействия их незаконному обороту, была усилена уголовная ответственность за сбыт и контрабанду наркотиков в особо крупных размерах, сбыт наркотиков в исправительных учреждениях, на объектах транспорта, в местах проведения культурно-досуговых мероприятий, образовательных организациях, в том числе с использованием сети «Интернет»; создан новый для Российской Федерации институт побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации; установлен порядок внесудебного ограничения доступа к размещаемой в сети «Интернет» информации о способах и методах разработки, изготовления и использования новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также о местах их приобретения. В настоящее время в Российской Федерации на постоянной основе проводится мониторинг наркоситуации, а в противодействии наркопреступности активно реализуется программно-плановый механизм.

На протяжении многих лет структурообразующими наркопреступности являются деяния, связанные с приобретением, хранением, перевозкой,

изготовлением, переработкой наркотиков (ст. 228 УК РФ), а также незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков (ст. 228[1] УК РФ) [3, с. 768–771]. В среднем в общем количестве зарегистрированных наркопреступлений на долю этих деяний приходится 96,6 %. Динамика их количества последние 3 года устойчиво снижается: с 70 565 в 2018 г. до 67 824 в 2021 г. (ст. 228 УК РФ) и с 113 532 в 2018 г. до 104 257 в 2021 г. (ст. 228[1] УК РФ). На протяжении последних лет официальной статистикой фиксируется также снижение количества выявленных фактов криминального нарушения правил оборота наркотиков (с 61 в 2018 г. до 11 в 2021 г.) и хищения либо вымогательства наркотиков (с 260 в 2019 г. до 58 в 2021 г.). В то же время после продолжавшегося с 2017 по 2020 гг. неуклонного сокращения количества преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, в 2021 г. отмечен почти двукратный рост их количества по сравнению с 2020 г. (695 против 362). Это произошло за счет активизации деятельности правоохранительных органов по выявлению фактов преступной контрабанды наркотиков на объектах транспорта (540 в 2021 г. против 143 в 2020 г.). Причем, если в 2020 г. доля этих преступлений, выявленных на транспортных объектах, составила 39,5 % от всех деяний, связанных с уголовно наказуемой контрабандой наркотиков, то в 2021 г. – уже 77,7 %.

В среднем ежегодно расследуется свыше 100 тыс. наркопреступлений, что составляет почти каждое десятое расследованное в Российской Федерации преступление (10,1 %). Неизменно высокой (в среднем 94,4 %) является раскрываемость преступлений, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотиков. Причем с 2020 г. их раскрываемость растет (с 94,8 % до 95,2 %).

В то же время нуждается в активизации работа по раскрытию самых распространенных наркопреступлений, связанных с незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков, а также контрабанды наркотиков.

Каждый год в Российской Федерации выявляется более 80 тыс. лиц, совершивших наркопреступления, или около 10 % от всех лиц, совершивших преступления. В среднем каждый второй из них находится в возрасте от 30 до 49 лет (54,8 %), каждый пятый – в возрастной категории от 25 до 29 лет (19,1 %) и от 18 до 24 лет (19 %). На долю 50-летних и лиц более старшего возраста приходится 5,1 %, и еще 2 % составляют лица 16–17-летнего возраста. В последние годы в Российской Федерации происходит «взросление» наркопреступности. Доля лиц, совершивших наркопреступления в возрасте от 30 до 49 лет, увеличилась с 52,8 % в 2018 г. до 56,8 % в 2021 г. До 2021 г. постоянно росла доля лиц, совершивших преступления в возрасте 50 лет и старше (с 4,8 % в 2018 г. до 5,4 % в 2020 г.). Отмеченная тенденция скорее всего является следствием расширения использования людьми более старшего возраста возможностей ИТКТ при совершении наркопреступлений.

Среди лиц, совершивших наркопреступления, ежегодно свыше 68 % приходится на лиц, которые не имеют постоянного источника дохода. За последние 2 года более чем в 2 раза увеличилось число официально безработных лиц, которые совершили наркопреступления, и трудовых мигрантов. Постоянно растет число незаконных мигрантов, вовлеченных в преступный оборот наркотиков (2018 г. – 58, 2019 г. – 74, 2020 г. – 85,2021 г. – 121).

В наркопреступности стабильно высокой (более 50 %) остается доля лиц, ранее совершавших преступления. В то же время с 2020 г. формируется тенденция небольшого, но сокращения этого показателя (с 59,9 % в 2019 г. до 58,6 % в 2021 г.). Также наметилась тенденция постоянного сокращения доли ранее судимых лиц (с 51,3 % в 2018 г. до 49,1 % в 2021 г.), лиц, совершивших преступление в течение 1 года после освобождения из исправительного учреждения (с 5,9 % в 2018 г. до 4,9 % в 2021 г.) и лиц, совершивших наркопреступление в период испытательного срока при условном осуждении (с 8,3 % в 2018 г. до 7,4 % в 2021 г.). Это можно рассматривать как свидетельство улучшения работы по профилактике рецидивной наркопреступности и некоторого снижения ее опасности.

В то же время значительные угрозы общественной безопасности несет цифровизация наркобизнеса. Во Всемирных докладах о наркотиках за 2019 г., 2020 г. по результатам нерепрезентативной выборки пользователей Интернет указывается, что в Российской Федерации может быть самая высокая в мире доля пользователей сети Интернет, которые приобретают синтетические наркотики через сеть «DarkNet». Так, в январе 2018 г. на их долю приходилось 46 %, а в январе 2020 г. – уже 86 %.

В целом ИТКТ получили очень широкое применение для совершения наркопреступлений и их конспирации. Если еще 4 года назад регистрировалось 18 805 преступлений, предусмотренных ст. 228[1] УК РФ, при совершении которых использовались ИТКТ, или 16,6 % от общего количества деяний, связанных с незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков, то в 2021 г. – уже 51 444, или 49,3 %. В 2021 г. после принятых мер правового и организационного характера, направленных на предупреждение криминального использования ИТКТ, в том числе при совершении наркопреступлений, темпы роста количества рассматриваемых преступлений замедлились до 9,3 %.

Возможности ИТКТ стали широко использоваться организованной наркопреступностью. Специалисты отмечают, что половина всех доходов транснациональной организованной преступности – это наркоденьги [4, с. 5]. В структуре организованной преступности наркопреступления, уголовные дела о которых окончены расследованием, составляют более трети. Причем статистика фиксирует постоянное усиление опасности организованной наркопреступности. За 5 последних лет с 2 750 до 3 761 увеличилось число участников организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), совершивших наркопреступления. Среди них в 1,5 раза (с 977 в 2017 г. до 1 468 в 2021 г.) выросло число лиц, ранее совершавших преступления. В организованную наркопреступность активно вовлекаются несовершеннолетние, чему способствует криминальное использование ИТКТ. С 2017 по 2021 гг. число несовершеннолетних участников организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), совершивших наркопреступления, увеличилось более чем в 2 раза (с 33 до 72). В 2021 г. обострилась проблема иностранного участия в организованной наркопреступности. После трехлетнего сокращения числа иностранных граждан и лиц без гражданства – участников организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), совершивших наркопреступления, отмечено увеличение их числа почти на четверть (с 296 до 365).

Заключение

Противодействие наркопреступности связано с комплексным и системным воздействием на ее детерминанты, профилактикой наркомании, антинаркотическим просвещением несовершеннолетних. Необходимо постоянно развивать деятельность наркологической службы Российской Федерации, в том числе укреплять материально-техническую базу, оснащать медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь по профилю «психиатрия-наркология», лабораторным и иным современным оборудованием, используемым для лечения и оказания помощи наркозависимым людям.

Развитию новых форм профилактической работы с молодежью должна способствовать модернизация работы органов государственной власти Российской Федерации по созданию и увеличению количества медиаматериалов, популяризирующих ведение здорового образа жизни и формирующих неприятие незаконного потребления наркотиков среди несовершеннолетних и молодежи. С участием органов местного самоуправления необходимо продолжать развитие бесплатных спортивных, культурных, иных досуговых центров для детей и подростков.

Анализ состояния наркопреступности в Российской Федерации позволяет говорить о том, что в ходе специального предупреждения наркопреступности приоритетное значение должно придаваться выявлению и нейтрализации организованных преступных групп и преступных наркосообществ, пресечению международных каналов поставки наркотиков из-за рубежа, выявлению и пресечению фактов производства и распространения наркотиков на российской территории.

Повышение эффективности данной работы возможно за счет постоянного совершенствования способов и направлений межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, а также совместной работы с компетентными органами зарубежных стран [5, с. 119–120]. С учетом активного криминального использования возможностей ИТКТ необходимо повышать уровень профессиональной и специальной технической подготовки личного состава правоохранительных органов в сфере ИТКТ, а также своевременно оснащать правоохранительные органы специальными программными комплексами, позволяющими оперативно выявлять и раскрывать наркопреступления.

Не теряет актуальности необходимость целостного совершенствования правовых отношений в электронно-цифровой среде. Особенно это касается правового обеспечения отношений с использованием криптовалюты, которая в неисчисляемом количестве используется как средство платежа и отмывания преступных доходов в организованной наркопреступности. С 1 января 2021 г. в Российской Федерации начал действовать Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В 2022 г. Правительством Российской Федерации была разработана Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, предполагающая формирование легального рынка криптовалют с установлением правил оборота и круга участников операций, а также требований к ним. Однако проблема достаточности и непротиворечивости правового регулирования цифровых финансовых активов

далека от своего разрешения. А это значит, что выявление и раскрытие наркопреступлений, при совершении которых использовались электронные средства платежа, привлечение виновных лиц к справедливой ответственности за их совершение пока будут оставаться очень сложными процессами.

Список цитированных источников

1. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации, 30 июня 1998 г., № 681 : в ред. от 24.01.2022 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 06.07.1998. – № 27. – Ст. 3198.

2. Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : постановление Правительства Рос. Федерации, 27 нояб. 2010 г., № 934 : в ред. от 29.07.2020 // Собрание законодательства Рос. Федерации. –13.12.2010. – № 50. – Ст. 6696.

3. Готчина, Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз / Л. В. Готчина // Всерос. криминологический журн. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 767–775.

4. Чиханчин, Ю. А. Обращение к читателям / Ю. А. Чиханчин // Финанс. безопасность. – 2020. – № 28. – С. 5.

5. Хохлов, Е. Е. Роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков / Е. Е. Хохлов // Науч. портал МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 117–121.

Аннотация. Актуальность темы, посвященной обеспечению безопасности в сфере оборота наркотиков, затрагивает вопросы криминологического изучения количественных и качественных характеристик наркопреступности, выработки адекватной стратегии противодействия наркокриминалу. Наркопреступность продолжает представлять повышенную общественную опасность, неся угрозу здоровому и полноценному существованию целых народов. Государственная политика противодействия данной преступности должна основываться на комплексных, системных, разносторонних мерах ранней профилактики наркомании, оперативно-розыскной деятельности уполномоченных органов с акцентом на выявление и пресечение организованной наркопреступности, привлечение к ответственности руководителей преступных групп и наркосообществ. Масштабное использование цифровых технологий при совершении наркопреступлений и их конспирации обусловливают принятие адекватных этому мер реагирования, создание электронной правоохранительной среды и универсального непротиворечивого правового обеспечения общественных отношений.

DRUG CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION: STATE AND COUNTERACTION

Raskina T.V.

Keywords: level of drug crime, structure of drug crimes, information and telecommunication technologies, counteraction, organized drug crime.

Abstract. The relevance of the topic dedicated to ensuring security in the field of drug trafficking touches upon the issues of criminological study of quantitative and qualitative

characteristics of drug crime, the development of an adequate strategy to counter drug crime. Drug crime continues to pose an increased public danger, threatening the healthy and full-fledged existence of entire peoples. The state policy of countering this crime should be based on comprehensive, systemic, versatile measures of early prevention of drug addiction, operational investigative activities of authorized bodies with an emphasis on identifying and suppressing organized drug crime, bringing to justice the leaders of criminal groups and drug communities. The large-scale use of digital technologies in the commission of drug crimes and their conspiracy determines the adoption of adequate response measures, the creation of an electronic law enforcement environment and universal consistent legal support for public relations.

УДК 343

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ РАЗРЫВЕ В ПРЕСТУПНОСТИ

Рочева Е.А.

Ключевые слова: женская преступность, криминологическая характеристика, динамика преступности, структура преступности, гендерный разрыв, социально-демографические характеристики, доход.

Введение

Два наиболее распространенных вывода криминологии гласят, что участие в противоправной деятельности уменьшается с возрастом, и мужчины более, чем женщины, склонны нарушать закон в любом возрасте. Таким образом, пол представляет собой наилучший показатель для предсказания преступности: во всех известных обществах мужчины совершали больше преступлений, чем женщины [1, с. 134; 2, с. 104].

Хотя социальное положение женщин менялось на протяжении веков, уровень преступности женщин оставался намного ниже уровня преступности мужчин, и это несмотря на то, что численность женщин в сообществах обычно больше, чем мужчин. Например, Г. Тард указывал, что женская преступность значительно ниже мужской: на общую цифру населения обоего пола по официальному отчету 1880 г. ежегодно насчитывается в 5 раз больше осужденных мужчин, чем женщин, а мужчин подсудимых – в 6 раз больше [2, с. 104]. Мужская преступность является преобладающей во всех странах, этнических и расовых группах, на протяжении всего исторического развития общества; основной чертой женской преступности является относительная постоянность ее доли в структуре преступности [3; 4, с. 802; 5]. Так, в США доля женщин-преступниц составляет 24,5 %, в Германии – 21,4 %, Швеции – 18,2 %, Японии – 17,4 % [6, с. 106]. В России удельный вес преступлений, совершенных женщинами в 2021 г., составил 15,9 %, в Беларуси – 18,1 %.

Для криминологического осмысления женской преступности важно сознавать, что она является результатом множества социальных девиаций и представляет из себя относительно массовое, изменчивое, социально-правовое явление, характеризующееся совокупностью преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории и за определенный период [7, с. 63],

и выступает в качестве подсистемы общей преступности, органически с ней связана и основные ее характеристики детерминированы социальным положением женщины в обществе [8, с. 58].

Исследуя различия в характере женской и мужской преступности, криминологи различных стран останавливаются на двух вопросах.

1. Почему существует «гендерный разрыв» в преступности, т. е. почему показатели женской преступности всегда и везде меньше, чем мужской, особенно для тяжких преступлений?

2. Почему, как демонстрируют статистические данные, гендерные различия в преступности постепенно сокращаются?

Основная часть

Изучение женской преступности в криминологии исторически складывалось в рамках антропологической и социологической школ криминологии [6, с. 105]. Первая рассматривала преступницу как особый вид человека, имеющий биологическую специфику (Ч. Ломброзо и Г. Ферреро, Д.А. Дриль и П.Н. Тарновская). В рамках второго подхода излагалась точка зрения о социальном детерминизме женской преступности. Сторонниками данного подхода можно считать А. Кетле, Р.К. Мертона, Г. Тарда, М.Н. Гернета. Так, М.Н. Гернет на основе проведенных им исследований пришел к выводу, что «мужская и женская преступность различаются между собой не только своими размерами, но и своим характером. Социальное положение обоих полов отражается в их преступности» [9]. В настоящее время учеными в различных странах продолжается проведение фундаментальных исследований женской преступности, направленных на изучение ее состояния, детерминации и профилактики, особенностей личности преступниц, обусловленных постоянными социальными изменениями, а также отдельных видов противоправных посягательств, совершенных женщинами.

При этом продолжаются дискуссии (начатые в предыдущем столетии) о том, применимы ли традиционные теории о преступности, созданные мужчинами, к женской преступности или же ее следует объяснять с учетом гендерной специфики. Например, Г.А. Аванесов указывает, что «при анализе мужской и женской преступности необходимо учитывать женскую психологию, так как у женщин, по сравнению с мужчинами, не только иная одежда, но и манеры поведения, образ мыслей, даже представление о жизни» [9].

Следует отметить, что структура женской преступности не повторяет мужскую: в ее структуре преобладают корыстные деяния, а в группе корыстных – в большей степени связанные с профессиональной деятельностью (более 50 %) [4, с. 803] в сферах торговли, общественного питания, сбыта и заготовок, оказания услуг, банковской и офисной деятельностью [3; 9; 10, с. 16]. При этом сказываются половые различия в мотивации: например, женщины идут на растрату или присвоение имущества, чтобы защитить семью или родственников, а мужчины чаще озабочены сохранением своего положения [1, с. 156]. Похищенное женщинами имущество, причиненный ими ущерб от преступлений в денежном выражении всегда меньше, чем у мужчин [1, с. 141]. Правонарушители обоих полов, как правило, имеют за плечами неблагоприятное прошлое, но женщины чаще, чем мужчины, являются жертвами различных злоупотреблений, предшествующих их криминальным поступкам.

Женщины чаще, чем мужчины, совершают правонарушения в одиночку или являются членами маленьких, относительно непостоянных преступных групп. По сравнению с мужчинами, женщины значительно реже участвуют в тяжких преступлениях. Одним из самых важных гендерных различий является то, что мужчины абсолютно преобладают в совершении наиболее организованных и корыстных преступлений, совершаемых как в низших, так и в высших классах общества [1, с. 142].

Вероятно, подобное участие женщины в формировании криминальной картины связано с различными факторами, например, с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями, биологическими и психологическими особенностями.

Меньшая доля женщин в структуре преступности обуславливается, как минимум, отсутствием достаточной физической силы по сравнению с мужчиной, необходимой, например, для подавления сопротивления жертвы [6, с. 107].

Кроме того, гендерные различия в преступности могут быть объяснены, во-первых, различиями в стимулах, с которыми сталкиваются женщины и мужчины при совершении преступления и которые определяют выгоды и издержки участия в незаконной деятельности. В исследовании, посвященном имущественным преступлениям, делалась попытка установить, существует ли гендерная разница в вероятности ареста (одна из издержек участия в преступлении) и в незаконном заработке (одно из преимуществ участия в преступлении), что помогло бы объяснить разницу в склонности к преступлениям. Используя данные о лицах с 1995 по 2015 гг., было установлено, что в среднем мужчины зарабатывают на 13 % больше, чем женщины, и вероятность ареста для них на 9 % выше. Кроме того, мужчины более активно реагируют на изменения в незаконных доходах (удвоение ожидаемых незаконных доходов увеличивает уровень преступности среди мужчин на 36 %, а среди женщин на 23 %), в то время как нет различий в реакции на изменения вероятности ареста (удвоение ожидаемой вероятности ареста снижает уровень преступности на 14 % как для женщин, так и для мужчин). Эти результаты частично объясняют, почему на криминальном рынке меньше женщин, чем мужчин [5]. Кроме того, наличие у женщины на иждивении детей, особенно маленьких, оказывает негативное влияние на решение об участии в преступной деятельности, вероятно, потому, что увеличивается угроза лишения свободы для матери [5].

Во-вторых, одна из потенциальных причин гендерного разрыва заключается в том, что при прочих равных условиях система правосудия относится к женщинам, обвиняемым в совершении преступления, более снисходительно, чем к мужчинам. Исследование, изучающее, существуют ли различия в вынесении приговоров в США между лицами, осужденными в одних и тех же районных судах, которые совершили один и тот же вид преступления и имеют одинаковую криминальную историю, обнаружило, что женщины получают более короткие сроки, чем мужчины, с меньшей вероятностью их приговоры будут скорректированы в сторону увеличения, и с большей вероятностью они не получат тюремного срока. Судьи и сотрудники полиции, как правило, более снисходительны к женщинам-преступницам, предоставляя таким образом женщинам преимущество с точки зрения ожидаемых издержек, связанных с преступным деянием.

Данные о преступности в Италии, Германии, Греции, Японии, Норвегии и Великобритании также свидетельствуют о том, что к женщинам-преступницам относятся более снисходительно, чем к мужчинам-преступникам [5]. При этом исследователями отмечается, что данная гипотеза требует более глубокого исследования (например, сравнительного анализа различных параметров – по видам совершенного преступления, наличию или отсутствию у виновной иждивенцев и др.).

В-третьих, традиционные представления о роли женщины в обществе ограничивают женскую девиантность. За девочками/девушками/женщинами более пристально наблюдают, особенно в течение того периода, когда происходит формирование их личности, и любое неподобающее поведение влечет за собой определенную реакцию, коррекцию. Готовность рисковать, поощряемая у мальчиков, пресекается у девочек. С раннего возраста социализация девочек направлена на большую степень сочувствия, понимания нужд других людей и развития навыков, которые помогут им в дальнейшем исполнять функции жен и матерей [1, с. 155]. При этом не существенно, что думают об этом женщины: важнее, что принятие мужчинами этих стереотипов ограничивает доступ женщин в преступный мир, во-первых, из-за более строгого контроля со стороны родителей и мужей, придерживающихся традиционных ценностей, и, во-вторых, из-за обесценивания женщин как потенциальных коллег по преступной деятельности.

Вместе с тем исполнение традиционных ролей может увеличивать вероятность вовлечения женщин в криминальную деятельность. Например, для жены, выполняющей традиционные функции, растет риск не только виктимизации, но и совершения убийства супруга. Аналогично, если женщины эмоционально зависимы, то мужчинам, принадлежащим к преступному миру, гораздо легче уговорить их совершить что-либо «во имя любви» [1, с. 158].

В-четвертых, немногочисленность женщин в верхних эшелонах бизнеса и политики резко сужает их возможности заниматься незаконными операциями с фиксированными ценами, финансовым подлогом и коррупцией. В преступных группировках нижнего класса женщины сталкиваются с еще более сильной профессиональной сегрегацией как в синдикатах, так и в менее структурированных объединениях. Точно так же, как и в законопослушном мире, женщины на криминальном рынке сталкиваются с дискриминацией, начиная от отбора и вербовки в преступные группировки и заканчивая обучением и особенно получением вознаграждения [1, с. 156].

Таким образом, существуют определенные факторы, влияющие на гендерный разрыв в преступности. Вместе с тем, отечественные и зарубежные криминологи отмечают тенденцию роста женской преступности в конце XX – начале XXI в., что предположительно говорит о повышении активности женщин в качестве субъекта преступления [5; 11, с. 3]. Одной из причин роста женской преступности (статистические данные США демонстрировали рост доли арестов женщин в течение 1960-х и 1970-х гг.), как утверждалось еще в 70-е гг. прошлого века отдельными исследователями, были успехи женского движения и борьба за равенство с мужчинами в публичной сфере [5; 11, с. 3; 12].

Некоторые исследователи приводят доводы в пользу другого механизма, который может способствовать росту женской преступности. Утверждается, что важен не просто гендерный разрыв в заработной плате (средняя почасовая

заработная плата работницы составляла около 80 % от средней заработной платы мужчины в США в 2000 г. по сравнению с примерно 60 % в 1960 г.)[1], но и относительное неравенство в распределении заработной платы между квалифицированными и неквалифицированными рабочими местами у работников разного пола [5]. Квалифицированные работники, как правило, совершают меньше преступлений, чем неквалифицированные работники, их заработная плата растет с течением времени, благодаря технологическим изменениям, повышению квалификации. Среди женщин больше работниц остаются в категории низкоквалифицированных работников, среди мужчин – меньше, мужчины активнее продвигаются на рынке труда. Заработок работницы с высокой квалификацией в результате «догоняет» заработок работника мужчины, таким образом неравенство в заработной плате у женщин увеличивается сильнее, следовательно, число преступлений, совершенных женщинами из низкооплачиваемых категорий (по сравнению с мужчинами), увеличивается.

Сокращение гендерного разрыва в преступности также может быть частично объяснено эффектом образования. Эмпирические данные за период с 2001 по 2016 гг., основанные на результатах реформы образования 2006 г. в Австралии, показывают, что реформа, направленная на повышение уровня обязательного образования, негативно повлияла на уровень преступности (особенно имущественных преступлений), но при этом масштабы для мужчин были более чем в два раза выше, чем для женщин, что способствовало сужению гендерного разрыва в преступности [5]. Аналогичные исследования в США показывают, что влияние еще одного года обучения на осуждение примерно в четыре раза выше у мужчин, чем у женщин [5].

Анализируя рост участия женщин в преступности в целом, следует отметить, что девочки и женщины не стали более жестокими сегодня чем в прошлом. На основании анализа данных шести стран (Канада, США, Великобритания, Финляндия, Норвегия, Швеция) были сделаны выводы, что участие женщин в совершении убийств уменьшилось или не изменилось. Доля женщин, приговоренных к лишению свободы, другой точный показатель тяжкого правонарушения, также не увеличивалась ни в одной из этих шести стран. Только в Соединенных Штатах и Великобритании увеличилась доля арестов женщин за имущественные нетяжкие преступления и доля привлеченных к суду женщин. Как предполагается, причиной является в первую очередь совершенствование методов контроля (например, повсеместное видеонаблюдение в тех сферах, где часто заняты женщины) [1, с. 148; 13], а также реформирование в системе вынесения приговоров в США, действие так называемой модели равного обращения, изначально нацеленной на вынесение одинаковых приговоров мужчинам, независимо от расы и общественного положения, обернувшейся для женщин ужесточением приговоров и удлинением сроков лишения свободы [14, с. 60].

Заключение

Роль женщины в обществе достаточно сильно изменилась за прошедшие сто лет. Женщины все более активно участвуют в выработке решений по всему

[1] Гендерный разрыв в оплате труда в РБ в 2019 году составил 26,9% по данным Белстат

спектру вопросов деятельности государства и общества, принимают активное участие в политической деятельности, бизнесе, культурной и научной сферах, все чаще становятся единственными кормильцами в семье. При этом в сфере в первую очередь женской ответственности по-прежнему остаются вопросы заботы о семье и детях [7].

Исторически обусловленное место женщины в системе общественных отношений, ее социальная роль, биологические особенности обуславливают особенности женской преступности, которая имеет относительно постоянный небольшой удельный вес в общей структуре преступности. Женщины меньше участвуют в криминальной деятельности, чем мужчины, потому что:

размер преступного заработка у мужчин выше, и поэтому у женщин меньше стимулов заниматься преступной деятельностью;

женщины, у которых есть маленькие дети, гораздо осторожнее относятся к девиантной деятельности из-за опасений лишиться свободы;

замужество, проживание с сожителем-партнером в силу устоявшихся в обществе взглядов на роль мужчины-добытчика снижает потенциальную возможность женщины к совершению преступления;

система правоохранительных и судебных органов в целом более снисходительна к женщинам-правонарушителям.

Вместе с тем более широкое участие женщин на рынке труда, в экономической деятельности, сближение социальных ролей женщин и мужчин, снижение числа браков и деторождений способствуют увеличению участия женщин в преступной деятельности, не связанной с насильственной преступностью.

Список цитированных источников

1. Шели, Д. Криминология / Д. Шели. – СПб. : Питер, 2003. – 864 с.
2. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступление толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 391 с.
3. Молев, Г. И. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе [Электронный ресурс] / Г. И. Молев, М. С. Анисимова. – Режим доступа: http://esj.pnzgu.ru. – Дата доступа: 20.08.2022.
4. Долгова, А. И. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 912 с.
5. Campaniello, N. Women in crime [Электронный ресурс] / N. Campaniello. – Режим доступа: https://wol.iza.org/articles/women-in-crime. – Дата доступа: 20.08.2022.
6. Алексеева, Е. А. Современные тенденции развития женской преступности в России / Е. А. Алексеева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25, № 1 (80). – С. 105–112.
7. Волкова, А. С. О некоторых современных тенденциях женской преступности в России [Электронный ресурс] / А. С. Волкова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-sovremennyh-tendentsiyah-zhenskoy-prestupnosti-v-rossii. – Дата доступа: 20.08.2022.
8. Серебрякова, В. А. Преступления, совершаемые женщинами / В. А. Серебрякова. – М., 1973. – 107 с.
9. Пархоменко, С. В. Развитие знаний о женской преступности и ее современное состояние в России [Электронный ресурс] / С. В. Пархоменко, Д. В. Синьков. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-znaniy-o-zhenskoy-prestupnosti-i-ee-sovremennoe-sostoyanie-v-rossii. – Дата доступа: 20.08.2022.

10. Кунц, Е. В. Тенденции преступности женщин и исполнения в их отношении наказания в виде лишения свободы / Е. В. Кунц // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 10. – С. 15–20.

11. Чернышкова, Л. Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. Ю. Чернышкова. – Саратов, 2012. – 30 с.

12. Islam, M. J. Theories of Female Criminality: A criminological analysis [Электронный ресурс] / M. J. Islam, S. Banarjee, N. Khatun. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/334113027. – Дата доступа: 15.07.2022.

13. Schwartz, J. A «New» Female Offender or Increasing Social Controlof Women's Behavior? Cross-National Evidence [Электронный ресурс] / J. Schwartz. – Режим доступа: https://s3.wp.wsu.edu/uploads/sites/274/2014/11/Schwartz_FemStudies_2013_new-female-offender-or-increasing-social-control-of-womens.pdf. – Дата доступа: 15.09.2022.

14. Дейли, К. Феминизм и криминология / К. Дейли, М. Чесни-Линдт // Проблемы конституционализма : сб. науч. тр. / Бел. центр конституционализма и сравнительно-правовых исследований. – Минск, 1998. – Вып. 3. – С. 55–60.

Аннотация. В настоящее время исследование специфики женской преступности представляется актуальным, поскольку постоянно изменяющиеся социальные и экономические условия обусловливают преобразование структуры и характера женской преступности. В статье автором анализируется гендерный разрыв в преступности и причины его сокращения.

ON THE GENDER GAP IN CRIME

Rocheva E.A.

Keywords: female crime, criminological characteristics, gender gap, structure of crime, crime dynamics, criminal earnings, social characteristics.

Abstract. Currently, the study of the specifics of women's crime seems relevant, since constantly changing social and economic conditions cause the transformation of the structure and nature of women's crime. In the article, the authors analyze a gender gap in the crime market.

УДК 343.9.018

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Русецкий О.В.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная практика, методология, криминологическое исследование, мониторинг, оценка.

Введение

Планирование и осуществление результативной борьбы с преступностью предполагает постоянное отслеживание и анализ ее криминологических показателей, изучение социальных процессов и явлений, влияющих на ее распространение, а также реализуемых антикриминальных мер правового

характера, отражающихся в практике правоприменения. Последний из указанных выше элементов системы мониторинга преступности приобретает особенно важное значение в условиях динамично меняющегося законодательства. Это должна быть взаимосвязанная информационно-аналитическая деятельность правоохранительных органов и научных организаций, должным образом научно обоснованная и надлежаще обеспеченная в организационном плане. В повышении ее эффективности важную роль играет построение непротиворечивой теоретической основы отбора, анализа и оценки соответствующей информации, а также создание практических механизмов ее систематического исследования, внедрения полученных результатов.

Основная часть

Содержание понятия «правоприменение» неоднократно подвергалось анализу представителями юридической науки. В этой связи высказано немало позиций исследователей, наделяющих данный термин различными характеристиками и признаками в теоретико-правовом и прикладном контексте. В последнем случае правоприменение ограничивается рамками деятельности субъектов, компетентных выносить индивидуально-конкретные предписания на основании юридических фактов и норм права. В законодательстве Республики Беларусь правоприменение (правоприменительная деятельность) понимается как деятельность государственных органов и должностных лиц по принятию специальных решений в целях возникновения, изменения и прекращения правоотношений на основе действующего права [1].

Исходя из системного теоретико-правового подхода к сущности понятия «правоприменение», оно может быть рассмотрено как комплексная правореализационная деятельность, ее особая специфическая форма, органически взаимосвязанная с иными формами реализации права, процессуально обеспеченная и обладающая неотъемлемым признаком властной компетенции и организующей направленности, а также функционально ориентированная на конкретизацию и индивидуализацию правовых норм на основе соблюдения законности.

Данное комплексное определение включает ряд сущностных признаков рассматриваемой формы реализации права, в частности:

правоприменение предполагает властно-организационную деятельность государства в лице его компетентных органов, через которую происходит процесс упорядочивания общественных отношений и установление четких и однозначных организационных и функциональных начал взаимоотношений между разнообразными субъектами правоотношений;

правоприменение осуществляется во взаимосвязи с другими формами реализации права, требует сопровождения деятельностью других субъектов социальных отношений по исполнению, соблюдению и использованию нормативных положений;

правоприменение осуществляется в особых процедурных формах, установленных процессуальными нормами, представляет собой определенный процесс, включающий набор точно и четко определенных последовательных стадий;

правоприменение всегда сопровождается вынесением индивидуально-определенного правового акта, так называемого акта применения права, который исходит от соответствующего субъекта правоприменения.

Правоприменение находит свое отражение в границах конкретных правоотношений, именуемых правоприменительными [2]. Их участники, «претворяя в жизнь» нормы позитивного права, формируют правоприменительную практику.

Исследование правоприменительной практики реализуется в различных формах, имеющих специфику целей, организации и исполнения. К таким формам можно отнести реализуемые на практике мониторинговые исследования права, экспертизу правоприменения, ведомственные обобщения, научный анализ.

Мониторинг правоприменения является наиболее широкой категорией, как правило, объединяющей исследовательскую деятельность не только в отношении конкретно индивидуальных предписаний, но и правовой системы в целом. Одной из первых попыток раскрыть его содержание является дефиниция, опубликованная в материалах Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение», которая состоялась 23 июня 2003 г. и в резолюции которой отмечалось, что «мониторинг правового пространства и правоприменительной практики – это система оценки, анализа и прогноза состояния и динамики законодательства и практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законодательного процесса, должностных лиц исполнительных, судебных и иных органов и уровней власти, институтов гражданского общества и в конечном счете граждан» [3]. В современном законодательстве Российской Федерации мониторинг правоприменения рассматривают как комплексную и плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных нормативных правовых актов. Функции по проведению мониторинга осуществляются федеральными органами исполнительной власти [4]. В Республике Беларусь деятельность по систематическому анализу и оценке практики правоприменения является составной частью правового мониторинга (ст. 75 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130–З «О нормативных правовых актах»).

Упоминание об экспертизе правоприменительной практики носит в литературе фрагментарный характер, имеет место ее характеристика как элемента экспертизы законодательства [5]. Вместе с тем в научных исследованиях существует точка зрения о значимости и необходимости придания самостоятельного характера данному виду исследований правоприменения [6]. Возможности экспертизы правоприменительной практики в большей мере раскрываются применительно к институтам исполнительной и судебной государственной власти. Следует отметить, что проведение данной экспертизы в сущностном ракурсе неотделимо от прокурорской деятельности, связанной с оценкой законности актов и решений (действий) государственных органов. Она наиболее актуальна в отношении актов правоприменения, затрагивающих контрольные, разрешительные, регистрационные, юрисдикционные полномочия органов государственной власти (местного самоуправления).

Ведомственные обобщения правоприменительной практики прежде всего направлены на совершенствование организации и функционирования самого субъекта правоприменения. К основным критериям оценки этого вида исследования правоприменения относятся: единообразие и эффективность реализуемых полномочий, степень их соответствия целям создания соответствующего элемента государственной системы. Функции по изучению и обобщению правоприменительной практики закрепляются в законодательстве, например в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [7]. Данные исследования имеют преимущественно специализированный характер, ограниченный в соответствии с целями и конкретными задачами рамками изучаемого периода. Аналитическая информация правоохранительных органов закономерно ориентирована прежде всего на анализ собственной функциональной деятельности.

В ходе научных комплексных исследований правоприменительной практики достигаются цели, связанные с развитием теоретических представлений о правотворчестве, системности нормативных правовых актов, правореализационном и правоприменительном процессе. Практическими результатами таких исследований являются не только предложения по оптимизации положений законодательства, но и в целом по совершенствованию (коррекции) закладываемых в позитивное право подходов к регулированию общественных отношений (государственной политики).

Таким образом, исследование правоприменения необходимо для решения определенного круга научных и практических задач. Теоретической основой реализации, обоснованием целесообразности и социальной эффективности данного направления исследовательской деятельности выступает диалектический подход, предполагающий познание социально-правовых явлений в развитии. Опираясь на выявляемые особенности внесистемных и внутренних социальных процессов, он позволяет определить актуальные потребности в коррекции регулирования общественных отношений (например, в криминализации и декриминализации социально значимого поведения). Назначением диалектической методологии в рассматриваемом контексте является исследование правореализационной деятельности в динамике, во взаимосвязи (детерминизм) с иными государственно-правовыми и социальными процессами и явлениями, в условиях качественной определенности их свойств и прогнозируемости последствий при изменении внешних и внутренних факторов влияния. Диалектико-материалистические установки и принципы воплощаются в организации и регуляции комплексных и специфических функций субъектов правоприменения и, соответственно, служат развитию способов их оценки и совершенствования.

Для практического исследования правоприменительной практики применима социологическая методология, которая, по мнению В.П. Малахова, (вместе с формально-логической и диалектической) относится к базовым научным подходам теории государства и права. Их единство обеспечивает необходимую глубину и требуемую полноту теоретического знания о праве и государстве и с точки зрения их сущности, и с точки зрения их проявлений [8].

Реализация правовых норм происходит благодаря конкретным действиям субъектов. По мнению Д.А Пашенцева, нормы становятся правом, реализуясь

в действиях конкретных людей, правосознание которых и определяет результат этой реализации. Поэтому именно субъект права с присущим ему правосознанием должен занимать одно из центральных мест в теоретико-правовых исследованиях [9].

Социологический метод, применяемый в рамках диалектического подхода, направлен на конкретизацию тенденций и особенностей действия социальных факторов, вызвавших появление и определяющих развитие определенного правового института, подхода либо модели правового регулирования. В основу социологической методологии положены позитивистские философские установки. Она направлена на выявление закономерностей и особенностей правоприменения, имеющих массовый характер, с помощью спектра соответствующих методов (контент-анализ, опросы и др.), обеспечивает получение дифференцированного (детализированного) знания, а также построение моделей исследуемых отношений.

Научное исследование правоприменения предполагает формирование спектра целей и задач исследовательской деятельности в рамках той или иной отрасли знаний. Вместе с тем для данного вида исследования правоприменения объективно прослеживается междисциплинарность, в том числе обусловленная обязательным присутствием базового теоретико-правового элемента в системе научного поиска.

В рамках криминологии исследование правоприменения осуществляется в целях: оценки стратегий антикриминальной деятельности, концепций, положенных в их основу; контроля развития криминальной ситуации и работы по ее улучшению; выработки либо коррекции мер криминологической политики, превенции криминального и связанного с ним иного девиантного поведения.

Задачами криминологического исследования правоприменения являются:

– анализ информации на предмет выявления особенностей состояния и негативных тенденций развития криминальной ситуации;

– изучение актов правоприменения с целью выявления дополнительных источников криминализации общества (например, коррупционного характера);

– определение соответствия содержания и направленности актов правоприменения заложенным в праве (превентивным, восстановительным, воспитательным и др.) целям правового регулирования;

– анализ полноты и эффективности предпринимаемых в соответствии с актами правоприменения мер;

– разработка концептуальных, правовых либо организационных мер по предупреждению и противодействию преступности, минимизации ее негативных последствий.

В рамках описанной выше методологии объектом исследования в рассматриваемом контексте является развивающаяся правоприменительная деятельность во взаимосвязи с иными формами реализации права, субъектами такой реализации. Предметом – акты правоприменения субъектов профилактики правонарушений, органов правоохранения и судебной системы, вынесение которых предусмотрено законодательством об уголовной и административной ответственности, нормативными правовыми актами в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности, борьбы с преступностью и судебно-экспертной деятельности (акты, приказы, справки, представления, постановления и др.).

Эффективность осуществляемых на практике криминологических исследований правоприменения, теоретическая и практическая ценность их результатов связана с различными факторами, среди которых можно выделить: актуальность анализируемых вопросов, полноту охвата массива правоприменительных актов, в том числе в темпоральном ракурсе, глубину и качество проводимого анализа, фактологическую обоснованность оценки.

В систему криминологической оценки правоприменительной практики целесообразно включать следующие базовые критерии:

– степень обеспечения актами правоприменения верховенства права, законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов;

– соответствие актов правоприменения основным направлениям и содержанию государственной политики в области противодействия преступности, актам текущего планирования борьбы с преступностью (стратегий и программ по борьбе с преступностью, решений координационных совещаний, коллегий и др.);

– соотношение практических задач правового регулирования превентивного (восстановительного, воспитательного, информационного, идеологического) и иного криминологического характера и результатов их реализации в ходе правоприменительной деятельности;

– соответствие актов правоприменения социальным отношениям в исследуемой сфере, в том числе изменившимся вследствие факторов, не учтенных действующим законодательством.

Данные критерии преимущественно формируют основу для выводов о необходимости изменения подходов в правовом регулировании общественных отношений. Предложения по совершенствованию организационных механизмов практики правоприменения формируются вследствие оценки по следующим критериям:

– своевременность и качество подготовки актов правоприменения, их соответствие установленным законодательством требованиям по содержанию и порядку введения в действие;

– направленность актов правоприменения на устранение реальных причин и условий противоправного или иного девиантного поведения;

– адекватность правовых оценок (квалификаций) спорных ситуаций;

– принятие правовых мер реагирования на основе достоверно установленных обстоятельств;

– соответствие характера правонарушений зафиксированным в акте правоприменения мерам реагирования;

– обеспечение гласности и объективности в деятельности правоприменителей.

В зависимости от целей проводимого исследования, особенностей функциональных полномочий субъекта правоприменения, а также специфики анализируемых вопросов могут быть выделены и иные (специальные) критерии криминологической оценки.

Применение изложенных выше критериев необходимо для надлежащего криминологического понимания сущности, направленности, особенностей и тенденций осуществляемой правореализационной деятельности. Интерпретация полученных данных происходит на основе представлений

о детерминации преступности, рассмотренных выше сущностных и содержательных характеристиках правоприменения.

Заключение

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что своевременное выявление негативных процессов, определение вероятности угроз возникновения детерминирующих преступность обстоятельств, прогнозирование их развития является основой создания системных мер контроля правонарушающего поведения, а также определения степени эффективности уже реализованных мер по борьбе с преступностью. Предназначение криминологического исследования правоприменения заключается в применении его возможностей для обеспечения надлежащей глубины и качества научного познания в криминологии. В совокупности с иными результатами исследовательской работы специалиста-криминолога это формирует основу для адекватного прогнозирования ситуации, своевременного принятия оптимальных решений по корректировке, планированию и осуществлению мер антикриминальной деятельности.

Список цитированных источников

1. Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов II ступени высшего образования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 сент. 2014 г., № 145 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Видманкин, А. П. К вопросу о понятии и юридических свойствах правоприменения как особой формы реализации права / А. П. Видманкин // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – 2017. – № 1 (27). – С. 87–91.

3. Арзамасов, Ю. Г. Понятие и функции мониторинга нормативных актов / Ю. Г. Арзамасов, Я. Е. Наконечный // Гос. власть и мест. самоуправление. – 2007. – № 10. – С. 35–39.

4. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 20 мая 2011 г., № 657 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

5. Дементьев, А. Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации : монография / А. Н. Дементьев, О. А. Дементьева, В. Н. Бондарь. – М. : НОРМА, 2020. – 232 с.

6. Загваздин, А. А. Экспертиза правоприменительной практики как способ установления обратной связи правоприменения с правотворчеством / А. А. Загваздин // Науч.-практ. исследования. – № 12-1 (35). – 2020. – С. 23–26.

7. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права / В. П. Малахов // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 2–17.

9. Пашенцев, Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности / Д. А. Пашенцев // Журн. рос. права. – 2020. – № 8. – С. 5–13.

Аннотация. В статье представлена позиция автора, раскрывающая содержание понятия «правоприменение», сущностные признаки рассматриваемой формы реализации права. С учетом особенностей формирования целей, специфики организации и исполнения выделены и раскрыты сложившиеся на практике и декларируемые в литературе формы

исследования правоприменительной практики. Изложено мнение о методологической основе исследований практики правоприменения. Выделены особенности, обозначены цели, задачи, объект и предмет данного направления научной работы в криминологии. В развитие данных положений определены критерии криминологической оценки правоприменительной практики.

METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH AND CRITERIA OF CRIMINOLOGICAL ESTIMATION PRACTICE OF APPLICATION OF THE LAW

Rusetsky O.V.

Keywords: practice of application of the law, methodology, criminological research, monitoring, criminological estimation.

Abstract. In article the position of the author opening the maintenance of concept «Law application activity», intrinsic signs of the considered form of realization of the right is presented. Taking into account features of formation of the purposes, specificity of the organization and execution are allocated and opened combined on practice and forms of research declared in the literature Law application activity experts. The opinion on a methodological basis of researches of practice Law application activity is stated. Features are allocated, the purposes, problems, object and a subject of the given direction of scientific work in criminological researches are designated. In development of the given positions criteria criminological estimations Law application activity experts are defined.

УДК 351.75

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Сидоренко Д.О., Сидоренко Е.О.

Ключевые слова: видеонаблюдение; пожилой возраст; нарушение здоровья; долгосрочный уход; насилие; раскрытие преступлений.

Введение

В науке отсутствует однозначное определение понятия старости и пожилого возраста. Старение влечет за собой биологические и социальные изменения (приобретение статуса пенсионера, т. е. новой социальной роли), а также изменения на психологическом уровне, вызванные осознанием необратимости происходящих перемен. Физиологические, социальные и психологические трансформации жизни пожилых людей нередко приводят к повышению их виктимизации, обуславливают повышенный интерес к ним со стороны преступников. Предупреждение такой преступности (против незащищенной группы населения) определяет уровень нравственного состояния общества и является одной из основных задач современного общества и государства. Понятие предупреждения преступности является важнейшей категорией криминологической теории и в целом определяется как система

государственных и общественных мер, направленных на устранение или ослабление причин и условий преступности и усиление антикриминогенных факторов [1, с. 49].

Основная часть

Для человека очень важно испытывать чувство безопасности, значение которого с достижением преклонного возраста только возрастает. В пожилом возрасте у людей с большей вероятностью наблюдается снижение памяти, когнитивных способностей, физической силы, ловкости, ухудшение зрения и слуха, что само по себе делает их более уязвимой частью социума. Потребность в безопасности в иерархической модели потребностей человека, представляющей собой упрощенное изложение идей американского психолога Абрахама Маслоу, занимает второе место, опережает лишь потребность в удовлетворении физиологических потребностей (например, таких как голод, жажда) [2].

Одной из основных болезней, приводящей к зависимости среди людей пожилого и старческого возраста во всем мире признана деменция – синдром, при котором происходит деградация памяти, способности мыслить, ориентироваться, рассуждать и т. д., а самой распространенной причиной деменции выступает болезнь Альцгеймера. Помимо деменции, с возрастом прогрессирует количество людей, страдающих сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, остеоартритом, потерей зрения, слуха и т. д. Все это ограничивает их мобильность, может оказывать крайне негативное влияние на психологическое, эмоциональное состояние, а зачастую приводит к снижению социального и финансового статуса в обществе. При наличии серьезных проблем со здоровьем таким людям требуется та или иная форма долгосрочного ухода, организация которого, как правило, ложится на плечи членов семьи, родственников или друзей. У занятых в экономике людей трудоспособного возраста обычно недостаточно свободного времени на полноценную заботу о пожилом члене семьи или родственнике, в некоторых случаях положение осложняется проживанием в других городах или странах. Зачастую отсутствует финансовая возможность нанять квалифицированную сиделку, способную обеспечить должный круглосуточный уход. Наряду с этим обоснованными являются опасения впустить в дом незнакомого человека и вверить ему жизнь близкого, сохранность имущества. Существует вероятность, что он может иметь склонность к кражам, приему наркотических веществ или алкоголя.

Во многих странах наблюдается рост преступности в отношении лиц престарелого возраста. Чаще всего престарелые люди становятся жертвами ограблений. Многие криминалисты сходятся во мнении, что склонность грабителей нападать на самых беспомощных объясняется морально-нравственной деградацией, вызванной длительным употреблением наркотиков. Наркоманы, как правило, боятся физического сопротивления, при этом пожилым людям обычно труднее описать полиции приметы нападавшего. Ко всему прочему во многих странах пенсионеры имеют привычку откладывать деньги на «черный день» и хранить их дома; это привлекает злоумышленников, которые входят в доверие, зачастую выдавая себя за работников социальной службы, совершают хищения.

Все перечисленное выше позволяет сделать вывод о том, что люди по мере старения нуждаются в дополнительных гарантиях защиты со стороны государства. Помимо социальных служб, общественных объединений важное место занимают органы прокуратуры и осуществляемая ими профилактическая и надзорная деятельности в этом направлении. По нашему убеждению, возраст как самостоятельная уголовно-правовая категория заслуживает особого внимания, в связи с чем наличие в уголовном законе нормы об ответственности за жестокое обращение с лицами пожилого возраста является превентивной мерой против совершения преступлений в отношении данной возрастной группы.

В современных реалиях составляющей системы безопасности людей пожилого и преклонного возраста могут служить технологические решения, такие как установка систем видеонаблюдения в совокупности с датчиками задымленности, утечки газа или проникновения нежеланных гостей и иными системами. По нашему мнению, с течением времени будет наблюдаться значительный рост их использования в описанных целях, что обусловлено и развитием IT технологий в республике, и экономической доступностью видеокамер для большинства слоев населения, возможностью осуществлять наблюдение с любой точки мира и вовремя среагировать на опасность, вызвав скорую помощь, милицию (полицию) либо другие службы. С помощью современных технологий родственники смогут реагировать на падения, неестественное, в том числе слишком эмоциональное, поведение пожилого человека, пропуск приема лекарств, а также проследить за нахождением посторонних в квартире.

Известны случаи применения персоналом рукоприкладства, морального унижения в отношении подопечных многочисленных заведений, специализирующихся на уходе за престарелыми людьми по всему миру. Видеоматериалы, полученные с использованием скрытых камер видеонаблюдения, периодически просачиваются на просторы Интернета. Но не только проблема жестокого обращения становится поводом для дополнительного наблюдения за престарелыми людьми. Например, в домах престарелых также часто сталкиваются с тем, что пожилые люди падают в обморок и в этой связи нуждаются в скором оказании им помощи, в таких ситуациях частные дома престарелых используют модуль «детектор оставленных предметов», определяющий не только объекты, но и людей, если они будут лежать неподвижно на полу. Данный модуль основан на искусственном интеллекте и способен распознать даже падение с кровати либо со стула, а также неполное падение, если человек поскользнулся и упал с небольшой высоты или потерял сознание и сполз вниз по стене. Также соблюдается режим конфиденциальности при осуществлении определенных гигиенических и медицинских процедур, которые необязательно видеть родственникам, с помощью наложения маскировки при помощи модуля «маскирование зон». «Детектор звуковых событий» поможет в самые напряженные моменты: если раздастся крик, не нужно проверять каждую комнату, вы уже будете знать, откуда идет звук, и кто находится в этой комнате. Также модуль распознает звуки разбития стекла. По умолчанию запись, сделанная камерой видеонаблюдения, не является носителем персональных данных. Но ситуация меняется, если вы подключите систему face recognition.

Появляется возможность однозначно идентифицировать человека по видео, и в силу вступает Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных».

Но многие ли престарелые люди хотят жить под постоянным надзором, не будет ли это являться вмешательством в их частную жизнь? Возможно ли осуществлять контроль с использованием систем видеонаблюдения за престарелым родственником, а также за лицом, нанятым для осуществления функций сиделки, без их ведома? И каким образом относиться к согласию престарелого лица, страдающего, например, деменцией на применение средств видеоконтроля? Сразу обозначим, что в Республике Беларусь негласное применение технических средств контроля допускается лишь для должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 2 ст. 9, ч. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [3]. Инициатор посредством установления системы видеонаблюдения получает доступ к информации о личной жизни физического лица и его персональным данным. Право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство задекларировано в ст. 28 Конституции Республики Беларусь, далее в ней говорится, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [4].

Информация о частной жизни физического лица и персональные данные отнесены к одной и той же категории информации – информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (абз. 2 ч. 1 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455–З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) [5]. С принятием данного Закона определение персональных данных было закреплено на законодательном уровне: персональные данные – основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо (абз. 24 ст. 1 Закона об информации) [5]. Таким образом, Закон об информации дал расширенную формулировку «и иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо», что свидетельствует о том, что белорусское законодательство распространяет свое действие на любую информацию, способную идентифицировать определенное лицо. Впоследствии, в целях обеспечения защиты персональных данных прав и свобод физических лиц при обработке персональных данных 7 мая 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь № 99–З «О защите персональных данных» [6], согласно абз. 2 ст. 1 которого для уникальной идентификации человека используются биометрические персональные данные: отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение, др.

В то же время определение «информация о частной жизни» до настоящего момента законодательно не закреплено.

Г.Б. Романовский считает, что частная жизнь охватывает круг неформального общения, вынужденные связи (с адвокатами, врачами, нотариусами и т. д.), собственно внутренний мир человека (личные переживания, убеждения, быт, досуг, хобби, привычки, домашний уклад, симпатии), семейные связи, религиозные убеждения [7, с. 63–65]. По мнению

Н.А. Савановича, право на уважение частной жизни состоит из общего запрета на вмешательство при соблюдении некоторых критериев общественных интересов, которые могут оправдывать вмешательство в определенных случаях [8].

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 73/179 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» от 17 декабря 2018 г. содержится призыв ко всем государствам рассмотреть вопрос о разработке или продолжении и обеспечении выполнения на основе сотрудничества со всеми соответствующими заинтересованными сторонами, включая гражданское общество, надлежащего законодательства, предусматривающего эффективные санкции и соответствующие средства правовой защиты, для защиты людей от нарушений и ущемлений права на неприкосновенность частной жизни, заключающихся в противоправном и произвольном сборе, обработке, хранении или использовании персональных данных физическими лицами, правительствами, коммерческими предприятиями и частными организациями (подп. «f» п. 6) [9].

Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляется с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами (ч. 2 ст. 18 Закона об информации) [5]. Требование о получении согласия устанавливает ст. 5 Закона о защите персональных данных. Оно может быть получено в письменной форме, в виде электронного документа или в иной электронной форме. В любой форме оно должно быть свободным, однозначным и информированным выражением его воли [5]. Таким образом, организация видеонаблюдения должна быть гласной, лицо, нуждающееся в уходе, равно как и нанятая сиделка должны быть об этом надлежаще уведомлены.

Полагаем, что удобной формой получения согласия лица, привлекаемого для осуществления ухода (например, сиделки), является включение в договор условия о наличии в помещении системы видеонаблюдения (до начала их применения) с учетом норм законодательства в сфере защиты персональных данных. При составлении договора полезно руководствоваться разъяснениями по вопросу использования системы видеонаблюдения в трудовых отношениях, содержащимися в п. 7 Рекомендаций об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью [10], разработанных Национальным центром защиты персональных данных (уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных) на основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» [11]. В частности, согласно гл. 7 в том числе рекомендовано предоставлять информацию о цели видеонаблюдения, месте размещения камер и пространстве, которое они охватывают, сроке хранения видеозаписи и иной информации, необходимой для обеспечения прозрачности процесса обработки персональных данных [10].

Посетители жилого помещения также должны быть проинформированы о ведущемся видеонаблюдении с помощью специальных информационных знаков (табличек), размещенных в местах, где оно непосредственно ведется. Полагаем, что наличие подобной таблички послужит и своего рода предостережением для криминального элемента.

Что же касается вопроса получения согласия от пожилого (престарелого) лица, в целях безопасности которого собственно и производится установка систем видеонаблюдения в жилом помещении, в некоторых случаях существует пробел в правовом регулировании данного вопроса. В лучшем случае нуждающийся в уходе пожилой (престарелый) человек осознает пользу установки систем видеонаблюдения и выражает свое согласие, которое может оформить в письменном виде. Однако, как правило, родственники задумываются установить видеонаблюдение на этапе, когда уже имеются значительные проблемы с физическим либо психическим здоровьем пожилого (престарелого лица), и оно уже не осознает многие свои действия. Конечно, гражданина, который вследствие психического расстройства (заболевания) не в состоянии понимать значение своих действий или руководить ими, суд может признать недееспособным в порядке, установленном ст. 373–375 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь по заявлению членов его семей, а в случае их отсутствия – по заявлению близких родственников либо по заявлению прокурора, органа опеки и попечительства, психиатрической (психоневрологический) организации [12]. В таком случае уже законный представитель дает согласие на обработку персональных данных, в частности, в случае признания субъекта персональных данных недееспособным или ограниченно дееспособным (ч. 2, 3 п. 9 ст. 5 Закона о защите персональных данных) [6]. Однако в повседневной жизни по объективным и субъективным причинам небольшое количество граждан найдет время для юридического оформления всех моментов, связанных с получением согласия либо признания недееспособным лишь для возможности вести наблюдение с целью ухода и обеспечения безопасности престарелого члена семьи.

Принимая во внимание общеизвестный факт о так называемом «старении населения» – увеличении продолжительности жизни, основываясь на прогнозе Всемирной Организации Здравоохранения, согласно которому общее число людей с деменцией составит около 82 миллионов человек в 2030 г. и 152 – к 2050 г. [13], данный вопрос в перспективе будет подниматься все чаще, и актуальность его решения будет только возрастать.

Заключение

Более широкое внедрение систем видеонаблюдения в целях обеспечения безопасности лиц пожилого и престарелого возраста и особенно нуждающихся в уходе либо одиноко проживающих будет способствовать их безопасности, благополучию, но в то же время потребует более детального правового регулирования.

В учреждениях, специализирующихся на уходе за престарелыми людьми (пансионаты, дома престарелых), системы видеонаблюдения, по нашему мнению, могут применяться в целях обеспечения общественного порядка, безопасности подопечных, контроля за состоянием здоровья престарелых пациентов и деятельностью персонала.

Список цитированных источников

1. Мирошниченко, И. С. Некоторые аспекты предупреждения преступлений в отношении лиц пожилого возраста / И. С. Мирошниченко // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2013. – № 4 (36). – С. 48–52.

2. Пирамида потребностей по Маслоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 15.09.2022.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307–З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2001, № 88-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 4 марта 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455–З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.05.2021, № 120–З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99–З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022, № 175–З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. – М. : МЗ-Пресс, 2010. – 312 с.

8. Саванович, Н. А. К вопросу о соотношении информации о частной жизни и персональных данных [Электронный ресурс] / Н. А. Саванович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху [Электронный ресурс] : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 17 дек. 2018 г., 73/179 [по докладу Третьего комитета (A/73/589/Add.2)]. – Режим доступа: https://www.google.com/search?q=%D0%92+%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%2+%D0%A0%8F+2018&aqs=chrome..69i57.1461j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8. – Дата доступа: 15.09.2022.

10. Рекомендации об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью [Электронный ресурс] : подготовлены 18 янв. 2022 г. Нац. центром защиты персональных данных Респ. Беларусь : в ред. от 02.08.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. О мерах по совершенствованию защиты персональных данных [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 окт. 2021 г., № 422 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

12. Гражданско-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

13. Деменция. Всемирная организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia. – Дата доступа: 09.08.2022.

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования порядка внедрения систем видеонаблюдения с целью предотвращения преступлений в отношении людей пожилого возраста (таких как: мошенничество, кража, в первую очередь, в отношении одиноко проживающих пожилых людей), а также предотвращения любых форм насилия и негуманного обращения в местах проживания (пребывания) людей пожилого возраста, нуждающихся в уходе. Исследованы принципы и правовое регулирование в сфере защиты персональных данных. Информация может быть полезна для совершенствования правовой базы в области защиты прав наиболее уязвимой части общества, а также при расследовании преступлений.

THE USE OF VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS FOR THE PURPOSE OF CRIME PREVENTION AGAINST OLDER PEOPLE

Sidorenko D.O., Sidorenko E.O.

Keywords: video surveillance; elderly age; health disorder; long term care; violence; disclosure of crimes.

Abstract. The article analyses the problem of the legal regulation of the installing of the video surveillance systems in order to prevent frauds, thefts and other crimes against elderly people living alone. Also the question of the prevention of all forms of the violence and inhumane treatment in the places of residence of elderly people were discussed. The principles and legal regulation in the field of personal data protection were investigated too. The necessity of good-quality legislation to provide international human rights standards was noted. This information can be useful for improving the legislation in the field of protecting the rights of the most vulnerable part of society, as well as in the investigation of crimes.

УДК 343.98

СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Третьяков Г.М.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступность, компьютерная техника, информационные технологии, расследование.

Введение

В современном мире информатизация общественных отношений является ключевым фактором их развития. Она обуславливает значительные изменения, которые происходят как в материальной, так и духовной сферах человеческой деятельности. Развитие информационных технологий и масштабы их использования растут быстрыми темпами, что вызвано как внутренними, так и внешними причинами, обусловливающими все большую востребованность использования информационных технологий. Данная эволюция происходит как закономерным образом, так и в силу исключительных обстоятельств, с которыми сталкивается общество.

Исследованию различных аспектов проблем противодействия преступлениям, совершаемым с использованием компьютерной техники и информационных технологий, в разные годы было посвящено значительное количество работ как белорусских, так и зарубежных авторов.

Однако вследствие динамического развития рассматриваемого вида преступности на сегодняшний день в Республике Беларусь и за рубежом наблюдается необходимость совершенствования научных разработок, посвященных криминалистическому обеспечению расследования преступлений,

совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий. В связи с этим исследование данной проблемы, по мнению автора, отвечает настоятельным потребностям теории и практики криминалистики.

Основная часть

Как отмечает Н.П. Яблоков, «должная и объективная оценка значимости криминалистической характеристики для криминалистической теории и практики, прежде всего, объясняется ее важной ролью в познании криминалистически значимых черт (свойств) различных видов преступлений, позволяющих наиболее целенаправленно собрать доказательства и успешно решить задачи раскрытия и расследования любых преступлений» [1, с. 25].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о структуре криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, следует рассмотреть вопрос конкретизации видов рассматриваемых преступлений.

Следует отметить, что перечень данных преступлений весьма широк и постоянно пополняется. Как отмечает Н.И. Костенко, «в уголовно-правовой науке все еще не существует четкого определения понятия компьютерных преступлений, дискутируются различные точки зрения по их классификации. Сложность в формулировках данного понятия обусловлена невозможностью выделения единого объекта преступного посягательства и множественностью предметов преступных посягательств с точки зрения их уголовно-правовой охраны» [2, с. 19].

В сложившейся практике под компьютерными преступлениями понимаются прежде всего преступления, предусмотренные гл. 31 УК Республики Беларусь «Преступления против компьютерной безопасности», которая объединяет 5 составов преступлений, а также хищение имущества путем модификации компьютерной информации, ответственность за которое установлена ст. 212 УК. Однако отмечается, что в связи с развитием технической базы и расширением возможностей информационных технологий необходимо рассмотрение компьютерных преступлений в более широком спектре [3, с. 44].

В этой связи задачей в рамках разработки криминалистического обеспечения расследования является необходимость формулировки криминалистически значимых признаков преступления, совершаемого с использованием компьютерной техники и информационных технологий, и криминалистическая классификация спектра преступлений, предметом или средством (орудием) совершения которых являются информация, информационные технологии и компьютерная техника.

Причиной отсутствия общепринятого определения и классификации преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий и компьютерной техники, является также и то, что данный вопрос носит междисциплинарный характер. Отмечается, что с точки зрения уровня трансформации преступного поведения под воздействием цифровых и сетевых коммуникационных технологий можно выделить преступления, совершаемые с использованием информационных технологий (преступления, в которых данные технологии играют вспомогательную роль), преступления, совершаемые посредством информационных технологий (преступления, которые стали возможными благодаря распространению информационных технологий),

преступления зависимые от информационных технологий (существование которых определяется самим существованием информационных технологий). Иной подход, более предпочтительный, на наш взгляд, для выделения криминалистически значимых признаков, позволяет рассматривать данные преступления с точки зрения различных способов совершения преступления. В таком случае возможно выделение таких преступлений, как преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем (преступления против компьютерной безопасности); преступления, связанные с использованием компьютерных средств (например, мошенничество, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов); преступления, связанные с содержанием компьютерных данных (изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера, клевета и др.). Также данные преступления можно рассматривать с точки зрения их воздействия на различные сферы жизни государства и общества. Таким образом, существуют значительные вариации в подходах к толкованию, что нашло отражение в различных определениях [4].

В структуре общей криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, представляется необходимым предложить рассмотреть следующие основные элементы:

– способ совершения преступления;
– обстановка совершения преступления;
– характеристика следовой информации;
– сведения о личности субъекта преступления;
– сведения о личности потерпевшего.

По нашему мнению, способ совершения преступления является наиболее значимым элементом криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий.

Сведения о способе совершения преступления конкретизирует перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. На основе способа совершения преступления проявляется механизм следообразования. Это, в свою очередь, является важным источником информации по неочевидным преступлениям или преступлениям с высокой степенью противодействия. Сведения о способе совершения преступления имеют также и прогностическое значение.

Способы совершения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, слагаются из комплекса специфических действий правонарушителя по подготовке, совершению и маскировке преступления. Во многих случаях эти действия объединяются в профессиональные криминальные технологии. Выбор определенной криминальной технологии во многом детерминируется целями, преследуемыми субъектом преступления.

Одной из ключевых особенностей, характеризующих способы совершения рассматриваемых преступлений, в последние годы является все большее распространение так называемой модели «преступление как услуга» (CaaS – Crime-as-a-service). Доступность наборов готового программного обеспечения и сервисов, специально предназначенных для подготовки, совершения

и сокрытия преступления, не только помогает лицам с невысокими техническими навыками, но и делает действия профессиональных преступников и организованных преступных групп более эффективными [5, с. 17–18].

Еще одним фактором, обеспечивающим развитие использования компьютерной техники как способа совершения преступления, является использование «серой инфраструктуры» – широко используемых законных услуг, которые непреднамеренно являются полезными для реализации преступных замыслов. Это может быть использование служб и приложений, отличающихся высокой степенью защиты и гарантирующих невыдачу информации правоохранительным органам [6, с. 292].

В последние годы получило дальнейшее совершенствование и развитие использование в преступных целях методов социальной инженерии, позволяющих упростить задачу и сэкономить на усилиях по преодолению средств защиты за счет использования человеческого фактора. Традиционные попытки социальной инженерии все чаще используются в сочетании с техническими компонентами.

В числе элементов обстановки совершения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, оказывающих влияние на механизм совершения преступлений, можно отнести организационные, пространственно-временные, технические, программные, социально-психологические факторы, наличие либо отсутствие системы защиты информации.

Как показывает практика, большинство рассматриваемых преступлений совершается из-за рубежа. Организованные преступные группы действуют из стран, которые либо не сотрудничают с международным сообществом в области противодействия преступности, либо же имеют очень жесткое законодательство в области защиты персональных данных, затрудняющее доступ к ним правоохранительных органов.

Совокупность технических факторов проявляется в том, что методы и инструменты, используемые при совершении традиционных киберпреступлений, все чаще применяются в других криминальных областях, а цифровая криминальная инфраструктура продолжает развиваться. Анонимность и удобство, предлагаемые современными информационными технологиями, являются выгодными для различных видов противоправной деятельности.

Говоря о социальных факторах, обуславливающих особенности совершения преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий, следует отметить, что с развитием данных технологий темп и организация личной и профессиональной жизни существенно и необратимо меняется. Неизбежно, что эти изменения также стимулируют инновации в среде компьютерной преступности.

По мнению В.Е. Козлова, «целостное представление о следовой картине, возникающей при подготовке, совершении, сокрытии компьютерных преступлений, позволяет разрабатывать и внедрять новые научно-технические средства; осуществлять заимствование и приспособление их из иных областей человеческой деятельности, связанной с обработкой, накоплением, хранением компьютерной информации. Открываются также перспективы совершенствования отдельных положений тактики использования специальных знаний для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов

компьютерных преступлений при производстве следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий» [7, с. 63].

В то же время «особенности механизма образования данной группы следов, специфичность следовых картин преступлений, отсутствие общепризнанной их классификации затрудняют теоретическую работу в этом направлении» [8, с. 171].

Информация о личности преступника, как правило, служит неотъемлемым элементом криминалистической характеристики.

Отмечается, что образовательный уровень лиц, совершающих рассматриваемые преступления находится в определенной взаимосвязи с характером их преступных действий. Распространено мнение, что компьютерные преступники – высококвалифицированные специалисты с высшим техническим или юридическим образованием [9, с. 257]. Однако сегодня развитие информационных технологий, их внедрение практически во все сферы человеческой деятельности существенно расширило условия вовлечения в преступную деятельность лиц с различными, в том числе минимальными профессиональными навыками.

Многие исследователи, изучающие вопросы криминологической и криминалистической характеристики компьютерных преступлений, отмечают омоложение личности преступника. Это связано с тем, что молодежь является наиболее массовым и наиболее активным пользователем [10, с. 129].

Сведения о поле лиц, совершающих данные преступления, характеризуют их как деяния, свойственные для мужчин. Однако отмечается тенденция к увеличению количества лиц женского пола, совершающих данные преступления [11, с. 130].

С учетом разнообразия преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, мотивация преступного поведения может также существенно различаться. С учетом того, что за последние годы в Республике Беларусь подавляющее большинство рассматриваемых преступлений составляют хищения путем модификации компьютерной информации, мошенничество, можно утверждать о преобладании корыстного мотива. Однако нередко встречаются такие мотивы, как ревность, месть, хулиганство и др.

Как отмечает К.И. Попов, для улучшения оперативности борьбы с компьютерной преступностью, предупреждения преступлений, наряду с изучением личности преступника, причин и условий, способствующих совершению преступлений, необходимо также и детальное изучение личности потерпевшего и тех ситуаций, в силу которых эта личность стала таковой [12, с. 67]. Совершению преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий очень часто способствуют легкомысленное отношение потерпевшего, излишняя доверчивость, внушаемость, склонность к азартным играм, сексуальные увлечения и др. Кроме того, во многих случаях типичный образ мышления и действий потерпевшего изначально закладываются в структуру способа совершения преступления. В этой связи можно утверждать, что информация о личности потерпевшего также является необходимым элементом рассматриваемой криминалистической характеристики.

Заключение

Изучение криминалистической классификации, структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, позволит установить криминалистически значимую информацию, обуславливающую выбор орудий и средств совершения преступления, дать характеристику типичной следовой информации, позволит установить наличие у лиц, совершивших преступление, определенных профессиональных навыков, знаний, умений, более четко определить направления профилактической деятельности.

Таким образом, изучение классификации преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, и их криминалистической характеристики имеет практическую значимость для правоохранительных органов, осуществляющих противодействие данному виду преступной деятельности.

Список цитированных источников

1. Яблоков, Н. П. Криминалистическая характеристика преступления – важный элемент теории и практики / Н. П. Яблоков // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 23-24 мая 2002 г. / Кубанский гос. аграр. ун-т ; редкол. : В. Д. Зеленский [и др.]. – Краснодар, 2002. – С. 25–31.

2. Костенко, Н. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с компьютерными преступлениями : монография / Н. И. Костенко. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 440 с.

3. Анищенко, И. А. Генезис теоретико-правовых взглядов о сущности и понятии «компьютерных преступлений» / И. А. Анищенко, Н. В. Якимович // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2021. – № 2 (50). – С. 38–45.

4. Основные виды киберпреступности [Электронный ресурс] // Серия университетских модулей: киберпреступность. Образование во имя правосудия / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. – Режим доступа: https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-2/key-issues/intro.html. – Дата доступа: 05.09.2022.

5. Internet Organised Crime Threat Assessment 2021. – European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol), 2021. – 45 p.

6. Третьяков, Г. М. Особенности развития организованной киберпреступности в 2021 году / Г. М. Третьяков // Современные проблемы юридической науки и практики в условиях глобализации : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол. : С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2022. – С. 290–294.

7. Козлов, В. Е. Криминалистическое исследование механизма образования следов компьютерных преступлений / В. Е. Козлов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1 (33). – С. 63–65.

8. Каминский, А. М. Криминалистическая категория «след преступления» в анализе правонарушений в сфере компьютерной информации / А.М. Каминский // уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / Кубанский гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина ; отв. ред. : С. А. Куемжиева, А. А. Тушев. – Краснодар, 2021. – С. 169–174.

9. Поляков, В. В. Особенности личности компьютерных преступников / В. В. Поляков, Л. А. Попов // Известия АлтГУ. Юрид. науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 256–259.

10. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве : моногр. / М. А. Простосердов. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 168 с.

11. Дьяков, В. В. О личности преступника как компоненте системы криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации / В. В. Дьяков // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 129–131.

12. Попов, К. И. Виктимологическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации / К. И. Попов // Виктимология. – 2014. – № 1 (1). – С. 66–68.

Аннотация. Статья посвящена криминалистической характеристике преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий. С точки зрения построения криминалистической характеристики рассмотрены проблемные вопросы определения понятия данного вида преступлений. В научной среде не выработано единого определения понятия компьютерного преступления, дискутируются различные точки зрения по их классификации. В структуру криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, предлагается включить такие элементы, как: способ совершения преступления, обстановка совершения, характеристика следовой информации, сведения о личности субъекта преступления, сведения о личности потерпевшего. Изучение классификации преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий, и их криминалистической характеристики имеет практическую значимость для правоохранительных органов, осуществляющих противодействие данному виду преступной деятельности.

THE STRUCTURE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED USING COMPUTER EQUIPMENT AND INFORMATION TECHNOLOGY

Tratsiakou R.M.

Keywords: forensic characteristics, crime, computer technology, information technology, investigation.

Abstract. The article is devoted to the forensic characterization of crimes committed with the use of computer technology and information technology. From the point of view of building a forensic characteristic, the problematic issues of defining the concept of this group of crimes are considered. In science, there is still no clear definition of the concept of computer crime, various points of view on their classification are being discussed. In the structure of the forensic characterization of crimes committed using computer technology and information technology, it is proposed to include such elements as: the method of committing the crime, the environment of the commission, the characteristics of trace information, information about the identity of the subject of the crime, information about the identity of the victim. The study of the classification of crimes committed using computer technology and information technology, and their forensic characteristics is of practical importance for law enforcement agencies that counter this type of criminal activity.

УДК 343

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Чуешов К.В., Касьянова Е.В.

Ключевые слова: киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, сетевые социальные технологии, экстремистская деятельность.

Введение

Устойчивая тенденция роста киберпреступности остро ставит вопросы поиска и анализа ее детерминант, изучения ее природы и выработки мер эффективного противодействия, исходя из следующего.

Во-первых, развитие информационных технологий способствует увеличению их использования в противоправных целях. Преступность все больше приобретает трансграничный характер: посредством глобальной компьютерной сети Интернет максимально упрощаются логистика и коммуникация, в свою очередь, процесс глобализации обусловливает применение в различных государствах идентичных (унифицированных) либо схожих (совместимых) технических решений и технологий, благодаря чему обеспечивается, например, осуществление внешней торговли, межбанковских операций и т. д. Данная тенденция обусловила рост преступлений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Во-вторых, социальная динамика определяется совокупностью изменчивых и, как правило, взаимоувязанных геополитических, экономических, эпидемиологических, религиозных и иных факторов. Характерными иллюстрациями последних являются пандемия COVID-19 и санкционное давление на суверенные государства как инструмент внешнеполитической борьбы. Названные факторы, а также подобные им, имеют преимущественно субъективную природу, поскольку либо их появление, либо приобретение ими глобального характера можно связать с целенаправленной деятельностью отдельных социальных групп, субъектов международного права и т. д. В свою очередь, эти факторы тесно связаны с увеличением количества преступлений экстремистского характера, совершаемых с применением ИКТ (например, предусмотренных ст. 366–369-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Целью настоящего исследования является изучение социальных и иных детерминант киберпреступности, ее природы на основе особенностей, выработанных правоприменительной практикой, а также формулирование возможных направлений противодействия данному негативному явлению.

Киберпреступность в различных ее проявлениях является предметом исследования многих ученых и практикующих юристов, среди которых можно отметить Е.А. Русскевича [1], А.А. Маркова [2], Д.А. Степаненко [3; 4], Т.Л. Тропину [5], Э.Л. Сидоренко [6], А.Ж. Саркисяна [7], О.Г. Карпович [8], Н.Л. Денисова [9], Е.С.Шевченко [10], Т.А. Абрамян [11], Э.Л. Кочкину [12],

И.Г. Чекунова [13; 14], К.Н. Евдокимова [15], А. С. Линникова [16] и некоторых иных.

Основная часть

Как было отмечено, в числе важнейших внешних факторов, в наибольшей степени оказавших влияние на социально-экономическую ситуацию в государстве в последние несколько лет, можно отметить пандемию COVID-19, а также недружественную санкционную политику, реализуемую отдельными государствами в отношении Республики Беларусь. Несмотря на то, что названные факторы имеют различные по своей природе предпосылки, многие из их последствий идентичны и проявляются, например, в нарушении баланса на рынках (как на внешнем, так и на внутреннем) товаров, работ и услуг, пересмотре (зачастую одностороннем) условий внешнеэкономических сделок, усложнении логистических цепочек, переориентации бизнеса из офлайна в онлайн и т. п. Преодоление негативных последствий влияния на экономику требует принятия со стороны государства комплекса неотложных мер. Принимаемые в Республике Беларусь меры реагирования можно условно разделить на две категории:

меры организационно-распорядительного характера (например, создание при Совете Министров особого межведомственного органа – оперативно-ситуационного штаба, который в кратчайшие сроки обеспечивает принятие мер по поддержке экономики государства);

меры нормативно-правового характера (разработка и принятие актов законодательства, снижающих негативное влияние сторонних факторов на социально-экономическое положение государства, например, продление срока действия документов в рамках Указа Президента Республики Беларусь от 19 мая 2020 г. № 172 «О продлении срока действия документов», принятие мер по поддержке экономики в рамках указов Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2020 г. № 143 «О поддержке экономики» и от 14 марта 2022 г. № 93 «О дополнительных мерах по обеспечению стабильного функционирования экономики» и др.).

Таким образом, условия ведения бизнеса максимально подвергаются внешнему воздействию, заставляя адаптироваться не только субъектов хозяйствования, но и законодателя. Это выражается в изменении логистических цепочек, увеличении доли безналичных платежей в расчетах B2C, расширении использования новых платежных инструментов (платежных программных приложений и т. п.), уменьшении бумажного документооборота и переходе в электронную форму, а также, где это возможно, из офлайна в онлайн и т. д.

Несмотря на объективные достоинства большинства из приведенных новаций, их активное распространение также стимулирует всплески противоправной деятельности, которая чаще всего проявляется в разных видах мошенничества (фишинг – посредством электронной почты, социальных сетей или мессенджеров; вишинг – посредством звонка; смишинг – посредством SMS; фарминг – посредством использования кэша DNS на конечном устройстве пользователя или сетевом оборудовании провайдера).

Объединяющим фактором, сопутствующим практически всем подобным противоправным деяниям, является введение в заблуждение пользователя продуктов ИКТ или интернет-услуг. Ключевыми являются два нижеперечисленных аспекта.

Во-первых, такое заблуждение может иметь место относительно технических особенностей цифровой инфраструктуры: использование нелицензионного и (или) вредоносного программного обеспечения вследствие перехода по фишинговым ссылкам либо на поддельные интернет-сайты, распаковки присланных от незнакомых пользователей архивов и установка соответствующих программных файлов и т. д.

Во-вторых, введению пользователей в заблуждение способствует умелое применение социальных технологий. Так, наиболее часто встречаются психологические приемы, воздействующие на сознание человека вследствие провоцирования сильных эмоций, таких как: паника или испуг (за близкого человека, который, со слов злоумышленника, попал в тяжелую жизненную ситуацию), жалость (например, в отношении тяжелобольного человека); растерянность (при незапланированном контакте с лицами, выдающими себя за сотрудников правоохранительных органов, банковских работников в случаях «несанкционированного доступа» к банковскому счету клиента и т. п.).

Важно обратить внимание, что несколько отличаются по своей природе детерминанты преступлений, совершаемых с использованием ИКТ и имеющих экстремистскую направленность.

Анализ общей динамики проявлений экстремистской деятельности отражает их прямую связь с реакцией общества на значимые события внутри- и внешнеполитического характера. При этом преследующее политические и (или) иные цели вовлечение граждан в экстремистскую деятельность осуществляется с применением методик, предполагающих в том числе размещение в глобальной компьютерной сети Интернет заведомо ложной либо гипертрофированной по масштабу информации, касающейся критических аспектов жизнедеятельности граждан. Соответствующие «вбросы» способны в условиях стресса воздействовать на сознание человека, побуждая его совершать нетипичные, в том числе противозаконные, деяния. Как результат, имея строго целевой характер, они способны нанести существенный ущерб как общественным, так и государственным интересам.

Распространение информации экстремистского характера с использованием ИКТ осуществляется в различных формах (антигосударственная пропаганда, призывы к осуществлению противоправной деятельности, информация, порочащая честь и достоинство личности и т. д.). Вместе с тем следует учитывать, что условиями для совершения соответствующих преступлений в ряде случаев выступает недостоверная информация, которая может не подпадать под действие уголовного закона (например, ст. 369-1 УК). По данным российских исследователей, почву для проявлений экстремистского характера, как правило, создает умышлено вбрасываемый в сеть контент, включающий потенциально деструктивные для общественно-государственных отношений смыслы, транслируемые через сарказм, иронию, прочие проявления критического отношения (например, необоснованная критика правоохранительных органов и др.) [17, с. 70].

На сегодняшний день наблюдается тенденция распространения сведений экстремистского характера с использованием социальных сетей и мессенджеров. При этом следует констатировать объективную практическую сложность применения национального законодательства к ресурсам, созданным на территории иностранных государств, поскольку их блокирование «извне»

невозможно. Более того, блокирование без предоставления альтернативы лишит пользователей возможности их использования в незапрещенных законодательством целях (например, в научных, образовательных, коммерческих, рекреационных и т. д.). На основании изложенного полагаем, что попытки решения проблемы через блокирование доступа к интернет-ресурсам могут дать ограниченный позитивный эффект лишь в краткосрочном периоде. В свою очередь, в долгосрочной перспективе это может привести к росту социальной напряженности.

По нашему мнению, в этой связи следует обратить внимание на целесообразность ограничения на территории республики изготовления, распространения и использования средств обеспечения анонимности, позволяющих пользователям интернет-услуг получать доступ к интернет-ресурсу, доступ к которому ограничен на территории Республики Беларусь.

Динамика распространения ИКТ, а также общественная опасность преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, указывают на необходимость усиления работы по правовому просвещению граждан. Данная работа должна учитывать, в числе прочего, современные тенденции распространения правонарушений экстремистского характера, совершаемых с использованием ИКТ, и включать разъяснение:

специфики поведения в глобальной компьютерной сети Интернет (отсутствие гарантий полной анонимности пользователей, возможность восстановления оригинала удаленного либо измененного контента, мгновенное распространение информации, ее массовый характер и т. д.);

особенностей работы сетевых социальных технологий, использующих искаженную, непроверенную, ложную информацию, которая может подаваться с целью направленного воздействия на сознание человека и побуждать к совершению противоправных действий даже помимо его воли;

критериев оценки противоправности и правовых последствий деяний, ответственность за которые предусмотрена законодательными актами Республики Беларусь (прежде всего в соответствии со ст. 366–369 УК);

вопросов размещения, распространения и интернет-оценки («лайки», «репосты») информации, касающейся высших должностных лиц Республики Беларусь, государственных органов и организаций.

Заключение

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие основные выводы.

Наибольшее внешнее влияние на социально-экономическую ситуацию в Республике Беларусь в настоящее время оказали пандемия COVID-19, а также недружественные (санкционные) меры, принимаемые отдельными группами государств. Названные факторы актуализировали вопросы обеспечения национальной безопасности в целом и противодействия киберпреступности в частности.

Значимой проблемой правоприменительной практики является осуществление экстремистской деятельности посредством ИКТ, в том числе глобальной компьютерной сети Интернет.

Динамика распространения преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием ИКТ, указывает на их взаимосвязь с реакцией общества на значимые события общественной и государственной жизни.

Анализ предпосылок вовлечения граждан в противоправную (экстремистскую) деятельность в сети Интернет позволяет сделать вывод о нежелательности для целей обеспечения национальной безопасности государства использования на его территории средств обеспечения анонимности, позволяющих пользователям интернет-услуг получать доступ к интернет-ресурсу, доступ к которому ограничен, и целесообразности установления в законодательных актах ответственности за изготовление, распространение и использование таких средств.

Противодействию киберпреступности в немалой степени способствует правовое просвещение граждан, работа по которому должна усиливаться, исходя из современных тенденций развития ИКТ, а также сетевых социальных технологий.

Список цитированных источников

1. Русскевич, Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография / Е. А. Русскевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 352 с.

2. Марков, А. А. Актуальные вопросы информационной безопасности в постиндустриальном обществе : монография / А. А. Марков. – СПб. : СПбГИЭУ, 2010. – 287 с.

3. Степаненко, Д. А. «Адаптивная модификация» криминалистики в информационном обществе как закономерная реакция на распространение киберпреступности / Д. А. Степаненко // Рос. следователь. – 2015. – № 15. – С. 17–20.

4. Степаненко, Д. А. Цифровая реальность и криминалистика / Д. А. Степаненко, В. В. Коломинов // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 3 (17). – С. 38–43.

5. Тропина, Т. Л. Борьба с киберпреступностью: Возможна ли разработка универсального механизма? / Т. Л. Тропина // Междунар. правосудие. – 2012. – № 3. – С. 86–95.

6. Сидоренко, Э. Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки / Э. Л. Сидоренко // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. – 2016. – № 6. – С. 8–10.

7. Саркисян, А. Ж. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий / А. Ж. Саркисян // Рос. следователь. – 2019. – № 3. – С. 54–59.

8. Карпович, О. Г. Международно-правовые проблемы противодействия киберпреступности / О. Г. Карпович, А. Ш. Ногмова // Междунар. публичное и частное право. – 2022. –№ 1 (124). – С. 21.

9. Денисов, Н. А. Негативные изменения киберпреступности в период пандемии и пути противодействия им / Н. Л. Денисов // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 4. – С. 37–42.

10. Шевченко, Е. С. О криминалистической трактовке понятия «киберпреступность» / Е. С. Шевченко // Информационное право. – 2014. – № 3 (39). – С. 29–32.

11. Абрамян, Т. А. Актуальные проблемы привлечения к ответственности лиц за преступления в сфере информационных технологий / Т. А. Абрамян // Юрист. – 2018. – № 5. – С. 68–72.

12. Кочкина, Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений / Э. Л. Кочкина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3. – С. 162–169.

13. Чекунов, И. Г. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации / И. Г. Чекунов, Р. Н. Шумов // Рос. следователь. – 2016. – № 10. – С. 44–47.

14. Чекунов, И. Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений / И. Г. Чекунов // Право и кибербезопасность. – 2012. – № 1. – С. 9–22.

15. Евдокимов, К. Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий / К. Н. Евдокимов // Рос. следователь. – № 12. – 2021. – С. 34–38.
16. Линников, А. С. Экономические последствия расширения масштабов киберпреступности в России и мире / А. С. Линников // Банковское право. – 2017. – № 5. – С. 19–29.
17. Информационный бюллетень № 38 Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств. – М., 2022. – 135 с.

Аннотация. Статья посвящена изучению социальных и иных детерминант киберпреступности, ее природы на основе особенностей выработанной правоприменительной практики. Авторами предпринята попытка определения возможных направлений противодействия данному негативному явлению.

THE ISSUES OF DETERMINANTS OF CRIMES COMMITED WITH THE USE OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Chuyeshou K.V , Kasyanova E.V.

Key words: cybercrime, informational and communication technologies, network social technologies, extremist activity.

Abstract. The article is devoted to the study of social and other determinants of cybercrime, its essence on basis of peculiarities of the developed law enforcement practice. The authors make an attempt to identify possible area of counteraction to this negative phenomenon.

УДК 343.9.01

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

Шурпаев Ш.М.

Ключевые слова: публичные закупки, коррупция, предупреждение, информационные технологии, искусственный интеллект, Big Data, блокчейн.

Введение

Основополагающими принципами эффективного предупреждения преступности и иных негативных социально-правовых явлений в фокусе криминологической науки рассматриваются комплексность, системность, интегрированность такой деятельности. Предупреждение преступности верно определяется как *интегрированная* деятельность, связанная с реализацией системных и взаимосвязанных мероприятий [1, с. 289]. В систему мер предупреждения преступности включают мероприятия социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленные на выявление и устранение комплекса причин, способствующих совершению преступлений.

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности предоставляет качественно новые возможности предупреждения негативных социально-правовых явлений. Особенно заметный потенциал предупредительной деятельности связан с профилактикой и предотвращением так называемой «беловоротничковой преступности», в том числе широко распространенных коррупционных проявлений. Это обусловлено процессами транспарентизации [2; 3] (повышения открытости и прозрачности) деятельности системы публичного управления, представителей предпринимательского сектора экономики и деятельности иных участников наиболее распространенных коррупционных отношений.

Цель настоящего исследования – провести анализ возможностей использования современных цифровых технологий для предупреждения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок.

Основная часть

В отдельных сферах деятельности, связанных с функционированием государственного аппарата управления, обеспечение открытости и прозрачности является обязательным условием эффективного выполнения функций публичной власти. К таким сферам относятся закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – публичные закупки). В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44–ФЗ) контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок. Статья 7 Закона № 44–ФЗ устанавливает, что в Российской Федерации обеспечивается свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок (ч. 1). Согласно ч. 2 ст. 7 Закона № 44–ФЗ открытость и прозрачность информации обеспечиваются, в частности, путем ее размещения в единой информационной системе (далее – ЕИС).

В настоящее время в ЕИС (система функционирует в виде единого портала https://zakupki.gov.ru) вместе с иными информационными системами ежедневно генерируется значительный массив цифровых данных, использование которого в совокупности с иными информационными технологиями следует рассматривать как перспективное, обладающее высоким потенциалом направление предупреждения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок. За время функционирования ЕИС и ряда других сопряженных информационных систем сформированы сведения об осуществленных и планируемых закупках субъектов контрактных отношений, а также иная информация, имеющая повышенную антикоррупционную ценность.

Хотя использование данных ЕИС и иных информационных систем, обеспечивающих осуществление закупочной деятельности аппарата публичной власти, является обязательным элементом современной контрольной и надзорной деятельности, такая деятельность обладает в большей мере «ручным», но не системным характером. Должностные лица уполномоченных на осуществление контроля и надзора в сфере публичных закупок органов в условиях отсутствия автоматизированных средств и инструментария осуществления контрольной и надзорной деятельности в данной сфере выполняют достаточно большой объем работы, часть которого в современных условиях может быть реализована на системной, «технологизированной» основе.

Условно «ручной» подход к осуществлению контрольной и надзорной деятельности в сфере публичных закупок заметно ограничивает субъектов антикоррупционной деятельности, поскольку в силу объективных причин неохваченным контрольными и надзорными мероприятиями остается достаточно большой сегмент публичных закупок.

В свете приведенных рассуждений одним из направлений повышения эффективности предупреждения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок является автоматизация отдельных составляющих контрольной и надзорной деятельности (как наиболее значимого направления предупреждения коррупционных проявлений в данной сфере) на основе использования потенциала современных информационных технологий и больших баз данных ЕИС, а также других информационных систем. Например, только ЕИС содержит следующие данные, потенциально обладающие антикоррупционной ценностью (ч. 3 ст. 4 Закона № 44–ФЗ):

– информацию о планировании закупок (планы-графики и действия, связанные с их формированием, утверждением и ведением в ЕИС);

– реестр контрактов, заключенных заказчиками;

– единый реестр участников закупок;

– реестр недобросовестных поставщиков;

– библиотеку типовых условий контрактов;

– реестр независимых гарантий;

– реестр жалоб, плановых и внеплановых проверок, их результатов и выданных предписаний;

– результаты мониторинга закупок, аудита в сфере закупок, а также контроля в сфере закупок;

– отчеты заказчиков, предусмотренные Законом № 44–ФЗ;

– каталог товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

– информацию о складывающихся на товарных рынках ценах товаров, работ, услуг, закупаемых для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

– иную информацию.

В свою очередь, каждая из вышеприведенных составляющих содержит блок структурированных в ЕИС цифровых данных, которые могут на системной и автоматизированной основе использоваться для предупреждения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок. Реализация обозначенного направления с учетом уровня развития современных технологий возможна на основе применения возможностей искусственного интеллекта и технологий обработки больших баз данных (Big Data).

В последние несколько лет активно изучаются возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении и противодействии коррупции. В некоторых странах уже успешно реализованы антикоррупционные проекты, основанные на использовании искусственного интеллекта.

На основе обзора международного опыта применения искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции Д.В. Крылова и А.А. Максименко приходят к выводу о том, что наиболее перспективным направлением использования данной технологии для выявления коррупции становится обнаружение скрытых связей в сфере государственных закупок

[4, с. 241]. На антикоррупционный потенциал технологий искусственного интеллекта указывают и другие исследователи [5; 6; 7].

В международной практике предупреждения и противодействия коррупции в сфере публичных закупок существуют представляющие интерес примеры использования возможностей искусственного интеллекта и технологий анализа больших баз данных.

В Колумбии внедренные Центром по анализу информации о государственных контрактах и расходовании бюджетных средств (OCEANO) технологии, основанные на возможностях искусственного интеллекта, позволили выявить и пресечь коррупционные проявления в сфере публичных закупок. В 2020 г. в указанной стране была пересмотрена почти пятая часть всех контрактов, заключенных в связи с пандемией; к юридической ответственности за коррупционные преступления и правонарушения привлечены должностные лица [8].

Другой масштабный опыт использования возможностей искусственного интеллекта для предупреждения и пресечения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок реализован в Китае на основе системы Zero Trust. Функционирование системы было основано на сборе и обработки информации из 150 закрытых государственных баз данных должностных лиц, а также использования спутниковых фотографий для проверки активности мероприятий по заключенным государственным контрактам. Среди типичной совокупности признаков, на которые реагировала система: нетипичный рост доходов или сбережений государственного служащего, дорогостоящие покупки, оформленные непосредственно на государственного служащего или его родственника и т. д. Система Zero Trust сопоставляла данные об имущественном положении должностных лиц с результатами проведенных закупок, после чего оценивалась вероятность коррупционного характера обогащения должностного лица. При наличии совокупности признаков, повышавших вероятность фактов коррупционных правонарушений, оператор системы получал уведомление, а уполномоченные на осуществление закупочных функций государственные служащие могли стать субъектами дополнительного контроля уже в «ручном» режиме.

Интерес представляет и поисковой механизм Funes [9], созданный перуанской группой специалистов. Он реализован в виде сайта, поискового сервера и хранилища информации о более чем 245 тысячах проведенных закупок. Коррупционный риск может быть рассчитан применительно к конкретной организации или государственному учреждению на основе использования соответствующих баз данных: на основе анализа государственных контрактов, спонсоров избирательных компаний, списков поставщиков и ряда публикаций расставляются так называемые «красные флаги» – индикаторы коррупционных рисков. Среди типичных индикаторов разработчики системы выделяют: необоснованно короткие сроки проведения закупки; малое количество участников конкурсных процедур; низкая доля закупок, проведенных на конкурентной основе; высокая доля закупок с дальнейшим изменением условий контракта; существенная разница первоначальной суммы контракта и итоговой. Функционирование данного ресурса привело к определенным результатам, в том числе выявлены

злоупотребления должностных лиц при определении поставщиков продуктов питания [10].

Надо учитывать, что любая система антикоррупционного мониторинга, основанная на применении возможностей искусственного интеллекта, не лишена недостатков, а результаты автоматизированных проверок могут характеризоваться различной степенью надежности. Так, указанная выше китайская система антикоррупционного мониторинга Zero Trust в сфере публичных закупок зафиксировала за время своего функционирования более 8 700 контрактов, попавших в категорию подозрительных с точки зрения высокой вероятности коррупционных правонарушений. Сами разработчики данной системы отмечали ее недостатки: выявлялись возможные случаи коррупционных правонарушений без обоснования причин каждого конкретного вывода; результаты автоматизированного антикоррупционного мониторинга не всегда можно было реализовать в правовой плоскости, в том числе путем привлечения государственных служащих к юридической ответственности [8]. Кроме этого, чем больший объем данных обрабатывается, тем сложнее становятся алгоритмы анализа, осуществляемого системой; при этом может быть утрачена прозрачность антикоррупционного мониторинга в сфере публичных закупок. Дефицит высококвалифицированных кадров, способных реализовать данную технологию, также является повсеместной проблемой, которая проявляется во многих странах.

В российской практике противодействия коррупции на основе использования больших баз данных и искусственного интеллекта заметный шаг сделан в 2022 г. – Указом Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 утверждено Положение о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» (далее – Положение). Как следует из Положения, назначение системы состоит в информационно-аналитическом обеспечении деятельности федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов публичной власти, иных организаций по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования. Таким образом, как следует из Положения, сфера публичных закупок все еще не охвачена автоматизированными технологиями антикоррупционного мониторинга с использованием возможностей больших баз данных и технологий искусственного интеллекта.

Другое направление предупреждения коррупции в сфере публичных закупок на основе использования цифровых технологий связывается с технологией блокчейн. Данная технология позволяет повысить прозрачность закупочных процедур, снизить вероятность отдельных видов коррупционных проявлений. Данная технология уже отчасти реализована в сфере публичных закупок в некоторых странах [11; 12].

Заключение

Подводя итог, следует выделить основные направления использования современных цифровых технологий для предупреждения коррупции в сфере публичных закупок.

1. Технологии искусственного интеллекта. Внедрение в российскую практику противодействия коррупции системы «Посейдон» является одним из примеров использования антикоррупционного потенциала искусственного интеллекта. Тем не менее требуется расширять возможности применения искусственного интеллекта, в том числе посредством охвата других значимых сфер, связанных с функционированием системы публичного управления (в особенности связанных с расходованием бюджетных средств).

2. Технологии обработки больших баз данных – структурированных и неструктурированных. Данное направление тесно связано с первым.

3. Использование возможностей блокчейн-технологии на отдельных этапах закупочных процессов.

Список цитированных источников

1. Капинус, О. С. Криминология : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2022. – 1132 с.

2. Рожнова, О. В. Формирование транспарентной финансовой отчетности предприятия : монография / О. В. Рожнова, В. М. Игумнов ; Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. – М. : РУСАЙНС, 2017. – 131 с.

3. Сединкин, М. А. Транспарентизация взаимоотношений органов государственного управления и населения в концепции электронного правительства : дис. … канд. соц. наук : 22.00.08 / М. А. Сединкин. – Тюмень, 2013. – 197 л.

4. Крылова, Д. В. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта / Д. В. Крылова, А. А. Максименко // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 84. – С. 241–255.

5. Кузьмин, Н. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции / Н. А. Кузьмин // Вестн. Московск. ун-та МВД России. – 2021. – № 3. – С. 154–156.

6. Минбалеев, А. В. Информационные технологии противодействия коррупции / А. В. Минбалеев, К. С. Евсиков // Журн. Сибирского федерал. ун-та. Серия : Гуманитар. науки. – 2021. – Т. 14. № 11. – С. 1674–1689.

7. Семёнова, И. С. Отдельные вопросы совершенствования противодействия коррупции в сфере государственного управления / И. С. Семёнова // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 3 (42). – С. 5–8.

8. Салтанова, С. В. Справедливость из машины. Искусственный интеллект против коррупции / С. В. Салтанова // Науч.-образоват. портал IQ Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». – Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/589516029.html. – Дата доступа: 20.08.2022.

9. Funes: Un algoritmo contra la corrupción. Ojo Público. – Режим доступа: https://ojo-publico.com/especiales/funes/index.html . – Дата доступа: 30.08.2022.

10. Колман, Р. Измерение коррупции: Калькулятор для оценки рисков при заключении госконтрактов / Р. Колман // GIJN. – Режим доступа: https://gijn.org/2021/02/17/izmerenie-korruptsii-kalkulyator-dlya-otsenki-riskov-pri-zaklyuchenii-goskontraktov/. – Дата доступа: 02.09.2022.

11. Ogunlela, O. (2021). Blockchain technology as a panacea for procurement corruption in digital era / O Ogunlela, O. Olabode, T. Robertson // International Journal of Research in Business and Social Science. – 2021. – Vol. 10, No 4. – p. 311–320. – Режим доступа: https://doi.org/10.20525/ijrbs.v10i4.1222.

12. Уржумов, А. В. Эффективность применения блокчейна для осуществления государственных тендеров / А. В. Уржумов // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. – Режим доступа: https://igz.hse.ru/data/2019/10/16/1526846586/Goszakaz_N_57_Уржумов.pdf. – Дата доступа: 03.09.2022.

Аннотация. Всеобщая цифровизация создает качественно новые возможности предупреждения коррупционных проявлений, в том числе в сфере публичных закупок. Сопутствующим эффектом обеспечения транспарентности публичных закупок посредством размещения информации о таких закупках в единой информационной системе и других информационных системах стало создание больших баз данных, использование которых может повысить результативность предупреждения коррупционных проявлений. Использование возможностей искусственного интеллекта, методов и подходов обработки больших баз данных, технологии блокчейн и других цифровых возможностей становится одним из важнейших направлений повышения эффективности предупреждения коррупции в сфере публичных закупок. В статье приводятся возможности использования современных цифровых технологий для повышения эффективности предупреждения коррупционных проявлений в сфере публичных закупок.

DIGITAL TECHNOLOGIES FOR THE PREVENTION OF CORRUPTION IN PUBLIC PROCUREMENT

Shurpaev Sh.M.

Keywords: public procurement, corruption, prevention, information technology, artificial intelligence, Big Data, blockchain.

Abstract. Widespread digitalization creates qualitatively new opportunities to prevent corruption, including in the field of public procurement. The concomitant effect of ensuring transparency of public procurement by posting information about such purchases in a unified information system and other information systems has been the creation of large databases, the use of which can increase the effectiveness of preventing corruption. The use of artificial intelligence capabilities, methods and approaches for processing large databases, blockchain technology and other digital capabilities is becoming one of the most important areas for improving the effectiveness of preventing corruption in public procurement. The article presents the possibilities of using modern digital technologies to increase the effectiveness of preventing corruption in the field of public procurement.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

УДК 342.92

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Бильдейко А.А.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, должностное лицо, субъект правонарушения.

Введение

Для обеспечения законности при ведении административного процесса и привлечении граждан к административной ответственности важно правильно определять круг субъектов административных правонарушений, которые должны нести ответственность за конкретные противоправные деяния. Одной из категорий субъектов административной ответственности в Республике Беларусь являются должностные лица.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 7.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 г. (далее – КоАП) в случае совершения административного правонарушения должностным лицом в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих должностных (служебных) обязанностей административное взыскание может быть наложено не позднее трех лет со дня совершения административного правонарушения и шести месяцев со дня его обнаружения. При этом если такое нарушение совершено лицом, не обладающим признаком должностного, срок наложения взыскания существенно меньше – не позднее двух месяцев со дня его совершения, а за совершение длящегося административного правонарушения – не позднее двух месяцев со дня его обнаружения либо прекращения в случае, когда данное правонарушение было прекращено до его обнаружения (п. 1 ч. 1 ст. 7.6 КоАП).

Таким образом, правильное определение того, относится конкретное лицо к категории должностных, важно как для решения вопроса о наличии состава административного правонарушения (в случае, если субъектом такого нарушения может являться исключительно должностное лицо), так и для решения вопроса о сроках наложения административного взыскания (в случае, если субъектом нарушения может являться как должностное, так и иное физическое лицо).

Основная часть

Справедливо утверждается, что сам термин «должностное лицо» должен употребляться в законодательстве с единственной целью – отграничить статус лица, занимающего в обществе особое положение, связанное с осуществлением им управленческих функций, от правового статуса гражданина вообще [1, с. 15]

или служащего. Именно противоправное поведение должностных лиц при наличии у них служебных полномочий способно причинить больший вред, нежели административные поступки других субъектов, поэтому в законодательстве установлена их повышенная ответственность [2, с. 8].

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1.10 КоАП должностное лицо – физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее в организациях, Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции либо уполномоченное в установленном порядке организациями, Вооруженными Силами Республики Беларусь, другими войсками и воинскими формированиями на совершение юридически значимых действий, а также государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе.

По сравнению с ранее действовавшей нормой (абз. 3 ст. 1.3 КоАП 2003 г.) данная норма фактически не претерпела изменения. К должностным отнесены лица:

– выполняющие организационно-распорядительные функции;

– выполняющие административно-хозяйственные функции;

– уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

– государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе.

Все указанные четыре признака достаточно фундаментально разработаны, в особенности в теории уголовного права, вместе с тем на практике возникают сложности в понимании должностного лица по признаку полномочий на совершение юридически значимых действий.

Так, постановлением заместителя начальника управления Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь по Брестской области от 26.05.2020 на основании ч. 1 ст. 21.17 КоАП 2003 г. (нарушение порядка закупок при строительстве) Д. привлечена к административной ответственности за то, что, будучи участником конкурсной комиссии КУП «Б», проголосовала за отклонение предложений участников подрядных торгов, что повлекло необоснованное признание подрядных торгов несостоявшимися.

Данное постановление судьей экономического суда Брестской области от 24.07.2020 по протесту прокуратуры отменено, дело прекращено. Суд согласился с доводами прокурора и указал, что Д. в КУП «Б» занимала должность бухгалтера, которая не наделяла ее организационно-распорядительными и (или) административно-хозяйственными функциями; КоАП 2003 г. содержал разграничение понятий «должностное лицо» и «член комиссии, созданной для проведения процедуры закупки» (например, ч. 4 ст. 11.16 КоАП 2003 г.); само по себе решение конкурсной комиссии о выборе победителя подрядных торгов не влечет юридических последствий до тех пор, пока протокол заседания комиссии не будет утвержден руководителем заказчика. Таким образом, суд согласился с доводом прокуратуры о том, что,

исходя из анализа полномочий и обязанностей, участник (член) конкурсной комиссии не отвечает признакам должностного лица.

Справочно: такой подход в определенной степени основывался на теоретической базе отечественной науки уголовного права, согласно которой под должностным лицом по признаку лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий, должно пониматься лицо, чьи действия непосредственно порождают, изменяют или прекращают правоотношения. Практика признания должностными лицами специалистов или функциональных работников, чьи действия прямо и непосредственно не влекут правовых последствий, однако в сочетании с действиями других субъектов управленческих отношений приводят (могут привести) к возникновению, изменению или прекращению правоотношений, то есть в дальнейшем могут обусловить принятие иными лицами ошибочных управленческих решений и определенные правовые последствия, приведет к тому, что юридически значимыми неосновательно могут признаваться действия, весьма отдаленные от будущих правовых последствий [3, с. 30–31].

Вместе с тем Председатель Верховного Суда Республики Беларусь 18.09.2020 отменил постановление от 24.07.2020, указав, что экономическим судом сделан неправомерный вывод о том, что Д. не является должностным лицом и не может быть субъектом ответственности по ч. 1 ст. 21.17 КоАП 2003 г. Председатель Верховного Суда Республики Беларусь отметил, что Д., будучи назначенной в соответствии с приказом директора КУП «Б» участником (членом) конкурсной комиссии, допустила несоблюдение порядка проведения процедур закупок при строительстве, то есть совершила юридически значимые действия [4].

Таким образом, в данном решении Председатель Верховного Суда Республики Беларусь сформировал судебную практику, согласно которой член комиссии по закупкам хотя самостоятельно (единолично) не имеет возможности предопределить принятие решения в ходе проведения конкретной процедуры закупки, однако проголосовав в ходе заседания комиссии (независимо от того, как проголосовали другие члены комиссии) за принятие незаконного решения (то есть фактически предложив руководителю утвердить решение, противоречащее требованиям законодательства), тем самым совершает юридически значимое действие, чем приобретает статус должностного лица.

Следует отметить, что подобный подход можно наблюдать в российском законодательстве.

Российский законодатель при конструировании понятия должностного лица применительно к административно-деликтному праву пошел по пути перечисления категорий лиц, которые относятся к должностным. Согласно примечанию к ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) лица, выполняющие функции члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также функции членов комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц (определенный аналог отечественных закупок за счет собственных средств), совершившие определенные в КоАП РФ правонарушения в фере закупок в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, несут административную ответственность как должностные

лица. При этом в белорусской литературе высказано мнение, что отсутствие, в отличие от российского законодательства, перечисления правонарушений, которые могут быть совершены должностными лицами, является определенным недостатком отечественного административного законодательства [5, с. 138].

Как нами уже отмечалось ранее [6, с. 54], противоречивость установления в КоАП 2003 г. категорий субъектов ответственности за нарушения порядка осуществления закупок в КоАП 2021 г. в данной части устранена. Такой субъект административных правонарушений в анализируемой сфере, как должностное лицо в ст. 12.9, 12.10, 12.27 КоАП отдельно не выделен, данные лица охватываются более широким субъектом – работники заказчика (организатора) и члены созданных комиссий по проведению процедур закупок.

Следует иметь в виду, что вопрос о полномочиях на совершение юридически значимых действий как признаке должностного лица уже длительное время является предметом научного исследования.

Еще более 70 лет назад применительно к науке административного права выработано определение должностного лица как служащего, который при осуществлении своей служебной компетенции имеет право на совершение юридически значимых действий и, в частности, административных актов [7, с. 141]. Многими учеными в области административного права еще в советское время отмечалось, что юридически значимые действия – признак, по которому проводится грань между должностным лицом и другими служащими [8, с. 144].

Также весьма досконально проработана проблема юридически значимых действий и в науке уголовного права, некоторые рекомендации которой представляют интерес для науки административного права.

Интересным видится мнение, высказанное российскими учеными, о том, что полномочия работника по совершению юридически значимых действий как раз и позволяют признать их организационно-распорядительными, а потому эти полномочия нельзя разделять. Или еще проще: помимо полномочий по принятию юридически значимых решений в круге организационно-распорядительных полномочий соответствующего вида (т. е. полномочий, не связанных с управлением подчиненными) ничего иного нет [9, с. 55–56].

Организационно-распорядительные функции включают в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий [10, с. 13; 11, с. 12]. Лица, осуществляющие такие функции, имеют хотя бы одного подчиненного им работника [12, с. 11].

Должностные лица, уполномоченные на совершение юридически значимых действий, наделены компетенцией по принятию решений, влекущих юридически значимые последствия, т. е. полномочия принимать решения, порождающие, изменяющие или прекращающие определенные правоотношения (к таким последствия можно относить удостоверение юридически значимых фактов, предоставление или лишение прав, наложение обязанностей или освобождение от них и т. д.) [11, с. 12].

Поэтому нельзя ставить знак тождества между лицами, осуществляющими организационно-распорядительные функции, и лицами, уполномоченными в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; вторая

категория шире (к ним относятся лица, у которых в подчинении не имеется работников, однако они могут совершать действия, влекущие возникновение, изменение или прекращение правоотношений по отношению к субъектам, не являющихся подчиненными по отношению к ним).

В юридической литературе обращается внимание на то, что статус должностного лица распространяется на любое физическое лицо публичного или частного права, действия которого влекут за собой возникновение, приостановление, изменение или прекращение юридически значимых событий и обстоятельств (т. е. юридических фактов) [13, с. 27]. В советских учебниках по административному праву при отсутствии в законодательстве того времени понятия должностного лица к ним относили лиц, деятельность которых связана с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, при этом делая уточнение, что они осуществляют деятельность, направленную на возникновение, изменение и прекращение правовых отношений [14, с. 107–108].

В связи с изложенным представляется возможным сделать вывод о дискуссионности включения в абз. 3 ч. 1 ст. 1.10 КоАП в качестве отдельной категории должностных лиц государственных служащих, имеющих право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе. Лица, обладающие вышеуказанными полномочиями, наделены правом совершения юридически значимых действий, соответственно, оснований для выделения их в качестве самостоятельной категории в рамках общего понятия должностного лица не имеется.

Также видится дискуссионным вопрос о том, необходимо ли выделять в КоАП такие признаки должностного лица, как выполнение организационно-распорядительных либо административных функций, либо достаточно оставить один универсальный признак, который, как представляется, полностью охватывает все иные признаки – полномочия на совершение юридически значимых действий. Следует отметить, что в отечественной уголовно-правовой науке преобладает противоположное мнение, критикующее данный признак как слишком широкий и неопределенный [15, с. 52; 3, с. 30; 16, с. 226–227; 17, с. 70]. Обращается внимание, что сами по себе юридически значимые действия, даже если они влекут определенные правовые последствия, не всегда связаны с осуществлением функций должностного лица. По своей природе они могут выступать как в форме служебных полномочий, так и иных служебных действий не должностного характера [18, с. 162]. В связи с изложенным представляется важным, чтобы понятие «юридически значимые действия» было прямо раскрыто в административно-деликтном законе, что позволило бы разрешить многие трудности, возникающие при правоприменении.

Следующим проблемным моментом можно обозначить то обстоятельство, что в КоАП не определены общие положения о том, когда должностные лица несут административную ответственность.

При этом одной из существенных особенностей административной ответственности должностных лиц является то, что они могут быть подвергнуты административному наказанию не только за свои собственные действия или поступки, но и за поведение (действия, бездействие) подчиненных им

работников [19, с. 33], за дачу им указаний, идущих вразрез с установленными правилами, непринятие мер по соблюдению правил подчиненными [20, с. 59].

В ст. 2.4 КоАП РФ есть указание, что административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. Российскими исследователями отмечается, что такая формулировка неудачна: создается впечатление, что все административные проступки должностных лиц совершаются путем чистого или смешанного бездействия. Именно на неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей акцентируется внимание в составе такого преступления, как халатность, которое к тому же имеет место только при неосторожной вине. Далеко не все административные проступки должностных лиц, предусмотренные КоАП РФ, безупречно «вписываются» в общее понятие должностного административного правонарушения [21, с. 89]. Например, мелкое хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 11.1 КоАП), очевидно, может быть совершено исключительно умышленно. По этой причине нельзя согласиться с позицией отдельных авторов, которые утверждают, что в диспозиции статей административно-деликтного закона прямо указано, что к ответственности может быть привлечено только должностное лицо [22, с. 65]. Вышеуказанный пример ст. 11.1 КоАП, а также использование законодателем в данном кодексе при определении круга субъектов правонарушений специальной отраслевой терминологии (например, совершить правонарушение, предусмотренное ч. 6 ст. 12.9 КоАП, выражающееся в незаконной отмене процедуры государственной закупки, может только должностное лицо заказчика либо организатора, так как работник, наделенный правом отменять процедуру закупки, является должностным лицом по признаку осуществления юридически значимых действий) свидетельствует о необходимости тщательного выяснения в каждом случае индивидуально, совершено ли конкретное нарушение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

В связи с изложенным представляется верным предложение о законодательном закреплении положения о том, что административной ответственности подлежит должностное лицо за совершение им административного правонарушения в связи с осуществлением своих служебных обязанностей [21, с. 90]. Данный вопрос имеет важный практический аспект применительно к определению сроков наложения административного взыскания в зависимости от того, совершено правонарушение с использованием или без использования должностных (служебных) полномочий. Например, в организации нет секретаря, документы по процедурам государственных закупок хранит заместитель директора. При нарушении порядка хранения таких документов (ч. 1 ст. 12.9 КоАП) необходимо иметь в виду, что в данном случае заместитель директора, безусловно относящийся к категории должностных лиц, в дело по процедуре государственной закупке не поместил протокол заседания комиссии (который в действительности составлен, но хранится в другой папке), ни организационно-распорядительные, ни административно-хозяйственные функции не выполнял, юридически значимые действия не совершал, соответственно, сроки наложения взыскания на заместителя директора за такие нарушения следует исчислять в соответствии с п. 1, а не п. 2 ч. 1 ст. 7.6 КоАП.

Для снятия вопросов, периодически возникающих на практике, представляется целесообразным закрепление в законодательстве положения о том, что прекращение трудовых отношений с должностным лицом не исключает возможности привлечения его к административной ответственности, если нарушение было допущено им в период исполнения служебных обязанностей, как это сделано в абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права». Вместе с тем в текущем году при принятии постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» данная возможность использована не была. При этом наиболее оптимально подобную норму закрепить напрямую в КоАП.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать следующие предложения, касающиеся регламентации ответственности должностных лиц в административно-деликтном праве Республики Беларусь.

Имеются основания для проведения научной дискуссии на предмет наличия оснований для исключения из абз. 3 ч. 1 ст. 1.10 КоАП такой категории должностных лиц, как государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе, т. к. данная категория, представляется, охватывается имеющейся категорией должностных лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. Также целесообразным представляется раскрытие законодателем в ст. 1.10 КоАП понятия «юридически значимые действия», что позволило бы разрешить многие трудности, возникающие при правоприменении.

Дополнить КоАП ст. 4.10 с названием «Ответственность должностного лица» следующего содержания:

«1. Должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения им административного правонарушения в связи с использованием (осуществлением) своих должностных (служебных) полномочий.

2. Прекращение трудовых отношений с должностным лицом не исключает возможности привлечения его к административной ответственности, если правонарушение было допущено им в период исполнения должностных (служебных) обязанностей».

Список цитированных источников

1. Кононов, П. И. Административная ответственность должностных лиц : автореф. дис ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / П. И. Кононов ; Ин-т зак-ва и сравн. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 1994. – 27 с.

2. Бодрова, Н. В. Административная ответственность должностных лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н. В. Бодрова ; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2001. – 22 с.

3. Барков, А. В. Трактовка должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий / А. В. Барков // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 8. – С. 28–31.

4. Архив прокуратуры Брестской области за 2020 г. – Копия постановления Председателя Верховного Суда Республики Беларусь по делу об административном правонарушении № 5-9АпЖн/2020/144жв.

5. Семашко, Е. В. Развитие законодательства об административной ответственности должностных лиц в Республике Беларусь / Е. В. Семашко, С. И. Черепович // Проблемы управления. – 2012. – № 4. – С. 134–140.

6. Бильдейко, А. А. Административная ответственность за нарушения в сфере закупок товаров (работ, услуг) в новом Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях: достижения и недостатки / А. А. Бильдейко // Право.by. – 2021. – № 4. – С. 53–59.

7. Ямпольская, Ц. А. О должностном лице в советском государственном аппарате / Ц. А. Ямпольская // Вопросы совет. административного права. – М., Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 134–153.

8. Ответственность в управлении / И. Л. Бачило, П. Г. Щекочихин, С. В. Катрич [и др.]. – М. : Наука, 1985. – 303 с.

9. Бриллиантов, А. В. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран / А. В. Бриллиантов, Е. Ю. Четвертакова. – М. : Проспект, 2014. – 192 с.

10. Чижевский, В. С. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами / В. С. Чижевский. – М. : Книжный мир, 2016. – 1168 с.

11. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 1083 с.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

13. Агапов, А. Б. Субъекты административного права / А. Б. Агапов. – М. : Юрайт, 2017. – 268 с.

14. Советское административное право / Н. В. Блинова [и др.] ; под ред. П. Т. Василенкова. – М. : Юрид. лит., 1981. – 464 с.

15. Хомич, В. М. Взяточничество через призму уголовного закона и судебной практики / В. М. Хомич // Судовы веснік. – 2003. – № 2. – С. 51–52.

16. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 718 с.

17. Никитин, Ю. А. Квалификация противоправных действий должностного лица: совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики / Ю. А. Никитин // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – Вып. 14. – С. 66–72.

18. Энциклопедия уголовного права / А. В. Грошев, В. Д. Ларичев [и др.] ; отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005–2017. – Т. 27 : Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. – 2017. – 1249 с.

19. Буравлев, Ю. М. Государственный служащий как должностное лицо и субъект административной ответственности / Ю. М. Буравлев // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 27–38.

20. Гомонов, С. А. Ответственность должностных лиц как составляющая часть института административной ответственности / С. А. Гомонов // Административное право и процесс. – 2012. – № 3. – С. 58–60.

21. Егорова, Н. А. Вопросы уголовной и административной ответственности должностных лиц / Н. А. Егорова // Уголов. право. – 2002. – № 4. – С. 89–90.

22. Правовое регулирование административно-деликтных отношений / С. В. Добриян, И. В. Козелецкий [и др.] ; под ред. С. В. Добрияна. – Минск : Акад. МВД, 2019. – 271 с.

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов административной ответственности должностных лиц в административно-деликтном праве Республики Беларусь. На основании изучения научной литературы и правоприменительной практики приведены доводы о необходимости проведения научного исследования вопросов корректировки содержащегося в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях понятия должностного лица. Также предлагается закрепить в вышеуказанном кодексе тезис о том, что должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения им административного правонарушения в связи с использованием своих служебных полномочий.

AN OFFICIAL AS A SUBJECT OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Bildzeika A.A.

Key words: administrative offense, administrative responsibility, an official, subject of offense.

Abstract. The article is devoted to research the issues of administrative responsibility of officials in the administrative-tort law of the Republic of Belarus. Based on the study of scientific literature and law enforcement practice it is given arguments to conduct a scientific research of the issues of correcting the concept of an official contained in the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses. It is proposed to implement in the above-mentioned code the thesis that an official is subject to administrative responsibility if he commits an administrative offense with the use of his official power.

УДК 343.9

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЕЕ ЭТАПЫ

Довгялло М.М.

Ключевые слова: криминологическая экспертиза, методика проведения, объект экспертизы, эксперт, заключение.

Введение

В системе мер предупреждения преступности важное место отводится криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов (далее – криминологическая экспертиза). Она представляет собой «комплексное социально-правовое криминологическое изучение и оценку с целью выявления правовых детерминант преступности, которые содержат криминальные или виктимные риски» [1, с. 68]. По мнению Н.Н. Шевчук, «криминологическая экспертиза – урегулированное правовыми нормами и осуществляемое специально уполномоченными криминологами и другими специалистами предметно-целевое исследование проектов законов и других нормативных правовых актов, действующего законодательства, экономических, социальных, культурных, правовых и других государственных программ и планов, а также

других социальных явлений и процессов, направленное на диагностику и выявление деструктивных явлений, процессов и норм, которые имеют или могут иметь криминогенный характер, то есть выступать в качестве социальных, правовых и личностных детерминант (факторов, причин или условий) совершения преступлений и других правонарушений, с целью разработки конкретных мероприятий по их нейтрализации и устранению для обеспечения эффективного предупреждения, позитивного изменения уровня, структуры, последствий и характера преступности и других правонарушений» [2, с. 183].

Таким образом криминологическая экспертиза представляет собой процесс, обладающий определенными характеристиками, в частности, объектом и этапами проведения, что свидетельствует о значимости и актуальности их исследования.

Основная часть

Криминологическая экспертиза имеет непосредственно подлежащий исследованию объект. Как полагает М.Р. Жердев, объектом экспертизы нормативного правового акта является его проект, представляемый на рассмотрение эксперту для осуществления необходимых действий с использованием методов научного познания (анализа, сравнения, прогнозирования и др.) при формировании общего вывода о целесообразности или нецелесообразности принятия рассматриваемого нормативного правового акта [3, с. 265].

Данная позиция нашла отражение в национальном законодательстве. В соответствии с частью первой п. 5 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244, (далее – Положение) объектами криминологической экспертизы являются проекты нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь, законопроекты, проекты постановлений Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз. Кроме того, криминологической экспертизе подлежат совместно принятые нормативные правовые акты в случае, если первым в числе принимающих данный акт определен Совет Министров Республики Беларусь, Комитет государственного контроля, Национальный банк, Управление делами Президента Республики Беларусь, Следственный комитет, Государственный комитет судебных экспертиз. Следует отметить, что объектом криминологической экспертизы может выступать действующий нормативный правовой акт.

При этом некоторым ученым видится предпочтительным проведение экспертизы «проектов нормативных актов, поскольку при выявлении наличия коррупционных факторов она позволяет своевременно устранить их либо разработать опережающие профилактические меры» [4, с. 135]. Вместе с тем в правовой доктрине высказывается мнение, что практику проведения криминологической экспертизы следует распространить также на экономические, социальные, культурные и другие государственные программы и планы, криминальную ситуацию и криминогенную обстановку в стране, в отдельных регионах и конкретных организациях [2, с. 183]. Данное расширение объекта исследования обуславливается увеличением социальной

и правовой эффективности криминологической экспертизы в плане профилактики преступности и других правонарушений за счет использования ее ресурсного поценциала в более широком диапазоне. Нельзя не согласиться с утверждением о необходимости применения возможностей криминологической экспертизы, ноувеличение объектного состава в настоящий момент с учетом правоприменительной практики полагаем весьма преждевременным.

Определение объекта, как и общее ознакомление с материалами, представленными для проведения кримининологической экспертизы, осуществляется на подготовительном этапе. Существуют различные точки зрения относительно наименования этапов проведения криминологической экспертизы, но большинство ученых склонны выделять в общей совокупности три этапа (начальный, основной и заключительный, или подготовительный, исследовательский и заключительный этапы).

Первый (подготовительный, начальный) этап криминологической экспертизы предполагает общую оценку объекта экспертизы (вид нормативного правового акта, направивший его субъект и полномочия последнего, наличие обязательных сопроводительных документов, определение потребности и запрос дополнительных материалов), установление вида криминологической экспертизы, назначение эксперта (экспертов).

Второй (исследовательский, основной) этап криминологической экспертизы непосредственно связан с ее проведением. Составными элементами рассматриваемого этапа, по мнению Н.Н. Шевчук, являются:

– системный криминологический анализ объекта экспертизы, направленный на диагностику и выявление деструктивных явлений и процессов;

– криминально-детерминационная оценка выявленных деструктивных явлений и процессов, в результате которой обнаруживаются криминогенные деструктивные явления и процессы;

– криминологическое прогнозирование социального действия выявленных деструктивных явлений и процессов, представляющее собой анализ возможного негативного социального действия криминогенных социальных, правовых и других явлений и процессов на мотивацию и поведение конкретных личностей и социальных групп, а также социальную среду с целью прогнозирования индивидуального преступного поведения, равно как влияния на количественные и качественные показатели отдельных видов преступлений и преступность в целом;

– антикриминальный анализ объекта экспертизы, т. е. анализ социального действия социально-правовых явлений и процессов, содержащихся в объекте экспертизы, на предмет их возможного препятствия государственной деятельности по предупреждению и борьбе с преступностью. В частности, препятствия антикриминальной политике могут проявляться в нарушении основных принципов деятельности правоохранительных и других государственных органов по предупреждению и борьбе с преступностью: системности и комплексности профилактической и правоохранительной деятельности; дифференцированности и индивидуализации ответственности и т. д. [2, с. 186].

Отличительной особенностью указанного этапа следует назвать возможность инициирования экспертом так называемого рабочего порядка устранения выяленных в представленном на криминологическую экспертизу проекте

нормативного правового акта рисков криминогенного характера. При этом необходимо обязательное соблюдение предусмотренных частью первой п. 15 Положения условий, в частности: устранение недостатков не требует существенной переработки положений проекта и последующего согласования с заинтересованными государственными органами и иными организациями. При этом следует принимать во внимание право субъекта, направившего проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, не согласиться с замечаниями эксперта и отказаться от устранения выявленных недостатков в рабочем порядке. В таком случае эксперт отражает замечания в заключении криминологической экспертизы.

Преимуществом данного механизма является его оперативность. Но вместе с тем на практике существуют проблемы в реализации. Так, по общему правилу, эксперт предлагает процедуру рабочего порядка путем направления соответствующего письма субъекту, направившему проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, с указанием о необходимости выражения согласия на доработку проекта посредством ответного сообщения. При этом на практике неоднократны случаи, когда такого сообщения не поступает. Вариантом решения проблемы, на наш взгляд, является установление на законодательном уровне обязанности субъекта, направившего проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, проинформировать эксперта в письменной форме о принятом решении по доработке либо отказе в осуществлении таковой согласно замечаниям эксперта.

Следует отметить, что в юридической литературе высказывается предложение о выделении генерального этапа в случае проведения коллегиальной экспертизы, в рамках которого эксперты обязаны сформировать общее экспертное мнение, в том числе при наличии противоречий [3, с. 264]. Полагаем, что указанный этап следует рассматривать в качестве промежуточной стадии исследовательского этапа криминологической экспертизы.

Третий (заключительный) этап криминологической экспертизы состоит в подготовке заключения криминологической экспертизы, его подписании и направлении надлежащему субъекту. Заключение криминологической экспертизы включает выводы и рекомендации по корректировке объекта экспертизы с целью устранения деструктивных социальных, правовых и других явлений и процессов, которые имеют криминогенный характер, а также положений, препятствующих эффективной государственной антикриминальной политике [2, с. 187]. Сам же «вывод экспертизы нормативного правового акта» рассматривается М.Р. Жердевым как «результат умственной и логической деятельности субъекта проведения экспертизы (эксперта), в котором отражены все необходимые сведения об объекте исследования экспертизы, который отвечает на все поставленные в начале проведения экспертизы вопросы, имеет письменный характер, содержит окончательное, мотивированное мнение эксперта о приемлемости или нецелесообразности принятия проекта нормативного правового акта или дальнейшего функционирования действующего акта» [3, с. 266].

Заключение по результатам проведения криминологической экспертизы имеет установленную законодательством форму. Общие требования

к содержанию заключения содержатся в Положении. Содержательно оно состоит из вводной, исследовательской части и выводов.

В вводной части заключения отмечается информация о дате и субъекте, направившем проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, перечень сопроводительных материалов, информация об участии в проведении криминологической экспертизы специалистов государственных органов и иных организаций. В исследовательской части заключения указываются общая криминологическая оценка объекта экспертизы, конкретные методы криминологической экспертизы, приводится анализ выявленных в объекте экспертизы недостатков правового регулирования, обосновывается механизм их функционирования в различных сферах общественных отношений, отражаются результаты криминологического прогноза социального действия выявленных рисков криминогенного характера. В выводах отмечается отсутствие норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, либо перечисляются все выявленные недостатки с формулированием научно обоснованных предложений по их устранению.

Таким образом, мнение эксперта, содержащееся в заключении криминологической экспертизы, предполагает два возможных варианта: положительный или отрицательный вывод.

По мнению М.Р. Жердева, выводы эксперта для большей обоснованности решения следует разделять на три вида: положительный, положительный с условием, а также отрицательный [3, с. 266]. Так, положительное заключение означает, что проект нормативного правового акта полностью отвечает установленным требованиям. Вывод положительный с условием заключается в том, что проект нормативного правового акта, представленный на криминологическую экспертизу, содержит определенное несоответствие общепринятым нормам и для его принятия данные недостатки должны быть полностью устранены с учетом отмеченных рекомендаций по их устранению. Отрицательное заключение эксперта полностью или частично запрещает принятие представленного проекта нормативного правового акта.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Криминологическая экспертиза является важным элементом правотворчества в контексте системы предупреждения преступности, представляющим собой исследование содержания проекта нормативного правового акта, направленное на выявление в нем положений, применение которых может повлечь возникновение негативных последствий в связи с наличием рисков криминогенного характера. Она имеет определенные объект и этапы проведения.

В целях обеспечения эффективности реализации механизма рабочего порядка по устранению выявленных экспертом в проекте нормативного правового акта недостатков правового регулирования представляется целесообразным установление на законодательном уровне обязанности субъекта, направившего проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, проинформировать эксперта в письменной форме о принятом решении по доработке либо отказе в осуществлении таковой согласно замечаниям эксперта.

Список цитированных источников

1. Барановский, Н. А. Методология криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов / Н. А. Барановский // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 5. – С. 68–71.
2. Шевчук, Н. Н. Криминологическая экспертиза как мера предупреждения правонарушений / Н. Н. Шевчук // Весн. Полоцкого гос. ун-та. – 2019. – № 6. – С. 181–188.
3. Жердев, М. Р. Криминологическая экспертиза нормативно-правовых актов и ее место в системе мер предупреждения преступности / М. Р. Жердев // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., Курск, 24 марта 2022 г. – Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2022. – С. 262–267.
4. Клюковская, И. Н. Правовая природа и принципы криминологической актикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / И. Н. Клюковская, Р. К. Мелекаев // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 134–137.

Аннотация. В статье исследован объект криминологической экспертизы, дана общая характеристика этапов ее проведения. Автором выявлена прикладная проблема исследовательского этапа и определен способ ее решения.

CERTAIN LEGAL ASPECTS OF THE CRIMINOLOGICAL EXPERTISE METHODOLOGY OF NORMATIVE LEGAL ACTS: OBJECT OF EXPERTISE AND ITS STAGES

Dauhiala M.M.

Keywords: criminological expertise, methodology, expertise object, xpert, conclusion.

Abstract. The article deals with the object of criminological expertise, gives a general description of the stages of its implementation. The author has identified the applied problem of the research stage and determined the way to solve it.

УДК 340.13(476+470+574)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дятлова В.О.

Ключевые слова: экономическая безопасность, законотворчество, административная ответственность, предпринимательская деятельность, законодательство в сфере экономической деятельности, совершенствование нормотворчества.

Введение

В контексте обеспечения национальной безопасности в экономической сфере одними из наиболее важных элементов системы являются наличие разработанной государственной политики и нормативной правовой базы, регулирующей отношения в рассматриваемой сфере. С этой позиции необходимо обратить внимание в том числе и на те акты законодательства, которые не только напрямую гарантируют и обеспечивают бизнес-субъектам

развитие их деятельности, предоставляют льготы, преференции и иные стимулы, но и – что особенно важно – которые косвенно, но весьма существенно влияют либо могут повлиять на их деятельность.

Воздействие на систему нормативными правовыми актами, влияющими напрямую на субъектов предпринимательской деятельности, очевидно и проявляется зачастую достаточно быстро. Кроме того, значительное количество актов законодательства, особенно в текущих внешнеэкономических условиях, является – по сути – реакцией на уже имеющиеся негативные проявления, которые необходимо максимально оперативно устранить или минимизировать.

Результат же применения законодательства, оказывающего косвенное воздействие, имеет отложенный, но не менее значимый эффект. Особого внимания в этой связи требует законодательство об административной ответственности, поскольку административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности является необходимым средством государственного воздействия, позволяющим государству воздействовать на тех субъектов экономической деятельности, которые не находятся под его непосредственным контролем [1].

Кроме того, в основе любого правоустановления и правоприменения лежит не только гуманитарный, но и экономический аспект [2]. Именно в этом ракурсе законодательство об административной ответственности все время находится в сфере внимания не только юристов, но и представителей экономической науки и непосредственно самих субъектов предпринимательской деятельности, поскольку последствия административного взыскания могут повлечь для последних значительные изменения в их финансово-экономическом положении и, следовательно, в случае чрезмерных обременений повысить вероятность сокращения либо прекращения экономической активности. Последнее, в свою очередь, в контексте обеспечения экономической безопасности в случае возникновения такого эффекта на постоянной и массовой основе является существенным риском.

В этой связи решение проблемы соотношения «карательного» потенциала санкций Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушеньях (далее – КоАП) с предупредительной функцией данных норм права является одной из наиболее актуальных в настоящий момент.

Основная часть

В 2021 г. вступил в силу новый КоАП, предыдущая редакция которого неоднократно подвергалась критике из-за проблем, связанных с несовершенством законодательного регулирования административной ответственности субъектов хозяйствования, с чрезмерностью санкций КоАП, иногда превышающих размер уголовных штрафов, а также с потенциальной криминогенностью [3].

Действующий КоАП содержит положения о категориях административных правонарушений. В зависимости от характера и степени общественной вредности, административные правонарушения подразделяются на грубые административные правонарушения, значительные административные правонарушения и административные проступки [4]. Анализ санкций составов административных правонарушений, ответственность за которые предусматривается гл. 13, т. е. за совершение правонарушений в области

предпринимательской деятельности, показывает следующее. Из 115 состава, предусмотренных указанной главой, 70 – относятся к категории значительных административных правонарушений и 25 – к категории проступков.

Вместе с тем 21 состав правонарушений предусматривает санкцию в отношении индивидуальных предпринимателей или юридических лиц, которая может быть применена в виде штрафа в размере 300 базовых величин – то есть каждая пятая санкция. При этом такой размер штрафа является соразмерным уголовному штрафу, поскольку минимальный размер штрафа за преступления против порядка осуществления экономической деятельности составляет также 300 базовых величин. Стоит еще раз отметить, что правонарушения, предусмотренные гл. 13 КоАП, за которые может быть назначен административный штраф в указанном размере, не относятся к категории грубых административных правонарушений.

Данное обстоятельство заслуживает внимания прежде всего с той позиции, что административный штраф – это прежде всего обязательство правонарушителя компенсировать в финансовом выражении свое незначительно противоправное поведение, при этом ему не свойственна вся жесткость государственного наказания.

Штраф по уголовному законодательству же представляет собой меру наказания за действительно опасное деяние, который при этом налагается исключительно в судебном порядке. Вместе с тем не все составы данных правонарушений подлежат рассмотрению судом.

Кроме того, иные главы КоАП также содержат составы, предусматривающие возможность назначения штрафных санкций в аналогичном и большем размерах, и также не все данные правонарушения подлежат рассмотрению судебными органами. В этой связи не утрачивает актуальности вопрос о соотношении штрафных санкций административного и уголовного законодательства [5], равно как вопрос о карательной, предупредительной и восстановительной функции штрафа. В практической плоскости данный вопрос актуален прежде всего с позиции недопустимости чрезмерности штрафа в отношении субъектов предпринимательской деятельности, поскольку 300 базовых величин относительно доходов субъектов малого и среднего бизнеса являются более чем весьма существенной величиной [6; 7], что, соответственно, требует необходимости при его назначении выяснения всех обстоятельств совершения административного правонарушения.

В этой связи при рассмотрении вопроса о дальнейшем совершенствовании законодательства в данной сфере возможно установить такой критерий, исходя из которого возможность применения штрафа в 300 базовых величин в отношении индивидуального предпринимателя или юридического лица, если она предусмотрена санкцией статьи КоАП, влечет необходимость рассмотрения данного административного правонарушения судом.

Показательно, что зарубежное законодательство содержит близкие к этому подходы, устанавливая в качестве критерия рассмотрения административного правонарушения судом размер штрафа либо связывая с тем, в отношении какого субъекта применяется административное взыскание. Так, Кодекс об административных правонарушениях Республики Азербайджан в ст. 18 устанавливает, что административное взыскание в отношении юридического лица применяется только судьей [8]. В свою очередь, Кодекс Республики

Таджикистан об административных правонарушениях содержит положения, согласно которым административные дела, в которых размер штрафов превышает триста показателей для расчетов, за исключением дел об административных правонарушениях в области налогообложения и антимонопольного законодательства, рассматривается судьей [9].

Нормы административного права предоставляют должностному лицу полномочия по применению административного взыскания к лицу, совершившему административное правонарушение. Однако зачастую разница между минимальным и максимальным наказанием настолько велика, что в данном случае создаются возможности для коррупционного поведения должностных лиц. Зачастую критерии, которыми должен руководствоваться государственный орган (должностное лицо), правомочный налагать штрафы при выборе оптимального, необходимого именно в данной ситуации размера штрафа, отсутствуют. Эти условия, заданные непосредственно нормами права, в совокупности с иными обстоятельствами способны обусловить возникновение коррупционных деликтов. При этом следует отметить, что санкции, предусматривающие существенную разницу между низшим и высшим размером штрафа, широко применяются в отношении таких субъектов административных правонарушений, как индивидуальный предприниматель и юридическое лицо. В КоАП содержится значительное количество санкций, где размер штрафа для юридических лиц или индивидуальных предпринимателей не имеет нижней границы в санкции статьи (либо нижняя граница – небольшой штраф), но установлена высокая верхняя граница – до 500 базовых величин (например, ч. 1 ст. 13.3, ч. 3 ст. 13.6, ст. 16.9) или до 1000 базовых величин (например, ст. 17.4, ч. 1 ст. 25.9, ч. 3 ст. 13.32).

Особенно ярко данный недостаток проявляется при установлении в санкции размера штрафа в процентном или в кратном отношении.

Так, действующий КоАП содержит более 40 составов правонарушений, совершение которых влечет наложение административного взыскания в виде штрафа, размер которого установлен в процентном или в кратном отношении к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, выручки, сделки, внешнеторговой операции или дохода, разнице между фактической выручкой, полученной от реализации товаров (работ, услуг), и расчетной величиной выручки от реализации товаров (работ, услуг).

Подобные санкции применяются исключительно к индивидуальным предпринимателям либо юридическим лицам, и разрыв между минимальным и максимальным размером штрафа исключительно велик, поскольку минимальный размер такого штрафа в санкциях не определен. При этом в ряде санкций – 11 составов правонарушений – за совершение правонарушений, предусмотренных соответствующими статьями КоАП, размер штрафа может достигать до 50 %, а санкции 14 составов предусматривают штрафные санкции до 100–150 % в к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, выручки, сделки, внешнеторговой операции или дохода, разнице между фактической выручкой, полученной от реализации товаров (работ, услуг), и расчетной величиной выручки от реализации товаров (работ, услуг). При этом основная доля таких санкций содержится в гл. 12–15, 22 и 24 КоАП, т. е. за административные правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, предпринимательской

деятельности, таможенные правонарушения, в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, благоустройства и пользования жилыми помещениями, а также против порядка управления.

Следует учитывать, что общее требование, определенное в отношении минимального размера штрафа и закрепленное в ст. 6.4 КоАП, распространяется в том числе и на штрафы данного вида, соответственно, минимальный размер штрафа, налагаемого на индивидуального предпринимателя, – 2 базовые величины, а на юридическое лицо – 5 базовых величин (при анализе в данном случае не учитывался минимальный размер за нарушение порядка налогообложения). Следовательно, разница между минимальным и максимальным размером штрафа может составлять десятки, а то и сотни раз. Очевидно, что указанные нормы также обладают исключительно коррупциогенным потенциалом, поскольку предоставляют широкие возможности должностному лицу по определению размера наказания. Причем в данном случае, и это необходимо отметить, покупается вполне «законное» решение – решение в пределах, установленных законодательством.

В целях снижения коррупциогенности данных норм и уменьшения возникновения рисков криминогенного характера возможно рассмотреть вопрос об установлении в общей части КоАП минимального размера для штрафов, размер которого установлен в процентном либо кратном отношении. Кроме того, в юридической литературе высказывались предложения об отказе от таких санкций в принципе и расчете таких штрафов, исходя, например, из прибыли за предыдущий календарный год, с установлением в санкции размера такого штрафа в размере от 1 до 100 % прибыли. Такой подход основан на том, что «возможность расчета штрафа исходя из процентного либо кратного отношения к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо к доходу, полученному в результате сделки значительно увеличивает тяжесть налагаемого взыскания, что приводит, исходя из практики применения мер ответственности, к изъятию оборотных средств, а зачастую и к банкротству юридического лица. Учет прибыли при наложении взыскания позволяет дифференцировать ответственность юридических лиц в зависимости от объемов производимой продукции, работ, оказываемых услуг, а также гарантирует защиту основных фондов юридического лица» [10].

Также анализ положений КоАП показывает, что ряд составов административных правонарушений сформулирован так, что вид или размер взыскания не зависит от степени опасности нарушения. Суть проблемы состоит в использовании законодателем при конструировании состава административного правонарушения формулировок, в основе которых лежит отсылка к иному законодательству (нормативным правовым актам, регулирующим ту либо иную область отношений, техническим нормативным правовым актам, актам международного права), например, посредством использования таких конструкций, как «нарушение предусмотренного законодательством порядка закупок товаров (работ, услуг) при строительстве» (ч. 2 ст. 12.10 КоАП), «нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем, рекламораспространителем или должностным лицом государственного органа законодательства о рекламе» (ч. 1 ст. 12.22 КоАП) или «нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур, установленных техническими регламентами Таможенного союза, Евразийского экономического

союза, или общих санитарно-эпидемиологических требований, установленных Президентом Республики Беларусь, специфических санитарно-эпидемиологических требований, установленных Советом Министров Республики Беларусь, санитарных норм и правил, гигиенических нормативов, или требований ограничительных мероприятий, введенных в соответствии с законодательством в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения». Анализ составов правонарушений КоАП позволил установить несколько десятков таких конструкций, и большинство из них – это составы правонарушений, которые могут быть совершены субъектами предпринимательской деятельности.

При этом проблема также состоит в том, что предусматриваемые порядок, правила, требования могут содержаться не в одном, а в нескольких нормативных правовых актах различного уровня, а пределы ответственности, устанавливаемой КоАП, чрезмерно широки. Например, санкция ст. 13.9 КоАП предусматривает за проведение рекламной игры ее организатором с нарушением требований, предусмотренных законодательными актами, и (или) правил проведения данной игры, наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от десяти до двухсот базовых величин, а на юридическое лицо – от двадцати до пятисот базовых величин.

В этой связи создается ситуация, когда вследствие неконкретизированного описания состава правонарушения в совокупности с широким диапазоном штрафной санкции возможно применение значительного по своему размеру штрафа за, по сути, незначительные правонарушения, и наоборот. Необходимо также учитывать, что такие нормы содержат значительный коррупциогенный потенциал. Полагаем, что данная проблема может быть разрешена посредством пересмотра законодателем подходов при конструировании составов правонарушений через отказ от применения таких «размытых» признаков и конкретизацию деяний, совершение которых влечет административную ответственность.

Серьезной проблемой, на наш взгляд, также является то обстоятельство, что за совершение значительного количества правонарушений устанавливается равная административная ответственность для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Такой подход противоречит декларируемой позиции поддержки малого бизнеса, а также принципам административной ответственности.

В частности, более, чем 60 санкций КоАП предусматривают формулировки, равнозначные таким, как: «влекут наложение штрафа в размере …, а на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо – от … до … базовых величин» или «на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо – до … процентов от …». То есть из 621 состава правонарушения как минимум каждый десятый состав (поскольку отдельные составы не предусматривают ответственности для рассматриваемых субъектов в принципе, либо ответственность установлена только в отношении одного из них) предусматривает такую санкцию.

На наш взгляд, установление подобных недифференцированных по субъекту санкций нарушает принципы справедливости взыскания, индивидуализации и соразмерности. Подобные санкции могут трансформироваться из меры воздействия на правонарушителя в инструмент подавления экономической

самостоятельности и инициативы при осуществлении предпринимательской деятельности.

В данном контексте интересен опыт Казахстана, в Кодексе об административных правонарушениях которого применяется градация санкций в зависимости от субъекта предпринимательской деятельности [11]. В частности, ч. 2 ст. 44 указанного акта установлено, что:

– размер штрафа, налагаемого на субъектов малого предпринимательства, а также некоммерческие организации, не может превышать семьсот пятьдесят месячных расчетных показателей;

– размер штрафа, налагаемого на субъектов среднего предпринимательства, не может превышать тысячу месячных расчетных показателей;

– размер штрафа, налагаемого на субъектов крупного предпринимательства, не может превышать две тысячи месячных расчетных показателей.

Очевидно, что разница между последствиями для различных субъектов предпринимательской деятельности – значительна, и такой подход, на наш взгляд, обоснован не только с позиции принципов административного права, но и с позиции учета экономической составляющей. В этой связи полагаем, что необходимо предусмотреть возможность установления подобной либо в иной форме градации в законодательстве Республики Беларусь, и при последующем определении размера взыскания за совершение административного правонарушения исходить в том числе из принципа дифференциации ответственности по субъекту предпринимательской деятельности.

Также необходимо отметить, что при конструировании отдельных санкций в КоАП не в полной мере соблюдается принцип большей суровости основного наказания над дополнительным. Общие принципы применения основных и дополнительных наказаний основаны на началах справедливости соразмерности и индивидуализации ответственности, дополнительное наказание не может быть более тяжким, чем основное. Однако КоАП содержит значительное количество составов правонарушений, ответственность за совершение которых установлена с нарушением указанного принципа, и за совершение которых ответственность устанавливается по формуле «небольшой размер штрафа плюс конфискация товара (дохода, денежных средств)». В данном случае имеет место не только нарушение принципа дифференциации ответственности, принципов социальной справедливости, но и создается почва для либо банкротства субъекта хозяйствования, либо его последующего ухода в «тень».

Полагаем, что необходимые в настоящий момент формат и направления взаимодействия государства и субъектов хозяйствования требуют последующей корректировки и иных положений КоАП с той целью, чтобы максимально сохранить баланс предупредительной и санкционной функции административной ответственности, а также не допустить ухудшения финансового состояния субъектов экономической деятельности.

В частности, стоит рассмотреть вопрос о дополнении КоАП таким новым обстоятельством, исключающим признание деяния административным правонарушением, как нарушение законодательства, допущенное вследствие неправильного разъяснения по вопросам применения законодательства, полученного от уполномоченного на дачу такого разъяснения государственного органа, за исключением случаев, если указанное письменное разъяснения

основано на неполной или недостоверной информации, представленной физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом.

Кроме того, возможно расширение оснований для освобождения от административной ответственности при наличии смягчающих обстоятельств. Действующая ст. 8.4 КоАП предусматривает единственное обстоятельство возможного освобождения от административной ответственности юридического лица – добровольное возмещение или устранение причиненного вреда либо исполнение возложенной на лицо обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание. В данном случае освобождение может быть применено при совершении административного правонарушения любой категории, но только при наличии исключительно указанного обстоятельства. Иные же обстоятельства применены быть не могут. Вместе с тем учет такого обстоятельства, как совершение правонарушения по неосторожности, при рассмотрении вопроса об освобождении от административной ответственности субъекта хозяйствования мог бы найти свое нормативное отражение в рамках ст. 8.4 КоАП.

Заслуживает также внимания опыт Азербайджанской Республики, позволяющий применять административный штраф условно [8]. Так, положения ст. 116 КоАП Азербайджанской Республики позволяют уполномоченному органу (должностному лицу) выносить постановление об условном неприменении штрафа за совершение отдельных, прямо указанных в Кодексе, правонарушений, среди которых также есть правонарушения, ответственность за которые предусмотрена в том числе и для юридических лиц.

Кроме того, интересны подходы в данной сфере, применяемые в Республике Молдова [12]. В частности, Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях содержит нормы, согласно которым правонарушитель вправе внести половину установленного штрафа в случае его уплаты в течение не более трех рабочих дней со дня доведения до сведения правонарушителя решения о назначении наказания за правонарушение. И в данном случае наказание в виде штрафа считается исполненным в полном размере (за исключением случая оспаривания решения о назначении наказания за правонарушение, если правонарушитель не отозвал свое заявление об оспаривании решения, вынесенного по делу о правонарушении, до судебного расследования).

Заключение

Внедрение подобных подходов позволило бы, действительно, сделать приоритетом не наказание, не «штрафной» подход, а именно предупреждение. Что, в свою очередь, максимально благоприятно отразится и на деятельности субъектов хозяйствования, сократив возможность приостановления или прекращения ими экономической деятельности вследствие применения к ним административных взысканий.

Список цитированных источников

1. Морозова, Н. А. Административная ответственность юридических лиц: история, теория, практика [Электронный ресурс] : автореф. дис. .. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н. А. Морозова // Науч. электрон. библиотека диссертаций и авторефератов. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/administrativnaya- otvetstvennost-yuridicheskikh-lits-istoriya-teoriya-praktika. – Дата доступа: 29.07.2022.

2. Познер, Р. Экономический анализ права [Электронный ресурс] / Р. Познер. – СПб., 2004. – Т. 2. – Режим доступа: http://referad.ru/universitetskaya–biblioteka/index.html. – Дата доступа: 29.07.2022.

3. Экономическая газета. КоАП: что надо менять [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://neg.by/novosti/otkrytj/koap– chto– imenno– nado– menyat. – Дата доступа: 05.07.2022.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2022 г., № 144–З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Швед, Н. А. Некоторые проблемные вопросы установления и назначения штрафа [Электронный ресурс] / Н .А. Швед // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Белстат. Основные экономические показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/strukturnaja_statistika/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-mikroorganizatsiy-i-malykh-organizatsiy/. – Дата доступа: 28.07.2022.

7. Беларусь и мир. Банк составил портрет «ипэшника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belmir.by/2019/10/07. – Дата доступа: 28.07.2022.

8. Информационная система Континент. Кодекс Азербайджанской Республики об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа:. https://continent-online.com/Document/?doc_id=36865427#pos=5;-141. – Дата доступа: 28.07.2022.

9. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/Legislation_RUS/Tadjikiston/supervision/4/KODEKS_RESPUBLIKI_TADZHIKISTAN_OB_ADMINISTRATIVNYH_PRAVONARUSHENIYAH.pdf. – Дата доступа: 28.07.2022.

10. Плетенев, Д. А. Проблемы административной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д. А. Плетенев // БГУ. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/26/pletenev_7.pdf. – Дата доступа: 29.07.2022.

11. Информационная система «ПАРАГРАФ». Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399#sub_id=0–. – Дата доступа: 28.07.2022.

12. Государственный реестр правовых актов. Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=39393&lang=ru. – Дата доступа: 28.07.2022.

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения «карательного» потенциала санкций Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях с предупредительной функцией данных норм права в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Автором на основании анализа норм законодательства об административной ответственности выявлены недостатки правового регулирования в данной сфере и формулированы предложения, направленные на его совершенствование, в том числе с учетом зарубежного опыта.

LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A FACTOR INFLUENCING THE ACTIVITIES OF ENTREPRENEURS

Dziatlava V.O.

Keywords: lawmaking, legislation in the field of economic activity, improvement of rule-making, legislation on administrative responsibility, economic activity, economic security.

Abstract. The article examines the problem of the correlation between the punitive and preventive potential of the sanctions against entrepreneurs of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus. The author, based on the analysis of the norms of the legislation on administrative responsibility, revealed the defects of legal regulation in this field of low, and formulated proposals aimed at improving the low, including taking into account foreign experience.

УДК 340.13

МОНИТОРИНГ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Полящук Н.А.

Ключевые слова: криминологическая экспертиза, риски криминогенного характера, нормотворческая деятельность, нормативный правовой акт, мониторинг.

Введение

Вопросы проведения криминологической экспертизы не остаются без внимания ученых и практиков уже достаточно длительный период. За последние годы опубликовано большое количество научных работ, посвященных криминологической (антикоррупционной) экспертизе, совершенствуется практика ее проведения. Среди российских исследователей наибольший интерес представляют работы В.В. Астанина [1; 2], А.В. Кудашкина [3], Э.В. Талапиной, В.Н. Южакова [4], Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой [5] и др. Методологическая и научно-практическая основа криминологической экспертизы в Республике Беларусь создавалась правоведами, большинство из которых работают в настоящее время либо работали ранее в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры): В. М. Хомич, Н.А. Бабий, А.Е. Гучок, В.В. Марчук, О.В. Русецкий, Д.В. Шилин, О.О. Топорикова, Н.А. Полящук, В.О. Дятлова, Е. А.Рочева, Д.В. Сороговец [6, с. 8], Е.В. Касьянова и др.

Повышенное внимание к институту криминологической экспертизы в Республике Беларусь обусловлено и изменением законодательства, регулирующего порядок ее проведения. Опыт проведения криминологической экспертизы свидетельствует о необходимости оценки качества и эффективности данного института. Одним из инструментов, позволяющих определить и проанализировать результативность криминологической экспертизы, является

мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе. Указанный мониторинг ежегодно проводится НПЦ Генеральной прокуратуры на основании Положения о мониторинге соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов), утвержденного приказом директора НПЦ Генеральной прокуратуры от 26 декабря 2017 г. № 18-ОД.

Основная часть

Мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов) (далее – мониторинг) представляет собой регулярную комплексную аналитико-оценочную деятельность, включающую наблюдение, анализ, обобщение и оценку информации о соблюдении законодательства о криминологической экспертизе, в том числе о наличии (отсутствии) в принятых (изданных) нормативных правовых актах, проекты которых поступали (должны были поступать) в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы, норм, содержащих риски криминогенного характера.

В результате проведения мониторинга анализируется и оценивается деятельность нормотворческих органов на предмет соблюдения ими нормативных правовых актов, регламентирующих правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов), к которым, в частности, относятся: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130–З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о нормативных правовых актах), Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе», Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» (далее – Указ № 415), приказ Генерального прокурора Республики Беларусь от 7 сентября 2021 г. № 92 «Об утверждении методических рекомендаций о порядке проведения криминологической экспертизы».

При осуществлении мониторинга устанавливается наличие (отсутствие) в деятельности нормотворческих органов нарушений законодательства о криминологической экспертизе, в том числе своевременность направления проекта нормативного правового акта для проведения обязательной криминологической экспертизы в случаях, предусмотренных законодательством, включая выявление фактов безосновательного принятия (издания) нормативного правового акта без проведения его обязательной криминологической экспертизы.

В связи с изданием Указа Президента Республики Беларусь от 18 марта 2021 г. № 112 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» (далее – Указ № 112) и изложением в новой редакции Положения о порядке проведения криминологической экспертизы (далее – Положение № 244) заключение криминологической экспертизы уже не носит императивного характера. Согласно п. 22 Положения № 244 учет выводов криминологической экспертизы, изложенных в заключении, в настоящее время является прерогативой субъекта, направившего проект нормативного правового акта (нормативный правовой акт) для проведения криминологической экспертизы. Тем не менее в целях определения эффективности института криминологической экспертизы при осуществлении мониторинга отслеживается, учены ли выводы,

содержащиеся в заключении криминологической экспертизы, констатирующем наличие норм, способствующих возникновению рисков криминогенного характера.

В результате изменения порядка проведения криминологической экспертизы, предусмотренного Указом № 112, у субъектов, направивших проект нормативного правового акта на криминологическую экспертизу, на основании п. 15 Положения № 244 появилась возможность устранять недостатки, влекущие возникновение рисков криминогенного характера, в рабочем порядке (если это не требует существенной переработки положений проекта и последующего согласования с заинтересованными государственными органами и иными организациями). Кроме того, в соответствии с абз. 5 п. 17 Положения № 244 проект нормативного правового акта может быть отозван по инициативе субъекта, представившего его на криминологическую экспертизу. Несмотря на устранение недостатков по результатам доработки проекта нормативного правового акта или его отзыва, мониторингу подлежат все проекты нормативных правовых актов, в которых изначально были выявлены недостатки, включая риски криминогенного характера.

Анализ принятых (изданных) нормативных правовых актов по результатам проведения мониторинга показал, что в целом недостатки проектов нормативных правовых актов, выявленные в ходе проведения криминологической экспертизы, устраняются.

Вместе с тем обнаруживаются единичные случаи, когда тексты проектов нормативных правовых актов, поступивших в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения криминологической экспертизы, перерабатываются, изменяются и не в полной мере совпадают с содержанием принятых (изданных) и официально опубликованных нормативных правовых актов. При этом переработанные акты не направляются в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения криминологической экспертизы. Как следствие, в результате проведения мониторинга по существу приходится заново проводить криминологическую экспертизу указанных актов, поскольку речь идет, как правило, не об изменениях технического характера, а о наличии норм права, в отношении которых требуется проведение криминологического исследования.

В результате проведения мониторинга были выявлены случаи принятия (издания) нормативных правовых актов без направления их проектов на обязательную криминологическую экспертизу, что свидетельствует о нарушении ст. 49 Закона о нормативных правовых актах и п. 5 Положения № 244.

Имеются также случаи, когда нормативный правовой акт принимался в тот же день, что и было подготовлено заключение криминологической экспертизы. Формально в такой ситуации нарушения, на первый взгляд, не имеется, однако фактически является очевидным, что акт был принят еще до окончания проведения криминологической экспертизы и до получения нормотворческим органом соответствующего заключения, поскольку после проведения криминологической экспертизы, например, проект постановления Совета Министров Республики Беларусь прежде, чем будет принят, проходит еще некоторый «анализ» и ряд процедурных этапов, предусмотренных Регламентом Совета Министров Республики Беларусь, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 г.

№ 193. Осуществить все предусмотренные законодательством процедуры в течение одного дня (нескольких часов) вряд ли представляется возможным.

Таким образом, при принятии нормативных правовых актов, указанных в п. 5 Положения № 244, без проведения криминологической экспертизы в отношении их проектов имеет место нарушение законодательства о нормотворческой деятельности, включая законодательство о криминологической экспертизе, не только со стороны субъектов, в обязанности которых входит необходимость направления проекта нормативного правового акта на обязательную криминологическую экспертизу (т. е. непосредственных разработчиков проекта акта), но и иных лиц, так или иначе задействованных в нормотворческом процессе, в том числе и тех, кто на основании неполного пакета документов (например, при отсутствии заключения обязательной криминологической экспертизы) принял акт, не соблюдая при этом порядок подготовки проекта нормативного правового акта и (или) порядок внесения проекта нормативного правового акта в нормотворческий орган (должностному лицу), предусмотренный законодательством.

Не в полной мере соблюдается разработчиками проектов нормативных правовых актов п. 10 Положения № 244, вследствие чего при направлении ими проектов нормативных правовых актов для проведения криминологической экспертизы прилагаются не все необходимые сопроводительные документы и материалы, предусмотренные п. 10 Положения № 244. Прежде всего речь идет о заключениях по результатам проведения обязательной юридической экспертизы и материалах, свидетельствующих о согласовании проекта нормативного правового акта, в том числе о неучтенных замечаниях и предложениях, если они имеются. В свою очередь, непредставление или несвоевременное представление разработчиками проектов нормативных правовых актов заключения по результатам проведения обязательной юридической экспертизы свидетельствует о нарушении ч. 2 п. 2 ст. 49 Закона о нормативных правовых актах и ч. 2 п. 8 Положения № 244, в соответствии с которыми проведение криминологической экспертизы законопроектов, проектов постановлений Совета Министров Республики Беларусь осуществляется после проведения их обязательной юридической экспертизы.

Выявляются случаи направления проекта нормативного правового акта для проведения криминологической экспертизы не уполномоченным на то органом, свидетельствующие о несоблюдении п. 9 Положения № 244.

Некоторыми субъектами не соблюдаются положения Указа № 415 в части реализации полномочий на принятие решения о подготовке срочных проектов. Согласно п. 2 Указа № 415 обеспечивать подготовку проектов наиболее важных нормативных правовых актов по вопросам, требующим оперативного регулирования, необходимо в кратчайшие сроки. В этих целях подготовка так называемых срочных проектов осуществляется в ускоренном порядке, а общий срок подготовки таких проектов, включая их согласование с заинтересованными и проведение обязательной юридической и иных экспертиз, не может превышать 10 рабочих дней. Как следствие, в соответствии с ч. 3 п. 13 Положения № 244 криминологическая экспертиза срочного проекта нормативного правового акта проводится не позднее рабочего дня, следующего за днем получения проекта.

В этой связи некоторые разработчики для того, чтобы оправдать «затягивание» сроков подготовки проекта нормативного правового акта пытаются ускорить процесс проведения криминологической экспертизы и необоснованно объявляют его срочным по собственной инициативе посредством выставления в автоматизированной информационной системе, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА), однодневного срока, в течение которого должно быть подготовлено заключение криминологической экспертизы. При этом не учитывается, что в соответствии с подп. 2.1 п. 2 Указа № 415 решение о подготовке срочных проектов принимается Президентом Республики Беларусь, а также Главой Администрации Президента Республики Беларусь, Премьер-министром Республики Беларусь или их первыми заместителями, а не разработчиками по собственной инициативе.

Выявляется и нарушение порядка направления проектов нормативных правовых актов, предусмотренного подп. 4.1 п. 4 Указа № 415, в результате чего для проведения криминологической экспертизы они направляются в НПЦ Гереральной прокуратуры посредством Системы межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь (СМДО), а не посредством АИС НРПА.

Выявление обозначенных и иных нарушений законодательства о нормотворческой деятельности в результате проведения мониторинга позволяют Генеральной прокуратуре реагировать на них соответствующим образом, а именно: в случае установления нарушения нормотворческим органом требований о направлении проекта нормативного правового акта для проведения криминологической экспертизы согласно п. 18 Положения № 244 Генеральная прокуратура информирует об этом нормотворческий орган. В течение пяти рабочих дней после получения указанной информации нормотворческий орган сообщает в Генеральную прокуратуру о принятых мерах по устранению выявленного нарушения.

В целях обеспечения взаимодействия и обратной связи считаем целесообразным направление Генеральной прокуратурой в НПЦ информации, поступившей от нормотворческого органа, о принятых мерах по устранению выявленного нарушения, полученной в рамках реализации ч. 2 п. 18 Положения № 244.

Проведение мониторинга позволило выявить и некоторые пробелы в правовом регулировании института криминологической экспертизы, возникшие в связи с изданием Указа № 112. В частности, вследствие изложения в новой редакции Положения № 244 остался без внимания процесс направления и проведения криминологической экспертизы принятых нормативных правовых актов. В предыдущей редакции Положения № 244 п. 14 допускалось в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, принятие (издание) нормативного правового акта, кроме закона и декрета, с последующим проведением его обязательной криминологической экспертизы. При этом в зависимости от вида нормативного правового акта в соответствии с ч. 2 и 3 п. 14 Положения № 244 необходимо было наличие решения соответствующего уполномоченного органа на принятие нормативного правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы. При принятии указанных решений нормативный правовой акт в течение пяти рабочих дней

со дня его принятия (издания) должен был быть направлен для проведения обязательной криминологической экспертизы на общих основаниях в соответствии с Положением № 244.

В настоящее время Положение № 244 не предусматривает механизма (в том числе сроков) направления и проведения криминологической экспертизы в отношении принятых без криминологической экспертизы нормативных правовых актов. В этой связи некоторые субъекты, вовлеченные в нормотворческий процесс, злоупотребляют данной ситуацией и способствуют принятию (изданию) нормативных правовых актов без направления их проектов в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что если законодательством о криминологической экспертизе не предусмотрена возможность принятия (издания) нормативного правового акта без проведения в отношении него криминологической экспертизы, то абсолютно все проекты нормативных правовых актов, закрепленные в п. 5 Положения № 244 (за исключением случаев, перечисленных в п. 6 Положения № 244), должны подлежать криминологической экспертизе. Случаи принятия (издания) нормативного проекта без направления их в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения криминологической экспертизы являются нарушением ст. 49 Закона о нормативных правовых актах и п. 5 Положения № 244.

Однако, как показывают результаты проведенного мониторинга и опыт проведения криминологической экспертизы, на практике, действительно, встречаются исключительные ситуации, не терпящие отлагательства, при которых возникает необходимость в срочном принятии нормативного правового акта без проведения криминологической экспертизы. В настоящее время подобные действия не соответствуют законодательству и должны признаваться противоправными со всеми вытекающими последствиями.

Следует отметить, что п. 2 Указа № 415 предусматриваются особенности подготовки в кратчайшие сроки проектов наиболее важных нормативных правовых актов по вопросам, требующим оперативного регулирования, но для того, чтобы принять решение о признании проекта нормативного правового акта срочным, также требуются определенные процедуры и время.

В этой связи полагаем целесообразным обратить внимание на указанную проблему и инициировать в соответствии с законодательством внесение изменений в Положение № 244 в части предоставления права нормотворческому органу в исключительных случаях (при наличии соответствующих решений уполномоченных должностных лиц) принимать (издавать) нормативные правовые акты с последующим направлением их для проведения криминологической экспертизы в установленные сроки.

Заключение

Таким образом, мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе является, с одной стороны, действенным инструментом системы управления нормотворческим процессом, позволяющим выявлять недостатки правоприменительной практики, а с другой, – самостоятельной мерой, направленной на совершенствование законодательства о криминологической экспертизе и нормотворческой деятельности в целом.

Информация о выявленных нарушениях законодательства о криминологической экспертизе, поступившая из НПЦ Генеральной прокуратуры по результатам проведенного мониторинга, может служить основанием для реализации Генеральной прокуратурой п. 18 Положения № 244 и принятия предусмотренных в нем мер. Вместе с тем полагаем целесообразным вновь закрепить полномочия Генеральной прокуратуры на осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законодательных актов в сфере проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), в том числе за выполнением требований об их направлении для проведения обязательной криминологической экспертизы, как это было ранее установлено подп. 1.4 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы». Как следствие, по результатам проведенного НПЦ Генеральной прокуратуры мониторинга и представленной информации Генеральная прокуратура была бы уполномочена на проведение проверки нормотворческого органа, допустившего нарушение, и на вынесение соответствующего акта прокурорского надзора, а не просто на информирование нормотворческого органа о нарушениях без возможности принятия каких-либо мер прокурорского реагирования.

Кроме того, результаты мониторинга свидетельствуют о необходимости внесения изменений в Положение № 244 в части определения порядка направления для проведения криминологической экспертизы принятых нормативных правовых актов, в отношении проектов которых в исключительных случаях, определенных законодательством, криминологическя экспертиза изначально не проводилась.

Полагаем, что указанные предложения будут способствовать повышению качества нормативных правовых актов, эффективности института криминологической экспертизы и нормотворческой деятельности в целом.

Список цитированных источников

1. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / М. С. Азаров [и др.] ; сост. Е. Р. Россинская. – М. : Проспект, 2010. – 96 с.

2. Астанин, В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики / В. В. Астанин // Рос. юстиция. – 2016. – № 8. – С. 5– 9.

3. Кудашкин, А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : науч.-практ. пособие / А. В. Кудашкин. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – 368 с.

4. Талапина, Э. В. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков ; под ред. В. Н. Южакова. – М. : Центр стратег. разраб.; Статут, 2007. – 96 с.

5. Правовые акты: антикоррупционный анализ : науч.-практ. Пособие / И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. В. Н. Найденко, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. – М. : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.

6. Научно-практический комментарий к Положению о порядке проведения криминологической экспертизы в Республике Беларусь / В. Е. Бурый [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, В. В Марчука, О. В. Русецкого. – Минск : Амалфея, 2022. – 240 с.

Аннотация. В статье представлены примеры нарушений, выявляемых по результатам мониторига соблюдения законодательства о криминологической экспертизе в Республике Беларусь, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о криминологической экспертизе и полномочиям Генеральной прокуратуры при выявлении соответствующих нарушений.

MONITORING OF COMPLIANCE WITH LEGISLATION ON CRIMINOLOGICAL EXAMINATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Polyashchuk N.A.

Keywords: criminological examination, criminogenic risks, rule-making activity, normative legal act, monitoring.

Abstract. The article presents examples of violations revealed as the result of monitoring of compliance with the legislation on criminological examination in the Republic of Belarus, formulates proposals for improving the legislation on criminological examination and proposals on powers of the Prosecutor General's Office upon detection of corresponding violations.

УДК 342.951;351.9

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Тайшибаев А.С.

Ключевые слова: анализ, практика, правоохранительная деятельность, административно-правовое регулирование, меры принуждения, органы внутренних дел, эффективность.

Введение

Органы внутренних дел (милиции, полиции) для выполнения оперативно-служебных и иных задач вправе применять меры административно-правового принуждения, направленные на защиту общественных отношений от противоправных посягательств. Охраняя неприкосновенность личности, ее права и свободы, законные интересы граждан, органов, предприятий, учреждений и организаций, полиция (милиция) правомочна применять принуждение к тем, кто не поддается влиянию мер убеждения, принуждать правонарушителей к соблюдению норм права, принудительно подчинять их правопорядку.

Меры административно-правового принуждения могут применяться и к лицам, не совершающим правонарушений, в целях общей профилактики и пресечения наступления общественно опасных последствий при стихийных бедствиях, эпидемиях и других чрезвычайных обстоятельствах.

Основная часть

В системе мер административно-правового принуждения особое место занимают меры предупредительного, профилактического характера.

В правоохранительной деятельности полиции (милиции) применение отдельных видов административно-принудительных мер выступает в качестве неотъемлемой составляющей профилактики негативного социального поведения субъектов права, которое может нарушить баланс прав и законных интересов членов общества, либо профилактики других различного рода негативных социальных явлений, не связанных напрямую (либо вовсе не связанных) с социальной активностью конкретных субъектов права.

Освещая вопрос о юридической сущности и определении понятия административно-предупредительных мер, необходимо отметить присутствующее в науке административного права видимое разнообразие подходов к указанным вопросам.

В юридическом энциклопедическом словаре под редакцией О.Е. Кутафина «превентивные меры» определяются как: «Упреждающие меры, применяемые уполномоченными на то государственными органами в рамках их компетенции и в соответствии с действующим законодательством для предотвращения наступления нежелательных определенных обстоятельств, случаев, ситуаций в целях охраны прав и свобод граждан, установления правопорядка и соблюдения государственной и общественной безопасности. Превентивные меры как термин, имеющий более четкую смысловую нагрузку, употребляется скорее в процессуальном значении, в практике судопроизводства» [1, с. 390].

В.Г. Розенфельд и Ю.Н. Старилов указывают, что административно-предупредительные меры – это группа мер административного принуждения, применяемая в целях предупреждения правонарушений в сфере обеспечения правопорядка, общественной безопасности, борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями [2, с. 19].

М.И. Жумагулов считает, что главным основанием применения большинства административных мер принуждения является нарушение лицом возложенных на него правовых обязанностей, однако в ряде случаев применение принудительных мер может быть и в отношении лиц, невиновных в нарушении норм права, и это возникает вследствие особых условий (стихийных бедствий и т. д.) [3, с. 49].

А.П. Коренев понимает под административно-предупредительными мерами «способы и приемы, направленные на предупреждение правонарушений и недопущение их отрицательных, вредных последствий, а также на предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций» [4, с. 193].

Б.А. Жетписбаев под мерами административного предупреждения понимает «совокупность мероприятий, осуществляемых органами исполнительной власти и направленных на предупреждение правонарушений и недопущение влияния их вредных последствий на безопасность граждан, на общественный правопорядок и на нормальную деятельность государственных органов, предприятий, организаций и учреждений» [5, с. 120].

Итак, исходя из общепринятого представления о данной группе мер, можно сделать вывод о том, что административно-предупредительные меры отличаются, как правило, следующими признаками:

– они не связаны с совершением административного правонарушения, т. е. правонарушение либо еще не совершено, либо не предполагается вовсе, а принудительные механизмы в отношении физических и юридических лиц применяются;

– принудительный характер данных мер состоит в реализации властных односторонних действий, которые не согласовываются с противоположной стороной;

– административно-предупредительные меры закреплены в законодательных и иных нормативных актах, предусматривающих обязательные действия либо устанавливающих известные запреты и ограничения под угрозой применения административных санкций за их неисполнение, а также четко регламентированные полномочия надзорных органов по обеспечению режима исполнения этих предписаний.

Считаем, вышеприведенный перечень является неполным и нуждается в доработке.

Прежде всего, одной из существенных особенностей мер административно-принудительной превенции является то, что содержание подобного рода мер находит свое отражение не в санкции административно-правовой нормы, как это происходит в случае с мерами пресекательными и карательными (мерами ответственности), а в ее диспозиции.

При этом указанный тезис не является новым в науке административного права.

Например, Ю.С. Рябов предложил дефиницию, согласно которой «административно-предупредительные меры есть указания, содержащиеся в диспозициях норм административного права, реализация которых осуществляется в принудительном порядке строго на законных основаниях полномочными органами государства (их представителями) при наступлении определенных обстоятельств в целях предупреждения правонарушений и обеспечения общественной безопасности» [6, с. 45].

Примечательно, что данное Ю.С. Рябовым определение весьма органично сочетается с концепцией И.А. Галагана об административно-правовых нормах в части, касающейся роли диспозиций и санкций нормы права, выполняющих самим фактом своего существования функции психического принуждения в отношении индивидуально не определенных субъектов права (при этом они указывают только на возможность принуждения, вытекающего из их содержания; конкретно же названные диспозиции и санкции становятся «мерой» принуждения лишь в случае их исполнения (диспозиции) или применения к обязанным субъектам) [7, с. 80–82].

Отметим, что с тезисом о закреплении содержания превентивных мер административного принуждения в диспозициях административно-правовых норм связана дискуссия о структуре профилактической нормы административного права.

Так, Н.В. Макарейко справедливо отмечает, что особенность административно-предупредительных мер заключается в их своеобразном нормативном закреплении (в том, что они содержатся в диспозициях правовых

норм, в то время как другие виды мер административного принуждения закрепляются санкциями) [8, с. 41].

Основанием применения предупредительных мер, как отмечает Н.В. Макарейко, служит юридическая презумпция, т. е. предположение о том, что в результате неприменения или несвоевременного применения данных мер будет совершено правонарушение или наступят иные вредные последствия, связанные с действием непреодолимых сил природы и техногенными процессами. Однако в дополнение к приведенным (вполне справедливым, на наш взгляд) суждениям указанный ученый склонен считать, что в административно-правовой норме превентивного характера, выраженной в статье нормативного правового акта, как правило, отсутствует такой структурный элемент, как санкция.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что значительное количество административно-предупредительных мер и нецелесообразно и невозможно реализовать на основании письменных индивидуальных правовых актов управления (в особенности, это касается применения таких административно-предупредительных мер, как досмотр пассажиров и багажа в аэропортах, таможенный досмотр, запрещение (ограничение) дорожного движения как одно из средств обеспечения общественной безопасности, эвакуация граждан с объектов, нахождение на которых угрожает жизни и здоровью людей). Такие административно-предупредительные меры применяются на основании действующего законодательства и реализуются после вынесения соответствующим компетентным субъектом устного управленческого решения или посредством совершения конклюдентного действия.

В то же время не следует забывать, что некоторые меры административного предупреждения носят групповой характер и вследствие этого могут вводиться исключительно на основании нормативно-правовых актов государственного управления (карантин, эвакуация и др.). Безусловно, конкретная мера административного предупреждения в этом случае будет, скорее всего, совершена в форме конклюдентного действия, однако формальным основанием такого действия будет нормативно-правовой акт, принятый в ходе правоприменительной деятельности уполномоченным органом государственного управления (исполнительной власти) либо должностным лицом такого органа.

Анализ казахстанского законодательства об административно-правовом принуждении показал, что приведенный выше перечень принудительных мер превентивного характера нуждается в серьезном расширении и корректировке. Действительно, в Казахстане действует ряд законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих применение вышеперечисленных мер административной превенции.

В частности, Закон Республики Казахстан № 199–V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» устанавливает следующие профилактические полномочия сотрудников полиции:

проверять у физических лиц документы, удостоверяющие их личность, а также другие документы, необходимые для проверки соблюдения установленных правил, контроль за выполнением которых возложен на органы внутренних дел;

проводить освидетельствование лиц на предмет установления факта употребления психоактивного вещества и состояния опьянения, а при

невозможности – доставлять в медицинские учреждения для освидетельствования;

останавливать и досматривать транспортные средства, отстранять от управления транспортными средствами лиц, запрещать эксплуатацию транспортных средств, временно ограничивать или запрещать движение транспортных средств и пешеходов;

производить при входе (въезде) в места проведения охранных, массовых мероприятий досмотр физических лиц, их вещей, транспортных средств и провозимых грузов, в том числе с применением технических средств, не допускать в места их проведения лиц и транспортные средства с запрещенными предметами и вещами;

устанавливать контрольно-пропускные пункты при проведении оперативно-профилактических, розыскных и иных специальных мероприятий и др. [9].

Кроме того, административное законодательство Республики Казахстан предоставляет органам внутренних дел право применять не только меры административного предупреждения, но и административно-пресекательные меры, являющиеся эффективным средством прекращения различных правонарушений.

Вопрос о понятии мер административного пресечения, их содержании в современной административно-правовой литературе исследован не слишком глубоко, а отличающиеся монументальностью исследования работы советских правоведов не в полной мере отражают особенности действующей системы этих правовых средств в рамках существующей системы государственного управления. Тем не менее, имеет смысл остановиться на существующих в науке административного права определениях понятия «меры административного пресечения» или просто – «административное пресечение».

Административно-правовая наука в лице своих представителей – ученых-правоведов – идет двумя зачастую пересекающимися путями к выявлению природы административного пресечения. Первое направление характеризуется попытками определить понятие административного пресечения через целевое назначение (т. е. способом, используемым при определении понятия «меры административной превенции»).

Так, в советский период развития науки административного права Т.И. Козырева определяла меры административного пресечения как такие меры административного воздействия, которые «применяются в целях пресечения длящихся и предотвращения новых административных правонарушений, наступления вредных последствий, а также обеспечения возможности применения административного наказания» [10, с. 16].

А.П. Коренев под мерами административного пресечения понимает «способы и средства принудительного воздействия, применяемые в целях прекращения противоправного деяния, предотвращения его общественно опасных последствий, а также в целях создания возможности для последующего привлечения нарушителя к юридической ответственности» [4, с. 194].

Современные административисты также используют подобный способ определения исследуемого понятия. А.Ф. Пехтерев, к примеру, полагает, что меры административного пресечения – это «такие регулируемые нормами административного права и используемые различными органами государственного управления средства принудительного воздействия, которые

направлены на прекращение противоправного поведения, его недопущение, устранение его вредных последствий, а также на создание условий для возможного привлечения виновных лиц к ответственности» [11, с. 193].

В.А. Тюрин также полагает, что «мерами пресечения в административном праве России являются регламентируемые нормами административного права средства принудительного воздействия, применяемые уполномоченными на то органами государственной власти (должностными лицами), а в некоторых случаях и общественными формированиями, которые направлены на прекращение противоправного деяния, устранение связанных с ним вредных последствий, а также на создание оптимальных условий для последующего привлечения виновных лиц к юридической ответственности» [12, с. 24–25].

Однако существует и другой путь теоретических изысканий в вопросе об определении понятия мер пресечения. Так, Б.А. Жетписбаев под административным пресечением понимает принудительную деятельность органов исполнительной власти, направленную на предупреждение и прекращение противоправных действий антиобщественного характера и профилактику их повторения [5, с. 150].

В.Д. Ардашкин, называя меры административного пресечения «мерами защиты» или средствами «принудительного исполнения», определял их как «оперативные действия органов государственного управления, которые заключаются в прекращении юридических аномалий путем понуждения субъектов к исполнению лежащих на них административных обязанностей» [13, с. 8–9].

Д.Н. Бахрах и вовсе характеризует меры пресечения как «понуждение правонарушителя (гражданина или организации) к исполнению правовых обязанностей» [14, с. 22].

Как видим, сущность данного направления исследований заключена в попытке отобразить в определении цель применения мер пресечения вне связи с правонарушением и его последствиями.

Как средство прекращения противоправного поведения меры административного пресечения играют важную роль в обеспечении надлежащего общественного порядка, и поэтому, как справедливо отмечает А.П. Шергин, «значение этих мер в системе правоприменительных средств трудно переоценить, поскольку в ходе их применения пресекается общественно опасная деятельность нарушителя, обеспечивается возможность привлечения его к ответственности» [15, с. 7].

Применение мер пресечения оказывает психологическое воздействие на правонарушителя, удерживает его от совершения повторных порицаемых правом действий, от пренебрежения административно-правовыми запретами, понуждает правонарушителя поступать правомерно, напоминает об ответственности перед обществом, коллективом, окружающими людьми за последствия своих свободно избранных решений, поступков, действий.

Более отдаленная цель мер пресечения (общее их назначение) состоит в обеспечении правопорядка, чему и служат указанные средства принудительного воздействия в рамках возникающих административно-пресекательных правоотношений.

Воздействие мер административного пресечения направлено на восстановление нарушенного правонарушителем стабильного состояния правоотношений, общественного спокойствия, справедливости, обязывает его

исправить свое поведение, нанесшее вред тому или иному правоохраняемому объекту. Устранение такого рода вредных последствий восстанавливает нормальную ситуацию, обычный ритм жизни, трудовой деятельности людей, приводит в необходимое соответствие личные и общественные интересы, обеспечивает незыблемость установленного порядка.

Как известно, правонарушений без последствий не бывает. Вред наносится общественным отношениям как таковым: материализованные или психически осязаемые последствия возникают при совершении любого правонарушения. И, конечно, одна из целей административно-пресекательных мер состоит в устранении этих последствий.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что административное пресечение позволяет предотвратить деяния и события, которые могут усугубить ответственность правонарушителя, вследствие чего можно говорить о применении мер административного пресечения не только в интересах государства, общества, заинтересованных лиц, но и в интересах лица, противоправные действия которого пресекаются.

Кроме того, меры административного пресечения могут использоваться и для защиты интересов, здоровья, жизни самого правонарушителя (как, например, в случае управления транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического опьянения либо в случае доставления в медицинские организации или органы внутренних дел лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения, что предохранит его от возможного ограбления и замерзания).

В некоторых случаях административное пресечение предшествует привлечению к административной ответственности, связано с совершением необходимых, неотложных действий, без которых применить меру административного наказания было бы невозможно.

Действительно, меры административного пресечения могут применяться как самостоятельно (закрытие в связи с антисанитарным состоянием предприятия общественного питания), так и в совокупности с административными взысканиями, при этом они обеспечивают возможность взыскания и, как правило, им предшествуют (задержание нарушителя общественного порядка с последующим наложением на него административного штрафа). Однако следует помнить, что мера административного пресечения далеко не обязательно во всех случаях сопрягается с административным наказанием: воздействие на правонарушителя может быть завершено только одним ее применением.

Будучи мерами сугубо административно-правовыми, меры пресечения направлены на прекращение не только административных правонарушений, но и любых других действий, содержащих признаки противоправного деяния, втом числе и уголовных правонарушений, т. е. преступлений. Но, в отличие от мер административной превенции, основанием применения мер пресечения является не возможная, а непосредственная опасность, угрожающая охраняемым административным правом отношениям.

Административно-предупредительные меры являются средством охраны общественных отношений от возможных нарушений, предотвращения вредных последствий. Реальные нарушения ставят под непосредственную угрозу охраняемые объекты, причиняют им вред. Интересы их защиты требуют

«неотложной» помощи со стороны государства, которое оказывает ее в виде мер пресечения действий, нарушающих правовые предписания.

Под мерами административного пресечения понимаются способы и средства принудительного воздействия, применяемые в целях прекращения противоправного деяния, предотвращения его общественно опасных последствий, а также в целях создания возможности для последующего привлечении нарушителя к юридической ответственности [4, с. 194–195].

Среди средств административного принуждения меры пресечения, применяемые в административном порядке, наиболее многочисленны и разнообразны, что обусловливается необходимостью быстрого и эффективного прекращения различного рода посягательств на интересы государственных, негосударственных организаций и граждан. Так, суть таких мер, как административное задержание нарушителя, изъятие у браконьера орудий лова или охоты, запрещение эксплуатации неисправных машин и механизмов и т. п., состоит в принудительном прекращении противоправных действий и предотвращении общественно опасных последствий.

Основаниями применения мер административного пресечения являются:

1) фактическое совершение административного правонарушения;

2) совершение объективно противоправных деяний или наступление представляющих опасность противоправных состояний либо событий.

Так, применение сотрудниками полиции оружия, специальных средств, боевой и специальной техники обусловливаются необходимостью быстрого и эффективного прекращения различного рода посягательств на личную безопасность, права и свободы граждан, интересы государственных и негосударственных организаций.

Меры административного пресечения используются как в интересах общества, государства, так и в интересах самого правонарушителя. Прежде всего властное прекращение антиобщественной деятельности позволяет предотвратить действия, события, которые усугубили бы ответственность виновного. Например, принудительное лечение, помещение в медвытрезвитель в некоторых случаях и другие меры прямо преследуют цель оказания помощи гражданину, совершающему противоправные действия.

Для приведения в действие мер пресечения установление вины не требуется, т. к. в процессе осуществления этих мер отсутствует оценка нарушения с точки зрения наказания. Применение мер пресечения не влечет для субъекта состояния наказанности. Указанными особенностями объясняется и то, что меры пресечения могут применяться и для прекращения объективно противоправных деяний, совершаемых невменяемыми, душевнобольными, лицами, обладающими иммунитетом, лицами, не достигшими 16-летнего возраста, и др.

Система мер пресечения чрезвычайно разнообразна: от требования прекратить правонарушение до применения оружия. По своей сущности это могут быть меры психического (угроза применить средства принуждения), материального или физического воздействия, в том числе с использованием технических (специальных) средств и оружия, а также оперативные действия, связанные с личным, организационным или имущественным ограничением, благодаря совершению которых правонарушитель лишается возможности продолжать правонарушение, побуждается к исполнению правовых обязанностей [4, с. 195].

Одной из особенностей мер административного пресечения является то, что данные меры являются наиболее масштабной частью административно-правового принуждения.

К мерам административного пресечения уполномоченные органы вынуждены обращаться гораздо чаще, чем к мерам административного наказания и административного предупреждения. Например, к административному задержанию полиция прибегает гораздо чаще, чем к административному штрафу. Относительная распространенность административно-пресекательных мер объясняется тем, что их применение зачастую входит в круг прямых функциональных действий уполномоченных органов, является одновременно и их правом, и их обязанностью. Так, в Законе Республики Казахстан № 199–V «Об органах внутренних дел» применение мер пресечения закреплено как «правообязанность» органов внутренних дел.

Заключение

Хотелось бы отметить, что административно-правовое принуждение, применяемое органами внутренних дел Республики Казахстан, – это метод воздействия на сознание и поведение людей (граждан и должностных лиц), выражающийся в применении сотрудниками ОВД принудительных мер воздействия психологического, физического, материального и организационного характера, направленных на неукоснительное выполнение физическими и юридическими лицами юридических обязанностей, в связи с совершением противоправных действий (административных правонарушений и преступлений) или при возникновении обстоятельств, угрожающих общественной безопасности или безопасности личности в целях предупреждения и пресечения правонарушений, привлечения виновных к административной или уголовной ответственности, обеспечения безопасности жизнедеятельности общества.

Список цитированных источников

1. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. О. Е. Кутафина. – М., 2002.
2. Розенфельд, В. Г. Административное принуждение. Административная ответственность. Административно-юрисдикционный процесс : Учеб. пособие / В. Г. Розенфельд, Ю. Н. Старилов. – Воронеж, 1993. – 167 с.
3. Жумагулов, М. И. Применение мер административно-правового принуждения государственной автомобильной инспекцией : Учеб. пособие / М. И. Жумагулов. – Актюбинск : АГУ им. К. Жубанова, 1997. – 126 с.
4. Коренев, А. П. Административное право России : Учебник. В 3-х ч. / А. П. Коренев. – М., 1996. – Ч. 1. – 380 с.
5. Жетписбаев, Б. А. Теоретические проблемы административно-правового принуждения в Республике Казахстан / Б. А. Жетписбаев. – Алматы : Данекер, 2001. – 410 с.
6. Рябов, Ю. С. Административно-предупредительные меры: Теоретические вопросы / Ю. С. Рябов. – Пермь, 1974. – 82 с.
7. Галаган, И. А. Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование / И. А. Галаган. – Воронеж, 1970. – 251 с.
8. Макарейко, Н. В. Административное право : пособие для сдачи экзамена / Н. В. Макарейко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2004. – 239 с.
9. Об органах внутренних дел Республики Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 23 апр. 2014 г., № 199–V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199.

10. Козырева, Т. И. Административная ответственность в СССР : Учеб. пособие для студентов фак. сов. стр-ва / Т. И. Козырева. – М., 1973. – 94 с.
11. Пехтерев, А. Ф. Некоторые проблемы применения мер административного пресечения / А. Ф. Пехтерев // Административная ответственность: вопросы теории и практики ; под ред. Н. Ю. Хаманевой. – М. : ИГП РАН, 2004. – 209 с.
12. Тюрин, В. А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве / В. А. Тюрин // Государство и право. – 2002. – № 7.
13. Ардашкин, В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / В. Д. Ардашкин ; Свердл. юрид. ин-т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. – 17 с.
14. Бахрах, Д. Н. Меры административного пресечения / Д. Н. Бахрах // Административная ответственность и гарантии ее законности. – Пермь, 1969. – 286 с.
15. Шергин, А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – М. : Юрид. лит., 1979. – 143 с.

Аннотация. Применение органами внутренних дел эффективных приемов, форм и методов обеспечения законности и правопорядка составляет содержание их правоохранительной деятельности, являющейся одним из видов административно-правового регулирования. Административно-правовое регулирование – одна из разновидностей отраслевого правового регулирования, распространяющегося на широкий спектр общественных отношений, связанных с организацией межотраслевого управления, управления транспортом, связью, финансами, промышленностью, культурой, образованием и иными сферами, создающих административно-правовой порядок. Особый характер административно-правовое регулирование приобретает в правоохранительной деятельности органов внутренних дел на этапах применения мер административно-правового принуждения, направленных на профилактику преступности, обеспечение общественной безопасности и т. д. Представители государственной власти применяют данные меры с целью приведения поведения человека в соответствие с правилами общественной жизни.

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF APPLYING ADMINISTRATIVE AND LEGAL COERCION MEASURES BY THE INTERNAL AFFAIRS BO DIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Taishibaev A.

Keywords: analysis, practice, law enforcement, administrative and legal regulation, enforcement measures, internal affairs bodies, efficiency.

Abstract. The use by internal affairs bodies of effective methods, forms and methods of ensuring law and order is the content of their law enforcement activities, which is one of the types of administrative and legal regulation. Administrative and legal regulation is one of the varieties of sectoral legal regulation that applies to a wide range of public relations related to the organization of intersectoral management, management of transport, communications, finance, industry, culture, education and other areas that create an administrative and legal order. Administrative and legal regulation acquires a special character in the law enforcement activities of internal affairs bodies at the stages of applying administrative and legal enforcement measures aimed at preventing crime, ensuring public safety, etc. Representatives of state authorities apply these measures in order to bring a person's behavior in accordance with the rules of public life.

УДК 342

ЕДИНОЛИЧНЫЕ ОРГАНЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Чмыга О.В.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, единоличные органы территориального общественного самоуправления, правовой статус, правовое регулирование, перспективы совершенствования, представительская функция.

Введение

В Республике Беларусь территориальное общественное самоуправление законодатель определяет как деятельность граждан на добровольной основе по месту их жительства на части территории административно-территориальной единицы (территории микрорайонов, жилищных комплексов, кварталов, улиц, дворов, агрогородков, поселков, деревень и др.) в целях решения вопросов местного значения непосредственно или через органы территориального общественного самоуправления (далее – ОТОС) [1]. По справедливому мнению профессора Г.А. Василевича, ОТОС являются «важным звеном местной демократии» [2, с. 361]. Вследствие этого в нашем государстве на современном этапе его развития ОТОС, в том числе и единоличные (старосты, старейшины и др.), приобретают все большее распространение и значение. В настоящее время республиканские органы власти, местные Советы и органы местного управления оказывают значительную помощь в становлении ОТОС и упрочении их правового положения. Действительно, местные Советы депутатов и ОТОС, «эти две ветви местного самоуправления взаимодополняют друг друга, работают во взаимодействии для решения вопросов, которые важны для местного населения» [2, с. 361].

На самом деле «рождение такого общественного института вполне оправдано жизнью. В деревне, находящейся вдали от центрального государственного аппарата, а, порою, и от местного, кто-то должен быть старшим, ответственным за ее связь с внешним миром, за участие граждан во всех важнейших политических и социально-экономических процессах страны, в реализации ими конституционных прав, свобод и обязанностей, то есть в общегосударственных и местных формах демократии» [3, с. 82], и значение его достаточно велико. В качестве примера деятельности подобных единоличных ОТОС может послужить сложившаяся практика их вполне успешной работы в Брестском районе Брестской области, где данный институт был образован в 1997 г., в Витебской области он существует с 1996 г., где положительно себя зарекомендовал и т. п.

В этой связи кажется весьма удивительным тот факт, что до настоящего времени в научном мире не сложилась целостная концепция правового статуса единоличных ОТОС. Она существует исключительно во фрагментарном виде, несмотря на то что «законодательство в последние десятилетия развивается динамично, причем в интересах всего народа» [2, с. 364]. В Республике Беларусь

отсутствует закон, который вобрал бы воедино все правовые нормы, регулирующие правовое положение ОТОС. Принятие подобного закона под условным названием «О статусе органов территориального общественного самоуправления в Республике Беларусь» представляется насущной проблемой краткосрочной перспективы белорусского законотворчества. В настоящей статье автором предложено собственное его концептуальное видение в части правового регулирования статуса единоличных ОТОС.

Основная часть

Как известно, согласно действующему законодательству ОТОС представляет собой организационную форму осуществления гражданами территориального общественного самоуправления. Различают коллегиальные и единоличные ОТОС. При этом единоличный орган территориального общественного самоуправления (староста, старейшина и др.) создается и действует в соответствии с Законом Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [1] и положением, утверждаемым соответствующим Советом на основе примерного положения, утвержденного Советом областного уровня с учетом требований указанного Закона. Учет единоличных ОТОС осуществляется соответствующими исполнительными и распорядительными органами первичного уровня. ОТОС подотчетен в своей деятельности местному собранию и соответствующему Совету, а координацию его деятельности осуществляет соответствующий Совет.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время как в правовой науке, так и в законодательстве отсутствует целостное понимание категории «выборное лицо органа территориального общественного самоуправления», причем это касается как коллегиальных ОТОС, так и единоличных. В связи с изложенным под названным термином автор данной статьи предлагает понимать лицо, являющееся представителем избравших его жителей соответствующей части административно-территориальной единицы и реализующее властные полномочия по осуществлению инициатив указанных членов территориального сообщества по вопросам местного значения с учетом занимаемой им должности.

Природа мандата единоличного ОТОС в науке конституционного права также, к сожалению, не нашла должного освещения. Между тем, полагаем, что мандат данного представителя должен носить смешанный характер. Именно поэтому мы придерживаемся мнения о том, что подлежащая безусловному выполнению предвыборная программа выборного лица единоличного ОТОС, его отзыв соответствующими управомоченными субъектами, равно как и возложенный на него обязательный периодический отчет о своей работе перед жителями соответствующей части административно-территориальной единицы – неотъемлемые составляющие подобного вида мандата – позволят вовремя минимизировать возможные негативные для единоличного ОТОС последствия деятельности указанных выборных лиц, а также выступят своеобразными гарантами стабильной и плодотворной работы данного органа местного самоуправления.

Своим мандатом согласно действующему белорусскому законодательству единоличный ОТОС наделяется в результате выборов. Указанное означает, что в Республике Беларусь избрание единоличных ОТОС осуществляется открытым или тайным голосованием на местном собрании [1]. Представляется, что такое избрание при тайном или открытом голосовании единоличных ОТОС (старост,

старейшин и др.) на собрании граждан в сельском населенном пункте как способ вполне оправдано.

По общему правилу, полномочия единоличных ОТОС могут быть прекращены вследствие ликвидации данного органа, осуществляемой в связи с истечением срока, на который он был создан. Следует подчеркнуть, что срок полномочий ОТОС согласно действующему законодательству не должен превышать периода полномочий Совета соответствующей административно-территориальной единицы.

Не отвергая в целом подобную позицию законодателя, представляется, что в целях оптимизации работы единоличных ОТОС срок их полномочий допустимо соизмерять с периодом, составляющим 1/2 срока полномочий соответствующего Совета. Вместе с тем общее собрание выборщиков ОТОС вправе установить и иной период полномочий членов ОТОС, но не более 4 лет.

Что же касается оснований досрочного прекращения полномочий единоличных ОТОС, то эта проблема белорусским законодателем, к сожалению, полностью еще не решена. Необходимо отметить, что, к примеру, решение об упразднении коллегиального ОТОС (разновидности ОТОС) согласно действующему белорусскому законодательству [1] принимается Советом соответствующей административно-территориальной единицы в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства или местным собранием.

Кроме того, членство в коллегиальном ОТОС также прекращается: по решению местного собрания, если член ОТОС систематически без уважительных причин не исполняет возложенные на него обязанности; по собственному желанию – на основании письменного заявления; в случае истечения срока полномочий члена ОТОС; в случае выезда члена ОТОС на место жительства за пределы части административно-территориальной единицы, на которой создан ОТОС; в случае признания члена ОТОС недееспособным в установленном порядке; в случае смерти члена ОТОС, признания его безвестно отсутствующим или объявления умершим [1].

К числу подобных исключительных оснований досрочного прекращения полномочий единоличных ОТОС, по мнению автора данной статьи, допустимо отнести: письменное заявление старосты, старейшины о сложении полномочий ввиду состояния здоровья или других обстоятельств, *препятствующих* реализации его прав и исполнения обязанностей; признание данного лица по решению суда ограниченно дееспособным; вступление в силу в отношении него обвинительного приговора суда, связанного с назначением наказания в виде ареста, ограничения либо лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы и смертной казни, а также лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; решение общего собрания жителей соответствующей части административно-территориальной единицы об отзыве полномочий единоличного ОТОС, принятое квалифицированным большинством голосов (3/4 от числа присутствующих на собрании); самороспуск единоличного ОТОС.

Что же касается полномочий единоличных ОТОС, то, полагаем, следует подчеркнуть, что указанная значительная составляющая их правового положения имеет ряд общих моментов с полномочиями коллегиальных ОТОС. Данный центральный элемент правового статуса единоличных ОТОС (права

и обязанности), полагаем, находит свою реализацию во взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, населением соответствующей части административно-территориальной единицы. Рассмотрим его подробнее.

Остановимся прежде всего на анализе важнейшей составляющей полномочий выборных лиц ОТОС – их правах. Права единоличных ОТОС в рамках предлагаемой нами концепции Закона Республики Беларусь «О статусе органов территориального общественного самоуправления в Республике Беларусь» допустимо обозначить следующим рядом: представлять интересы ОТОС; присутствовать с правом совещательного голоса на сессиях Совета по вопросам, касающимся нужд соответствующей части административно-территориальной единицы; подавать в суд от имени единоличных ОТОС исковые заявления; участвовать с правом решающего голоса по всем вопросам, заслушиваемым на заседаниях местных собраний; вносить предложения на рассмотрение местных собраний, участвовать в подготовке к их рассмотрению, обсуждении и принятии по ним решений; распоряжаться имуществом и финансами ОТОС.

В рамках взаимодействия единоличных ОТОС с органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, населением соответствующей части административно-территориальной единицы указанные представительные органы полагаем возможным наделить таким правом, как получать от местного Совета депутатов, исполнительного комитета, местной администрации сведения по вопросам, касающимся жизнедеятельности жителей соответствующей части административно-территориальной единицы, работы указанных органов, направленной на организацию деятельности единоличных ОТОС.

Что же касается обязанностей единоличных ОТОС то, по нашему мнению, их круг может быть представлен в следующем виде. В рамках работы данного вида ОТОС названные представительные органы обязаны присутствовать на заседаниях местных собраний жителей соответствующей части административно-территориальной единицы; участвовать в реализации решений ОТОС и в контроле за их исполнением, готовить повестку дня местных собраний; проводить местные собрания; визировать решения и другие документы ОТОС; отчитываться перед местными собраниями о своей работе один раз в квартал; доводить до сведения жителей соответствующей части административно-территориальной единицы информацию о созыве внеочередного местного собрания, его повестке дня, времени и месте проведения; принимать меры по обеспечению гласности в работе единоличных ОТОС.

В сфере взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, населением соответствующей части административно-территориальной единицы единоличные ОТОС обязаны рассматривать жалобы и предложения населения, представителей предприятий, учреждений и организаций, проживающего либо расположенных в пределах соответствующей части административно-территориальной единицы, принимать меры для их удовлетворения; контролировать выполнение решений единоличных ОТОС; регулярно доводить до жителей соответствующей части административно-территориальной единицы сведения о работе единоличного ОТОС.

Гарантии же деятельности единоличных ОТОС как значимый элемент их правового статуса, по мнению автора данной статьи, представляют собой систему организационных и юридических гарантий – условий и средств фактического обеспечения эффективной реализации единоличными ОТОС своих полномочий (прав и обязанностей), определенных в национальных актах законодательства.

В этой связи важно подчеркнуть, что, как правило, в Республике Беларусь деятельность единоличных ОТОС осуществляется на непрофессиональной и безвозмездной основе, и лишь в единичных случаях работа данных представительных органов все же поощряется не только в моральном плане, но и в материальном.

Полагаем, что деятельность единоличных ОТОС необходимо осуществлять на профессиональной основе, обеспечиваемой обязательной материальной составляющей организационных гарантий подобной деятельности – возмездным ее характером. При этом в целях обеспечения прозрачных деловых взаимоотношений в среде выборщиков единоличных ОТОС, а также исключения всякого рода финансовых злоупотреблений со стороны единоличного ОТОС условия труда и его оплаты необходимо согласовывать с выборщиками единоличных ОТОС.

В рамках же юридических гарантий деятельности единоличных ОТОС допустимо предусмотреть обязательность всех не противоречащих национальному законодательству решений, принятых ими в целях реализации возложенных на них полномочий для всех органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, населения соответствующей части административно-территориальной единицы. В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения подобных решений данные представительные органы могут быть наделены правомочием обращаться в соответствующие Совет, исполнительный комитет о привлечении к ответственности виновных и устранении нарушений.

Что же касается юридической ответственности единоличных ОТОС – еще одного важнейшего элемента их правового положения, то, полагаем, она может проявляться в негативных и позитивных ее проявлениях.

Так, к числу негативных мер конституционно-правовой ответственности единоличных ОТОС допустимо было бы отнести досрочное прекращение полномочий данного представительного органа в форме его упразднения местным собранием жителей соответствующей части административно-территориальной единицы, а также соответствующим местным Советом, что указывает на негативный конституционно-правовой характер подобной формы их ответственности. Сущность оснований применения подобных суровых мер юридической ответственности в двух вышеназванных случаях заключается в утрате доверия соответствующего субъекта привлечения к ответственности к единоличному ОТОС, а также в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства. Кроме того, еще одним случаем применения мер негативной конституционно-правовой ответственности единоличного ОТОС может быть досрочное прекращение его полномочий на основании вступления в силу в отношении него соответствующего обвинительного приговора суда. Позитивной мерой конституционно-правовой ответственности единоличных ОТОС, по нашему мнению, могло бы стать

принятие решения данным представительным органом о самороспуске вследствие ненадлежащего выполнения им своих обязанностей.

Все иные виды юридической ответственности к единоличным ОТОС могут применяться в общем порядке, установленном актами белорусского законодательства.

Что же касается тесно пересекающейся с конституционно-правовой политической ответственности единоличных ОТОС, то ее меры, полагаем, в полной мере соответствуют формам политической ответственности иных выборных лиц местного самоуправления – депутатов местного Совета и членов коллегиальных ОТОС (в случае невыполнения (ненадлежащего выполнения) положений предвыборной программы могут быть применимы меры политической ответственности, выражающиеся в возможном неизбрании данных лиц на следующих выборах гражданами, проживающими на территории соответствующей части административно-территориальной единицы).

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем возможным определить правовой статус единоличных ОТОС как регламентированное актами законодательства политико-правовое положение названных представительных органов, которое объединяет в единую целостную систему его взаимосвязанные и взаимозависимые элементы: мандат, основания его возникновения и прекращения, полномочия и гарантии деятельности, а также ответственность указанных органов местного самоуправления.

Подытоживая сказанное, можно также сделать вывод о том, что многие законодательные положения, упорядочивающие отношения в области правового положения единоличных ОТОС Беларуси, к сожалению, все еще носят фрагментарный характер, равно как и практика их реализации, отсутствует комплексное научное осмысление поднятой автором данной статьи проблематики.

Полагаем, представленные нами в данной работе выводы и предложения в определенной степени могут стать основой для активизации представительской функции единоличных ОТОС на современном этапе, а также могут быть предметом дальнейших научных исследований.

Список цитированных источников

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108–З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Василевич, Г. А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г. А. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 355–366.

3. Головко, А. А. Теоретические основы демократии: конституционно-правовой аспект / А. А. Головко. – Минск : Право и экономика, 2004. – 162 с.

Аннотация. В статье определены структурные элементы и особенности правового статуса единоличных органов территориального общественного самоуправления Беларуси. В целях активизации деятельности данных органов посредством усиления их представительской функции автором сформулированы направления совершенствования правового регулирования данных органов как значимого звена местной представительной демократии.

SINGLE-PERSON BODIES OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT OF BELARUS: LEGAL STATUS AND PROSPECTS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION

Chmyga O.V.

Keywords: territorial public self-government, sole bodies of territorial public self-government, legal status, legal regulation, prospects for improvement, representative function, Belarus.

Abstract. The article defines the structural elements and features of the legal status of the single-person bodies of territorial public self-government of Belarus. In order to enhance the activities of these bodies by strengthening their representative function, the author formulated directions for improving the legal regulation of these bodies as a significant link in local representative democracy.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.9

САНКЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ

Афонченко Т.П., Коржов Н.Ю.

Ключевые слова: социальный контроль, уголовно-правовой контроль, санкция, наказание, изоляция от общества.

Введение

Надлежащее выполнение возложенных на государство задач и эффективная реализация его функций в интересах социума определяет необходимость осуществления определенной, в ряде ситуаций достаточно интенсивной, степени контроля в отношении каждого из членов данного социума, а также применения соответствующих принудительных мер воздействия в случае добровольного неисполнения адресованных данному субъекту публичных императивных велений.

Основная часть

Термин «санкция» имеет латинское происхождение (лат. «sanctio») и в буквальном переводе означает «строжайшее постановление». Несмотря на то, что рассматриваемый термин несет в том числе смысловое значение акта разрешения, утверждения, выражения одобрения, согласия (например, должностного лица с предложенными действиями, решениями), более широкое распространение получило негативное звучание санкции как меры принудительного воздействия, а в более узком понимании значение термина «санкция» и вовсе отождествляется с наказанием.

По смыслу последнего социальный контроль, изначально предполагая определенные ограничения в отношении контролируемого лица, использует санкции в качестве инструмента оценки и выражения наивысшей степени несогласия с поведением контролируемого.

При этом фокус социального контроля, осуществляемого посредством различных отраслевых норм (например, в административно-правовом и уголовно-правовом порядке), достаточно часто расположен в однородной плоскости. Так, по справедливому утверждению И.А. Подрайкиной, административно-правовые и уголовно-правовые санкции (меры взыскания и меры наказания соответственно) зачастую имеют аналогичное наименование либо, имея иное название, сходны по содержанию [1, с 104], что вызывает необходимость установления недвусмысленных критериев их разграничения. Применительно к сопоставлению административно-правовых и уголовно-правовых санкций как средства обеспечения эффективности социального контроля критерием дифференциации традиционно считается общественная опасность совершенного деяния. В то же время Е.Ю. Пудовочкин указывает, что «… на уровне обобщенной системно организованной модели проблема взаимодействия уголовного и адмнистративно-деликтного права не решена»,

обращая внимание в том числе на схожесть санкционного обеспечения уголовно-правового и административно-правового запретов [2, с. 111–112].

В свою очередь, уголовно-правовая санкция является одним из самых жестких способов реагирования публично-правового сегмента социума на нарушения декларируемого правовыми нормами стандарта правопослушного поведения. В дискурсе рассуждений И.Э. Звечаровского согласимся, что издание уголовно-правового запрета (добавим – подкрепленного соответствующей санкцией) «… порой скрывает неэффективность действия иных механизмов правового регулирования, создавая иллюзию разрешения социального конфликта» [3, с. 5]. Формулируя в качестве задач охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в ст. 2 также закрепляет, что действующее уголовное законодательство способствует предупреждению преступных посягательств, воспитанию граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь [4]. Представляется, что значительная прикладная нагрузка по решению поставленных задач, в том числе в части предупредительного эффекта, ложится именно на уголовно-правовые санкции (при этом в данном контексте под санкцией мы имеем в виду не только непосредственно часть нормы Особенной части УК, где законодательно представлен перечень видов наказаний, обеспечивающих результативность запрета указанного в диспозиции нормы деяния, но и иные меры уголовно-правового воздействия, в том числе не являющиеся формами реализации уголовной ответственности, но влекущие неблагоприятные последствия для лица, совершившего предусмотренное УК общественно опасное деяние). Значение санкции для публичной демонстрации иерархии ценностей в социуме бесспорна. «Именно санкция отражает характер и степень общественной опасности преступления, способствует справедливости законодательной пенализации», – утверждают В.К. Андриянов, Ю.Е. Пудовочкин [5, с. 103]. Кроме того, на наш взгляд, именно санкционное обеспечение социального контроля позволяет индивидуализировать его проявления в адрес субъекта, отражая интенсивность отрицательной публичной оценки со стороны общества в отношении конкретного нарушения. В подобном качестве санкция есть один из вариантов прикладного выражения уголовно-правового принципа справедливости.

Санкционная поддержка социального уголовно-правового контроля подвержена гибкой динамике в ответ на изменения в оценке значимости охраняемых социально-экономических, политических, культурных и прочих сегментов окружения индивида, составляющих реальную (или в настоящее время и охраняемую законом виртуальную) действительность. Как отмечают В.В. Меркурьев и И.С. Глибовец, «преобразование уголовно-правовых норм … продиктовано неординарностью целей и сложностью задач, преследуемых законодателем в условиях динамично изменяющихся социально-правовых условий жизни общества, происходящих изменений в оценке общественной опасности отдельных категорий преступлений, появления и распространенности общественно опасных деяний, вызываемых новыми технологическим и научно-техническими достижениями» [6, с. 388].

Системность санкционной поддержки социального контроля предполагает не только тот фактор, что санкции выстроены в некий логический взаимосвязанный перечень, но и выработку объективных и неукоснительно реализуемых требований к процессу формирования указанного перечня и закономерностей его отражения в санкциях конкретных статей УК.

По мнению Ф.В. Грушина, О.А. Шуранова, одной из современных тенденций совершенствования и развития государственной уголовной политики является распространение (расширение применения) наказаний, не связанных с изоляцией от общества [7, с. 443–444]. На наш взгляд, подобное расширение должно касаться не только более активного применения уже имеющихся в УК санкций, но и введения новых. Сказанное приобретает особую актуальность, если учесть тот немаловажный факт, что имеющиеся в распоряжении правоприменителя меры воздействия, формализованные в санкции статьи Особенной части УК, довольно часто ограничены перечнем запретов на их применение, трансформируя альтернативную санкцию в безальтернативную по своей сути (например, наказания, не связанные с изоляцией от общества, предполагающие обязательную трудотерапию, поставлены в зависимость от трудоспособности осуждаемого лица, что должен учитывать суд при назначении таких наказаний, как общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы; при избрании наказания в виде ареста суд принимает во внимание наличие у женщин и одиноких мужчин детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов).

В Уголовном кодексе Белорусской Советской Социалистической Республики 1960 г. (далее – УК БССР) в качестве меры уголовного воздействия предусматривалось общественное порицание, выступавшее основным видом наказания (ст. 21 УК БССР). Так, ст. 32 УК БССР («Общественное порицание») закрепляла, что общественное порицание заключается в публичном выражении судом порицания виновному с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом. Общественное порицание также могло применяться комиссиями по делам несовершеннолетних либо товарищеским судом как способ профилактики криминорискованного поведения. В последних случаях, фактически в полном объеме отвечая своему названию, данная мера позволяла реализовать социальный контроль и проявить представителям общественности активную гражданскую позицию, выражая отрицательную оценку содеянному, но не прибегая к санкционному уголовно-правовому воздействию. Д.В. Шаблинская в контексте совершенствования уголовно-правового воздействия на субъекта полагает возможным трансформацию осуждения без назначения наказания в обнародование приговора путем доведения до публичного сведения любым из возможных способов [8, с. 290]. В условиях современного информационного пространства придание общественному порицанию публичности с использованием социальных сетей и мессенджеров позволит психологически превентивно воздействовать на правонарушителя, сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус, а также снизит виктимность потенциальных жертв в силу осведомленности о предшествующем асоциальном поведении лица. Охраняемые персональные данные как элемент неприкосновенности личности в подобных случаях могут быть использованы, обработаны и распространены с точки зрения гарантий обеспечения государством общественной безопасности

и права каждого на достоверную информацию, которые также закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст. 23, 34) [9]. В этой связи ст. 6 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99–З «О защите персональных данных» закрепляет, что согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не требуется для целей ведения уголовного процесса, осуществления оперативно-розыскной деятельности; для осуществления правосудия, исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов [10]. В подобном, на наш взгляд, нет противоречий букве либо духу закона. В.Г. Графский полагает, что право – не просто «… воплощение свободы, равенства или справедливости, а воплощение определенной свободы, ответственного равенства и ответственной справедливости» [11, с. 23]. Возведение в абсолют идеи обеспечения прав отдельного индивида отодвигает на второй план тезис об изначально добровольном исполнении каждым возложенных на него гражданских обязанностей: соблюдение Конституции Республики Беларусь, ее законов, уважение государственных символов и национальных традиций, а также достоинства, прав, свобод, законных интересов других лиц (ст. 52, 53 Конституции).

Заключение

Обеспечение концепции альтернативности санкционного обеспечения социального контроля предполагает расширение перечня видов наказаний за счет включения в него общественного порицания. Распространение, в том числе размещение в открытом доступе, соответствующей действительности информации о совершении преступлений отдельным индивидом, потенциально представляющим угрозу для окружающих ввиду тяжести ранее совершенного преступления, рецидивных проявлений и устоявшегося криминального менталитета, способно в условиях информированности о наличии потенциальной опасности существенно снизить угрозу причинения вреда.

Список цитированных источников

1. Подрайкина, И. А. К проблеме соотношения уголовного и административного наказания / И. А. Подрайкина // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Рос. конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М. : Юрлитинформ, 2022. – С. 104–108.

2. Пудовочкин, Ю. Е. Уголовное и административно-деликтное право: актуальные проблемы и перспективы взаимодействия / Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Рос. конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М. : Юрлитинформ, 2022. – С. 108–113.

3. Звечаровский, И. Э. Основные черты современной уголовно-правовой политики в форме правоприменения / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20–21 янв. 2022 г. – М. : Блок-Принт, 2022. – С. 3–12.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Андрианов, В. К. Закономерности и тенденции применения уголовно-правовых норм / В. К. Андриянов, Ю. Е. Пудовочкин // Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 97–105.

6. Меркурьев, В. В. Криминологическая обусловленность уголовно-правовых предписаний: новый этап развития межпредметных связей / В. В. Меркурьев, И. С. Глибовец // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Рос. конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М. : Юрлитинформ, 2022. – С. 388–392.

7. Грушин, Ф. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ: некоторые проблемы реализации / Ф. В. Грушин, О. А. Шуранов // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Рос. конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М. : Юрлитинформ, 2022. – С. 441–444.

8. Шаблинская, Д. В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение / Д. В. Шаблинская // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – С. 280–294.

9. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99–З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журн. рос. права. – 2017. – № 7. – С. 19–24.

Аннотация. Залогом эффективности реализуемого социального уголовно-правового контроля является системность его санкционного обеспечения. Выработка четких критериев определения перечня мер уголовно-правового воздействия, процесса построения системы наказаний как их наиболее очевидного выражения подобного воздействия, алгоритмизация процесса конструирования санкций, их соотношения с точки зрения видовой принадлежности и количественной интенсивности представляет научно-прикладную задачу, решение которой неизменно актуально как для уголовно-правовой доктрины, так и для разрешения некоторых междисциплинарных проблем. Одним из этапов процесса разрешения данной задачи должно стать упорядочение наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

SANCTIONS FOR SOCIAL CRIMINAL LEGAL CONTROL

Afonchenko T.P., Korzov N.Y.

Keywords: social control, criminal law control, sanction, punishment, isolation from society.

Abstract. The key to the effectiveness of the implemented social criminal law control is the consistency of its sanctions. The development of clear criteria for determining the list of measures of criminal law impact, the process of building a system of punishments as their most obvious expression of such an impact, the algorithmization of the process of designing sanctions, their correlation in terms of species and quantitative intensity is a scientific and applied task, the solution of which is invariably relevant both for criminal law doctrine, and to resolve some interdisciplinary problems. One of the stages in the process of solving this problem should be the streamlining of punishments that are not related to isolation from society.

УДК 343.81

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVII ВЕКЕ

Бурый В.Е.

Ключевые слова: белорусские земли, наказание, лишение свободы, тюрьма, Речь Посполитая, Соборное Уложение.

Введение

Федеральное объединение Великого Княжества Литовского, Русского и Жеймотского (далее – ВКЛ) и Королевства Польского в Речь Посполитую в результате подписания 1 июля 1569 г. Люблинской унии объединило не только территории этих двух государств, но и их правовые системы. Юрисдикция артикулов статута ВКЛ от 1588 г. распространилась и на территорию Королевства Польского. Впоследствии, начиная со второй половины XVII в., несмотря на развитие и расширение влияния и территории этого государственного объединения (в XVI–XVII вв.), вступление его в затяжные военные конфликты с Россией, Швецией и Турцией, в результате которых Речь Посполитая постепенно теряла и свою территорию, и устойчивость жизнеспособности государства (в том числе на фоне вспыхивающих внутри государства волнений народных масс (например, Могилевское восстание 1661 г.), а также других внутригосударственных религиозных, экономических и национально-культурных проблем, нерешенных правящей элитой), привело к значительному внешнему и внутреннему ослаблению страны и разделу ее территории между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 гг.

В XVII в. часть территорий белорусских земель вошла в состав Российского государства – западные территории современных Витебской, Могилевской и Гомельской областей. Эти территории были присоединены к России по результатам русско-польской войны 1645–1667 гг. в соответствии с заключенными Андрусовским перемирием (1667 г.) и «Вечным миром» (1686 г.). Как следствие, на этих белорусских территориях распространилось российское право, в том числе в уголовной сфере, которое напрямую повлияло на продолжение развития института отбывания наказания в виде лишения свободы.

Основная часть

Одновременно со Статутом ВКЛ от 1588 г. значимым нормативным правовым актом (далее – НПА) России, который на территории присоединенных белорусских земель (эти территории по мере продвижения в XVII–XVIII вв. российских границ на запад через белорусские земли получили название Северо-Западный край России) стал регулировать не только уголовно-исполнительные правоотношения, но и дальнейшее развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы, следует признать Соборное Уложение 1649 г. (а в начале XVIII в. также и Артикул воинский 1715 г.).

Изучение положений Соборного Уложения 1649 г. (далее – Уложение 1649 г.) позволяет отметить, что в более 50 статьях (и более 55 санкциях)

за преступные деяния предусматривалось наказание в виде лишения свободы с отбыванием в тюрьме [1, с. 83–257]. По сравнению со Статутом ВКЛ 1588 г. Уложение 1649 г. более детально закрепляло некоторые позиции в части, касающейся оснований, условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы [2].

Во-первых, отбывание наказания в виде лишения свободы в тюрьме становится теперь срочным (от трех дней до четырех лет; наказание за невыплаченные исковые обязательства – не менее 5 лет), бессрочным («до государева указу», «на сколько государь укажет», «докуды по нем порука будет») и пожизненным. Срочное наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме становится наиболее распространенным и закрепляется в более 30 санкциях Уложения 1649 г. (самый распространенный срок лишения свободы – от одной недели до шести месяцев). Бессрочное лишение свободы – «до государева указу», «на сколько государь укажет» – встречается в более чем 15 санкциях. К бессрочной форме тюремного заключения следует относить и отбывание осужденными наказания в виде лишения свободы за религиозные преступления (раскольники, церковные мятежники), условиями освобождения за совершение которые признавались такие критерии исправления, как «до принесенія раскаянія» и «покаместъ они обратятся на истинный путь» [3, с. 177].

За определенные преступления виновным, помимо основного наказания в виде тюремного заключения, назначалось и дополнительное в виде наказания кнутом, батогами, а также определенными имущественными взысканиями. В отдельных случаях тюремное заключение соединялось с «изувечивающими» наказаниями. Для преступлений политической и религиозной направленности лишение свободы могло быть в виде ссылки с отбыванием наказания в тюрьме. Отдельные нормы касались водворения в тюрьму на определенный срок (в том числе с назначением дополнительного наказания до водворения осужденного в тюрьму – «бити кнутом») в связи с наличием рецидива за правонарушения в сфере продажи и употребления алкогольных напитков (ст. 3 гл. 25 Уложения 1649 г.)

Во-вторых, более детально в Уложении 1649 г. закреплены некоторые позиции не только порядка организации тюрем, но и подбора персонала, выполняющего охранные и надзорные функции. Финансирование строительства в городах тюрем стало обеспечиваться за счет государства («А тюрмы … строить из Разбойного приказу государевою казною»). Помимо Разбойного приказа (министерства) в XVII – начале XVIII вв. управление тюремными учреждениями оставалось также под юрисдикцией Стрелецкого и Земского приказов (гл. 21, ст. 94 Уложения 1649 г.).

На подконтрольных России территориях управляли тюрьмами и контролировали внутренний порядок и организацию исполнения в них наказания в виде лишения свободы губные старосты и воеводы. Администрация тюрем состояла из сторожей и целовальников, в обязанности которых входило наблюдать за поведением осужденных и не допускать нападений осужденных на администрацию мест лишения свободы (далее – МЛС), а также совершения ими преступлений и побегов (гл. 21, ст. 95, 97, 101 Уложения 1649 г.).

Были закреплены и определенные требования к подбору тюремного персонала: «А в городех тюрмы строить и целовалников, и подьячих,

и тюремных сторожей, и палачей выбирать с посадов и с уездов, з дворцовых сел, и с черных волостей и со всяких сошных людей, и с патриарших, с митрополичьих, и с архиепископских, и епископских, и с манастырских, и со всяких с поместных и с вотчинных земель». Если осужденный совершит побег из тюрьмы, то при изучении обстоятельств случившегося выяснялось не только на чьей смене дежурства это произошло, но и рассматривался вопрос о том, кто ходатайствовал, чтобы принять этих сторожей и целовальников на службу в тюремное учреждение, в том числе изучались морально-волевые характеристики их поручителей-ходатаев (как правило, губных старост и воевод), а также самих охранников тюрьмы (гл. 21, ст. 101 Уложения 1649 г.).

Организация ремонта тюрем и поддержание их в исправном состоянии были в обязанностях воевод и губных старост. В обязанностях тюремных сторожей и целовальников было круглосуточное наблюдение за осужденными в тюрьме (целовальников, как правило, выбирали «сошные» люди, а сторожей назначали, в связи с этим «служебный» статус целовальников был несколько выше статуса сторожей, но это разграничение в целом условно, так как обязанности и ответственность за нарушения этих обязанностей были для них одинаковыми).

Проверка работы и состояния тюрем осуществлялась как воеводами и губными старостами (по территориальности), так и подьячими-проверяющими из московских приказов (по всей стране).

В-третьих, более детализированы порядок и условия отбывания наказания в тюрьмах и организация исправительного процесса с осужденными. Учитывая, что основная цель водворения в тюрьму – это изоляция преступника от остального общества, тюрьмы строили с таким расчетом, чтобы минимизировать возможность побега или совершения нового преступления лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Данной цели максимально соответствовали каменные тюрьмы. Обыкновенные (одна или несколько деревянных изб, огороженных забором-частоколом) тюрьмы и земляные (ямы с опущенными в них деревянными срубами) тюрьмы не имели в своем арсенале необходимого набора охранно-запорных и изоляционных мер по обеспечению предупреждения побегов осужденных.

Порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы в тюрьме были следующими. В тюрьмах содержание заключенных под стражу обычно было без оков («колодники, железа и кандалы»). По общему правилу, оковы осужденным надевались в случаях их использования для работ за пределами тюрьмы или при сборе подаяния в населенном пункте (городе). Вместе с тем имеют место упоминания о бессрочном применении оков к осужденным при отбывании ими наказания в тюрьме (это относится к частным случаям, применительно к особо опасным или бывшим высокопоставленным государственным преступникам и предателям-изменникам).

Отбывание наказания в тюрьме организовывалось по системе общей казармы. Одиночная форма заключения в виде лишения свободы применялась редко и была, скорее, исключением из общих правил (применялась в основном к лицам, аристократического происхождения и / или высокого звания). Не имелось в XVII в. в тюрьмах разделения следственно-арестованных от осужденных, лиц высшего сословия от лиц низших сословий, несовершеннолетних от совершеннолетних, здоровых от страдающих заболеваниями (в том числе заразными, психическими) и др.

Вместе с тем закреплено было раздельное содержание по половому признаку (мужчины отдельно от женщин) и роду преступной деятельности. Однако данные правила не всегда последовательно и повсеместно реализовывались при исполнении наказаний в период XVII–XIX вв.

Следует также отметить, что в этот период несмотря на жестокость порой санкций за преступления, не представляющие большой общественной опасности, влияние христианских заповедей и основ христианской жизни в уголовном праве все-таки имеет место быть. Так, например, в случае осуждения беременной женщины за совершенное (-ые) ею преступление (-я) к смертной казни, законодатель обязывает приговор в исполнение не приводить до тех пор, пока осужденная не родит ребенка, устанавливая при этом требование «… покамест она родит, держати ея в тюрме, или за крепкими приставы, чтобы она не ушла». В равной степени это распространялось и в отношении непривлечения к уголовной ответственности за совершение преступления по неосторожности (даже за убийство) – «… за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрму не сажати потому, что такое дело учинится грешным делом без умышления» (ст. 15 и 20 гл. 22 Уложения 1649 г.).

Питание лиц, отбывающих наказание в МЛС, было достаточно хлопотным делом, поскольку, во-первых, этим вопросом администрации тюрем приходилось заниматься ежедневно, а во-вторых, организация их питания осуществлялась в основном за счет средств самих осужденных или подаянием (пожертвованиями, благотворительностью) законопослушных граждан – «а изъ техъ воровъ, которые в малыхъ винахъ сидят, на всякій день изъ тюремъ выпущаютъ по два человека скованныхъ, съ сторожами, собирати по людемъ, по торгомъ и по дворамъ, милостыню, деньгами и хлебомъ … и темъ себя кормятъ». На содержание и питание заключенных в тюрьмах взыскивались денежные средства также с крестьян тех вотчин, на территории которых находись эти тюрьмы. Учитывая на подконтрольных России территориях острую актуальность организации и своевременного обеспечения питанием осужденных в МЛС, в XVII в. эту проблему попытались решить посредством Указа Царя и Великого князя всея Руси Алексея Михайловича «Тишайшего» от 25.10.1662 № 328. С этой даты во всех тюремных учреждениях государства вводятся для обеспечения питания осужденных «кормовые деньги» – «поденнаго корму давать … по два алтына человеку на день» [3, с. 197; 4, с. 9].

Режим и распорядок дня при отбывании наказания в белорусских тюрьмах (на территории как России, так и Речи Посполитой) в XVII в. также не был четко законодательно закреплен. Осужденные сами поддерживали в жилых помещениях первичные санитарно-гигиенические условия отбывания наказания, вели свое хозяйство, охраняли и поддерживали необходимый порядок, который выражался в создании «тюремной общины» с выборным осужденными из своей среды старостой во главе. Выборный староста контролировал тюремный «правопорядок» и был судьей «на своей» территории.

Про целенаправленную, систематическую организацию исправительного процесса в этот период говорить не приходится. Осужденные были предоставлены сами себе. Вместе с тем следует отметить, что первоначальные «ростки» организации исправительного процесса и ресоциализации как в местах лишения свободы, так и после освобождения из них все-таки были. Так, одним из средств исправления в тюрьме можно считать самоорганизацию

осужденными своего труда, выполнение различных видов работ – «заключенные занимались въ тюрьмахъ работами на продажу, по своему усмотрению, и заводили ремесла, кто былъ къ тому способенъ». Для приобретения за свой счет материалов для ремесла осужденным разрешалось в сопровождении охранника даже выйти недалеко за пределы тюрьмы [3, с. 201]. Кроме этого, если в период отбывания наказания преступники в своих злодеяниях не раскаялись, то после отбытия наказания (по некоторым составам преступлений) им предписывалось публично каяться в общественном месте – «А будет отец или мати сына или дочь убиет до смерти, и их за то посадить в тюрму на год, а отсидев в тюрме год, приходити им к церкви Божии, и у церкви Божии обьявляти тот свой грех всем людем в слух», или направляли таких «… в Украинные городы, где государь укажет, и велети ему в Украинных городех быти, в какой чин пригодится, и дать ему потому же письмо, за дьячьею приписью, что он за свое воровъство в тюрме урочные годы отсидел, и ис тюрмы выпущен» (ст. 3 гл. 22 и ст. 16 гл. 21 Уложения 1649 г.)

В-четвертых, в Уложении 1649 г., как и в Статуте ВКЛ 1588 г., а также иных белорусских правовых источниках XVII в. четко не прописываются хотя бы минимальные требования к материально-бытовому и медицинскому сопровождению осужденных к лишению свободы. Это подтверждает и известный дореволюционный правовед-пенитенциарист Н.Д. Сергеевский: «нужда, голодъ и болезни царили в тюрьме», «тюрьма XVII века представляла изъ себя место скорби и страданія», из-за «многолюдства», «отъ голода и тесноты», «съ тюремной нужи», «съ духу и цынги» в МЛС были распространены различные болезни, признающиеся одной из основных причин высокой смертности осужденных [3, с. 209–210].

В-пятых, в связи с вышеуказанным о системе дисциплинарных взысканий за нарушения правил поведения в тюрьме не приходится говорить, поскольку серьезное и жесткое наказание («бити нещадно» и затем добавление судом срока наказания в виде лишения свободы) предусмотрено только за побег из мест лишения свободы и совершение в период отбывания наказания нового преступления (например, убийство другого осужденного). К дисциплинарному взысканию и / или дополнительному наказанию можно отнести перевод такого лица из верхней тюрьмы в нижнюю (т. е. из помещения, расположенного над уровнем земли, в подземное).

О системе мер поощрения, применяемых к осужденным за примерное поведение, также четко не указано. Можно только косвенно говорить о поощрениях осужденных, например, царскими особами в виде помилования конкретных осужденных либо о разовых пожертвованиях (на христианские праздники, иные значимые для страны даты) денежных средств и материальных ценностей от царской семьи или других представителей дворянско-купеческо-городской аристократии конкретной тюрьме для улучшения материально-бытового содержания всех осужденных в тюрьме (т. е. так называемое безликое коллективно-благотворительное поощрение осужденных). К поощрениям также следует отнести перевод осужденного из нижней тюрьмы в верхнюю (т. е. на «улучшенные» условия отбывания наказания).

В-шестых, в Уложении 1649 г. в системе уголовных наказаний получил закрепление такой вид наказания, как ссылка в отдельную тюрьму в отдаленные и / или малонаселенные территории (по сути, этот вид наказания частично

заменил собой исключительную меру наказания – смертную казнь, замена которой могла быть только по милостивому указу российского государя).

Такой вид лишения свободы, как ссылка в тюрьме, учитывая контингент направляемых лиц, составы их преступлений и значительность вины в отношении государя (в частности) и государства (в целом), вполне может рассматриваться не как лишение свободы в виде ссылки, а как «квалифицированное» тюремное заключение в виде лишения свободы в отдаленных от благ цивилизации и общества территориях страны (куда ссылались и с белорусских территорий лица, осужденные за преступления).

Вместе с тем следует отметить тот факт, что данный вид наказания, предусмотренный Уложением 1649 г., не был широко распространен на белорусских территориях, подконтрольных России, при назначении наказаний гражданам за различные преступления, поскольку параллельно на нашей территории действовали также положения о видах уголовной ответственности и системе наказаний, предусмотренные артикулами Статута ВКЛ 1588 г. и иными правовыми актами (например, постановления Варшавского сейма о привлечении к уголовной ответственности и установлении наказаний за преступления различных категорий 1609 г., 1611 г., 1613 г., 1626 г., 1651г., 1652 г., 1658 г., 1659 г., 1678 г., 1726 г., 1764 г., грамота короля Речи Посполитой 1662 г., практика привлечения к уголовной ответственности и назначения наказаний Главным судом (Трибуналом) Речи Посполитой, местными белорусскими городскими и третейскими судами и т. д.) [5, с. 259, 374, 402].

Заключение

Таким образом, дальнейшему развитию института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVII в. способствовало одновременное влияние правовых систем двух государств – Речи Посполитой и России. Вместе с тем в Уложении 1649 г., в отличии от Статута ВКЛ 1588 г., более детально закреплялись:

– основания и сроки отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы;

– устанавливались общие первичные правила и требования к режиму, порядку и условиям отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы;

– закреплялись общие требования к лицам, контролирующим порядок и соблюдение в МЛС порядка и условий отбывания осужденными наказаний в виде лишения свободы, а также к лицам, осуществляющим непосредственный надзор за осужденными в МЛС и их охрану;

– определялись общие основы организации исправления осужденных в МЛС, критерии их исправления, питания и основания освобождения от наказания;

– по-прежнему не были урегулированы (даже в виде общих правил) первичные основы материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы.

Список цитированных источников

1. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Том 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юрид. лит-ра, 1985. – 511 с.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года [Электронный ресурс] : Статуты ВКЛ. – Режим доступа: http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1588-goda/. – Дата доступа: 29.07.2022.

3. Сергеевский, Н. Д. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII века / Н. Д. Сергеевский. – СПб. : изданіе книжнаго магазина А. Ф. Цинзерлинга, 1887. – 300 с.

4. Лисин, А. Г. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX веков : учеб. Пособие / А. Г. Лисин, Н. И. Петренко, Е. И. Яковлева. – М. : Акад. МВД России, 1996. – 60 с.

5. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. документов и материалов в 3-х т. / Ин-т истории Акад. наук БССР, арх-е управл. МВД БССР ; редкол. : А. И. Азаров [и др.]. – Минск : Акад. наук БССР, 1959–1961. – Т. 2. – 1960. – 561 с.

Аннотация. В статье систематизировано рассматривается развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVII в. В силу того, что белорусские земли этого периода входили в состав как Речи Посполитой, так и России отмечается влияние двух правовых систем этих государств на развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN LANDS IN THE XVII CENTURY

Bury V.E.

Keywords: Belarusian lands, punishment, imprisonment, prison, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cathedral Code.

Abstract. The article systematizes the development of the institution of serving a sentence of imprisonment on the territory of the Belarusian lands in the XVII century. Due to the fact that the Belarusian lands of this period were part of both the Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia, the influence of the two legal systems of these states on the development of the institution of serving a sentence of imprisonment is noted.

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коротич Е.А.

Ключевые слова: противодействие экстремизму, профилактика, международное сотрудничество, унификация законодательства.

Введение

Как показывают данные официальной статистики, удельный вес преступлений экстремистской направленности в Республике Беларусь в настоящее время невелик, в связи с чем не оказывает существенного влияния на общее состояние криминальной обстановки в государстве. Вместе с тем степень их общественной опасности, способность даже единичных фактов

вызвать дестабилизацию в обществе, подорвать основы конституционного строя и независимости государства позволяют согласиться с мнением российских авторов в части того, что «и сравнительно небольшое их количество вызывает серьезную проблемность и озабоченность, ставя перед органами государственной власти задачи если не полного искоренения, то минимизации данного вида преступности» [1, с. 27–28].

Следует отметить, что экстремизм не является чем-то абсолютно новым с точки зрения истории становления национальной государственности (тем более развития мировой истории), в связи с чем основные приемы противодействия его проявлениям известны и широко применялись в Республике Беларусь, что, в свою очередь, позволяло на протяжении достаточно длительного периода времени не рассматривать вопрос о противодействии преступлениям экстремистской направленности в качестве одного из злободневных. Однако те кризисные явления, которые в последние годы стали характеризовать состояние современного правопорядка (прежде всего на международном уровне), отчетливо проявляющиеся попытки изменения (в том числе насильственным путем) полюсов влияния предопределили все более широкое распространение таких практик поведения, которые по своей сути являются формами экстремистского поведения, что, в свою очередь, закономерно актуализировало необходимость корректировки приоритетов в системе правоохранительной деятельности государства. Указанное обстоятельство во многом было предопределено и изменениями в характере самой экстремистской деятельности: она становится все более технологичной (для охвата более широкого круга субъектов, ускоренного информационного воздействия, более эффективного нивелирования усилий правоохранительных органов и т. д.), приобретает отчетливо выраженный международный характер, становясь способом вмешательства во внутренние дела государства и нарушения его суверенного равенства, приобретает преимущественно организованный, политический (даже сепаратистский) оттенок.

Безусловно, отмеченные и иные характеристики современного экстремизма в целом и преступлений экстремистской направленности в частности должны учитываться при корректировке уже имеющихся и разработке новых мер воздействия. При этом следует исходить из того, что большинство проблем в части противодействия преступлениям экстремистской направленности в настоящее время имеют преимущественно не квалификационно-разграничительный характер, а непосредственно связаны с эффективностью и результативностью реализации профилактических и иных мер, направленных на противодействие данным преступлениям, в том числе выявления и устранения причин и условий, им способствующих, расследования и формирования доказательственной базы по тем фактам противоправного поведения, совершение которых связано с использованием информационно-коммуникационных технологий, и др.

В свою очередь, усиление международной составляющей в содержании экстремистской деятельности актуализирует вопрос относительно состояния и эффективности межгосударственного (межведомственного) сотрудничества в данной области, а также гармонизации законодательных подходов государств в части криминализации соответствующей группы деяний с тем, чтобы принципы международного уголовного права (прежде всего речь идет

о принципе двойной криминальности как производной составляющей феномена двойной позитивной уголовной ответственности) не стали основанием для создания препятствий на пути межгосударственного взаимодействия в сфере борьбы с экстремизмом, оказания правовой помощи (главным образом, выдаче) и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности.

Основная часть

Эффективность и системность работы по противодействию экстремистской деятельности, как и любой иной форме организованной противоправной активности, во многом определяется наличием и качественной составляющей планирования и прогнозирования правоохранительной и иной деятельности в данной сфере. Документами планового характера, как правило, являются различного рода прогнозы развития, программы, концепции и т. д. В настоящее время основные мероприятия программно-планового характера в сфере борьбы с преступностью (в том числе экстремистской направленности) предусмотрены в Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы, утвержденной решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 18.12.2019 № 20. Ряд мероприятий, направленных на противодействие проявлениям экстремизма, получил отражение и в подготовленном проекте Комплексного плана по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы. Вместе с тем следует отметить, что как и предусмотренные в действующей Программе меры борьбы с экстремизмом, так и планируемые к реализации на основе разрабатываемого Комплексного плана, в отличие, например, от мероприятий в области борьбы с коррупцией (которые демонстрируют комплексный подход к противодействию данному явлению), не отличаются системностью, имеют во многом фрагментарный характер, требуют развития в ведомственных (отраслевых) документах программного характера и, как представляется, не позволяют в полной мере обеспечить противодействие экстремистской деятельности.

Примечательно, что несмотря на значительное внимание, которое традиционно уделяется вопросам предупреждения и борьбы с коррупционными формами поведения в программах борьбы с преступностью и коррупцией (равно как и в разрабатываемом Комплексном плане), в настоящее время подготовлен проект Стратегии борьбы с коррупцией. Основная цель данного документа – обеспечить системное противодействие коррупции путем выявления и устранения ее базовых причин и условий.

Как известно, документы стратегического планирования, к числу которых относится Концепция национальной безопасности, может быть отнесена и указанная Стратегия, имеют важное практическое значение. Будучи подготовленными на основе обобщения эмпирических данных, характеризующих то или иное явление в статике и динамике, с учетом состояния правового регулирования точно обозначенной сферы общественных отношений, сочетая в себе элементы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования и имея долгосрочный характер (в отличие, например, от действующей Программы борьбы с преступностью и коррупцией), такого рода документы позволяют выстроить иерархию и синхронизировать цели, задачи и основные направления деятельности, позволяющие обеспечить их решение. Как верно отмечается в специальных исследованиях, «государственный

аппарат, функционирующий в режиме реализации конкретных целей и задач (что, собственно, характерно для программных документов краткосрочного действия – *прим. авт.*), в условиях отсутствия жесткой иерархии таких целей, а также их значительного количества не может обеспечить эффективное распределение имеющихся ресурсов для их достижения, подменяя достижение многочисленных разрозненных «стратегических целей» результатами текущей деятельности» [2]. Указанные обстоятельства дают основание задуматься об актуальности постановки вопроса о целесообразности разработки документа стратегического комплексного планирования и в сфере борьбы с различными проявлениями экстремизма. Следует особо подчеркнуть, что практика принятия долгосрочных программных (плановых) документов в данной сфере известна и зарубежному законодательству (например, Российской Федерации, Республике Таджикистан и др.). Как представляется, в такого рода документе возможно на основе уже имеющегося в Республике Беларусь опыта борьбы с правонарушениями экстремистской направленности обозначить приоритетные направления противодействия экстремизму как на данный момент, так и на перспективу, которые позволят системно воздействовать на основные причины и условия, ему способствующие. Причем формат документов стратегического планирования позволяет дифференцировано выстроить систему профилактики и борьбы с соответствующими формами поведения, что имеет важное значение с точки зрения последующей конкретизации основных мероприятий, подлежащих реализации, и субъектов, ответственных за их исполнение, в рамках комплексных планов борьбы с преступностью и коррупцией на очередной период.

Как уже отмечалось, особое значение для целей противодействия экстремистской деятельности имеет разработка и реализация профилактических мероприятий.

С точки зрения профилактической работы следует обратить внимание и на отдельные нормы Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203–З «О противодействии экстремизму» (далее – Закон о противодействии экстремизму). В частности, ч. 3 ст. 18 данного акта предусматривает запрет для граждан, в отношении которых имеется вступивший в законную силу приговор суда в связи с совершением действий, указанных в ч. 1 ст. 1 Закона о противодействии экстремизму, до погашения или снятия судимости и в течение пяти лет после погашения или снятия судимости заниматься деятельностью, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ, педагогической деятельностью (в части реализации содержания образовательных программ), издательской деятельностью, а также занимать государственные должности, проходить военную службу. Указанная норма, безусловно, имеет серьезный профилактический потенциал:

с одной стороны, выполняя функцию общей превенции, она предусматривает меру воздействия, призванную, наряду с нормами уголовного закона, удерживать граждан от совершения запрещенных УК деяний, правда, под угрозой не ответственности, а ограничения права на труд в части возможности выбора отдельных видов деятельности;

с другой стороны, указанная норма, обеспечивая реализацию мер ограничения в отношении лиц, виновных в совершении преступлений экстремистского характера, направлена на исключение возможности последующего противоправного воздействия таковых в отношении иных

субъектов (на это, собственно, указывает и содержание тех видов деятельности, на занятие которыми введено ограничение).

При всей рациональности предусмотренного в ч. 3 ст. 18 Закона о противодействии экстремизму запрета его формулировка тем не менее не лишена отдельных недостатков. Так, учитывая содержание противоправности большинства рассматриваемых преступлений, способы, характер и направленность информационного воздействия, применяемого в случае совершения такого рода деяний, полагаем, что изложенный в данном Законе перечень видов деятельности, запрет на занятие которыми установлен, может быть расширен. В частности, исходя из функционала, целевого назначения, а также широких возможностей воздействия на сознание (мировоззрение) обучающихся, полагаем, что запретом должна охватываться не только педагогическая деятельность, но и в целом образовательная деятельность в том смысле, в котором она понимается в Кодексе Республики Беларусь об образовании. В контексте сказанного примечателен опыт Российской Федерации в данной области (хотя тоже не лишенный недостатков): согласно ст. 15 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» лицам, виновным в осуществлении экстремистской деятельности, в установленном законом порядке может быть ограничен доступ к работе в образовательных организациях. Следует отметить, что определенная корректировка предусмотренных в ст. 18 Закона о противодействии экстремизму видов деятельности уже реализуется на отраслевом уровне: например, согласно ст. 81 Кодекса Республики Беларусь о культуре может быть запрещена, ограничена культурная деятельность, если в ходе нее имеет место пропаганда экстремистской деятельности, распространяются материалы экстремистского характера и т. д. Изложенное нами суждение об ограниченности правового регулирования указанной выше нормы, как представляется, непротиворечиво соотносится и с положениями ст. 13 Закона о противодействии экстремизму: лицо, деятельность которого в качестве индивидуального предпринимателя признана экстремистской и прекращена, в течение пяти лет со дня вступления в законную силу решения суда о прекращении его деятельности не вправе регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, причем независимо от вида деятельности, которой оно занималось. Полагаем, что с точки зрения перспективного развития правового регулирования в рассматриваемой сфере указанный в ч. 3 ст. 18 Закона о противодействии экстремизму перечень видов деятельности может быть расширен и за счет включения в него такого вида работы, как экскурсионное обслуживание.

Как представляется, одной из действенных мер профилактики экстремистской деятельности (с учетом данных о проявлениях экстремизма в среде несовершеннолетних и молодежной среде) может стать внедрение системы государственного контроля за поведением и пребыванием детей и молодежи в сети Интернет, что предусмотрено в проекте Комплексного плана по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы. Реализации указанной меры может служить в том числе использование опыта создания центров информационной безопасности и координационных советов в учреждениях образования, участвующих в осуществлении мониторинга информационного пространства. В частности, в Российской Федерации

примером такого рода формирования может служить региональный комплексный мультимедийный проект «Кибердружина», целью которого является «отслеживание доступа подростков и молодежи к сайтам и группам в сети Интернет, вовлекающим их в противоправную деятельность» [3, с. 60–61].

В связи с тем, что преступления экстремистской направленности во многих случаях имеют транснациональный характер, целесообразно продолжить работу по совершенствованию национального законодательства Республики Беларусь с учетом рациональных законодательных практик государств – участников СНГ в области противодействия экстремизму и борьбе с терроризмом, а также модельного законодательства Содружества. Следует отметить, что на необходимость унификации законодательных подходов в исследуемом вопросе непосредственно ориентирует и постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-25.

Общепризнанно, унифицированное правовое регулирование является одним из необходимых элементов общего процесса повышения эффективности противодействия преступности, позволяя создать правовую основу для межгосударственного сотрудничества и решения таких прикладных задач, как выдача лиц, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, обмен информацией, оказание правовой помощи по соответствующим уголовным делам, формирование единых информационных баз и банков данных (например, единой информационной платформы для оперативного учета, накопления, систематизации и обмена информацией, в частности, относительно лиц, причастных к экстремистской деятельности в той или иной форме, организаций, признанных экстремистскими, информационной продукции экстремистского характера и т. д.).

Унифицированный подход в части противодействия рассматриваемой категории преступлений имеет и еще один важный прикладной аспект: как отмечается в постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-24, он позволяет создать единый механизм учетно-аналитических операций при оценке состояния и динамики соответствующего вида преступности, а также обосновать практические рекомендации и определить пути сотрудничества государств в сфере противодействия данной категории преступлений. На это же нацелена и типология способов совершения преступлений террористического и экстремистского характера, рекомендованная в рамках указанного постановления для использования государствами-членами, а именно:

1) несанкционированное проникновение в атакуемую сеть или перехват управления сетью путем взлома, в том числе через подбор либо хищение идентификационных данных, позволяющих войти в систему (повысить пользовательские привилегии);

2) применение программного кода или последовательности команд, находящих и использующих уязвимости в программном обеспечении;

3) распространение компьютерных вирусов, которые модифицируют и уничтожают информацию или блокируют работу вычислительных систем;

4) введение в программу вирусов – логических бомб, программ, которые запускаются (срабатывают) при определенных условиях (временных или информационных) для осуществления вредоносных действий (как правило,

несанкционированного доступа к информации, искажения или уничтожения данных);

5) использование «троянских коней», выполняющих передачу информации на удаленные компьютеры либо иные вредоносные действия без ведома владельца зараженной системы;

6) применение средств нарушения и подавления информационного обмена в сетях (в частности, нарушение функционирования серверов и сайтов путем применения DoS/DDoS-атак).

Как видно из содержания представленных способов, рекомендуемая типология ориентирована прежде всего на противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Действительно, по верному утверждению В.О. Давыдова, «Потенциал и коммуникативные возможности глобальной сети Интернет, социальных, локальных и файлообменных компьютерных сетей используются идеологами экстремизма в качестве своеобразной информационной площадки для популяризации своих идей, вербовки новых сторонников, их интерактивного обучения вопросам идеологии и тактики действий, организации финансовой поддержки деструктивных сил» [4, с. 3–4]. При этом, как показывает практика, противодействие экстремистской деятельности, осуществляемой с использованием информационно-коммуникационных технологий, вызывает определенные трудности, обусловленные в том числе необходимостью наличия специальных познаний (прежде всего в сфере компьютерной техники и информационных технологий). В этой связи целям совершенствования правоохранительной деятельности может служить повышение уровня информационно-аналитического обеспечения правоохранительных органов в данной сфере, включая разработку специальных криминалистических методик раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности. Учитывая информационный характер многих деяний, характеризующих содержание противоправности преступлений экстремистской направленности, основу криминалистических методик в рассматриваемой сфере должна составлять в первую очередь характеристика базовых алгоритмов работы с информацией, адаптированная к тем проблемам, которые возникают в ходе процессуальной деятельности. Речь идет прежде всего о формировании методологических основ использования программных и программно-аппаратных средств при осуществлении необходимых на этапе предварительного расследования процессуальных действий, об алгоритмизации работы с цифровыми следами и методике описания в процессуальных документах источников относящейся к делу информации, о способах преодоления шифрования и анонимизации доказательственной информации и др.

Помимо создания методологических основ выявления и расследования преступлений экстремистской направленности, информационно-аналитическое сопровождение правоохранительной деятельности в данной сфере может быть обеспечено посредством формирования специальных информационных систем, а также рационального использования программно-технических приемов, обеспечивающих противодействие экстремистской деятельности. К числу последних в специальных исследованиях предлагается, в частности, относить: радиоподавление, направленное на недопущение приема / передачи информации,

нелинейная локация, используемая для обнаружения местонахождения устройств, криминалистический анализ данных, формирование по особым алгоритмам «контрольных сумм» изымаемой информации, которое должно обеспечить достоверность доказательств и др. [5, с. 247–248].

Заключение

Таким образом, сложный (составной) характер экстремизма как явления социально-правовой действительности закономерно обусловливает многовекторность политики государства в сфере противодействия его проявлениям. Помимо дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере (в том числе на основе рекомендуемых в модельном законодательстве приемов унификации), целям оптимизации правоохранительной и иной деятельности в сфере противодействия экстремизму может служить развитие информационно-аналитического и методологического обеспечения указанной деятельности, усиление ее профилактической составляющей и придание системности на основе долгосрочного планирования.

Список цитированных источников

1. Нечевин, Д. К. Противодействие экстремизму в глобальной компьютерной сети Интернет: история и современность / Д. К. Нечевин, В. В. Баранов // Адм. право и процесс. – 2022. – № 2. – С. 26–33.

2. Добкин, А. Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне / А. Г. Добкин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

3. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних : науч.-практ. Пособие / Д. И. Ережипалиев [и др.] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2022. – 136 с.

4. Давыдов, В. О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей : автореф. дис. … канд. юрид. Наук / 12.00.12 / В. О. Давыдов ; Тул. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013. – 27 с.

5. Гаврилин, Ю. В. Научные основы преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / Ю. В. Гаврилин // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения) : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 янв. 2021 г. / под общ. ред. О. С. Капинус ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2021. – С. 241–249.

Аннотация. На основе изучение зарубежного опыта, рекомендаций, изложенных в модельном законодательстве СНГ, а также обзоров правоприменительной практики в статье обозначены отдельные векторы дальнейшего развития правоохранительной и иной деятельности, направленной на противодействие экстремистской деятельности.

SOME ASPECTS OF IMPROVING THE COUNTERACTION TO THE EXTREMIST ACTIVITY

Korotich E.A.

Keywords: counteraction to extremism, prevention, international cooperation, unification of legislation.

Abstract. Some directions of further development of law enforcement activity in the area of the counteraction to extremism are presented in the article. The author's conclusions are formulated on the basis of analysis the foreign experience in the area under review, law enforcement practice as well as recommendation of model legal acts.

УДК 343

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ

Красникова Е.В., Павловская Н.В.

Ключевые слова: криминология, коррупция, коррупционная преступность, борьба с коррупцией, преступления коррупционной направленности, законодательство о борьбе с коррупцией.

Введение

По мере развития общественных отношений, проведения политико-правовых и социально-экономических перемен, административной, экономической и иных реформ видоизменяются и различные негативные социальные явления, в том числе и коррупция. Становление правовой базы противодействия коррупции, акценты законодателя и правоприменителей на наиболее очевидные и распространенные проявления коррупции оказали определенное влияние на изменение характера коррупционных отношений в современной России. В настоящее время отечественная коррупция существенно трансформировалась, что стало следствием антикоррупционной кампании государства, усиления антикоррупционного контроля.

Началом современного этапа борьбы с коррупцией в России можно считать 2008 г., когда был принят Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273–ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») и ратифицированы важнейшие международно-правовые документы в данной сфере – Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., а также Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. Правовое регулирование борьбы с коррупцией постоянно совершенствуется на основе научного и методологического обеспечения данной деятельности. Так, с момента принятия ФЗ «О противодействии коррупции» его нормы увеличились в три раза, внесено более 50 поправок [1, с. 106–114], появились новые федеральные законы, сформировавшие правовые институты, направленные на борьбу с коррупцией.

Основная часть

На сегодняшний день положения отечественного антикоррупционного законодательства отражают важнейшие характеристики коррупции и ее основные признаки в понимании международных документов. Так, согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» понятие коррупции не сводится только к таким ее проявлениям, как подкуп и продажность, а понимается более широко: как любое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, а также незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Также признается коррупцией и совершение названных деяний от имени или в интересах юридического лица.

С принятием ФЗ «О противодействии коррупции» в России появилось и легальное определение борьбы с коррупцией. В соответствии со ст. 1 данного закона под борьбой с коррупцией следует понимать деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений. При этом борьба с коррупцией считается частью более широкого по содержанию понятия «противодействие коррупции», которое, помимо борьбы, включает также профилактику коррупции (деятельность по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции), а также минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

В криминологическом аспекте основное содержание антикоррупционной политики выражается в борьбе с уголовно наказуемыми коррупционными и иными проявлениями (продуцирующими коррупцию или ее производными) с обязательным использованием превентивных антикоррупционных средств, имеющих полиотраслевую специфику [2, с. 9]. Таким образом использование мер предупреждения преступности или превентивных антикоррупционных средств необходимо рассматривать как обязательный элемент успешной реализации борьбы с коррупцией.

Правовую основу борьбы с коррупцией в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, иные федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты и муниципальные правовые акты.

Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» ряд антикоррупционных запретов и ограничений, распространяющихся на государственные, муниципальные должности, а также на должности государственной и муниципальной службы, внесены непосредственно в Конституцию Российской Федерации. Так, ст. 77 и 78 Основного закона дополнены новыми частями (3 и 5 соответственно), устанавливающими запрет для высших должностных лиц субъекта Российской

Федерации (руководителей высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и руководителей федерального государственного органа открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

В числе значимых документов стратегического планирования, направленных в том числе на борьбу с коррупцией, необходимо отметить Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в которой искоренение коррупции обозначено в числе основных национальных интересов Российской Федерации. В Стратегии указывается, что на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием.

Постоянно совершенствуемая система мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, учитывающая федеративное устройство Российской Федерации и охватывающая федеральный, региональный и муниципальный уровни, представлена в Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 год».

На борьбу с коррупцией, включая предупреждение наиболее общественно опасных ее проявлений – преступлений, направлены следующие правовые институты.

Институт конфликта интересов. Впервые законодательно понятие конфликта интересов на гражданской службе было закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79–ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», с принятием ФЗ «О противодействии коррупции» в 2008 г. понятие и содержание конфликта интересов было скорректировано. Федеральным законом от 5 октября 2015 г. № 285–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов» в антикоррупционное законодательство внесены изменения в части совершенствования правового регулирования конфликта интересов.

Институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Введен в действие Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172–ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». В его развитие Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 171–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» внесены

изменения в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Институт ротации. Понятие ротации введено Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 395–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе», нормативные положения о ротации гражданских служащих закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79–ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Практическая реализация этих норм началась с 1 января 2013 г.

Институт увольнения в связи с утратой доверия. Введен Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции». Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 423–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования государственных информационных систем на государственной гражданской службе Российской Федерации» ФЗ «О противодействии коррупции» дополнен ст. 15 «Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия».

Институт контроля за доходами и расходами чиновников. Если обязанность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера была изначально предусмотрена ст. 8 ФЗ «О противодействии коррупции» и конкретизирована рядом указов Президента Российской Федерации, то институт контроля за расходами чиновников введен в действие с 1 января 2013 г. Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230–ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»; 7 мая 2013 г. № 79–ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Одним из последних нововведений в этой сфере стало дополнение ФЗ «О противодействии коррупции» новой ст. 8^2, которой установлен порядок контроля за законностью получения чиновниками денежных средств (Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 44–ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции»). Названной нормой урегулирована процедура взыскания в доход государства денежных средств, в отношении которых не получены достоверные сведения, подтверждающие законность их получения.

Антикоррупционная составляющая уголовной политики государства предполагает наличие эффективных уголовно-правовых норм, ориентированных на противодействие коррупционным преступлениям. В этой связи законодателем уделяется значительное внимание противодействию коррупции уголовно-правовыми средствами.

Уголовная ответственность за совершение коррупционных преступлений предусмотрена различными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и применяется в судебном порядке к лицу, виновному в совершении преступления. При этом статьи УК РФ,

устанавливающие ответственность за коррупционные преступления, не систематизированы в отдельной главе Особенной части УК РФ, а рассредоточены по различным его разделам и главам.

Не содержится понятия и перечня видов коррупционных преступлений и в ФЗ «О противодействии коррупции». Тем не менее такой перечень в России существует. Он разработан и принят совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России «О введение в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечень № 23 преступлений коррупционной направленности), который ежегодно актуализируется. Так, в настоящее время действует Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30 июня 2022 г. № 361/11/1.

Следует отметить, что решение вопроса определения критериев отнесения преступлений к числу коррупционных и установления их перечня подзаконным актом не раз подвергалось критике в науке. Согласно результатам исследований, более эффективному применению уголовного закона способствовало бы законодательное закрепление единого перечня коррупционных преступлений с четким определением их признаков (такое решение поддерживают более половины экспертов из числа сотрудников органов прокуратуры – 51,5 %), более того, значительное число экспертов высказываются за то, чтобы перечень коррупционных преступлений был выделен в отдельную главу УК РФ (43,5 %) [3, с. 233].

В целях совершенствования борьбы с коррупцией в последние годы УК РФ претерпел ряд существенных изменений. Так, неоднократной корректировке подверглось понятие должностного лица. Соответствующие изменения внесены Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 265–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 16–ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации». Объем понятия должностного лица расширялся за счет соответствующего сужения круга лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации [4, с. 59]. С 7 марта 2021 г. к должностным лицам, которые могут выступать субъектами преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, отнесены работники государственных внебюджетных фондов (Пенсионный фонд Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования Российской Федерации и их территориальные подразделения и т. п.) и публично-правовых компаний (унитарных некоммерческих организаций, созданных Российской Федерацией). Также расширены критерии хозяйственных обществ с государственным участием, работники которых могут выступать субъектами указанных преступлений.

Практически ежегодно УК РФ дополняется новыми составами преступлений коррупционной направленности. Так, в 2016 г. в России были криминализированы посредничество во взяточничестве (ст. 291^1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291^2 УК РФ). В 2017 г. в УК РФ введены две новые нормы: ст. 201^1 (Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа) и ст. 285^4 (Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного

заказа). В 2018 г. УК РФ дополнен нормой об ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200[4]), установлено наказание за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200[5]), введена уголовная ответственность за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200[6]). В 2020 г. УК РФ дополнен нормой, устанавливающей уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200[7]).

Вместе с тем следует отметить, что при постоянном совершенствовании антикоррупционного законодательства не всегда обеспечивается достаточная согласованность вносимых изменений. Например, за посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291[1] УК РФ) предусматривается более строгое наказание, чем за получение и дачу взятки (ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ). Имеются и диспропорции в санкциях внутри одной статьи: так, за посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291[1] УК РФ) предусмотрено менее строгое наказание, чем за обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 данной статьи). В настоящее время ведется работа по устранению этих недостатков.

На текущую перспективу основные направления государственной антикоррупционной политики сформулированы в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (далее – Национальный план). Так, Национальный план предусматривает дальнейшее совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; повышение эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов; совершенствование правового регулирования противодействия коррупции.

Заключение

Результаты проведенного в 2022 г. анкетирования 656 работников органов прокуратуры показали, что эффективность действующего законодательства о борьбе с коррупцией находится на достаточном уровне. Большинство опрошенных в ходе проведения данного исследования экспертов из числа прокурорских работников (70,1 %) оценивают ее как среднюю, тогда как высокой ее назвали только 16,6 % респондентов. Но и низким уровень эффективности современного антикоррупционного законодательства считает незначительное число экспертов – так ответили всего 13,3 % опрошенных.

Кроме того, недостатки законодательства в данной сфере также не являются, по мнению опрошенных экспертов, основными причинами распространения коррупции: криминогенное значение несовершенства законодательства отметили только 10,9 % опрошенных (это один из наименее популярных ответов среди экспертов на вопрос о причинах коррупции). К правовым факторам коррупции можно отнести такие недостатки антикоррупционного законодательства, как наличие норм, предусматривающих широту дискреционных полномочий, компетенций по формуле «вправе», а также отсутствие или неполноту административных процедур, юридико-лингвистическую неопределенность правовых норм. При этом следует отметить, что правовые факторы могут носить

разновекторный характер – влиять на снижение уровня проявления одних форм коррупции, но в то же время провоцировать другие. Факторами, снижающими эффективность борьбы с коррупцией и ее предупреждения, является также нестабильность законодательства.

Тем не менее значительное число опрошенных указывают на необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой основы борьбы с коррупцией. Так, за возврат в УК РФ конфискации имущества коррупционеров как вида наказания высказались 42,9 % респондентов. В то же время такие меры, как совершенствование механизмов по защите заявителей о фактах коррупции, введение в законодательство новых антикоррупционных запретов и ограничений для чиновников, поддерживают только 10,2 % и 11,3 % экспертов соответственно.

В целом результаты проведенного исследования показали, что эксперты – прокурорские работники – большее значение придают не качеству законодательства, а практике его реализации, неуклонному исполнению предусмотренных законом обязанностей и строгому соблюдению установленных запретов и ограничений. Так, наиболее результативной мерой борьбы с коррупцией, по мнению большинства опрошенных (54,5 %), следует признать обеспечение неотвратимости уголовной ответственности для коррупционеров и назначение максимально тяжкого вида наказания за совершение коррупционных преступлений (44,1 %).

Список цитированных источников

1. Цирин, А. М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы / А. М. Цирин // Журн. рос. права. – 2016. – № 12. – С. 106–114.

2. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Астанин. – М., 2009. – 377 л.

3. Онуфриенко, А. В. Система преступлений коррупционной направленности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Онуфриенко. – М., 2015. – 234 л.

4. Ображиев, К. В. Тождественность деяний, образующих продолжаемое преступление: проблемы доктринальной и правоприменительной интерпретации / К. В. Ображиев, А. Н. Кулагин // Рос. следователь. – 2022. – № 5. – С. 59–63.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и современного состояния правового регулирования борьбы с коррупцией в Российской Федерации. С учетом мнения экспертов из числа прокурорских работников оценивается эффективность действующего антикоррупционного законодательства и основные перспективы его дальнейшего развития.

DEVELOPMENT OF LEGISLATION FIGHT AGAINST CORRUPTION IN RUSSIA

Krasnikova E.V., Pavlovskaya N.V.

Keywords: criminology, corruption, corruption crimes, fight against corruption, anti-corruption legislation.

Abstract. The article deals with the formation and current state of the legal regulation of the fight against corruption in the Russian Federation. Taking into account the opinion of experts from among prosecutors, the effectiveness of the current anti-corruption legislation and the main prospects for its further development are assessed.

УДК 343.24

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 51 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ларченко А.А.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, лишение права занимать должности, лишение права заниматься деятельностью, лишение специального права.

Введение

В современном белорусском обществе постепенно растет запрос на гуманизацию уголовной политики, снижение числа применения к осужденным наказаний в виде лишения свободы и тенденцию назначения наказаний, не связанных с лишением этого права. Этот запрос нашел свое отражение в том числе в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция).

Пунктом 15.2 Концепции указывается на необходимость использовать к лицам, не представляющим опасности для общества, альтернативные лишению свободы виды наказаний. К ним относится и такое наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Как отмечает О.О. Топорикова, современный период развития государства и общества характеризуется приоритетом социальной ценности прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем методы предупреждения и борьбы с преступностью необходимо менять, усиливая морально-психологические акценты принуждения путем изменения социально-правового статуса в результате применения этих методов. Одним из средств такого воздействия является применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [1].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и предложении путей разрешения проблемных аспектов применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Основная часть

Лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью может назначаться в случаях, когда по характеру совершенных преступлений суд сочтет невозможным оставить за виновным право занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью согласно ч. 2 ст. 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

О карательном эффекте и исправительном потенциале этого наказания свидетельствуют последствия его исполнения – у осужденного ограничена трудовая правоспособность, возможности свободного выбора должности, деятельности или рода занятий, влекущие в ряде случаев необходимость

получения новой специальности, утрату квалификации, льгот и преимуществ, материальные потери [2].

По мнению А.И. Лукашова, «в условиях рыночной экономики рассматриваемый вид наказания обладает достаточно существенным карательным потенциалом, поскольку в значительной степени и на продолжительное время ограничивает осужденного в праве на труд в определенной сфере деятельности, может привести к его дисквалификации, потере конкурентоспособности на рынке труда и иным негативным последствиям» [3].

Однако анализ статистики назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью показывает, что его исправительный потенциал в Республики Беларусь используется недостаточно. В динамике применяемых в Республике Беларусь мер наказания удельный вес данного наказания небольшой: в 2003 г. – 396, в 2004 г. – 203; в 2005 г. – 193; в 2006 г. – 170; в 2007 г. – 231; в 2008 г. – 436; в 2009 г. – 673; в 2010 г. – 2157; в 2011 г. – 3534; в 2012 г. – 2960; в 2013 г. – 2184; в 2014 г. – 234; в 2015 г. – 170; в 2016 г. – 217; в 2017 г. – 246; в 2018 г. – 217; в 2020 г. – 189; в 2021 г. – 269 осужденных [4].

Практика дифференциации применения санкций, установленных уголовным законом за совершение соответствующих преступлений, должна быть ориентирована на эффективное предупредительно-исправительное воздействие в отношении конкретного преступника [1].

По нашему мнению, включение такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в систему наказаний помогает предупредить рецидив со стороны лиц, преступления которых были связаны с их должностным положением, выполнением профессиональных функций или занятием иной деятельностью. Кроме того, это наказание обладает значительными возможностями по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с осуществлением должностных или профессиональных функций.

Негативные последствия для осужденного состоят в невозможности во многих случаях после отбывания наказания трудоустроиться на аналогичную должность или в структуру, из которой лицо было уволено по приговору суда. Поэтому применять наказания следует обдуманно, исходя из принципов как неотвратимости уголовной ответственности, так и справедливости и гуманности наказания, поскольку, как обоснованно указывает С.А. Велиев, наказание затрагивает не только интересы осужденного, но и членов его семьи [5, с. 148].

Принцип индивидуализации наказания заключается, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания», в учете судом «характера и степени общественной опасности совершенного преступления, мотивов и целей содеянного, личности виновного, характера нанесенного вреда и размера причиненного ущерба, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, а по делам частного обвинения – и мнения потерпевшего».

В частности, судом должны приниматься во внимание при назначении этого наказания: характер занимаемой лицом должности либо выполняемой деятельности, которые лицо использовало при совершении преступления;

злостность злоупотребления виновным правами или полномочиями по должности; тяжесть наступивших последствий; форма вины; предыдущие факты привлечения лица к дисциплинарной либо административной ответственности за соответствующие нарушения по службе или правил, относящихся к занятию определенной деятельностью и т. д. [6, с. 125].

В науке уголовного права существует мнение о том, что указанное наказание состоит из двух разновидностей (лишение права занимать определенные должности; лишение права заниматься определенной деятельностью). Однако лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может назначаться одновременно за одно и то же преступление в качестве двух альтернативных наказаний [7, с. 224].

Это можно обосновать тем, что по смыслу ч. 2 ст. 51 УК необходимо существование причинной связи этого наказания с обстоятельствами совершенного преступления. Это связь может существовать либо с нарушениями служебных обязанностей, либо с нарушениями требований к порядку осуществления определенной деятельности, но не с тем и другим одновременно.

Природа этих правоограничений различается между собой, что должно учитываться при назначении наказания. Д.В. Шилин определяет содержание этих правоограничений следующим образом:

Лишение права занимать определенные должности – это обусловленное характером совершенного преступления запрещение в течение определенного срока занимать конкретно указанные в приговоре суда должности, связанные с осуществлением специфических по своему характеру функций (например, лишение права занимать определенные должности, связанные с обслуживанием материальных ценностей либо осуществлением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий) [8].

Лишение права заниматься определенной деятельностью – это обусловленное характером совершенного преступления запрещение в течение определенного срока заниматься конкретными видами профессиональной (например, врачебной, предпринимательской, педагогической) либо непрофессиональной (лишение права управлять транспортным средством) деятельности [8].

При этом некоторые виды деятельности могут относиться как к профессиональной, так и непрофессиональной, в зависимости от ситуации. Например, управление транспортным средством может относиться к тому или иному виду, в зависимости от обстоятельств преступления.

С.В. Шепелева под профессиональной деятельностью понимает такую деятельность, для занятия которой установлены определенные квалификационные требования, а именно: наличие соответствующей профессиональной подготовки, подтвержденной официальным документом государственного образца (дипломом, сертификатом, свидетельством, удостоверением и т. п.) [9, с. 220].

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено как в качестве основного, так и в качестве дополнительного. Как отмечает В.А. Давидовская, это наказание значительно чаще назначается в качестве дополнительного: за период действия уголовного закона в более 36 % случаев оно было назначено именно в этом порядке [10].

В качестве основного это наказание может быть назначено только в случаях, когда оно предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК. Кроме того, оно также может быть применено судом в порядке ст. 70 УК при переходе к другому, более мягкому основному наказанию.

И.А. Подройкина считает, что наличие лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основного наказания в системе наказаний противоречит принципам уголовного права. По мнению автора, занятие виновным должности ставит его в более выгодное положение по отношению к другим, поскольку предоставляет большую вариативность в выборе возможного наказания. И это наказание для виновного предпочтительнее, поскольку обладает гораздо меньшей карательной силой, чем лишение свободы [11].

Если санкция статьи УК предусматривает альтернативно несколько видов основного наказания, в том числе лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но суд не назначает последнее в качестве основного наказания, то он имеет возможность назначить это наказание в необходимых случаях в качестве дополнительного. Применяя в таких случаях дополнительное наказание, суд должен в резолютивной части приговора сослаться на ст. 51 УК [6, с. 125]. В случае применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительного вида наказания усиливается его карательный потенциал [9, с. 291].

Применение лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не означает абсолютного запрета осужденному работать в той или иной отрасли хозяйства, учреждении либо на предприятии. В этой связи суд в приговоре должен указать: какие конкретно должности и на какой срок нельзя занимать осужденному (например, должности, связанные с учетом, распоряжением, хранением или отпуском материальных ценностей и т. п.) [6, с. 125].

При назначении дополнительного наказания за преступления против интересов службы или иные преступления, совершенные должностными лицами, используются различные термины: «лишение права занимать должности, связанные с исполнительно-распорядительными функциями», «организационно-распорядительные должности», «должности организационно-распорядительного характера», «должности, связанные с организационно-распорядительными функциями или с выполнением таких функций» [2].

От налагаемого судом запрета, т. е. наименования или характера должностей, которые запрещается занимать, вида деятельности, которой запрещается заниматься, зависит объем правоограничений, связанных с отбыванием этого наказания. Такое наказание в приговоре должно быть сформулировано в соответствии с законом, точно и недвусмысленно [2].

Существует ряд проблемных аспектов применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В соответствии с ч. 3 ст. 51 УК лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может назначаться в качестве дополнительного наказания к общественным работам и штрафу. Это обосновано тем, что в таком случае дополнительное наказание по своему

карательному воздействию на осужденного будет строже основного (общественных работ или штрафа), исходя из установленной в ст. 48 УК иерархии видов наказания по степени их строгости [7, с. 222].

Однако в уголовном законе нет запрета назначать, например, штраф в качестве дополнительного наказания к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В судебной практике не всегда учитываются характер допущенных нарушений, отношение осужденных к соблюдению правил в прошлом, тяжесть наступивших последствий. Так, дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью применено в 66 % случаев осуждения по делам о нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317 УК) и лишь в отношении 18,5 % лиц, осужденных по ст. 303–306 УК [2].

Речь идет о лишении реального права (например, лицо занимало определенную должность либо в связи с совершенным преступлением было отстранено от нее) [12, с. 61]. Однако не является препятствием для применения этого наказания то, что к моменту постановления приговора виновный уже не занимает ту должность или не занимается той деятельностью, с которыми было связано совершение преступления [6, с. 125].

Представляется, что нецелесообразно назначение для лиц без определенных занятий наказания в виде лишения права занимать определенные должности в связи с отсутствием необходимого карательного воздействия на виновного.

Распространенным в судебной практике недостатком является установление необоснованно широкого запрета на профессиональную и трудовую деятельность виновных лиц, что нарушает их конституционные права [2].

Вместе с тем И.А. Савенко подчеркивает, что в ситуации, когда исполнение профессиональных обязанностей неразрывно связано с осуществлением должностной функции, в качестве наказания виновному должно быть запрещено выполнение как профессиональной, так и должностной деятельности (например, представителю власти) [13]. По нашему мнению, это необоснованное расширение применимости этого наказания, поскольку, как указано выше, не может быть причинной связи между общественно опасными последствиями и нарушением одновременно как профессиональных, так и служебных обязанностей.

Существуют определенные особенности применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью при отсрочке или условном неприменении основного наказания в виде лишения свободы.

Согласно ч. 1 ст. 77 УК суд может отсрочить дополнительное наказание, в том числе отсрочить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, при отсрочке основного наказания. Однако ч. 4 ст. 78 УК не предусматривает возможности условного неприменения дополнительного наказания. Оно отбывается полностью и прекращается с истечением испытательного срока.

По нашему мнению, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью целесообразно обращать к исполнению и при отсрочке исполнения основного наказания, поскольку такое наказание имеет не только исправительную, но и предупредительную функцию.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Сущность и специфика такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, нуждается в расширении практики применения. Проанализировав статистику осуждения с назначением этого наказания, соотнеся ее с природой правоограничений, его предупредительно-исправительного воздействием, можно заключить, что в судебной практике оно применяется недостаточно.

2. Существующие проблемные аспекты применения этого наказания связаны прежде всего с объедением двух различных правоограничений в рамках одного наказания, а также недостаточным раскрытием в уголовном законе ключевых аспектов этого наказания, например, содержания терминов «должность» и «деятельность». Считаем необходимым дополнить ст. 4 УК частями 17^1 и 17^2, в которых раскрыть содержание правоограничений «лишение права занимать определенные должности» и «лишение права заниматься деятельностью». Содержание этих терминов должно стать предметом самостоятельного комплексного теоретико-правового исследования.

3. Это наказание следует назначать с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, когда невозможно сохранение за виновным права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По нашему мнению, при отсрочке основного наказания обязательно необходимо исполнять наказание в виде лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенное в качестве дополнительного наказания. Поэтому необходимо заменить в ч. 1 ст. 77 УК формулировку «Суд может в этих случаях отсрочить и исполнение дополнительных наказаний» на «Суд может в этих случаях отсрочить и исполнение дополнительных наказаний, за исключением наказания в виде лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

4. В случае неприменения этого наказания, отраженного в санкции статьи уголовного закона в качестве дополнительного наказания, вопрос об этом должен получить отражение в мотивировочной части приговора с указанием обстоятельств, по которым осужденное лицо не должно лишаться права занимать круг конкретных должностей или заниматься видами конкретной деятельности, проявившихся в совершенном преступлении.

Список цитированных источников

1. Топорикова, О. О. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемы оптимизации практики применения [Электронный ресурс] / О. О. Топорикова // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Вопросы применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания: информационное письмо от 5 апр. 2012 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Лукашов, А. И. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального права в белорусской системе наказаний [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.11.2001] / А. И. Лукашов // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

4. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2013–2021 гг. [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь: интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/. – Дата доступа: 20.04.2022.

5. Велиев, С. А. Принципы назначения наказания / С. А. Велиев. – Санкт-Петербург : Юрид. центр «Пресс», 2004. – 388 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

7. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть / С. В. Анаич [и др.] ; Г. А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Т. 2. : Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – 990 с.

8. Шилин, Д. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Общая часть. Раздел I. Уголовный закон. Глава 2. Действие уголовного закона в пространстве и во времени (статьи 5–9) [Электронный ресурс] / Д. В. Шилин // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

9. Шевелева, С. В. Пути совершенствования законодательства, регулирующего исполнение наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью / С. В. Шевелева // Вучон. запіскі. – 2012. – № 8. – С. 218–224.

10. Давидовская, В. А. Обзор правоприменительной практики наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [Электронный ресурс] / В. А. Давидовская // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Подройкина, И. А. Проблемы и перспективы «смешанных» видов уголовных наказаний [Электронный ресурс] / И. А. Подройкина // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-smeshannyh-vidov-ugolovnyh-nakazaniy.pdf. – Дата доступа: 07.04.2022.

12. Шидловский, А. В. Индивидуализация наказаний в контексте исторического развития [Электронный ресурс] / А. В. Шидловский // Электронная библиотека Бел. гос. ун-та. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28902/1/27_шидловский.pdf. – Дата доступа: 07.04.2022.

13. Савенко, И. А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за халатность [Электронный ресурс] / И. А. Савенко // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-aspekty-otvetstvennosti -za-halatnost. – Дата доступа: 17.05.2022.

Аннотация. Проблемы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, являются часто обсуждаемыми, что связано с вопросами их эффективной реализации. В статье автор выявляет проблемные аспекты применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, анализирует пути их разрешения, отраженные в научной литературе и судебной практике, и предлагает собственные. По результатам исследования автор обосновывает необходимость расширения практики применения этого наказания, в том числе обязательного назначения его в качестве дополнительного при отсрочке основного наказания, предлагает пути совершенствования законодательного регулирования этого наказания.

DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES: PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ENFORCEMENT OF ARTICLE 51 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Larchenko A.A.

Keywords: criminal liability, punishment, deprivation of the right to hold positions, deprivation of the right to engage in activities, deprivation of a special right.

Abstract. The problems of the application of punishments not related to deprivation of liberty are often discussed, which is related to the issues of their effective implementation. In the article, the author identifies the problematic aspects of the application of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities and analyzes the ways to resolve them, reflected in the scientific literature and judicial practice, and offers his own. Based on the results of the study, the author substantiates the need to expand the practice of applying this punishment, including executing it as an additional and postponing the main punishment, and suggests ways to improve its legislative regulation.

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Лосев В.В.

Ключевые слова: персональные данные, информация о частной жизни, ответственность, должностные лица, квалификация.

Введение

Принятие Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» и дополнение Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» статьей 203-1 «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» ставят на повестку дня выработку правил квалификации подобных деяний, совершенных должностными лицами с использованием своих служебных полномочий.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что ей внимание в научной литературе не уделено. Обработку персональных данных в организациях непосредственно осуществляют в том числе должностные лица – руководители организаций, структурных подразделений, лица, назначенные ответственными за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных. Совершение ими незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных посягает не только на конституционные права и свободы человека и гражданина, но и на интересы службы.

Основная часть

Проблематика ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных стала исследоваться в Беларуси сравнительно недавно. В последние годы ей уделили внимание, в частности, В.В. Вабищевич [1; 2], Д.Г. Полещук [3; 4; 5], который в 2020 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения)» [6], А.А. Пухов [7], Н.А. Саванович [8]. Ученые исследовали планируемые и состоявшиеся изменения в законодательстве, формулировали предложения по совершенствованию норм УК и правила юридической оценки таких нарушений.

Вместе с тем проблематика уголовной ответственности должностных лиц за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных должного отражения в научных исследованиях не нашла.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99–З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных) вступил в силу 15 ноября 2021 г. Его действие распространяется на все государственные органы, юридические лица (всех форм собственности), иные организации (далее – организации), на всех физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, которые самостоятельно или совместно с иными названными лицами организуют и (или) осуществляют любые действия с персональными данными, т. е. их обработку, и тем самым являются «операторами».

Обработку персональных данных образуют любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных.

Обязаны соблюдать требования Закона о защите персональных данных и «уполномоченные лица» – это государственные органы, юридические лица Республики Беларусь, иные организации, физические лица, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах (далее, говоря об операторах, подразумеваем и уполномоченных лиц, которые тоже осуществляют обработку персональных данных).

В соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о защите персональных данных оператор наряду с иным обязан обеспечивать защиту персональных данных в процессе их обработки. Пункт 1 ст. 17 этого Закона обязывает оператора принимать правовые, организационные и технические меры по обеспечению защиты персональных данных от несанкционированного или случайного доступа к ним, изменения, блокирования, копирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных, а также от иных неправомерных действий в отношении персональных данных.

Обработку персональных данных и их защиту непосредственно осуществляют должностные лица операторов, а именно: руководители организаций, структурных подразделений, лица, назначенные ответственными

за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных, а также другие работники, непосредственно осуществляющие такую обработку в процессе трудовой (служебной) деятельности.

Защиту персональных данных, наряду с иными правовыми, организационными и техническими мерами, обеспечивает установление уголовной ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203-1 УК) и несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных (ст. 203-2 УК). Эти статьи появились в УК в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». Одновременно из УК была исключена ст. 179 «Незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни», ч. 2 которой устанавливала ответственность за такие действия, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

В ст. 203-1 УК предусмотрена ответственность за умышленные незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных без согласия лица, если это повлекло причинение существенного вреда его правам, свободам и законным интересам: в ч. 1 – за сбор, предоставление такой информации; в ч. 2 – за ее распространение; в ч. 3 – за сбор, предоставление или распространение такой информации лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

В соответствии со ст. 1 Закона о защите персональных данных под предоставлением персональных данных понимаются действия, направленные на ознакомление с персональными данными определенных лица или круга лиц; распространение персональных данных – это действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц. Тем самым незаконное распространение персональных данных существенно более опасное деяние, чем их предоставление.

В организации названные в ст. 203-1 УК деяния (умышленные незаконные сбор, предоставление, распространение информации о частной жизни и персональных данных без согласия лица) могут совершить не только обычные работники, но и должностные лица с использованием своих служебных полномочий.

Отметим, что ни в одной части ст. 203-1 УК не называется такой специальный субъект преступления, как «должностное лицо». И даже не подразумевается, поскольку не упоминается и признак «использование служебных полномочий».

В связи с этим возникает вопрос: охватывается ли в таком случае содеянное должностным лицом соответствующей частью ст. 203-1 УК либо же требуется дополнительная квалификация как преступления против интересов службы?

В ч. 1 примечаний к гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК сказано: «должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы. Правило о совокупности

преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

В связи с этим содеянное в названном случае, по нашему мнению, следует квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершает преступление, предусмотренное в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК, при этом ст. 203-1 УК не указывает (ни прямо, ни косвенно) должностное лицо в качестве специального субъекта незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. В таком случае налицо идеальная совокупность преступлений, а не конкуренция норм.

Поэтому деяние должностного лица, наряду с соответствующей частью ст. 203-1 УК, следует дополнительно квалифицировать как превышение служебных полномочий, повлекшее причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, по соответствующей части ст. 426 УК.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 сентября 2021 г. № 7, далее – постановление № 12) сказано о том, что существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан. Право гражданина на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь является конституционным правом, при этом государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании.

Содеянное необходимо квалифицировать именно как превышение служебных полномочий, а не злоупотребление ими (ст. 424 УК), поскольку совершение должностным лицом умышленного преступления, в том числе незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, очевидно является «действием, которое никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать», о чем как о признаке превышения власти или служебных полномочий прямо говорится в п. 14 постановления № 12.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 33 УК незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных, предусмотренные ч. 1 ст. 203-1 УК, влекут уголовную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, или его законного представителя либо представителя юридического лица привлечь виновного к уголовной ответственности.

Тем самым при отсутствии подобного требования совершенные должностным лицом при явном выходе за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, умышленные незаконные сбор, предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам

и законным интересам гражданина, должны влечь ответственность только по соответствующей части ст. 426 УК.

Заключение

С учетом положений ч. 1 примечаний к главе 35 «Преступления против интересов службы» УК совершаемые должностными лицами с использованием служебных полномочий умышленные незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных, такие как сбор, предоставление или распространение названной информации без согласия лица, повлекшие причинение существенного вреда его правам, свободам и законным интересам, предлагается квалифицировать по совокупности преступлений – по соответствующим частям ст. 203-1 и ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий» УК.

Сформулированное автором мнение о квалификации подобных действий должностных лиц направлено на привлечение внимания к данной проблематике и активизацию дискуссии в этом направлении.

Список цитированных источников

1. Вабищевич, В. Посягательства на персональные данные: направления криминализации / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 12. – С. 68–73.

2. Вабищевич, В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 4. – С. 74–77.

3. Полещук, Д. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны информационной безопасности на примере защиты информации о частной жизни и персональных данных / Д. Полещук // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 1. – С. 25–30.

4. Полещук, Д. Ответственность за незаконные действия с персональными данными: текущее состояние и перспективы / Д. Полещук // Законность и правопорядок. – 2020. – № 4. – С. 44–49.

5. Полещук, Д. Г. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными: новое в законодательстве и правоприменении [Электронный ресурс] / Д. Г. Полещук // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Полещук, Д. Г. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Г. Полещук. – Минск, 2020.– 32 с.

7. Пухов, А. Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных в свете изменений уголовного закона / А. Пухов // Право.by. – 2021. – № 4. – С. 85–92.

8. Саванович, Н. А. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными [Электронный ресурс] / Н. А. Саванович. – Режим доступа: https://pravo.by/novosti/obyavleniya/2021/june/65306/. – Дата доступа: 12.09.2022.

Аннотация. В статье проведен анализ законодательства о защите персональных данных и ст. 203-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающей ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных. Сформулировано предложение о квалификации таких действий, умышленно совершенных должностными лицами с использованием служебных полномочий, по совокупности преступлений – по соответствующим частям ст. 203-1 и ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий» Уголовного кодекса Республики Беларусь.

CRIMINAL RESPONSIBILITY OF A PUBLIC OFFICIAL FOR ILLEGAL ACTIONS IN RELATION TO INFORMATION ON PRIVATE LIFE AND PERSONAL DATA

Loseu U.U.

Keywords: personal data, information on private life, responsibility, public officials, qualification.

Abstract. The analysis of legislation on personal data protection and of the article 203-1 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, that establishes responsibility for illegal actions in relation to information on private life and personal data, is provided in the article. A proposal on qualification of such acts, committed deliberately by public officials using their official powers, as a set of crimes under the corresponding items of the article 203-1 and the article 426 "Exceeding authority or official powers" of the Criminal Code of the Republic of Belarus is formulated.

УДК 346.26:719:341.355.22

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ГЕНОЦИДА, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕГО В ПРОШЛОМ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Мартыненко И.Э.

Ключевые слова: геноцид белорусского народа, культурный геноцид, Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», преступления нацистов, ответственность в международном праве.

Введение

В Год исторической памяти, объявленный Указом Президента Республики Беларусь от 1 января 2022 г. № 1, важное и актуальное значение имеет сохранение памяти не только о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, но и о жертвах, принесенных на алтарь Победы. После освобождения Белоруссии мир узнал о чудовищных преступлениях, совершенных в период оккупации нашей страны. Позже этому массовому преступлению было дано название – геноцид.

Не случайно по результатам Республиканского референдума 2022 г. ст. 15 Конституции Республики Беларусь дополнена важным положением: государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В этом плане норма белорусской Конституции несколько отличается от аналогичного положения Конституции РФ (ст. 67.2 Конституции РФ гласит, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды), т. к. впервые указывает также на защиту памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Исходя из этого посыла, мы обратились к проблеме определения (условно говоря) *культурного геноцида* как составной части геноцидальной политики фашистской Германии.

Данная проблема принимает особую актуальность в период появления новых документов и выявления новых массовых захоронений жертв геноцида – как результат расследования уголовного дела, возбужденного в апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период.

И если в отношении уголовно-правовой характеристики геноцида, исторической обусловленности международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества, уголовной ответственности за геноцид и другим схожим вопросам имеются научные разработки (мы обращались к трудам М.А. Арутюняна [3], В.М. Вартаняна [6], М.Т. Гигинейшвили [8], А.Г. Кибальника [9], М.Г. Левандовской [11], А.С. Мартиросян [14], Г.Л. Москалева [15; 16], А.И. Подзноева [18], С.В. Черниченко [20]), то аспекты преступного уничтожения памятников и исторических ценностей в геноцидальных целях в контексте геноцида белорусского народа фактически не исследовались, что и предопределило актуальность предлагаемой работы.

Основная часть

В Республике Беларусь как стране в значительной степени пострадавшей в период Великой Отечественной войны существенное внимание уделяется противодействию экстремисткой деятельности, в том числе и реабилитации нацизма, помня весь ужас, который совершили фашистские захватчики на территории Беларуси (БССР). Конкретные факты и цифры можно найти в официальных докладах и информационных материалах *Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР*, которая была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. [7; 17]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 16 марта 1943 г. № 299 «О работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» в республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Обратим внимание на важный практический аспект: согласно ст. 21 *Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси* упомянутый выше Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными; также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций. Именно поэтому так важна была тогда, сразу после освобождения территории БССР от фашистских захватчиков, как и сейчас, деятельность по выявлению преступлений нацистов, в том числе и совершения ими актов (преступления) геноцида, причем во всех его формах и проявлениях.

По современным оценкам, материальный ущерб Беларуси, причиненный немецко-фашистскими оккупантами, составляет не менее 500 млрд долларов США в эквиваленте [22]. Но материальный ущерб, конечно же, несоизмерим

с человеческими потерями – миллионами убитых и угнанных в плен (по сути, в рабство) советских граждан. В составе уничтоженного и похищенного имущества велика доля культурных ценностей, древних реликвий (например, Крест Ефросинии Полоцкой), памятников истории и культуры, произведений искусства, музейных предметов, старинных книжных и ценных архивных документов, других культурно-исторических ресурсов.

Изучение документов Третьего рейха показывает, что разграбление культурных ценностей и надругательство над памятниками советского и древнерусского (белорусского) искусства являлись частью фашисткой геноцидальной политики на оккупированной территории Беларуси (БССР) и проводились в рамках генерального плана уничтожения советского народа.

Для того, чтобы дать современную оценку теории (культурного) геноцида, необходимо, по нашему мнению, вначале разобраться с этим юридическим термином вообще, уяснить идею, положенную в основу понятия «геноцид». Автор данной статьи побывал в тех местах, где родился и жил в начале XX в. основоположник идеи геноцида, будущий ученый юрист-международник Р. Лемкин, изучал архивные документы и беседовал с местными жителями (*в настоящее время остатки бывшего домовладения его родителей расположены на территории Зельвенского района Гродненской области – прим. И.М.* [1]). Р. Лемкин впервые предложил для уголовно-правовой характеристики преступлений, совершенных государствами Оси на оккупированных территориях, использовать новый термин «геноцид» [2, с. 79–95], образованный в результате комбинации слов, происходящих от греческого слова «Γένος» (genos) – род, племя, и латинского глагола «caedo» – убиваю.

Отсюда и образовались этимологически схожие понятия: экоцид, этноцид (или этногеноцид, совершение которого, по мнению исследователей, не преследует цели физического истребления людей, а больше направлено на уничтожение культуры (самобытности, менталитета, религиозных основ) народа, и как следствие, ведет к полному или частичному исчезновению посредством ассимиляции [2, с. 24]), политицид (определяемый как политическое массовое убийство – продвижение, подразумеваемое согласие и / или осуществление правящей элитой или ее агентами последовательной политики, нацеленной на уничтожение, частично или полностью, общинной, политической или политизированной этнической группы [Цит. по: 4, с. 102]) и др. В этом контексте нам кажется уместным обратить внимание на иногда используемые в обыденной речи и даже публикациях некорректные словосочетания, состоящие из слова «геноцид» вместе с каким-либо прилагательным, например, «экономический», «политический», «социальный», даже встречается «геноцид животного мира» (что вообще, по нашему мнению, противоречит смыслу геноцида) и т. п. Активно применяется также термин «культуроцид» [4; 10; 12; 13].

Давайте разберемся. Ведь геноцид по логике – это намерения и действия умышленно убивать (вспомним «caedo») или иным способом уничтожать *группу людей* (вспомним «Γένος» – род, племя) по объединяющему их признаку расовой, национальной, этнической, религиозной принадлежности, что полностью отражено в нацистской теории расового превосходства; воспрепятствование деторождению в среде такой группы, умышленное создание

жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Законодатель придерживается именно такого же подхода, установив ответственности за геноцид в ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Во многом аналогичная уголовно-правовая норма содержится в уголовных кодексах всех стран СНГ, но с небольшими (некоторыми) отличиями [3; 6; 8; 9; 11; 15; 16; 18].

Геноцид отличается от других преступлений, во-первых, обязательной целью, т. е. стремлением к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Во-вторых, именно в силу законодательного указания на эту цель любой акт геноцида может быть совершен только с прямым умыслом, не может быть совершено геноцида, скажем, по неосторожности, в отличие от убийства; в-третьих, при убийстве не указывается национальная, расовая, этническая, религиозная принадлежность, если это специально не оговорено в ходе следствия; в-четвертых, геноцид не предполагает никакого индивидуального подхода, он приговаривает весь народ, весь этнос целиком, этим он отличается от всех прочих преступлений против человечества [21, с. 166–167].

В дальнейшем разработанная доктрина геноцида была реализована в международном соглашении – Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», 1948 г. Согласно ст. II данной Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: a) убийство членов такой группы; b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Полагаем, что вряд ли можно рассматривать культурный геноцид как *косвенный геноцид*, определяемый в научной печати как направленное воздействие (умышленное действие) на какие-либо группы путем изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов и т. п., приводящее к созданию для группы таких жизненных условий, которые могут привести (и это есть конечная цель) к полному или частичному ее уничтожению [21, с. 167]. Мы признаем некоторую условность словосочетания «культурный геноцид», вынесенное в заглавие настоящей статьи, понимая его как часть (элемент) умышленных действий, заключающихся в преднамеренном уничтожении и осквернении памятников культуры (культурных и исторических ценностей) для достижения геноцидальной цели (в настоящее время она определена в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», 1948 г.). Кстати, на эту особенность геноцида обратил внимание А.Н. Трайнин, который указывал, что «в понятие геноцида должны быть включены также мероприятия и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры, как-то: … уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников, и предметов национальной культуры (или религиозного

культа)» [19, с. 408]. Однако эта позиция не была поддержана на международном уровне тогда, и в настоящее время она не закреплена в нормативных документах. Полагаем, эту ситуацию необходимо изменять. Применительно к исследуемому периоду Великой Отечественной войны наши аргументы сводятся к следующему.

Заключение

После принятия в 1948 г. Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» понятие геноцида не переосмысливалось. Однако новые вызовы и угрозы, с которыми столкнулось человечество уже в XXI в., непрекращающиеся вооруженные конфликты фактически на всех континентах, военно-политическое блоковое противостояние в Европе, обострившееся в 2022 г., вызывают необходимость определения нового подхода к организации противодействия совершению преступлений геноцида, объединению межгосударственных усилий по его недопущению и искоренению. При этом исходим из того, что среди появившихся новых форм и проявлений геноцида отчетливо выделяется культурный геноцид, что обусловливает потребность объединения научных идей в соответствующую юридическую концепцию. Своевременное выявление проявлений культурного геноцида (если принимать за основу данную терминологию), оценка его новых форм и разновидностей позволяют создать теоретико-правовую базу для разработки новых межгосударственных соглашений, направленных на предотвращения геноцида вообще.

Применительно к исследуемому нами периоду Великой Отечественной войны **концепция культурного геноцида** содержательно заключается в обосновании понимания, что уничтожение и разграбление войсками и другими формированиями фашисткой Германии на оккупированной территории БССР культурных ценностей советского народа (памятников истории и культуры, произведений искусства, культовых зданий и сооружений, музеев, библиотек, архивов и др.), вандализм и через эти действия попытка насаждения чуждой нацисткой культуры и идеологии, онемечивание и дерусификация населения, включая изменение топонимических наименований, является частью нацистской политики геноцида белорусского народа, направленной на уничтожение белорусской национальной, славянской этнической и религиозной группы, позволяющая в будущем дополнить Конвенцию ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» еще одним (не определенным в этом соглашении) проявлением геноцида, охватываемым общей геноцидальной целью фашистской Германии на территории СССР.

Список цитированных источников

1. Архив учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» за 2021 г. – Дело № 06/2537 от 12.07.2021.

2. Адибаева, А. К. Новые (современные) формы прямого геноцида и специальная Конвенция ООН 1948 года / А. К. Адибаева // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 4 (13). – С. 23–25.

3. Арутюнян, М. А. Понятие преступления геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества / М. А. Арутюнян // Адвокатская практика. – 2009. – № 4. – С. 40.

4. Бабаян, М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность / М. Э. Бабаян // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 3 (33). – С. 99–111.

5. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. Брестская область : сб. арх. док. и материалов / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 482 с.

6. Вартанян, В. М. Уголовная ответственность за геноцид : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Вартанян. – Ставрополь, 2000. – 166 л.

7. Гернович, Т. Д. Документы фонда 845 «Белорусская республиканская комиссия содействия ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» национального архива Республики Беларусь как исторический источник по истории Великой Отечественной войны / Т. Д. Гернович // Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 апреля 2020 г. – Мінск : БГУ, 2020. – С. 166–178.

8. Гигинейшвили, М. Т. К вопросу о признании культуры в качестве объекта преступления геноцида в международном праве / М. Т. Гигинейшвили // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 5. – С. 124–126.

9. Кибальник, А. Г. Геноцид в решениях современных международных трибуналов / А. Г. Кибальник // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. – 2011. – № 1. – С. 12–16.

10. Кошкин, Н. С. «Культуроцид» как элемент современной уголовно-правовой политики некоторых зарубежных государств / Н. С. Кошкин // Университетские правовые диалоги «право цифровой среды» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 27–28 марта 2020 г. – Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2020. – С. 191–196.

11. Левандовская, М. Г. Уголовная ответственность за геноцид по российскому законодательству / М. Г. Левандовская // Евразийский юрид. журн. – 2021. – № 3 (154). – С. 250–251.

12. Луканкин, М. С. Культурный геноцид в масштабах мировой цивилизации / М. С. Луканкин, В. М. Климко // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения : тр. Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Новокузнецк, 19–21 мая 2020 г. / под общ. ред. М. В. Темлянцева. – Новокузнецк : Сиб. гос. индустриальный ун-т, 2020. – С. 23–25.

13. Маркелова, А. А. Культурный геноцид: проблема международно-правового статуса / А. А. Маркелова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – Т. 13. – № 6. – С. 118–121.

14. Мартиросян, А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. С. Мартиросян ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2014. – 26 с.

15. Москалев, Г. Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) : монография / Г. Л. Москалев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 188 с.

16. Москалев, Г. Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. Л. Москалев ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 26 с.

17. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941-1944 / Центр. гос. архив Окт. революции и социалист. стр-ва БССР, Ин-т истории акад. наук БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ - фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1965. – 462 с.

18. Подзноев, А. И. Уголовно-правовая характеристика геноцида в российском и международном праве / А. И. Подзноев // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., Симферополь, 14 апреля 2022 г. – Симферополь : Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. – С. 238–243.

19. Трайнин, А. Н. Избранные произведения: Защита мира и уголовный закон / А. Н. Трайнин ; под общ. ред. Р. А. Руденко ; АН СССР. Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1969. – 454 с.

20. Черниченко, С. В. Международные преступления и преступления против международного права в свете нюрнбергских принципов / С. В. Черниченко //Государство и право. – 2016. – № 11. – С. 68–76.

21. Черновицкая, Ю. В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) / Ю. В. Черновицкая // Вопр. философии. – 2008. – № 10. – С. 165–171.

22. Швед, А. И. Материальный ущерб Беларуси от Великой Отечественной войны составил не менее 500 миллиардов долларов / А. И. Швед // «СБ-Беларусь сегодня», 26 июля 2021 г.

23. Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / Publications of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, Washington : Columbia University Press, 1944. – 674 p.

Аннотация. Исследовано зарождение концепции геноцида в международном праве и ее эволюция в современный период. Автор отстаивает идею, что среди появившихся новых форм и проявлений геноцида отчетливо выделяется культурный геноцид, что обусловливает потребность объединения научных идей в соответствующую юридическую концепцию. Цель статьи – ознакомление юридической общественности с новыми аргументами, позволяющими переосмыслить Конвенцию ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (1948) и дополнить ее положениями о культурном геноциде. Выводы и рекомендации могут быть учтены в ходе разработки государственно-правовой позиции Республики Беларусь в международных инстанциях.

LEGAL DEFINITION OF CULTURAL GENOCIDE, FORMS OF ITS MANIFESTATION IN THE PAST AND PRESENT

Martynenka I.E.

Keywords: genocide of the Belarusian people, cultural genocide, the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Nazi crimes, responsibility in international law.

Abstract. The origin of the concept of genocide in international law and its evolution in the modern period are investigated. The author defends the idea that among the new forms and manifestations of genocide that have appeared, cultural genocide is clearly distinguished, which makes it necessary to combine scientific ideas into an appropriate legal concept. The purpose of the article is to familiarize the legal community with new arguments that make it possible to rethink the 1948 UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide and supplement it with provisions on cultural genocide. Conclusions and recommendations can be taken into account during the development of the state-legal position of the Republic of Belarus in international instances.

УДК 341.4

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДПОЛЬНЫХ ПОЛЬСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 40-х–50-х ГОДАХ ПРОШЛОГО ВЕКА

Марчук В.В., Хомич В.М.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; подпольные польские формирования; Армия Крайова, полонизация, преступления против человечности и геноцид, международное уголовное право.

Введение

По вопросу о деятельности польских вооруженных подпольных формирований на территории Беларуси проведено уже немало исследований [1–14 и др.]. Особо следует отметить специальные исследования белорусских ученых-историков (Е.И. Семашко, А.М. Литвин, И.А. Валаханович, В.И. Ермолович, С.В. Жумарь и др.). Опубликованные работы показывают, что деятельность польского подполья на территории Западной Белоруссии была весьма противоречивой и далеко неоднозначной в оценочно правовом дискурсе. Неоднозначность в политических и правовых оценках деятельности (в том числе преступной) польского подполья на территории Западной Беларуси сохраняется до настоящего времени.

В год исторической памяти вопросы о националистической преступной деятельности польского подполья в 40-х–50-х годах прошлого века вновь актуализировались и включены в современную повестку задач правовой и политологической науки. В целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому данный вопрос требует научной верификации и достоверной оценки с учетом социально-исторического контекста их правовой оценки на основе действующих в то время и ныне норм (норм-принципов) национального и международного уголовного права.

Основная часть

Польское антисоветское подполье в Беларуси возникло после вхождения осенью 1939 г. западных белорусских земель в состав БССР и оккупации Польши германскими войсками. Изначально в основу целеполагания деятельности польских подпольных формирований закладывалась политика сохранения территориальных границ польского государства с учетом отошедшей к СССР Западной Беларуси. Следует также учитывать, что настороженно недоверительное отношение собственно польского подполья и его внутреннего и внешнего руководства к белорусам в годы Великой Отечественной войны во многом было обусловлено и предопределялось предшествующей политикой полонизации белорусского населения, проживающего на западных белорусских территориях, которая активно начала осуществляться сразу после заключения Рижского договора и фактически была прервана (потеряла внутренне политический характер) после присоединения Западной Беларуси к СССР. Как известно, антибелорусская направленность политики полонизации выражалась в тотальном ограничении прав белорусов прежде всего в области культуры, образования, религиозных верований и других гуманитарных прав

[15, с. 3–14, 166, 168; 16, с. 111–122], что свидетельствовало о грубом нарушении положений Рижского договора, предусматривавших сохранение и обеспечение национально-культурной идентичности белорусов, проживающих в рамках польского государства.

В историческом контексте следует также обратить внимание на сохраняющуюся в рассматриваемый период неопределенность и остроту геополитического статуса белорусской территории (исторической территории проживания белорусов как территориально-национальной суверенности основ современной белорусской государственности). По всем направлениям между двумя соперничающими государствами – Польшей и Россией – издавна и постоянно шла борьба за белорусские территории и, соответственно, за белорусов.

Руководство возродившегося в 1918 г. Польского государства считало белорусские земли наследием Речи Посполитой, границы которой стремилось восстановить. В свою очередь, Советская Россия, позиционируя себя правопреемницей Российской империи, также претендовала на данную территорию. За политикой Польши и Советской России следила мировая общественность, в связи с чем правительства данных держав стремились действовать в отношении территориально-национальных основ исторического проживания белорусов поступательно, внешне декларируя демократические принципы относительно права белорусов на национальную самобытность и самостоятельную (или автономную) государственность. Тем не менее в силу толерантности белорусов их национальным самосознанием всегда манипулировали и при малейшей возможности обременяли их право на самостоятельность национальной и территориальной государственности путем геополитического присоединения белорусских территорий в состав Речи Посполитой или России. Даже Рижский мирный договор (1921 г.), поделивший единый белорусский народ по двум государствам, подписывался делегациями Польши, РСФСР и УССР без участия делегации белорусов.

После начала второй мировой войны и последующей оккупации Польши немецкими войсками, а также воссоединения Западной Беларуси с БССР 27 сентября 1939 г. группой польских офицеров была образована первая подпольная военная структура для борьбы с германскими оккупантами – Служба Победы Польши. В октябре 1939 г. во Франции генерал В. Сикорский образовывает новое польское коалиционное правительство и отдает приказ о создании на оккупированной территории Польши, включая отошедшую к СССР Западную Беларусь, подпольной вооруженной организации под названием Союз Вооруженной Борьбы – Związek Walki Zbrojnej (ZWZ). В основу деятельности созданного в январе 1940 г. ZWZ была положена стратегия борьбы с двумя врагами – Германией и Советским Союзом.

Помимо ZWZ на территории западных областей Беларуси были созданы и другие польские подпольные организации («Стрельцы», Соколы», «Гренадеры», Сикоровцы» и др.), главной задачей функционирования которых была подготовка сил и средств для восстания за восстановление независимого польского государства в границах 1939 г. [5, с. 10].

На основе ZWZ 14 февраля 1942 г. по приказу В. Сикорского была создана польская подпольная военная организация – Armia Krajowa – Армия Крайова (далее – АК), которая объединила польские подпольные организации,

поддерживавшие польское эмигрантское правительство. Деятельность аковских формирований на территории Западной Белоруссии в политическом и правовом отношении была весьма противоречивой и к тому же не всегда контролируемой со стороны польского эмигрантского правительства и центрального руководства Армии Крайовой, что впоследствии и обусловило в рамках состоявшегося приговора признать АК «нелегальной военной организацией» [17, с. 274].

Анализ исторических исследований, основанных на обобщении архивных материалов, показывает, что в период Великой Отечественной войны в деятельности подпольных польских формирований на территории Западной Белоруссии действительно можно выделить несколько периодов.

В 1941 г. в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны на территории Беларуси историками и архивными материалами не засвидетельствовано ни одного факта вооруженного нападения участников польского подполья на подразделения вторгнувшихся в СССР немецких войск. В свою очередь, в июне–июле 1941 г. (после вторжения немецких войск на территорию СССР (Западной Беларуси) представителями польского подполья совершались вооруженные акции в отношении отступающих красноармейцев, эвакуируемых, создаваемых на оккупированной территории партизанских отрядов.

После заключения в июле 1941 г. англо-советского соглашения о взаимопомощи в войне против Германии и подписания между СССР и Польшей договора о восстановлении дипломатических отношений (30 июля 1941 г.) и советско-польского военного соглашения (14 августа 1941 г.) политика правительства Сикорского и центрального руководства польского вооруженного подполья была официально переориентирована. С 1942 г. участники АК стали сотрудничать с Красной Армией, совершать вооруженные нападения на немецкие подразделения, иногда при этом сотрудничая с советскими партизанскими отрядами [18, с. 195–201].

Однако в 1943 г. поведение участников формирований АК на территории Западной Белоруссии стало националистически-мотивированным и противоречивым. Открыто стали проявляться многочисленные факты вооруженных выступлений аковцев против партизан и членов их семей [19, с. 100–101]. Более того, засвидетельствованы факты их сотрудничества с немцами [19, с. 99–100]. Так, Ч. Зайнчковский, по кличке «Рагнер», заключил в г. Лида соглашение с германскими оккупационными властями о совместных действиях против советских партизан [4, с. 75].

Факты сотрудничества с немецкими оккупантами, как, впрочем, и борьбы с советскими партизанскими формированиями, подтверждает польский историк Ю. Туронок: «Камандзір стаўбцоўскай групоўкі АК у Навагрудскай акрузе каштан Адольф Пільх (псеуданім «Гара») заключыў з немцамі дагавор і да канца акупацыі атрымліваў ад іх зброю і амуніцыю, якія высылаліся з Мінска. Крыху пазней (пасля 24.12.1943 г.) такое пагадненне заключыў у Лідзе камандзір прынёманскай групоўкі, паручык Юзаф Свіда (псеўданім «Лех»), які на працягу студзеня, лютага і сакавіка 1944 г. атрымаў пяць абозаў зброі. Абодва камандзіры сцвярджалі, што камандаванне АК Навагрудскай акругі адобрыла гэтыя пагадненні, прычым Свіда і акруговы камендант палкоўнік Януш Праўдзіц-Шляскі дамовіліся аб тым, што нямецкія пастаўкі зброі і амуніцыі пяройдуць у поўнае распараджэнне каменданта акругі. Галоўнае камандаванне

АК у Варшаве і лонданскі галоўнакамандуючы асудзілі гэтыя здзелкі. 17.1.1944 г. з Лондана прыйшоу загад разарваць супрацоўніцтва з немцамі і разабрацца з тымі, хто прыняў у ім удзел. Свіда быў высланы з Навагрудчыны, а Пільх насуперак загаду не спыніў супрацоуніцтва» [14, с. 170].

К основным причинам изменений в деятельности АК в этот период есть основания отнести совокупность следующих событий:

решения конференций антигитлеровской коалиции, в частности, по демаркационным линиям советско-польской границы, из которых следовало, что послевоенное устройство польского государства будет осуществляться без территории бывшей Западной Беларуси;

отказ США и Великобритании в поддержке, в том числе военной, польскому правительству;

кризис в политике польского эмигрантского правительства, который привел к дезорганизации управления структурами АК на местах;

расстрел польских офицеров в Катыни, огласка которого вызвала крайне отрицательный резонанс среди поляков в отношении СССР;

изменение советской политики в результате разрыва дипломатических отношений между СССР и Польшей, которая была переориентирована на вытеснение аковцев с советской территории, в том числе с Западной Беларуси, и физическое уничтожение актива АК.

На фоне широкомасштабного наступления советских войск и уже очевидной деоккупации Беларуси (в том числе бывшей территории Западной Беларуси) это привело к активизации антисоветских, в том числе вооруженных, акций АК в целях мотивированной подготовки своих сторонников из числа гражданского населения к вооруженному восстанию для реализации изначально сформированных задач АК по восстановлению границ Польши до 1939 г.

После освобождения Беларуси от гитлеровских оккупантов во второй половине 1944 г. деятельность формирований АК характеризуется крупномасштабными акциями, «имевшими конечной целью заставить силовыми акциями Советский Союз согласиться на восстановление второй Речи Посполитой в границах 1939 г.» [4, с. 92].

В этой связи белорусский исследователь А.М. Литвин обращает внимание на совокупность важных обстоятельств, которые следует учитывать при оценке открыто враждебной деятельности АК в отношении мирного гражданского населения Беларуси: «Феномен Арміі Краёвай немагчыма зразумець таксама без уліку прычын краху польской дзяржавы падчас нямецка-фашысцкай агрэсіі у верасні 1939 г. і адказнасці палітычных дзеячаў і палітычных партый за гэту катастрафу, без уліку факта ўз'яднання беларускага народа у 1939 г., а таксама без уліку палітыкі савецкага партыйнага і дзяржаўнага кіраўніцтва у адносінах да насельніцтва Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны у 1939–1945 гг., палітыкі нямецкіх захопнікаў у адносінах да польскага насельніцтва і г. д.» [2, с. 66].

Как известно, 19 января 1945 г. Армия Крайова была распущена польским эмигрантским правительством. Вместе с тем польские подпольные формирования еще долго продолжали действовать на территории Западной Беларуси. После роспуска Армии Краевой деятельность польского подполья в форме «постаковских» формирований приобретает еще более антисоветский и откровенно бандитско-контрреволюционный характер. В этой связи И.А. Валаханович уже после 1945 г. выделяет два периода в деятельности

польского подполья: 1945–1948 гг., характеризующийся деятельностью реорганизовавшихся и перегруппировавшихся сил Армии Крайовой, перешедших к борьбе в условиях, когда вторая мировая война была завершена и подписаны мирные соглашения о территориальных изменениях в Европе; 1949–1953 гг. – «период деградации антисоветского польского подполья и превращение его из организационно-структурной системы в совокупность разрозненных банд-групп и нелегалов-одиночек» [4, с. 92].

Доказано, что помимо террористических актов против представителей советской власти, аковскими и, особенно, постаковскими формированиями (АК-АКО, «ДСЗ», Объединение «Свобода и независимость» («ВИН» и др.) совершались акты уничтожения мирных граждан БССР, включая женщин и детей. Факты убийств представителями аковских и постаковских формирований мирных жителей на территории Западной Беларуси подтверждаются материалами ряда уголовных дел, донесениями командиров партизанских отрядов, справками, докладными записками и отчетами органов НКВД БССР по борьбе с бандитизмом, актами комиссий о расследовании преступлений, совершенных над жителями бойцами Армии Крайовой, справками и сообщениями партийных органов, дневниками и другими документами [14, с. 174; 15, с. 246–248, 269–270, 289–290, 292–293, 310, 315–316; 19, с. 100–103; 20, с. 376–394; 21, с. 609–610].

На факты убийств белорусских мирных жителей обращает внимание польский исследователь Ю. Туронак: «Як падаваў Пільх, пачынаючы са снежня 1943 г. да канца чэрвеня 1944 г. члены яго атрада забілі каля 6 тысяч «бальшавікоў». Думаецца, што пераважная частка забітых – гэта мірныя беларускія жыхары, якіх западозрылі ў сувязях з савецкімі партызанамі. Вынішчэнне беларусаў павялічылася і ў Лідскай акрузе. Паводле беларускіх крыніц, з сярэдзіны лютага да паловы красавіка 1944 г. ад рук акоўцаў там загінула некалькі тысяч чалавек» [14, с. 174]. В польской версии своей книги Ю. Туронак добавляет: в жертву «независимой Польше» в одной только Белицкой волости было принесено 480 местных жителей [22, с. 138].

Тем не менее политически неоднозначная оценка деятельности Армии Крайовой в указанном историческом дискурсе, в том числе и в части совершения убийств мирного гражданского населения по этнически-белорусским критериям или из ненависти к советской власти, отразилась и на соответствующих правовых решениях судов, которые следует учитывать и сегодня, давая уголовно-правовую оценку безусловно преступным и бесчеловечным деяниям аковцев в отношении мирных граждан, проживавших на западной территории Беларуси в военные и послевоенные годы.

Как известно, по результатам «процесса 16-ти» приговором Военной коллегии Верховного суда СССР (18–21 июня 1945 г.) ряд организаторов и руководителей польского подполья (командующий Армии Крайовой Л.Б. Окулицкий, руководитель подпольного польского правительства В.И. Янковский, министры подпольного польского правительства А.В. Бень и С.И. Ясюкович) были осуждены по ст. 58-2 УК РСФСР 1926 г. [17, с. 272–277], которая предусматривала ответственность за «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной

союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры». Однако после объявления в 1945 г. в Польше амнистии к 13 осужденным по «процессу 16-ти» (три человека из 16-ти (С.Ф. Михаловский, К.С. Кобылянский и И.Г. Стемлер-Домбский были оправданы в рамках данного процесса) была применена амнистия (цит. по: И.А. Валаханович [7, с. 71]). Более того, в 1990 г. Верховный Суд СССР отменил приговор в отношении руководителей АК и реабилитировал их [23, с. 22].

На территории БССР было возбуждено много уголовных дел, которые рассматривались Военными трибуналами войск НКВД во второй половине 40-х – начале 50-х годов прошлого века над участниками аковских и постаковских военных формирований. По приговорам военных трибуналов «аковцы» и «постаковцы» были осуждены по статьям УК 1928 г. БССР за контрреволюционные преступления (в основном, за измену родине (ст. 63-1), совершение террористических актов (ст. 70), диверсию (ст. 71), организационную деятельность по совершению контрреволюционных преступлений (ст. 76).

В 1990-е–2000-е гг. уголовные дела по данной категории лиц были пересмотрены в рамках проходившего процесса реабилитации жертв политических репрессий 1920-х–1980-х гг. в Республике Беларусь. Согласно вынесенным заключениям по соответствующим архивным делам в подавляющем большинстве случаев приговоры военных трибуналов были признаны обоснованными, вина обвиняемых доказана и, соответственно, данные лица были признаны не подлежащими реабилитации.

Таким образом, состоявшимися судебными решениями была обременена фактическая и правовая возможность уголовно-правовой оценки злодеяний аковцев против гражданского населения в годы Великой Отечественной войны как международного преступления против человечности в соответствии с Уставом Международного Нюрнбергского военного трибунала и ныне действующим УК Республики Беларусь. В соответствии с Конвенцией ООН от 26.11.1968 «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества», участницей которой Республика Беларусь стала с 07.01.1969, сроки давности не применяются в отношении военных преступлений и преступлений против человечества даже в том случае, если эти действия не признаются (не признавались) преступными в соответствии с внутренним законодательством государства, где они были совершены (п. б) ст. 1 Конвенции) [24]. В пункте (а) ст. 1 Конвенции перечисляются такие преступления и наряду с этим делается ссылка на Устав Международного Нюрнбергского военного трибунала, в ст. 1 и 6 которого предусматривается привлечение к ответственности за совершение преступлений главных военных преступников, которые совершили преступления, перечисленные в указанных статьях до подписания названного Устава. Конвенция 1968 г., таким образом, открывает возможность уголовного преследования лиц, которые совершили перечисленные в ней преступления, в том числе за геноцид как он определен в Конвенции 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [25, с. 68–71] до подписания и вступления в силу Конвенции 1968 г. Учитывая, что Конвенция 1968 г. была подписана Республикой Беларусь и ее положения были имплементированы в ст. 85 УК, то, по нашему мнению, есть правовые основания исходить из того, что освобождение от уголовной

ответственности в связи с истечением сроков давности не применяется в случае совершения преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений, которые ныне перечислены в упомянутой статье УК, в том числе в отношении лиц, которые совершили указанные преступления до введения в действия данного УК и независимо от того, что на момент совершения указанные преступные деяния не были криминализированы в национальном уголовном законе в качестве таковых.

Однако здесь, как отмечает А.М. Сяргейчык, мы сталкиваемся с некоторой правовой неопределенностью. Она усматривается в том, что в соответствии с ч. 3. ст. 9 УК закон, который устанавливает преступность деяний, повышает наказуемость или иным образом ухудшает положение лица, совершившего это деяние, обратной силы не имеет, т. е. не применяется в отношении лиц, которые совершили это деяние до вступления в силу соответствующего уголовного закона, который осуществил криминализацию указанных деяний в качестве определенных преступлений [26, с. 60].

5 января 2022 г. после непродолжительных дискуссий был принят Закон Республики Беларусь № 146–З «О геноциде белорусского народа». Есть основания полагать, что в данном Законе косвенно заключены правовые предпосылки для признания национальным законом на основе соответствующих норм международного уголовного права геноцидом факты массовых убийств и других злодеяний, совершенных в отношении гражданского населения БССР в годы Великой Отечественной войны, в том виде, как это преступление сформулировано в действующей редакции ст. 127 УК в качестве международного преступления против человечности.[1] В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН 1968 г. «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» «в случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье 1, положения настоящей Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающим их совершение» [24].

Детально о всех правовых позициях, связанных, в частности, с понятием международных преступлений в современном уголовном праве и принципах, которые должны соблюдаться при осуществлении уголовного преследования за преступные деяния, совершенные нацистской Германией и ее пособниками против человечества, отнесенные к международным Уставом Международного

[1] Для однозначного разрешения вопроса о действии уголовного закона во времени ст. 1 Закона от 05.01.2022 № 146-З целесообразно было бы сформулировать в следующей редакции: «Совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, определяемых в Уставе Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года как преступления против человечества, а также как геноцид в соответствии с Конвенцией 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, являются геноцидом белорусского народа и квалифицируются в качестве такового Уголовным кодексом Республики Беларусь».

военного трибунала в Нюрнберге, сказано в статье О.Н. Ведерниковой «Значение Нюрнбергского трибунала для противодействия международным преступлениям и развития международного уголовного права» [27, с. 89–95]. В частности, указанный автор обращает внимание на необходимость соблюдения принципа non bis in idem. Отступление от указанного принципа, не позволяющего дважды судить за одно и то же, является грубым нарушением международного права и, в частности п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [27, с. 93].

С учетом сказанного пока следует исходить из того, что убийства мирных граждан участниками аковских и постаковских формирований были инспирированы самостоятельными решениями местных командиров АК, обусловленные, конечно же, националистическими и антисоветскими целями деятельности АК. Из приговоров трибуналов НКВД в отношении аковцев, состоявшихся в БССР, следует, что указанные преступные злодеяния против мирного гражданского населения были оценены в рамках преступления, предусмотренного ст. 64 УК БССР 1928 г: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры». Уголовно-правовая оценка конкретных, в том числе контрреволюционных преступлений, совершенных аковцами (в том числе действий организаторов и руководителей АК), на основе норм УК БССР 1928 г. и УК РСФСР 1926 г. нашла свое отражение, как уже было сказано, в соответствующих приговорах советских судов, включая Верховный Суд СССР.

Заключение

1. В социально-историческом и геополитическом контекстах действия организаторов и участников вооруженного польского подполья и прежде всего Армии Крайовой в отношении белорусов носили откровенно националистический характер.

2. При определении криминально значимой мотивации деяний, совершенных участниками аковских и постаковских формирований, необходимо учитывать в совокупности ряд факторов, в частности:

– политику германских оккупационных властей по отношению к аковцам;

– политику советской власти по отношению к ним;

– последствия огласки «катынского дела»;

– проблематику определения советско-польской границы;

– кризис польского эмигрантского правительства;

– отказ США и Англии в дипломатическом признании эмигрантского правительства;

– деструктивное поведение командиров АК на местах.

3. Состоявшаяся уголовно-правовая оценка убийств мирных граждан, совершенных участниками аковских и постаковских формирований, в соответствующих обвинительных приговорах нашла отражение в рамках контрреволюционных преступлений, т. е. как преступлений идеологически-политических, но не как международного преступления против человечности. Пока остается только предполагать, что уголовно-правовая оценка, данная

в приговорах состоявшихся судебных процессов, не была достоверно справедливой, поскольку в сложившейся в то время политической обстановке она определялась исключительно в русле геополитических интересов основных стран-победителей (в том числе Союза ССР) относительно миротворческого урегулирования польского вопроса.

Список цитированных источников

1. Семашка, Я. І. Армія Краёва на Беларусі / Я. І. Семашка. – Мінск : Хата, 1994. – 416 с.
2. Літвін, А. М. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння / А. М. Літвін // Бел. гістарычны часопіс. – 1994. – № 1. – С. 65–73.
3. Літвін, А. М. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння / А. М. Літвін // Бел. гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 65–69.
4. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. : монография / И. А. Валаханович. – Минск : БГУ, 2002. – 146 с.
5. Ермолович, В. И. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1931–1951 гг.) / В. И. Ермолович, С. В. Жумарь. – Минск : БелНИЦДААД, 1994. – 112 с.
6. Гуленко, В. И. ОУН-УПА и Армия Крайова в Белоруссии. К вопросу о деятельности и взаимоотношениях / В. И. Гуленко // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. – Мінск, 1992. – Вып. 1. – С. 174–181.
7. Рыбак, Н. И. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований на территории западных областей БССР (1944–1954 гг.) / Н. А. Рыбак. – Гродно : ГГАУ, 2015. – 195 с.
8. Касович, А. В. Сопротивление германским оккупантам в западных областях Беларуси в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Касович А. В. ; БГПУ им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
9. Смирнов, Н. А. Армия Крайова в Польском движении сопротивления : 1939–1948 : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Н. А. Смирнов ; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2002. – 26 с.
10. Хацкевич, А. Узлы развязывает время. Формирования польской Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943–1944 гг.) / А. Хацкевич // Неман. – 1994. – № 1. – С. 136–150.
11. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С. А. Ситкевич [и др.]. – Гродно : ГрГАУ, 2004. – 344 с.
12. Армия Краева: военные, политические и правовые аспекты деятельности на Беларуси / С. П. Бородин [и др.]. – Минск : [б. и.], 1996. – 86 с.
13. Польский террор в Белоруссии в годы Второй мировой войны / Е. И. Семашко [и др.]. – М. : Телеком, 2021. – 371 с.
14. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак ; пер. з пол. В. Ждановіч ; камент. А. М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.
15. Польша – Беларусь (1921–1953) : сб. док. и материалов / сост. : А. Н. Вабищевич [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 423 с.
16. Калинкович, В. А. Социально-экономические последствия «полонизации» Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / В. А. Калинкович // Вестн. Ин-та экономики НАН Беларуси. – 2021. – Вып. 3. – С. 111–122.
17. Судебный отчет по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 18–21 июня 1945 г. / Народный комиссариат юстиции Союза ССР. – М. : НКЮ СССР, 1945. – 278 с.

18. Вовк, М. Ю. Армия Крайова на территории СССР во время Второй мировой войны / М. Ю. Вовк // Знание. Понимание. Умение. – М. : Мос ГУ, 2005. – Вып. 2. – С. 195–201.

19. Геноцид белорусского народа : информационно-аналитические материалы и документы / Генерал. прокуратура Респ. Беларусь ; под. общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.

20. История белорусской государственности. В 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Т. 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н. Б. Нестерович. – Минск : Бел. навука, 2019. – 568 с.

21. Советский Союз и польское военно-политическое подполье (апрель 1943–декабрь 1945). – Т. 1: апрель 1943 – август 1944. – М. : Демократия, 2018. – 858 с.

22. Turonek, J. Bialoruś pod okupacją niemiecką / J. Turonek. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1989. – 288 s.

23. НКВД и польское подполье 1944–1945 (По «Особым папкам» И. В. Сталина). – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН,1994. – 305 с.

24. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [Электронный ресурс] : принята резолюцией 2391 (XXIII) Генер. Ассамблеи Орг. Объед. Наций, 26.11.1968, вступила в силу для БССР 11.11.1970 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр» // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

25. Действующее международное право. Т. 2. – М. : Моск. независимый ин-т междунар. права, 1997. – С. 68–71.

26. Сяргейчык, А. М. Аб прымянімасці менш спрыяльнага крымінальнага закона да асоб, якія ўчынілі злачынствы да яго ўваходжання ў сілу / А. М. Сяргейчык // Право.by. – 2022. – № 3 (77). – С. 59–64.

27. Ведерникова, О. Н. Значение Нюрнбергского трибунала для противодействия международным преступлениям и развития международного уголовного права / О. Н. Ведерникова // Вестн. Акад. Генерал. прокуратуры Рос. Федерации. – 2016. – № 6 (56). – С. 89–95.

Аннотация. В статье на основе многоаспектной социально-исторической и геополитической характеристики антибелорусских событий, разыгравшихся на территории Западной Беларуси в годы второй мировой войны в преступной деятельности Армии Крайовой, предпринята попытка на основе определяемых в Уставе Международного (Нюрнбергского) военного трибунала преступлений против человечества, а также такого преступления против человечества, как геноцид в соответствии с Конвенцией 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, идентифицировать в указанной преступной деятельности наличие объективных и субъективных признаков геноцида белорусского народа как международного преступления.

TO THE QUESTION OF THE LEGAL ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF UNDERGROUND POLISH FORMATIONS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 40-th–50-th OF THE PAST CENTURY

Marchuk V.V., Khomich Ul.M.

Keywords: the Great Patriotic War; underground Polish formations; Home Army, Polonization, crimes against humanity and genocide, international criminal law.

Abstract. In the article, based on the multidimensional socio-historical and geopolitical characteristics of the anti-Belarusian events that took place on the territory of Western Belarus during the Second World War in the criminal activities of the Home Army, an attempt was made on the basis of the crimes against humanity defined in the Charter of the Nuremberg International Military Tribunal, as well as such a crime against humanity as genocide in accordance with the 1948 Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, to identify in this criminal activity the presence of objective and subjective signs of the genocide of the Belarusian people as an international crime.

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Морозова Ю.В.

Ключевые слова: освобождение от отбывания наказания, условно-досрочное освобождение, осужденный, исправление осужденного, лишение свободы.

Введение

В соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации каждый осужденный за преступление имеет право просить о смягчении наказания. Данное право осужденного может быть реализовано в том числе путем условно-досрочного освобождения.

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания представляет собой одну из форм прекращения отбывания наказания и является поощрением лица, совершившего преступление, в случае, если в период отбывания наказания оно доказало, что для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Следует отметить, что на протяжении последнего десятилетия применение условно-досрочного освобождения приобретает тенденцию к снижению. Так, в 2007 г. были условно-досрочно освобождены от наказания 56 086 человек, в 2008 г. – 55 957, в 2009 г. – 54 101, в 2010 г. – 50 630, в 2011 г. – 46 810, в 2012 г. – 42 758, в 2013 г. – 38 425, в 2014 г. – 32 613, в 2015 г. – 28 955, в 2016 г. – 25 746, в 2017 г. – 22 436, в 2018 г. – 20 377, в 2019 г. – 18 135, в 2020 г. – 15 878, в 2021 г. – 14 988.

В литературе называются разные причины такого снижения. Так, некоторые ученые объясняют это несовершенством законодательства и механизма реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, недостатками судебной практики и уменьшением исправительного потенциала данного института [1, с. 88].

Другие полагают, что данная тенденция обусловлена не только и не столько ужесточением законодательства об условно-досрочном освобождении, сколько изменением «качественного состава осужденных» [2, с. 158–165].

Полагаем возможным согласиться с высказанным в литературе мнением, что «с момента вступления в силу УК законодатель, судебная практика и научное сообщество существенно продвинулись в понимании основания и условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Были учтены ошибки прошлых лет, выражавшиеся в широком и не всегда обоснованном применении данного вида освобождения от наказания, и, как следствие, выработан устойчивый вектор практики, ориентирующий суды на более внимательное и взвешенное отношение к решению вопроса об условно-досрочном освобождении» [3, с. 130].

Вместе с тем следует признать, что в теории и на практике еще остается ряд вопросов, связанных с применением норм, регламентирующих порядок условно-досрочного освобождения, в частности, определяющих основание и условия условно-досрочного освобождения.

Основная часть

Основанием применения условно-досрочного освобождения от наказания выступает вывод суда о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

В литературе не раз обращалось внимание на отсутствие четких критериев признания лица не нуждающимся в полном отбывании назначенного судом наказания.

Так, например, Д. Долгополов справедливо указал на то, что подобная неопределенность порождает споры при применении указанного вида освобождения от отбывания наказания и, как следствие, не единообразную правоприменительную практику при рассмотрении данного вопроса судами [4, с. 20–23].

Апелляционным судом было отменено постановление Ленинского районного суда г. Мурманска, которым отказано в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Суд, положительно оценивая стремление С. к исправлению, учитывая отсутствие у него действующих взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания и наличие поощрений, в то же время счел необходимым в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от наказания отказать. При этом суд в своем постановлении сослался на число и периодичность полученных поощрений, конкретные данные о личности осужденного, представленные суду материалы, и пришел к выводу, что «поведение осужденного нельзя признать положительным, свидетельствующим о достаточности его исправления».

Вместе с тем из представленных материалов следует, что С. отбывает наказание с 14 октября 2014 г., т. е. фактически отбыл более 2/3 срока наказания и положения п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ соблюдены.

Осужденный С. имеет 19 поощрений за добросовестный труд и примерное поведение, 2 взыскания досрочно сняты, 12 мая 2016 г. переведен на облегченные условия содержания, с представителями администрации учреждения вежлив и тактичен, правильно строит взаимоотношения с другими осужденными, характеризующимися положительно, занимается самообразованием, получил 3 рабочих специальности, привлекался к оплачиваемому труду и к труду в порядке ст. 106 УИК РФ, исковых обязательств по приговору не имеет, связь с родственниками поддерживает посредством телефонных переговоров и свиданий, вину в совершенном

преступлении признал и раскаивается в содеянном, в декабре 2016 г. написал покаянное письмо потерпевшему Т. Н., имеет надлежащие гарантии бытового и трудового устройства. В судебное заседание были представлены дополнительные документы, положительно характеризующие С. (в том числе характеристика и ходатайство с прежнего места работы).

Имевшиеся у осужденного взыскания от 25 июля 2016 г. и от 23 сентября 2016 г. за отсутствие на рабочем месте и нарушение формы одежды, сняты досрочно. После этого осужденный 12 раз поощрялся начальником исправительного учреждения исключительно за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду. При таких обстоятельствах сами по себе снятые взыскания не могут свидетельствовать о том, что С. нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания.

Каких-либо конкретных данных, отрицательно характеризующих осужденного С. и свидетельствующих о том, что он не встал на путь исправления, судом не установлено и в постановлении не приведено.

По мнению апелляционная инстанции, судом первой инстанции не приняты во внимание критерии применения условно-досрочного освобождения для осужденных, а именно: отношение осужденного С. к содеянному (признание вины и раскаяние в содеянном), его добросовестное отношение к обязанностям в период отбытия назначенного наказания, уважительное отношение к другим осужденным и сотрудникам исправительной системы, поведение С. за весь период отбывания наказания, наличие у него поощрений и отсутствие действующих взысканий.

Учитывая, что закон не требует, чтобы осужденный имел какие-то особые, исключительные заслуги, а представленные материалы свидетельствуют о том, что С. не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, что подтверждается и мнением администрации исправительного учреждения, суд апелляционной инстанции считает необходимым обжалуемое постановление отменить и принять по делу новое решение, которым удовлетворить ходатайство осужденного, освободив его условно-досрочно от дальнейшего отбывания наказания, назначенного по приговору Печенгского районного суда Мурманской области от 14 октября 2014 г. по ч. 4 ст. 111 УК РФ в виде 6 лет лишения свободы, на неотбытый срок [5].

Таким образом, оценка нуждаемости или ненуждаемости осужденного в полном отбывании наказания носит сугубо субъективный характер и достаточно сильно зависит от внутреннего убеждения судьи. Данный факт влияет на принятие законных и обоснованных решений и ставит интерес осужденного в зависимость от мнения судьи, что, в свою очередь, также влияет на единообразие практики применения анализируемого института.

Следует отметить, что в ст. 175 УИК РФ указаны общие обстоятельства, которые, по мнению законодателя, могут свидетельствовать о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

К таковым относятся: возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, раскаяние в совершенном деянии, а также иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного.

Неоднозначным является вопрос о том, могут ли служить основанием для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания отсутствие

раскаяния осужденного и непризнание им своей вины. С одной стороны, ч. 1 ст. 175 УИК прямо закрепляет, что в ходатайстве осужденного, в числе прочих, должны быть отражены сведения, свидетельствующие о его раскаянии в совершенном преступлении. С другой стороны, в ст. 79 УК РФ в качестве условий условно-досрочного освобождения раскаяние в совершенном деянии не указывается.

Верховный Суд РФ в п. 6 постановления от 21 апреля 2009 г. № 8 (с изм. и доп.) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» высказал позицию о том, что суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, таким как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации высказал свою позицию в определении от 1 марта 2012 г. № 274-О-О, согласно которой конституционное право каждого не свидетельствовать против себя самого (ст. 51 Конституции Российской Федерации) должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе на стадии исполнения приговора. Поэтому то обстоятельство, что лицо воспользовалось этим правом при разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении, само по себе не может служить основанием для наступления для него каких-либо неблагоприятных последствий.

Полагаем возможным согласиться с мнением о том, что данную «дилемму следует решать, исходя из общих научно-методологических подходов, выработанных для рассмотрения вопросов об условно-досрочном освобождении» [3, с. 171]. В данном случае основу для принятия решения судом должна составлять совокупность обстоятельств, исследуемых за весь период отбывания наказания, при этом ни одно из обстоятельств, включая непризнание вины и отсутствие раскаяния, не имеет заранее установленного значения [3, с. 171].

Одним из условий условно-досрочного освобождения от наказания является возмещение причиненного преступлением вреда (полностью или частично) в размере, определенном решением суда.

Под возмещением вреда при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания следует понимать возмещение материального ущерба и компенсацию морального вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда.

Вместе с тем обозначенная законодательная формулировка не позволяет сделать вывод о минимальном размере возмещенного вреда, который необходимо возместить осужденному для получения права на условно-досрочное освобождение. Нет единого мнения и о том, достаточным ли будет частичное возмещение вреда одному потерпевшему в случае, когда в результате совершения одного преступления вред причинен нескольким потерпевшим [6, с. 6–8].

Определяя достаточность предпринятого возмещения, суд должен учитывать и объективные причины, затрудняющие выполнение осужденным соответствующей обязанности (инвалидность, наличие заболевания, невозможность трудоустройства и т. д.).

Если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания только на этом основании.

Полагаем, что данная позиция Верховного Суда нарушает принцип справедливости по отношению к потерпевшим. Соглашаясь в целом с тем, что не возмещение вреда может быть связано с объективными причинами, считаем необходимым установить обязанность суда по возложению на осужденного обязанности возместить причиненный вред, которую он должен исполнить в течение оставшейся не отбытой части наказания.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения:

1. Требуется выработка более четких критериев, на основании которых суд может прийти к убеждению о том, что для дальнейшего исправления осужденного нет необходимости в полном отбывании назначенного наказания.

2. Необходимо привести в соответствие нормы УК РФ и нормы УИК РФ в части установления единых условий условно-досрочного освобождения.

3. Полагаем возможным установить обязанность суда по возложению на осужденного обязанности возместить причиненный вред, которую он должен исполнить в течение оставшейся не отбытой части наказания.

Список цитированных источников

1. Антипов, А. Н. Условно-досрочное освобождение: путь ресоциализации или угроза безопасности / А. Н. Антипова // Алтайск. юрид. вестн. – 2016. – № 2. – С. 88.

2. Дроздов, А. И. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / А. И. Дроздов, А. В. Орлов // Актуальные проблемы рос. права. – 2018. – № 1. – С. 158–165.

3. Уголовное право. Общая часть. Наказание : акад. курс: в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. – Т. 8. Освобождение от уголовного наказания. Амнистия. Помилование. Судимость. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 832 с.

4. Долгополов, Д. Практика применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Д. Долгополов // Уголовн. право. – 2010. – № 4. – С. 20–23.

5. Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 07.11.2019 по делу № 22-1504/2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

6. Прасков, Р. С. Проблемы эффективности применения правовых положений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания / Р. С. Прасков, Ю. В. Красникова // Законность. – 2019. – № 5. – С. 6–8.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов законодательной регламентации и практики применения условно-досрочного освобождения от наказания. Несмотря на правовую определенность при применении норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в сфере условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, на практике возникают вопросы, обусловленные отсутствием четких критериев, выступающих основанием для условно-досрочного освобождения, и их оценочной формулировкой. Дискуссионными являются и вопросы, связанные с некоторыми условиями условно-досрочного освобождения.

SOME ISSUES OF THE APPLICATION OF THE INSTITUTION OF CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM SERVING A SENTENCE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

Morozova Y.V.

Keywords: release from serving a sentence, parole, convicted person, correction of convicted person, imprisonment.

Abstract. The article is devoted to consideration of issues of legislative regulation and the practice of parole release from imprisonment. Despite the legal certainty in the application of the norms of criminal and penal enforcement legislation in the field of parole from serving a sentence, in practice, questions arise due to the lack of clear criteria that serve as the basis for parole and their evaluation formulation. Issues related to certain conditions of parole are also debatable.

УДК 343.35

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ, ГУМАНИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЛУЖЕБНУЮ ХАЛАТНОСТЬ

Рыжанков А.Ю.

Ключевые слова: служебная халатность, неосторожные преступления, уголовная ответственность, мера наказания, санкция.

Введение

Принципы справедливости, гуманизма уголовной ответственности и индивидуализации наказания являются одними из руководящих положений в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Согласно этим принципам наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т. е. устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, быть необходимыми и достаточными для исправления (ст. 3 УК) и назначаться судом исходя из обстоятельств каждого дела индивидуально (ст. 62 УК).

Однако санкции статей уголовного закона не всегда предоставляют суду возможность для назначения справедливого наказания, т. к. предусматривают слишком ограниченный перечень видов наказаний либо в них очерчены малые пределы наказаний между верхней и нижней границей санкций. Подобное можно обнаружить в санкции ст. 428 УК.

Цель настоящего исследования состоит в анализе санкции ст. 428 УК для установления возможности адекватной реализации принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации наказания при привлечении виновного к ответственности за совершение служебной халатности и выдвижению рекомендаций по совершенствованию санкции этой статьи на основании

результатов применения историко-правового, системного и сравнительно-правового методов.

Предметом исследования выступили позиции отечественных и зарубежных правоведов по проблематике исследования, уголовные законы Республики Беларусь и зарубежных стран, предусматривающие ответственность за халатность по службе, иные нормативные правовые акты, судебная практика.

Основная часть

За совершение служебной халатности, сопряженной с причинением вреда государственному имуществу в особо крупном размере, предусмотрено основное наказание в виде ограничения свободы на срок от двух до пяти лет или лишения свободы на срок до пяти лет; при этом обязательно назначается дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 1 ст. 428 УК). Если служебная халатность повлекла смерть человека либо иные тяжкие последствия, предусмотрено ограничение свободы на срок от трех до пяти лет либо лишение свободы на срок от двух до шести лет также с обязательным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 2 ст. 428 УК).

Согласно п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424 – 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – постановление № 12), назначая наказание за служебную халатность, суду, следуя принципу индивидуализации наказания, надлежит учитывать характер и степень общественной опасности, содержание мотивов и целей содеянного, значимость занимаемой должности и важность выполняемых обязанностей, которые нарушены, продолжительность преступных действий, данные личности виновного, иные обстоятельства дела.

Однако, по нашему мнению, проблематично адекватно реализовывать принцип индивидуализации наказания в отношении виновного в служебной халатности из-за ограниченности видов наказаний в санкции ст. 428 УК.

Текущее содержание санкция за служебную халатность в уголовном законе приобрела не сразу. В санкции первоначальной редакции ч. 1 ст. 428 УК предусматривалось больше основных наказаний, максимальные сроки наказаний в виде ограничения и лишения свободы были ниже, а минимальные сроки и вовсе отсутствовали. За деяние должностного лица по ч. 1 ст. 428 УК, повлекшее по неосторожности ущерб в особо крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан, государственным или общественным интересам, суд мог назначить штраф, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо ограничение свободы на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. Служебная халатность, сопряженная со смертью или иными тяжкими последствиями (ч. 2 ст. 428 УК), наказывалась лишением свободы на срок до пяти лет.

Как отмечает А.В. Барков, основное требование к первоначальному проекту белорусского уголовного закона заключалось в смягчении карательной практики путем увеличения альтернативных видов наказания и иных мер уголовной

ответственности, а также путем назначения наказания в виде лишения свободы только в случаях, когда применение иных мер не будет обеспечивать достижение целей уголовной ответственности [1, с. 7]. Это объясняет широту санкции первоначальной редакции ст. 428 УК.

Санкция ст. 428 УК в последующих редакциях становилась все строже. По обоснованному мнению А.Р. Леонович, с принятием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42–З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности» санкцией ст. 428 УК была утрачена необходимая дифференциация уголовной ответственности, а сами наказания стали более строгими. Штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью были исключены из санкции как альтернативные основные виды наказания, а верхняя граница ограничения свободы в ч. 1 ст. 428 УК возросла с двух до пяти лет [2]. Добавим, что законодатель, объединив квалифицирующие признаки ч. 1 и ч. 2 ст. 428 УК, необоснованно, по нашему мнению, ужесточил наказание за служебную халатность, повлекшую имущественный ущерб.

Как указывала Э.А. Саркисова, наличие существенного ограничения видов наказаний можно связать с принятием Закона Республики Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264–З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией», после которого были существенно ужесточены санкции целого ряда статей УК, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления. Ужесточению подверглась и санкция ст. 428 УК, хотя это преступление совершается с неосторожной формой вины, а потому к коррупционным преступлениям относиться не может [3].

Нынешний вид санкция ст. 428 УК приобрела с принятием Закона Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171–З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Служебная халатность, сопряженная с наступлением смерти или иных тяжких последствий, была законодателем опять вынесена в ч. 2 ст. 428 УК, что сопровождалось увеличением минимального и максимального сроков ограничения и лишения свободы за это преступление.

По нашему мнению, эти изменения связаны с тенденцией унификации санкции смежных со ст. 428 УК уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления, связанные с нарушением правил, требований и обязанностей. К таким составам, например, относятся составы преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и требований пожарной безопасности (ст. 301–306 УК), а также нарушениями требований экологического законодательства (ст. 265–267 УК).

Санкциям ч. 2 ст. 428 УК и ч. 3 ст. 301, ч. 2 ст. 302, ч. 2 ст. 303, ч. 2 ст. 305 УК свойственны одни виды наказаний, однако их сроки отличаются: отсутствует нижний предел для назначения наказания в виде ограничения свободы, а максимальный срок лишения свободы в санкциях этих статей, наоборот, выше по сравнению с санкций ч. 2 ст. 428 УК – до семи лет лишения свободы. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выступает возможным, но не обязательным

наказанием. Все это в целом свидетельствует о меньшей строгости санкций этих статей. Это не относится к санкции ч. 3 ст. 304 УК, в которой предусмотрено наказание только в виде лишения свободы в пределах семи лет.

За наступление в результате нарушения служебных обязанностей должностным лицом смерти или причинения тяжкого телесного повреждения двум или более лицам предусмотрено менее строгое наказание в ч. 2 ст. 306 УК, чем в ч. 2 ст. 428 УК. В санкции ч. 2 ст. 306 УК отсутствует минимальная граница наказания, предусмотрен срок лишения свободы до пяти лет, а лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является факультативным наказанием. Однако санкция ч. 3 ст. 306 УК снова строже ч. 2 ст. 428 УК, т. к. основное наказание предусмотрено в виде лишение свободы на срок от трех до семи лет.

Сравнив санкции ст. 304–306 УК, предусматривающих ответственность за причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения одному лицу, и ч. 2 ст. 428 УК, предусматривающую ответственность за наступление иных тяжких последствий, к которым иногда относят тяжкие, менее тяжкие телесные повреждения [2; 4, с. 909], очевидно, что санкция за служебную халатность существенно строже. В санкции ч. 2 ст. 304, ч. 1 ст. 305, ч. 1 ст. 306 УК включены такие основные виды наказания, как штраф, арест и исправительные работы, ограничение и лишение свободы, максимальный срок наказаний в виде ограничения и лишения свободы составляет до трех лет, а минимальный и вовсе отсутствует.

Таким образом, в отношении должностного лица за нарушение правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и требований пожарной безопасности предусмотрена менее строгая санкция, чем в отношении виновного в служебной халатности. Естественным образом возникает вопрос о необходимости выработки единого подхода к формированию санкции за неосторожные преступления, субъектами которых являются должностные лица.

Есть и другие примеры разницы в санкциях статей за неосторожные преступления должностных лиц. Например, за совершение преступления против воинской службы – халатности по службе (ч. 1 ст. 456 УК) максимальный срок ограничения свободы составляет до двух лет. При этом минимальная граница ограничения свободы в санкции ст. 456 УК отсутствует вовсе.

Гуманней подход законодателя и к оценке медицинской халатности (ст. 161–162 УК), чем к служебной халатности (ст. 428 УК). Согласно ч. 1 ст. 161 УК к виновному может в качестве основного наказания применяться штраф, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо ограничение свободы на срок до двух лет, всегда со штрафом. Минимальные сроки лишения свободы за медицинскую халатность отсутствуют, а максимальные ниже: в ч. 2 ст. 161 УК максимальный срок составляет три года, а в ч. 2 ст. 162 УК – пять лет лишения свободы. Однако наряду с основным наказанием виновному в преступлениях, предусмотренных ст. 161, 162 УК, в обязательном порядке назначается штраф.

Санкции ст. 144, 155, 219 УК существенно менее строгие, чем санкция ст. 428 УК. Например, санкция ст. 155 УК включает такие самостоятельные наказания, как общественные работы, штраф, исправительные работы, арест или ограничение свободы, а санкция ст. 219 УК, наряду с ограничением свободы,

предусматривает также исправительные работы или арест, однако сроки наказаний меньше.

По нашему мнению, отнесение посягательства к категории преступлений против интересов службы также не должно оказывать ограничивающего воздействия на виды и размер наказаний, применяемых к виновному лицу за его совершение. Полагаем, что санкция ч. 1 ст. 428 УК не отражает положений Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция). Как отмечает А.В. Барков, «положения Концепции ... в полном объеме не реализованы и должны оставаться перспективной задачей законотворчества в области уголовного права» [5].

Концепцией подчеркивается необходимость назначать альтернативные лишению свободы виды наказаний лицам, не представляющим опасности для общества, к которым можно отнести и большинство виновных в неосторожных преступлениях (п. 12, 15.2).

Считаем, что широта перечня наказаний, назначаемых за служебную халатность, должна соотноситься с широтой уголовно наказуемых последствий этого преступления. В санкции служебной халатности должны быть отражены наказания, не связанные с лишением свободы.

Как отмечено в п. 9 и п. 16.5 Концепции, современные социальные условия позволяют рассматривать штраф как одну из наиболее приемлемых альтернатив лишению свободы, в связи с этим следует расширить применение штрафа в качестве основного или дополнительного наказания, в том числе за преступления против интересов службы.

Само отсутствие штрафа в санкции ст. 428 УК противоречит п. 16.6 Концепции, в котором подчеркивается необходимость рассмотрения вопроса о назначении штрафа по усмотрению суда вместо лишения свободы за преступления, не относящиеся к тяжким и особо тяжким, если лишение свободы предусматривается в их санкции. Это, по нашему мнению, указывает на необходимость установления штрафа в качестве вида наказания за служебную халатность, не сопряженную с лишением жизни или причинением тяжкого телесного повреждения.

Этой позиции придерживается и А.Р. Леонович, которая предлагает наказывать виновного в служебной халатности, сопряженной с причинением ущерба в особо крупном размере, штрафом или ограничением свободы [2].

Однако самостоятельное наказание в виде штрафа не всегда может иметь необходимое исправительное воздействие на виновного. По нашему мнению, эффективным будет сочетание лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом. Как справедливо отмечает Е.В. Царев, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельность должно сопутствовать преступлениям против интересов службы [6, с. 176].

Кроме штрафа, когда это обосновано обстоятельствами и тяжестью совершенного преступления, в качестве имущественного наказания за служебную халатность могут выступать исправительные работы. К позитивной стороне исправительных работ О.И. Бахур относит воспитательно-

исправительное воздействие на осужденного со стороны общественности в условиях осуществления осужденным трудовой деятельности [7, с. 139].

Согласно п. 7 Концепции ограничение свободы оптимально назначать вместо лишения свободы тем осужденным, которые обладают устойчивой мотивацией к социальной адаптации и реабилитации. К таким осужденным, как правило, можно отнести и виновных в служебной халатности. Среди преимуществ ограничения свободы как меры наказания выделяется способность индивидуализации при применении к конкретному осужденному не только размеров наказания, но и круга правоограничений.

По нашему мнению, лишение свободы должно применяться к виновным за неосторожные преступления, если только последние сопряжены с посягательством на жизнь и здоровье. Эта позиция согласуется с позицией А.Л. Курисюка, который подчеркивает, что лишение свободы следует применять только к лицам, которых требуется изолировать от общества, поскольку оставлять их на свободе опасно для окружающих. В случае применения его к иным лицам лишение свободы следует назначать на небольшие сроки [8, с. 30].

Применение к виновному лицу наказания в виде длительного лишения свободы может ухудшить, а не улучшить состояние его правосознания, стать причиной разрушения социальных связей между ним и обществом. В связи с этим в п. 16.3 Концепции указано на необходимость снизить минимальные и максимальные сроки наказания в виде лишения свободы за некоторые категории преступлений, в том числе против интересов службы.

Поэтому наказание в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предлагается назначать только за совершение служебной халатности, сопряженной с наступлением смерти двух или более лиц. Уголовную ответственность за причинение по неосторожности смерти двум или более лицам, по нашему мнению, целесообразно установить в ч. 3 ст. 428 УК, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 306, ч. 3 ст. 314, ч. 3, 5 ст. 316, ч. 3, 5 ст. 317, ч. 3 ст. 320, ч. 3 ст. 464 и ч. 2 ст. 465 УК.

Необходимость расширения круга наказаний за служебную халатность подтверждается и сравнительно-правовым анализом санкций статей, устанавливающих ответственность за халатность, в зарубежном законодательстве.

В санкцию статей уголовных законов государств – участников СНГ, предусматривающих ответственность за должностную халатность, включаются, как правило, следующие виды наказания: штраф, общественные (обязательные) работы, исправительные работы, арест, ограничение или лишение свободы с применением в качестве основного или дополнительного наказания лишения права занимать определенные должности (ст. 293 УК РФ; ст. 371 УК Казахстана; ст. 331 УК Кыргызстана; ст. 322 УК Таджикистана; ст. 188 УК Туркменистана; ст. 207 УК Узбекистана; ст. 315 УК Армении; ст. 367 УК Украины; ст. 314 УК Азербайджана; ст. 329 УК Молдовы).

В уголовном законодательстве иных зарубежных государств санкции статей, предусматривающие ответственность за должностную халатность, как правило, включают имущественные взыскания наряду с наказаниями в виде длительного или краткосрочного лишения свободы, а также с обязательным лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью (Польша, Латвия, Литва, Грузия, Сербия, Дания и др.).

Ограниченность суда в выборе мер наказания, не связанных с ограничением или лишением свободы, в санкции ст. 428 УК может вынуждать необоснованно обращаться к иным мерам уголовной ответственности, таким как условное неприменение и отсрочка исполнения наказания, которые, как подчеркивается в п. 10 Концепции, не всегда выступают эффективным способом реализации уголовной ответственности, поскольку не налагают каких-либо существенных ограничений на осужденного в течение испытательного срока.

Малый круг видов наказаний, предусмотренных санкцией ст. 428 УК, не соотносится с разнообразием обстоятельств объективной стороны преступления, степенью вины лица в наступлении общественно опасных последствий и не позволяет суду в полной мере дать адекватную оценку преступлению, назначив за него справедливое наказание.

Заключение

В уголовном законе отсутствует единство подходов к конструированию санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления, связанные с нарушением лицами установленных правил, требований и обязанностей. Санкция ст. 428 УК часто является более строгой, чем санкции статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления, связанные с нарушениями лицом правил и требований по службе (ст. 161, 162, 302, 303, 304–306, 456 УК и др.). Это проявляется как в узости круга видов наказаний за служебную халатность, так и в самих размерах наказаний.

По результатам проведенного исследования предлагается реформировать санкцию ст. 428 УК путем расширения самостоятельными видами наказаний и изменения минимальных и максимальных размеров наказаний:

– санкция служебной халатности в ч. 1 ст. 428 УК должна быть представлена лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

– санкция служебной халатности в ч. 2 ст. 428 УК должна включать ограничение свободы на срок до пяти лет или лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

– санкция предложенной редакции ч. 3 ст. 428 УК, охватывающей причинение смерти по неосторожности двум или более лицам, должна предусматривать наказание в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Реформирование санкций ст. 428 УК будет содействовать исполнению требований справедливости и соразмерности наказания за служебную халатность, а также обеспечению единства подходов к формированию санкций за неосторожные должностные преступления.

Список цитированных источников

1. Барков, А. В. Реформа уголовного права в Беларуси (1989–1999 гг.) / А. В. Барков // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 26. – С. 247–266.

2. Леонович, А. Р. Эволюция норм об уголовной ответственности за служебную халатность по Уголовному кодексу БССР 1960 года и Уголовному кодексу Республики Беларусь 1999 года [Электронный ресурс] / А. Р. Леонович // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В. А. Круглов, Е. И. Климова. – Минск : Амалфея, 2015. – 1008 с.

5. Барков, А. В. О реализации концепции совершенствования мер уголовной ответственности [Электронный ресурс] / А. В. Барков // Электронная библиотека Белорус. гос. ун-та. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/142076. – Дата доступа: 14.01.2022.

6. Царев, Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Царев. – Нижний Новгород, 2009. – 252 с.

7. Бахур, И. О. Исправительные работы: оценка эффективности и дальнейших перспектив применения / И. О. Бахур // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., посвященная 100-летию милиции Беларуси, г. Минск, 10 февр. 2017 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред. : А. В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2017. – С. 139–140.

8. Курисюк, А. Л. Некоторые вопросы стратегии нормотворчества и практического применения уголовного закона / А. Л. Курисюк // Судовы вестнік. – 2016. – № 2. – С. 26–31.

Аннотация. В статье анализируется санкция ст. 428 УК с позиции адекватной реализации принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации наказания при привлечении виновного к ответственности за совершение служебной халатности на основе применения историко-правового, системного и сравнительно-правового методов. Предметом исследования выступили позиции отечественных и зарубежных правоведов по проблематике исследования, уголовные законы Республики Беларусь и зарубежных стран, иные нормативные правовые акты, судебная практика. В рамках статьи проведено сравнение санкции действующей и предыдущих редакций статьи, предусматривающей ответственность за служебную халатность, проведен анализ отечественного и зарубежного законодательства в части видов и размеров наказаний, применяемых к виновному за совершение халатности, а также совершение иных неосторожных преступлений. По результатам исследования сделан вывод о недостаточности видов наказания, которые могут быть назначены за совершение служебной халатности, излишней узости установленных уголовным законом размеров наказания в санкции ст. 428 УК, предложены рекомендации по ее реформированию.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF JUSTICE, HUMANISM AND INDIVIDUALIZATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR OFFICIAL NEGLIGENCE

Ryzhankou A.Y.

Keywords: official negligence, careless crimes, criminal liability, punishment, sanction.

Abstract. The article analyzes the sanctions of art. 428 of the Criminal Code of the Republic of Belarus from the standpoint of implementing the principles of justice, humanism and individualization of punishment when bringing the perpetrator to justice for official negligence through the use of historical-legal, systemic and comparative-legal methods. The subject of the study was the positions of domestic and foreign legal scholars on the issues of the study, the criminal laws of the Republic of Belarus and foreign countries, providing for liability for negligence in service, other regulatory legal acts, judicial practice. Within the framework of the article, a comparison was made of the sanctions of the current and previous versions of the article of official negligence, an analysis of domestic and foreign legislation was carried out in terms of the range of penalties applied to an official for committing negligence, as well as sanctions for other negligent crimes. Based on the results of the study, a conclusion was drawn about the insufficiency of the types of punishment that can be imposed for the commission of official negligence, the excessive narrowness of range of the penalties established by the criminal law in the sanction of art. 428 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, recommendations are proposed for its reform.

УДК 349.442

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Семенихин М.А.

Ключевые слова: проектирование, самовольное строительство, уголовная ответственность.

Введение

Строительная отрасль Беларуси вносит значительный вклад в формирование валового внутреннего продукта: в 2020 г. он составлял 5,8 %, а, например, в 2013 – 2014 гг. превышал 10 % [1].

Как отмечается в Директиве Президента Республики Беларусь «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли», строительство относится к числу ключевых отраслей в республике и во многом определяет состояние экономики и решение социальных задач. В настоящее время в строительной отрасли насчитывается более 10 тыс. подрядных организаций, а численность работников превышает 200 тыс. человек. В то же время заминувшую пятилетку уменьшился вклад отрасли в валовой внутренний продукт, допущено падение объемов подрядных работ, возведения жилья,

обостряются проблемы неплатежей, ухудшается финансовое положение строительных организаций [2].

Одновременно следует отметить, что в последние годы пристальное внимание как бизнес-среды, так и граждан вызывают вопросы, связанные со строительством, в том числе с градостроительным планированием, сносом и уплотнением. В некоторых случаях для разрешения конфликтных ситуаций требовалось вмешательство Главы государства [3, 4].

Сложность при рассмотрении экономических конфликтов, связанных с застройкой территорий, особенно в городах, отмечается и в зарубежной литературе. Так, Нобелевский лауреат Р. Коуз, рассматривая проблему социальных издержек, приводит различные судебные решения и отмечает, что в результате рассмотрения конкретных дел возникло так называемое планирование и зонирование (территорий – М.С.) на основе судебного права [5, с. 116].

В российской литературе отмечается возросшая в последние годы популярность концепции права на город [6]. Так, И.Р. Медведев отмечает, что указанный термин используется в самом разнородном подборе тем, от защиты бездомных и мультикультурализма до модного ныне «устойчивого развития»: сексуальные меньшинства, мигранты, этнические группы, доступное жилье, экология, защита трудящихся, движения за равное распределение доходов, против джентрификации и гетто. С точки зрения брендинга идей, когда нужен броский лозунг или символ, «право на город» – феноменально успешный продукт. Призыв очень прост, легко подхватывается, не требует специального образования и может быть транслирован для любых целей. И, конечно, ссылки о праве на город встречаются в городских конфликтах [6].

В связи с изложенным представляется актуальным изучить отдельные вопросы ответственности физических и юридических лиц за нарушение законодательства об архитектурной и градостроительной деятельности. В рамках решения указанной задачи необходим анализ как мер гражданско-правовой, так уголовной и административной ответственности со стороны физических и юридических лиц, а также государственных органов и их должностных лиц.

Основная часть

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) [7] можно выделить четыре нормы, охраняющие общественные отношения в области охраны труда и правил безопасности (ст. 303 и 305 УК), а также экологической безопасности (ст. 265 и 266 УК) [8]:

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК, является общественная безопасность в сфере обеспечения надежности и долговечности возводимых зданий, сооружений и других объектов инженерной инфраструктуры. Это преступление характеризуется нарушением требований проектной, иной нормативно-технической документации при производстве строительно-монтажных работ, которые гарантировали бы качество, прочность, надежность и долговечность таких зданий, их безопасную эксплуатацию в будущем [9].

При этом обращает на себя внимание различный подход законодателя к действиям, повлекшим тяжкие последствия (гибель людей и т. п.) при проектировании объектов и при приемке их в эксплуатацию применительно к различным видам объектов строительства. В случае некачественного проектирования обычных гражданских объектов, повлекшего тяжкие

последствия, уголовная ответственность не предусмотрена, в отличии от проектирования зданий, сооружений и иных объектов с нарушением требований экологической безопасности.

Подобный подход представляется неверным, поскольку указанные выше последствия могут быть обусловлены именно ошибками при проектировании. Так, широко известны трагедии в Трансвааль-парке, когда ошибки проектирования привели к гибели 28 человек [10].

По мнению председателя таганрогского отделения Союза архитекторов России Бориса Пополитова, «серьезные ошибки при проектировании, конструктивных чертежах и в процессе строительства» стали причиной обрушения строящегося дома в Таганроге, в результате которого погибло 5 и пострадало 14 человек [11].

Именно ошибки проектирования одновременно с отсутствием должного государственного надзора (контроля) привели к трагедии в Риге, где 21 ноября 2013 г. обрушилось здание торгового центра «Максима» и погибло 54 человека [12; 13].

В связи с курсом на раскрепощение деловой инициативы Декретом Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» [14] существенно скорректированы в сторону упрощения требования к архитектурной и строительной деятельности. Так, п. 3.8 названного Декрета установлено, что технические регламенты Республики Беларусь должны содержать только основополагающие технические требования, предъявляемые к продукции либо к продукции и процессам, связанным с жизненным циклом продукции, под которым понимаются процессы разработки, проектирования, изысканий, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации (использования), хранения, перевозки (транспортирования), реализации и утилизации продукции.

Пунктом 9.3 Декрета предписано Совету Министров Республики Беларусь до 1 января 2020 г. обеспечить разработку проекта Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, предусмотрев в нем в том числе повышение ответственности разработчиков проектной документации, лиц и организаций, осуществляющих технический надзор, и иных субъектов за выполнение своих функций в процессе осуществления строительной деятельности.

Полагаем, что в рамках усиления такой ответственности целесообразно установить уголовную ответственность (путем изменения действующей редакции ст. 305 УК) за ошибки при проектировании, а равно при выдаче заключений государственной экспертизы и приемке объектов в эксплуатацию, повлекшие предусмотренные частью первой и второй указанной статьи последствия.

Глава 22 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) [15] устанавливает административную ответственность за правонарушения в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности.

Статья 22.1 КоАП устанавливает административную ответственность только физического лица за отступление от утвержденного архитектурного проекта, допущенное при разработке строительного проекта без согласования с разработчиками архитектурного проекта и утвердившим его органом.

Вместе с тем, учитывая нормы п. 25, 32 Положения о порядке разработки, согласования и утверждения градостроительных проектов, проектной документации, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.10.2008 № 1476 [16], п. 1.6 Указа Президента Республики Беларусь от 14.01.2014 № 26 «О мерах по совершенствованию строительной деятельности» [17], а также постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21.03.2014 № 252 «О некоторых вопросах аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области строительства» [18], можно утверждать, что разработка проектной документации осуществляется как физическим, так и юридическим лицом, имеющим соответствующий аттестат.

Следовательно, административная ответственность в ст. 22.1 КоАП должна налагаться также на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо, виновные в отступлении от архитектурного проекта при разработке строительного.

На практике имеют место случаи, когда разработка проектной документации заведомо для подрядчика осуществляется с нарушениями.

Так, в январе 2015 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь Председателю Минского городского исполнительного комитета внесено представление № 0703-291-2014 «Об устранении нарушений законодательства об архитектурной и градостроительной деятельности» [19].

Установлено, что между Минским городским исполнительным комитетом и иностранным частным строительным унитарным предприятием «А» 08.12.2011 был заключен инвестиционный договор, зарегистрированный в Государственном реестре инвестиционных договоров с Республикой Беларусь 09.12.2011.

Объектом инвестиционной деятельности является создание в результате реализации инвестиционного проекта многофункционального ресторанного комплекса в парке общегородского значения на территории г. Минска согласно генеральному плану застройки города на земельном участке ориентировочной площадью 1,63 га. Ориентировочная площадь объекта – 7 700 м кв.

Вместе с тем Минским городским исполнительным комитетом 26.06.2014 принято решение, разрешающее увеличение площади административных помещений с подземной гараж-стоянкой.

Комитетом архитектуры и градостроительства Минского городского исполнительного комитета 03.11.2014 вынесено заключение о согласовании внесения изменений в проектно-сметную документацию объекта Архитектурный проект (генплан, благоустройство, инженерные сети).

Указанным заключением согласована пристройка 4-этажной административной части. В соответствии с разделом 15 общая площадь до корректировки составляла 7 695,9 м кв., после – 19 141,28 м кв., в том числе офисных помещений – 7 066,48 м кв. Изменения в инвестиционный договор, корректирующие общую площадь объекта, не вносились.

Согласно системе регламентов использования ландшафтно-рекреационных зон (таблица 2.5.5, в действующей редакции – таблица 2.5.4) генерального плана г. Минска с прилегающими территориями в пределах перспективной городской черты, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 23.04.2003

№ 165 [20], размещение в ландшафтно-рекреационных зонах административных и офисно-деловых объектов и их комплексов запрещено.

Следует отметить, что несмотря на явное нарушение, допущенное при проектировании, привлечение проектной организации к административной ответственности невозможно, поскольку не было допущено ни отступление от архитектурного проекта, ни самовольное внесение изменений в утвержденный строительный проект или отступление от него.

Применение ст. 22.3. КоАП (ранее – 21.3 КоАП), устанавливающей ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности при проектировании, проведении инженерных изысканий, строительстве или эксплуатации зданий и объектов инженерной инфраструктуры, также невозможно, так как в рассматриваемом случае нарушены требования нормативного правового акта – Указа Главы государства.

Не снимая ответственности с должностных лиц Комитета архитектуры и градостроительства Мингорисполкома, представляется целесообразным дополнить положения об аттестации руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области архитектурной, градостроительной, строительной деятельности, выполнение работ по обследованию зданий и сооружений, а также об аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих отдельные виды архитектурной, градостроительной, строительной деятельности (их составляющие), выполнение работ по обследованию зданий и сооружений таким основанием прекращения действия соответственно аттестата и аттестата соответствия как однократное грубое нарушение законодательства об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, допущенное при проектировании.

Исследуя ответственность за нарушение законодательства об архитектурной и градостроительной деятельности, следует рассмотреть вопрос гражданско-правовой ответственности за самовольное строительство.

Следует отметить, что белорусское законодательство, в частности ст. 223 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [21], имеет определенные технико-юридические недостатки.

Так, указанная статья выделяет три вида самовольного строительства:

1) на самовольно занятом земельном участке;

2) на земельном участке, используемом не по целевому назначению либо предоставленном государственным органом, не имеющим полномочий на принятие соответствующего решения, и (или) без проведения аукциона, когда предоставление земельного участка возможно только по результатам аукциона, и (или) предоставленном с нарушением установленной очередности предоставления земельных участков, и (или) без предварительного согласования места размещения земельного участка, если в соответствии с законодательными актами требуется его проведение;

3) без получения необходимых разрешений на строительство, реконструкцию либо без проектной документации в случаях, когда необходимость ее подготовки предусмотрена законодательством, либо с существенными нарушениями

градостроительных и строительных норм и правил, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

Исходя из вида осуществленного самовольного строительства различаются и его правовые последствия.

Так, при самовольном строительстве на самовольно занятом земельном участке местным исполнительным и распорядительным органом принимается, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь, решение о возврате самовольно занятого земельного участка, сносе самовольной постройки и приведении земельного участка в пригодное для использования по целевому назначению состояние в порядке, предусмотренном законодательством об охране и использовании земель. Определение самовольного занятия земельного участка содержится в ч. 1 ст. 72 Кодекса Республики Беларусь о земле [22].

При втором виде самовольного строительства, в том числе при приобретении лицом земельного участка с расположенной на нем самовольной постройкой, областным (Минским городским) исполнительным комитетом принимаются в отношении земельного участка решение в порядке, предусмотренном законодательством об охране и использовании земель, а также, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь, одно из следующих решений:

1) о сносе самовольной постройки и приведении земельного участка в пригодное для использования по целевому назначению состояние с определением в таком решении сроков выполнения этих действий;

2) о приведении самовольной постройки в прежнее, до осуществления самовольного строительства, состояние с определением в таком решении сроков выполнения этих действий.

За лицом, осуществившим на земельном участке, предоставленном в частную собственность либо пожизненное наследуемое владение, самовольное строительство (в том числе за законным приобретателем), по решению суда может быть признано право собственности на самовольную постройку, если сохранение самовольной постройки не влечет существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил.

Признание судом права собственности на самовольную постройку является основанием для принятия местным исполнительным и распорядительным органом решения о продолжении строительства (принятии самовольной постройки в эксплуатацию и ее государственной регистрации в установленном порядке) и о предоставлении земельного участка в порядке, предусмотренном законодательством об охране и использовании земель.

В случае самовольного строительства, осуществленного без наличия необходимых разрешений или проектной документации, в том числе в отношении законного приобретателя, местным исполнительным и распорядительным органом принимается, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь, одно из следующих решений:

1) о продолжении строительства (принятии самовольной постройки в эксплуатацию и ее государственной регистрации в установленном порядке) – если сохранение постройки не влечет существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил;

2) о сносе самовольной постройки и приведении земельного участка в пригодное для использования по целевому назначению состояние с определением в таком решении сроков выполнения этих действий – если сохранение постройки влечет существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил;

3) о приведении самовольной постройки в прежнее, до осуществления самовольного строительства, состояние с определением в таком решении сроков выполнения этих действий – если сохранение постройки влечет существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил.

Таким образом, различные фактические действия, объединенные общим термином «самовольное строительство», влекут различные правовые последствия: от сноса объекта до возможности его узаконивания в судебном или административном порядке. В последнем случае, на наш взгляд, имеют место определенные дискреционные полномочия местных исполнительных органов, особенно с учетом «размытости» определения существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил в ст. 223 ГК.

Верным представляется подход, избранный в том числе российским и казахским законодателем.

Так, в ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации [23] в качестве общего правила установлен снос или приведение самовольной постройки в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий:

– если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;

– если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;

– если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан [23].

Согласно ст. 244 Гражданского кодекса Республики Казахстан [24] лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. В качестве общего последствия самовольного строительства также установлен снос объекта.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, осуществившим постройку на не принадлежащем ему земельном участке, при условии, что данный участок будет в установленном порядке предоставлен этому лицу под размещение возведенной постройки.

Право собственности застройщика на самовольную постройку на не принадлежащем ему земельном участке, за исключением земель, принадлежащих государству, может признаваться судом при наличии согласия на это собственника земельного участка с выплатой последнему компенсации

при условии соответствия постройки требованиям законодательства Республики Казахстан об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом также за лицом, в законном пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. В этом случае лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом [24].

Отметим, что в России и Казахстане в качестве общего правила установлен снос самовольного объекта или приведение его в первоначальное состояние. Лицо, осуществившее самовольное строительство имеет право обратиться в суд с исковым заявлением о признании права собственности на постройку при соблюдении определенных условий. При этом признание права собственности в административном порядке не предусмотрено, поскольку подобное решение вправе принять только суд.

По нашему мнению, подобный подход является верным: местный исполнительный и распорядительный орган может быть наделен лишь правом принять решение о сносе самовольно построенного объекта (приведения его в первоначальное состояние). В судебном порядке признание права собственности на самовольно возведенный объект возможно, если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; строительство произведено без нарушения градостроительных норм, требований безопасности по механической устойчивости, пожарной безопасности и природоохранных требований, установленных нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Заключение

Проведенное исследование позволяет внести предложения по совершенствованию действующего законодательства об ответственности физических и юридических лиц за нарушение законодательства об архитектурной и градостроительной деятельности:

– установить уголовную ответственность (путем изменения действующей редакции ст. 305 УК) за ошибки при проектировании, а равно при выдаче заключений государственной экспертизы и приемке объектов в эксплуатацию, повлекшие предусмотренные частью первой и второй указанной статьи последствия;

– внести изменения в ст. 22.1 КоАП, предусмотрев административную ответственность индивидуального предпринимателя или юридического лица, виновных в отступлении от архитектурного проекта при разработке строительного;

– дополнить положения об аттестации руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области архитектурной, градостроительной, строительной деятельности, выполнение работ по обследованию зданий и сооружений, а также об аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих отдельные виды архитектурной, градостроительной, строительной деятельности (их составляющие), выполнение работ

по обследованию зданий и сооружений таким основанием прекращения действия соответственно аттестата и аттестата соответствия как однократное грубое нарушение законодательства об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, допущенное при проектировании;

– изложить ст. 223 ГК в новой редакции, установив в качестве общего правила снос объекта самовольного строительства, а также лишение местных исполнительных и распорядительных органов дискреционных полномочий по принятию самовольной постройки в эксплуатацию. Одновременно следует предусмотреть правило о возможности признания права собственности на самовольно возведенный объект в судебном порядке, если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; строительство осуществлено без нарушения градостроительных норм, требований безопасности по механической устойчивости, пожарной безопасности и природоохранных требований, установленных нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Список цитированных источников

1. Структура валового внутреннего продукта производственным методом в текущих ценах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview. – Дата доступа: 31.05.2022.

2. О приоритетных направлениях развития строительной отрасли [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 4 марта 2019 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Прокуратура опротестовала решения города о сносе зданий KFC и Burger King в Каменной Горке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.news.tut.by/economics/610988.html. – Дата доступа: 31.05.2022.

4. Встреча с представителями общественности и экспертного сообщества, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/new_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-i-ekspertnogo-ssobschestva-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-20590/. – Дата доступа: 31.05.2022.

5. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Р. Коуз. – М. : Новое издательство, 2007. – 224 с.

6. Медведев, И. Р. Разрешение городских конфликтов [Электронный ресурс] / И. Р. Медведев // Консультант Плюс. Россия. Комментарии законодательства / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Марчук, В. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел IX. Преступления против экологической безопасности и природной среды. Глава 26. Преступления против экологической безопасности и природной среды (статьи 263 – 284) [Электронный ресурс] / В. В. Марчук // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр». – Минск, 2022.

9. О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и техники безопасности (ст.ст. 303 – 306 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2005 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Трансвааль-парк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ru.m.wikipedia.org/wiki/Трансвааль-парк. – Дата доступа: 31.05.2022.

11. Обрушение строящегося дома в Таганроге (2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ru.m.wikipedia.org/wiki/Обрушение_строящегося _дома_в_Таганроге_ (2012). – Дата доступа: 31.05.2022.

12. Обрушение ТЦ в Риге: в проекте найдены ошибки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/Russian/international/2013/11/131129_riga_investigation_ analysis. – Дата доступа: 31.05.2022.

13. Здание торгового центра в Риге обрушилось из-за ошибки проектировщиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://amp.fakty.ua/173019-zdanie-torgovogo-centra-v-rige-obrushilos-iz-za-oshibki-proektirovcshikov. – Дата доступа: 31.05.2022.

14. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

15. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

16. Об утверждении Положения о порядке разработки, согласования и утверждения градостроительных проектов, проектной документации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 окт. 2008 г., № 1476 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

17. О мерах по совершенствованию строительной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 янв. 2014 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

18. О некоторых вопросах аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, руководителей, специалистов организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области строительства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 марта 2014 г., № 252 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

19. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2015 г. – Надзорное производство № 0703-291-2014.

20. Об утверждении Генерального плана г. Минска и некоторых вопросах его реализации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 апр. 2003 г., № 165 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

21. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

22. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

24. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061#pos=5;-155. – Дата доступа: 31.05.2022.

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы уголовной и административной ответственности за недостатки проектирования объектов. Автором обосновывается установление уголовной ответственности за недостатки проектирования, повлекшие тяжкие последствия. На основе компаративного анализа гражданского законодательства России и Казахстана предлагается закрепить, по общему правилу, такое последствие самовольного строительства, как снос объекта с возможностью признания права собственности на самовольно возведенный объект в судебном порядке при соблюдении ряда условий.

PROBLEM ISSUES OF PHYSICAL AND LEGAL ENTITIES RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE ARCHITECTURAL AND URBAN PLANNING ACTIVITIES LEGISLATION

Semenikhin M.A.

Keywords: design, unauthorized construction, criminal liability.

Abstract. The article examines problem issues of criminal and administrative responsibility for design flaws. Based on the comparative analysis of Russian and Kazakhstan civil legislation the author proposes to fix as a general rule, such a consequence of unauthorized construction as the demolition of an object with the possibility of recognizing the ownership of the unauthorized object in a trial subject to a number of conditions.

УДК 343

ПОДКУП КАК СПОСОБ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Спиридонов А.И.

Ключевые слова: преступления против избирательных прав граждан, подкуп избирателей, цели подкупа избирателей.

Введение

Одной из характерных черт современной политической ситуации в Российской Федерации являются попытки недружественных стран использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются непрямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации [1].

Значительная часть таких попыток осуществляется в период предвыборных и выборных кампаний и направлена на срыв проведения или признание выборов несостоявшимися как в целом в стране, так и в отдельных регионах или муниципальных образованиях.

Важность свободного волеизъявления народа Российской Федерации как в демократическом государстве подчеркивается в преамбуле Федерального

закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «демократические, свободные и периодические выборы в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум являются высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти. Государством гарантируются свободное волеизъявление граждан Российской Федерации на выборах и референдуме, защита демократических принципов и норм избирательного права и права на участие в референдуме» [2].

В силу этих обстоятельств уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан является важной составной частью обеспечения существования демократического государства в нашей стране и нуждается в постоянном совершенствовании.

Основная часть

Среди наиболее распространенных способов воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий выступает подкуп (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ). В настоящее время многие проблемы квалификации подкупа избирателей не нашли единого решения в науке и судебной практике.

Подкуп в ст. 204 УК РФ определен как «незаконная передача … денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание … услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав … за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц».

Однако применительно к ст. 141 УК РФ содержание подкупа несколько уточнено п. 2 ст. 56 Федерального закона «избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где подкупом считается не только льготная либо безвозмездная передача материальных благ, но и обещание такой передачи [1]. Под подкупом избирателей, участников референдума понимается «вручение им денежных средств, подарков, иных материальных ценностей …; вознаграждение избирателей, участников референдума … в зависимости от итогов голосования или обещание произвести такое вознаграждение; проведение льготной распродажи товаров …; предоставление услуг безвозмездно или на льготных условиях; воздействие на избирателей, участников референдума посредством обещаний передачи им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ, оказания услуг …» [1]. Так, Удорским районным судом Республики Коми был вынесен обвинительный приговор по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ в отношении И., который вручил гражданам денежные средства в размере 500 рублей каждому, призывая их голосовать за указанного им кандидата на выборах главы МО МР «Удорский» [3].

Изучение такой проблемы, характерной для политической ситуации в России, как подкуп избирателей или приобретение за вознаграждение у них бюллетеней, ставит на повестку дня актуальный вопрос: нужно ли привлекать к ответственности в этих случаях тех лиц, которые получают предметы подкупа [4, с. 30]. В настоящее время в науке уголовного права нет однозначной позиции по данному вопросу. Так, например, Н.В. Щедрин, придерживаясь мнения о том, что подкуп избирателей имеет характер двусторонней коррупционной сделки, в которой уголовной ответственности подлежат обе стороны этой сделки

[5, с. 91], предлагал установить уголовную ответственность избирателей за продажу голоса.

Однако мы поддерживаем точку зрения тех ученых, которые считают, что в современных российских условиях не время ставить вопрос об уголовной ответственности за «избирательную взятку», но и оставлять это безнаказанным нельзя, и солидарны с предложением ввести административную ответственность за данное правонарушение [6, с. 960].

Способы подкупа избирателей существуют самые разные. Так, Б.Л. Вишневский выделяет пять основных способов:

1) «прикормка» – будущий кандидат занимается благотворительностью, когда выборы еще не объявлены;

2) «договор», когда кандидатами официально заключаются фиктивные договоры, предусматривающие выполнение избирателями работ (услуг), а выплаты осуществляются реально;

3) «карусель», именуемая также «чистый бюллетень», «вертушка», «вертолет», является достаточно распространенной. Механизм данного способа заключается в следующем: избирателя за вознаграждение просят вынести из избирательного участка чистый бюллетень. Этот бюллетень заполняется «покупателями» и предлагается для сброса в урну для голосования другому избирателю. После этого последний выносит «покупателю» свой чистый бюллетень и получает вознаграждение;

4) «автобус» – заключается в массовом подвозе избирателей к избирательным участкам и вручении последующих вознаграждений;

5) «демпинг» представляет собой оказание бесплатных услуг от имени кандидата или поддерживающей его организации, продажу товаров по заниженным расценкам или вообще их бесплатную раздачу [7, с. 47].

В теории и на практике довольно сложным является вопрос отграничения благотворительной деятельности от подкупа. Например, являются ли подкупом избирателей или благотворительной деятельностью бесплатные массовые мероприятия, в частности концерты, которые проводятся зарегистрированными кандидатами во время выборов?

Утвердительный ответ на этот вопрос дал Верховный Суд Российской Федерации, который в одном из своих определений подтвердил наличие в действиях кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва по Подольскому одномандатному избирательному округу № 113 В. подкупа избирателей. Как следует из материалов дела, в г. Подольске и г. Наро-Фоминске состоялись концерты, которые были организованы кандидатом В. В его поддержку и были бесплатными для избирателей. Согласно соответствующим договорам организация всех этих концертов оплачена кандидатом В. Судом бесспорно установлено, что при проведении бесплатных для избирателей концертов осуществлялась предвыборная агитация в поддержку кандидата В. Суд, обосновывая свое решение, указал следующее: «Учитывая, что концертная деятельность не отнесена избирательным законодательством к массовым мероприятиям предвыборной агитации, и при обычных условиях осуществляется на платной основе, суд сделал правильный вывод о злоупотреблении кандидатом В. правом на проведение предвыборной агитации, осуществившим подкуп избирателей путем оказания им безвозмездно услуг» [8].

Статья 1 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)») под благотворительной деятельностью понимает «добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [9].

Здесь речь идет о бескорыстной (безвозмездной) передаче имущества. Закон перечислил цели благотворительной деятельности, и этот перечень строго ограничен.

Если передача имущества совершается в рамках указанных в ст. 2 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» целей во время предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, то налицо именно благотворительная деятельность. В постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2000 г. № 41пв-2000 указано, что запрет на занятие благотворительной деятельностью в ходе избирательной кампании преследует цель исключить давление на избирателей в пользу того или иного кандидата, с помощью различных форм благотворительной деятельности, т. е. обеспечить равный статус кандидатов [10].

В обмен на предмет подкупа от подкупаемого ожидают конкретных действий в интересах дающего или иных лиц. При благотворительной деятельности нет никаких ожиданий. Подкуп предполагает взаимную услугу. При благотворительной деятельности услуга носит односторонний характер, ничего не предполагая взамен.

Подкуп члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанный с исполнением им своих профессиональных обязанностей, т. е. подкуп должностного лица, по мнению Н. В. Бугаевской, является в полной мере коррупционным деянием (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), несмотря на разницу в объекте посягательства. При подкупе должностного лица – члена избирательной комиссии – необходимо учитывать, что данные действия являются способом воспрепятствования свободному осуществлению членом избирательной комиссии, комиссии референдума своих полномочий, иначе передачу имущественных благ должностному лицу за иные действия необходимо квалифицировать как дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий (ч. 3 ст. 291 УК РФ). Таким образом, при подкупе должностного лица – члена избирательной комиссии – деяние полностью охватывается п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 291 УК РФ не требуется [11, с. 53].

На практике возникает вопрос о том, как квалифицировать действия постоянного члена избирательной комиссии (должностного лица), если наряду с воспрепятствованием осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий субъект фальсифицировал избирательные документы или документы референдума (ст. 142 УК РФ) или итоги голосования (ст. 142.1 УК РФ).

Представляется, что в этом случае содеянное надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений. В своем решении можно по аналогии руководствоваться не только правилами квалификации преступлений, касающимися их совокупности, но и абзацами 3 и 4 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Здесь указывается, что в тех случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений. В случаях, когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 292 УК РФ. Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 292 УК РФ [12].

При решении вопроса о том, имел ли место подкуп избирателей, участников референдума, судам надлежит выяснять следующие обстоятельства:

– подпадают ли совершенные действия под перечень действий, которые в соответствии с п. 2 ст. 56 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ могут расцениваться как подкуп избирателей, участников референдума, имея в виду, что указанный перечень не подлежит расширительному толкованию;

– совершены ли действия в период избирательной кампании, кампании референдума;

– позволяет ли характер совершенных действий сделать вывод о том, что они побудили или побуждают избирателей, участников референдума голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), поддержать инициативу проведения референдума либо отказаться от такой поддержки, голосовать либо отказаться от голосования на референдуме, поддержать либо отвергнуть вынесенный на референдум вопрос;

– в отношении каких лиц совершены действия. Если действия осуществлены в отношении несовершеннолетних, не обладающих активным избирательным правом (например, при раздаче несовершеннолетним подарков, содержащих агитационные материалы), то необходимо учитывать, что такие действия не остаются вне поля зрения законных представителей детей – их родителей, и поэтому могут рассматриваться как подкуп, если родители являются избирателями соответствующего избирательного округа;

– относятся ли лица, осуществившие названные в п. 2 ст. 56 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ действия, к кругу лиц, действия которых по подкупу избирателей, участников референдума влекут соответствующие неблагоприятные последствия для кандидата, избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума. Подкуп избирателей, участников референдума лицами, указанными в п. 2 и 4 ст. 77 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ, подразумевает совершение таких действий как непосредственно ими, так и другими лицами по их поручению или с их ведома [13].

Сегодня нет четкой границы между наступлением уголовной ответственности за подкуп по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и административной ответственностью в соответствии со ст. 5.16 КоАП РФ. За практически одинаковые действия, связанные с подкупом избирателей, в одних случаях виновные лица привлекаются к уголовной ответственности, в других – к административной. Так, Вяземским районным судом Смоленской области П. признана виновной по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ в том, что она передала гражданам вознаграждение в виде одной бутылки водки каждому за то, чтобы они проголосовали за указанных ею кандидатов в депутаты [14].

В то же время Выксунским городским судом Нижегородской области за аналогичное деяние З. был привлечен к административной ответственности по ст. 5.16 КоАП РФ [15].

Состав преступлений, предусмотренных ст. 141 УК РФ, является формальным, поэтому считаем неверным отграничивать административное правонарушение от преступления с учетом наступивших последствий (результатов голосования). Как уголовный, так и административный закон охраняет общественные отношения, связанные со свободным волеизъявлением даже вне избирательной кампании, но связанные с выборами, поэтому отграничивать уголовную ответственность от административной стадией предвыборной агитации также неверно. Нельзя назвать удачным и критерий «незначительного количества избирателей, участников референдума», т. к. он не является объективным, что породит бесконечные проблемы на практике.

Наиболее правильным, на наш взгляд, решением с учетом достижения максимального эффекта при охране установленного законом порядка реализации права народа на власть и сложившейся в современной России социально-экономической обстановки видится вариант не упоминать подкуп в административном проступке, а ст. 5.16 КоАП РФ назвать «Осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдуме».

Верным представляется мнение А.В. Зарубина о необходимости «... дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» № 5 от 31.03.2011 (в ред. от 09.02.2012), рекомендациями по квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 141 УК РФ и разграничению со ст. 5.16 КоАП РФ» [16, с. 7].

На основании вышесказанного полагаем, что под подкупом при воспрепятствовании осуществлению избирательных прав или права на участие в референдуме следует понимать передачу имущества, оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав либо их обещание, помимо оговоренных законом целей благотворительной деятельности, за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц.

Не вполне корректным, по нашему мнению, является установление уголовной ответственности за подкуп в одном пункте с иными, более опасными способами совершения преступления по ст. 141 УК РФ – обманом, принуждением, применением насилия либо с угрозой его применения.

При совершении преступления путем подкупа потерпевший практически самостоятельно соглашается нарушить требования действующего законодательства о недопустимости совершения подобных действий. При этом в случае обмана, принуждения, применения насилия либо угрозы его применения существенно страдает свобода волеизъявления потерпевшего. Под угрозу причинения вреда ставятся также его физическое и психическое здоровье.

Некоторые сложности в квалификации преступления могут возникнуть и при сочетании различных способов совершения преступления виновными в отношении нескольких потерпевших.

В силу указанных обстоятельств предлагается установить уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, совершенное путем принуждения, применения насилия либо угрозы его применения в ч. 2.1 ст. 141 УК РФ.

Некоторые проблемы квалификации подкупа избирателей возникают при установлении признаков субъективной стороны совершаемого преступления. Так, Энгельсским районным судом Саратовской области К. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ. В ходе судебного заседания было установлено, что К., желая быстро и незаконно обогатиться, согласился на предложение выступить в качестве исполнителя в воспрепятствовании свободному и равному осуществлению гражданами своих избирательных прав путем подкупа за денежное вознаграждение в сумме 500 рублей за каждый полученный им голос. При этом суд указал, что «К., … реализуя свои преступные намерения, осознавая противоправность своих действий, с целью личной наживы и незаконного обогащения, стал открыто предлагать различным избирателям … денежное вознаграждение за то, чтобы они намерено проголосовали за определенного им кандидата в депутаты» [17]. Как видно из приговора, К. хоть и осознавал противоправность своих действий, но при этом не преследовал цели достижения определенного результата в ходе выборов в качестве единственной и основной.

Приведенный пример наглядно показывает, что не всегда воспрепятствование осуществлению избирательных прав совершается с целью достижения определенного результата в ходе избирательной кампании.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения:

1. В настоящее время в Российской Федерации демократические, свободные и периодические выборы в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум являются высшим непосредственным выражением принадлежащей народу власти.

2. Под подкупом при воспрепятствовании осуществлению избирательных прав или права на участие в референдуме следует понимать передачу имущества, оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав либо их обещание, помимо оговоренных законом целей благотворительной деятельности, за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц.

3. Действия постоянного члена избирательной комиссии (должностного лица), который, наряду с воспрепятствованием осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, фальсифицировал избирательные

документы или документы референдума (ст. 142 УК РФ) или итоги голосования (ст. 142.1 УК РФ), надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

4. Поскольку общественная опасность указанных в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ способов совершения преступления значительно различается, предлагается установить уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, совершенное путем принуждения, применения насилия либо угрозы его применения в ч. 2.1 ст. 141 УК РФ.

Список цитированных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон, 12 июня 2002 г., № 67-ФЗ : ред. от 28.06.2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

3. Приговор Удорского районного суда Республики Коми от 7 июня 2011 г., дело № 1-35/2011 // Официальный сайт Удорского районного суда Республики Коми. – Режим доступа: https://udorasud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21209963&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. – Дата доступа: 01.02.2022.

4. Курманов, А. С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. С. Курманов. – Екатеринбург, 2008 – 54 с.

5. Щедрин, Н. В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н. В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 89–92.

6. Забайкалов, А. П. Ответственность за получение «избирательной взятки» / А. П. Забайкалов, Е. Н. Лоторев // Админ. и муниципальное право. – 2015. – № 9 (93). – С. 958–962.

7. Зырянова, И. А. Основные формы коррупции в избирательном процессе / И. А. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 45–50.

8. Определение Верховного Суда Рос. Федерации, 4 дек. 2003 г., № 4-Г03-39. –Режим доступа: http://www.consultant.ru.

9. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон, 11 авг. 1995 г., № 135-ФЗ : в ред. От 14.07.2022. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

10. Об отмене решения судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 17 декабря 1999 года и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2000 года и направлении дела об отмене постановления окружной избирательной комиссии Ставропольского одномандатного избирательного округа от 22.10.1999 № 55 на новое рассмотрение : постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации, 24 мая 2000 г., № 41пв-2000. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

11. Бугаевская, Н. В. Коррупционные преступления, совершаемые путем подкупа / Н. В. Бугаевская // Известия Тульск. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. – 2013. – № 5-2. – С. 52–58.

12. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 16 окт. 2009 г., № 19 : в ред. от 11.06.2020. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

13. О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 31 марта 2011 г., № 5 : в ред. от 09.02.2012. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

14. Приговор Вяземского районного суда Смоленской области от 2 авг. 2016 г., дело № 1-201/2016 // Официальный сайт Вяземского районного суда Смоленской области. – Режим доступа: https://vyazma--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=69620374&case_uid=a2b1ca0a-03cc-4117-bff3-e4faeaf66818&delo_id=1540006. – Дата доступа: 01.02.2022.

15. Постановление Выксунского городского суда Нижегородской области от 10 окт. 2016 г., дело № 5-460/2016 // Официальный сайт Выксунского городского суда Нижегородской области. – Режим доступа: https://viksunsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22877106&delo_id=1500001&new=0&text_number=1. – Дата доступа: 01.02.2022.

16. Зарубин, А. В. Некоторые особенности квалификации подкупа избирателей / А. В. Зарубин // КриминалистЪ. – 2018. – № 1 (22). – С. 3–7.

17. Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 21 дек. 2011 г., дело № 1-819/2011 // Официальный сайт Энгельсского районного суда Саратовской области. – Режим доступа: https://engelsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21152369&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. – Дата доступа: 01.02.2022.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы подкупа как способа воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан по ст. 141 УК РФ. Рассмотрены вопросы понятия подкупа, отграничения подкупа избирателей как преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, от подкупа избирателей как административного правонарушения (ст. 5.16 КоАП РФ) и законной благотворительной деятельности. Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики применения п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, предусматривающего ответственность за подкуп избирателей.

BRIBERY AS A WAY OF IMPEDING THE EXERCISE OF CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS

Spiridonov A.I.

Keywords: crimes against citizens' electoral rights, voter bribery, purposes of voter bribery.

Abstract. The article discusses some problems of bribery as a way to prevent the exercise of citizens' electoral rights under Article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issues of the concept of bribery, delineation of bribery of voters as a crime provided for (paragraph "a" of Part 2 of Article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation) from bribery of voters as an administrative offense (Article 5.16 of the Administrative Code of the Russian Federation) and legitimate charitable activities are considered. Proposals have been developed to improve criminal legislation and the practice of applying paragraph "a" of Part 2 of Article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for bribery of voters.

УДК 343.2/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Тимощук К.И.

Ключевые слова: преступление, религиозные права, уголовный кодекс, диспозиция, санкция.

Введение

Преступления против религиозных прав граждан обладают достаточно высокой степенью общественной опасности, поскольку причиняют существенный вред правам, свободам и интересам человека и гражданина, а также законным интересам общества и государства. С другой стороны, результаты изучения материалов следственной и судебной практики позволяют сделать вывод, что нарушения данных прав встречаются достаточно часто. Более того, представители правоохранительных органов и суда, имея дело с такими преступлениями, испытывают затруднения различного рода, в том числе с правильной квалификацией таких деяний.

Основная часть

Российская Федерация и Республика Беларусь, являясь демократическими социальными государствами, осуществляя внешнюю и внутреннюю политику, руководствуются принципом приоритетности защиты прав человека и гражданина, рассматривая признание и соблюдение этих прав обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ и ст. 2 Конституции Беларуси).

В Российской Федерации действует Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344, п. «в» ст. 32 которой гласит, что основными направлениями государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной национальной политики является предотвращение любых форм дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой, политической, идеологической или религиозной принадлежности.

В то же время в Республике Беларусь действует Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203–З «О противодействии экстремизму», ст. 4 которого гласит, что основными направлениями противодействия экстремизму являются гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи, формирование у граждан духовно-нравственных ценностей, гражданственности и патриотизма, осуществление профилактических мер, предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности.

В 2016 г. по ч. 1 ст. 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий») было осуждено всего пять подсудимых, в 2017 г. – четыре, в 2018 г. – два, в 2019 и 2020 гг. – по одному подсудимому соответственно. По ч. 2 ст. 148 УК РФ не было осуждено в 2016 г. ни одного подсудимого, в 2017 г. – один, в 2018 г. – ни одного, в 2019 г. – один, в 2020 г. – ни одного. В свою очередь, по ч. 3 ст. 148 УК РФ за весь указанный период не было осуждено ни одного подсудимого. В то время как по ч. 1 ст. 282 УК РФ

(«Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») было осуждено в 2016 г. 389 подсудимых, в 2017 г. – 460, в 2018 г. – 418, в 2019 г. – 14, в 2020 г. – 7. По ч. 2 ст. 282 УК РФ было осуждено в 2016 г. – 6 подсудимых, в 2017 г. – 1, в 2018 г. – 8, в 2019 г. – 5, в 2020 г. – 5 [1].

Такая разница между количеством осужденных в 2018 и 2019 гг. обусловлена частичной так называемой декриминализацией ст. 282 УК РФ в 2018 г. Диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ была дополнена условием «... лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года ...», а также в КоАП РФ была введена ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Тем не менее, по данным социальных опросов, 73 % россиян никогда не сталкивались с оскорблением чувств верующих. 11 % замечали такие проявления один-два раза в жизни, 8 % сталкиваются с ними по несколько раз в год, 4 % – несколько раз в месяц, 1 % – каждый день. Православные, по данным ВЦИОМа, замечают оскорбления своей конфессии не чаще, чем остальные россияне в целом. Среди последователей других религий число оскорбленных по религиозному признаку оказалось больше, чем в общем по стране, – 40 %. 49 % россиян затруднились сказать, что задевает чувства верующих. 11 % опрошенных считают, что обидеть могут «оскорбительные высказывания», 5 % – «неверие» или «насмешки» над верой, 4 % – «богохульство», «неуважение» или «осквернение» религии. 2 % считают, что чувства верующих были задеты акцией Pussy Riot в храме Христа Спасителя, по 1 % назвали оскорблениями постановку «Тангейзер» в новосибирском Театре оперы и карикатуры во французском журнале Charlie Hebdo. Большинство думает, что художественные произведения не должны оскорблять чувств верующих. Кроме того, 68 % уверены, что «политкорректность и вежливость важнее», чем свобода слова. Чаще других так думают люди с высшим или незаконченным высшим образованием. По мнению 27 %, «человек может сказать все что он хочет, даже если это заденет чьи-то чувства» [2].

В связи с вышеуказанными статистическими данными напрашивается вывод, что проблема защиты прав отдельных лиц и групп людей, объединенных одинаковым вероисповеданием, представляет высокий уровень актуальности и не имеет однозначного решения.

Различные авторы неоднократно занимались исследованиями тех или иных аспектов противодействия преступлениям, совершенным по мотивам вражды и ненависти, в том числе применительно к проблемам, возникающим в связи с уголовным преследованием лиц, совершивших преступления на почве религиозной вражды и ненависти [3–5].

В ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации упомянутый выше мотив является квалифицирующим признаком (например, в ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ), в других – конструктивной частью состава преступления (например, ст. 136 и 282 УК РФ).

Однако в контексте обсуждаемых вопросов представляется необходимым обратиться к изучению уголовно-правовых вопросов, связанных с диспозицией ст. 148 УК РФ, поскольку именно эта статья УК РФ регламентирует ответственность за нарушение конституционного права на свободу совести и вероисповеданий.

Части 1 и 2 диспозиции вышеуказанной статьи поясняют, что деяниями, за совершение которых предусмотрено наказание, признаются «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих», а квалифицирующим признаком в данном случае выступает совершение таких действий «в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний».

Части же 3 и 4 данной статьи устанавливают уголовную ответственность за «незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний», а также «совершенные ... лицом с использованием своего служебного положения» или «с применением насилия или с угрозой его применения».

В то же время текст уголовного кодекса не дает и не должен давать определения понятий, используемых в данной статье, таких как: «религиозные чувства», «вероисповедание», «религиозные организации, обряды и церемонии», «богослужение» и некоторых других.

В определенной мере пробел может быть восполнен за счет привлечения понятийного аппарата, содержание которого раскрыто в Федеральном законе РФ от 26 сентября 1997 г. № 125–ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Однако, несмотря на то, что в указанный Закон неоднократно вносились изменения и дополнения, содержание ряда понятий продолжает быть неопределенным. В некоторой степени раскрыто понятие свободы вероисповедания (ч. 1 ст. 3 Закона № 125–ФЗ) путем перечисления действий, в которых она (эта свобода) может выражаться, однако законодатель не разделяет понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания», что также порождает ряд вопросов.

Содержание понятия «религиозное объединение» закон определяет, используя понятия «вера», «исповедание», «вероисповедание», «совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний». В то же время соотношение указанных понятий не дается, что весьма затрудняет для светского человека решение уголовно-правовых вопросов.

Следовательно, достаточно важной представляется необходимость определения основных понятий, которые могут и должны использоваться, когда речь идет о совершении преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ. Это необходимо для правильной квалификации содеянного с учетом необходимости отграничения состава рассматриваемого преступления от смежных составов.

Следует признать, что рассматриваемая проблема не является характерной только для Российской Федерации. Аналогичные нормы содержатся и в ряде уголовных кодексов других стран, что свидетельствует о том, что проблемы носят наднациональный и в какой-то степени международный характер. В то же время это обусловливает возможность и целесообразность обратиться к юридической технике, использованной при конструировании соответствующих норм, для решения вопроса о возможности использования зарубежного опыта для совершенствования российских уголовно-правовых норм.

Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит статьи, схожие по конструкции со ст. 148 и 282 УК РФ. Так, ст. 130 УК Беларуси, которая

весьма схожа со ст. 282 УК РФ, называется «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» и предусматривает уголовную ответственность вплоть до лишения свободы на срок до двенадцати лет за умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности, в том числе соединенные с насилием либо совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, а также совершенные группой лиц либо повлекшие по неосторожности смерть человека либо иные тяжкие последствия [6]. Важно также заметить, что УК Республики Беларусь содержит примечание к данной статье, в котором объясняется, что под иной социальной принадлежностью в настоящей статье понимается принадлежность лица к определенной социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации. Статья 195 УК Республики Беларусь, в свою очередь весьма схожая со ст. 148 УК РФ, называется «Воспрепятствование законной деятельности религиозных организаций» и подразумевает куда менее суровое наказание, а именно: общественные работы, или штраф, или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительные работы на срок до двух лет за воспрепятствование законной деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, если они не нарушают общественный порядок и не сопровождаются посягательством на права, свободы и законные интересы граждан.

Заключение

Таким образом, результаты сравнительного анализа соответствующих статей ряда уголовных кодексов позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, законодательство не только Российской Федерации, но и ряда других государств рассматривает нарушение прав групп людей, объединенных одинаковым вероисповеданием, как серьезное преступление, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность, и может быть назначено наказание, в том числе связанное с лишением свободы.

Во-вторых, представляется, что самостоятельного внимания требует законодательное закрепление защиты, в том числе и уголовно-правовой, не только прав верующих, но и тех лиц, которые не имеют определенных религиозных убеждений. Это представляется тем более актуальным, что, закрепляя свободу вероисповедания, Конституция РФ прямо указывает на право не только исповедовать любую религию, но и не исповедовать никакой.

В-третьих, степень актуальности проблемы защиты прав групп людей, объединенных наличием либо отсутствием одинакового вероисповедания, в том числе и уголовно-правовыми средствами, диктует необходимость формирования понятийного аппарата, который бы включал определение содержания таких понятий, как «религия», «церковь», «вероисповедание» и другие, использованные законодателем, для формирования единых научно обоснованных подходов к решению вопросов уголовно-правового характера: об уголовно-правовой сущности использованных понятий и признаках, которые могут быть положены в основу квалификации содеянного.

Список цитированных источников

1. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. – Режим доступа: http://stat.xn-7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17. – Дата доступа: 15.06.2022.

2. Горяшко, С. Чувства верующих почти не ощущаются [Электронный ресурс] / С. Горяшко // И Д «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2787333. – Дата доступа: 15.06.2022.

3. Коршунова, О. Н. Противодействие экстремизму, терроризму и их финансированию как комплексное направление деятельности органов прокуратуры / О. Н. Коршунова // Вопр. рос. И междунар. права. – 2020. – № 11-1. – Т. 10. – С. 122–139.

4. Долгова, А. И. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / А. И. Долгова, А. Я. Гуськов, Е. Г. Чуганов. – М., 2010. – 80 с.

5. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / П. В. Агапов [и др.]. – М. : Проспект, 2015. – 224 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Статья 130. Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни [Электронный ресурс] // Ваш гид в законодательстве Республики Беларусь. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/130.htm. – Дата доступа: 15.06.2022.

Аннотация. В статье приводятся результаты сравнительного анализа диспозиций и санкций соответствующих статей уголовных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации. Представлены количественные статистические данные по судебным решениям судов первой инстанции по делам о соответствующих преступлениях в Российской Федерации. Приведены результаты социологических опросов о субъективном отношении граждан Российской Федерации к случаям нарушения религиозных прав граждан Российской Федерации различных конфессий в разных ситуациях. Сформулированы проблемы, связанные с применением указанных статей уголовного кодекса Российской Федерации в практической деятельности прокурорских работников, и предложены возможные варианты решения этих проблем, в частности, необходимость совершенствования понятийного аппарата для формирования единых научно обоснованных подходов к решению вопросов уголовно-правового характера.

CRIMES AGAINST THE RELIGIOUS RIGHTS OF CITIZENS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Timoshchuk K.I.

Keywords: crime, religious rights, criminal code, disposition, sanction.

Abstract. The article is devoted to the results of a comparative analysis of the dispositions and sanctions of the relevant articles of the criminal codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation. Quantitative statistical data on court decisions of courts of first instance in cases of relevant crimes in the Russian Federation are presented. The results of sociological surveys on the subjective attitude of citizens of the Russian Federation to cases of violation of the religious rights of citizens of the Russian Federation of various confessions in various situations are given. The problems associated with the application of these articles of the Criminal Code of the Russian Federation in the practical activities of prosecutors are formulated, and possible solutions to these problems are proposed, in particular, the need to form and improve the conceptual apparatus for the formation of unified scientifically based approaches to solving criminal law issues.

УДК 343.9

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ

Хлус А.М.

Ключевые слова: уголовное право, криминалистика, классификация, коррупция, коррупционное преступление, расследование, методика расследования.

Введение

Классификации широко применяются в научной и практической сферах деятельности. В основе научных исследований классификации объектов познания играют значимую роль в различных областях науки.

Понятие «классификация» ученые рассматривают как «состоявшуюся систему знания» и «общенаучный метод» систематизации знания [1]. С деятельностной стороны классификация представляет собой процедуру деления как понятий, так и предметов на классы, роды, виды. Одним из первых процедуру деления объема понятия описал советский процессуалист М.С. Строгович [2, с. 127–128]. Классификация как деление не только понятий, но и предметов упоминается в работах И.Я. Чупахина [3, с. 62], Б.В. Якушина [4, с. 269], С.С. Розовой [5, с. 10] и других ученых.

Для построения классификации важным направлением деятельности является выявление в совокупности исследуемых объектов того, что обеспечит их отнесение к единому классу. В связи с этим М.С. Строгович заметил, что «основанием классификации должен служить … признак наиболее существенный – тот, от которого зависят и из которого вытекают все другие признаки классифицируемых предметов и явлений» [2, с. 137–138].

Анализируя классификационную проблему в современной науке, С.С. Розова отметила, что она «особенно остро проявляется в науках, где, как правило, еще актуально решение задач теоретического уровня, и где именно классификация, т. е. определенный тип памяти, оказывается основным средством задания предмета исследования» [5, с. 199].

Сказанное С.С. Розовой в полной мере отражает нынешнее состояние криминалистической науки, имеющей множество теоретических проблем. В то же время для криминалистики характерно построение и использование различных классификаций в научной и прикладной сферах деятельности.

Классифицированию в криминалистике отводится роль специального метода познания [6], обеспечивающего распределение исследуемых объектов, предметов, явлений по классам, родам или группам. Криминалистические классификации способствуют процессу систематизации знаний о них, полученных в результате научных исследований. Систематизации также подлежит существующая классификационная система криминалистических понятий [7, с. 41–42].

Криминалистические классификации в первую очередь связаны с многообразием следов преступления, рассматриваемых в разделе «криминалистическая техника», а также технико-криминалистических средств,

используемых для работы с ними [8, с. 42–45]. Не менее значимы классификации, содержащиеся в криминалистической тактике [9] и криминалистической методике [10].

В криминалистической методике содержатся классификации отдельных объектов, например, методов выявления и расследования преступлений [11, с. 99–100], но наибольшую теоретическую и практическую значимость и одновременно проблему представляют классификации преступлений и частных методик расследования.

Целью данной статьи является определение роли и места уголовно-правовой классификации преступных деяний в построении криминалистических классификаций преступлений как одной из важнейших теоретических основ формирования частных методик расследования, а также выявление проблем, связанных с данной криминалистической научной категорией.

Основная часть

Активная разработка криминалистических классификаций началась в конце 60–х – начале 70–х годов XX столетия. В этот период были заложены основы частной теории криминалистической классификации преступлений и начат процесс их использования при конструировании методик расследования. Дальнейшему развитию теории криминалистической классификации послужили труды российских ученых Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгрина, В.К. Гавло, Ю.П. Гармаева, А.Ю. Головина, И.Ф. Герасимова, Н.Н. Давыдовой, Н.В. Корепанова, А.Ф. Лубина, В.А. Образцова, В.Г. Танасевича, А.В. Шмонина, Н.П. Яблокова и др.

Весомый вклад в исследование многих аспектов криминалистической классификации внесли белорусские ученые: Н.С. Бушкевич, А.В. Дешук, В.Ф. Ермолович, Г.А. Зорин, Ю.Ф. Каменецкий, Е.А. Лаппо, И.В. Пашута, А.П. Пацкевич, В.Н. Радоман, Р.М. Ропот, А.С. Рубис, Г.А. Шумак и др.

Российскими и белорусскими учеными были предложены различные варианты классификаций преступлений, сформированные как только с учетом уголовно-правовых положений, так и на основе, имеющей криминалистическое значение.

Развитие криминалистической классификации преступлений на начальном этапе основывалось на теоретических положениях уголовно-правовой науки, что, несомненно, сказалось на понятийном содержании данной научной категории. Криминалистические исследования длительное время базировались на уголовно-правовой классификации преступлений в соответствии с их делением по родам, видам, объектам.

Уголовно-правовая классификация, основанием которой служит объект преступления (родовой, видовой и непосредственный), представляет важное научное и практическое значение. Не имеют сомнения в этом многие ученые-криминалисты, но также верным является и то, что она не удовлетворяет в полной мере познавательным потребностям криминалистической науки и практики противодействия преступлениям. Например, криминальные деяния, предусмотренные ст. 210 (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) и ст. 424 (злоупотребление властью или служебными полномочиями) УК Республики Беларусь, являясь коррупционными деяниями, существенно различаются между собой. В результате уголовно-правовой

классификации эти преступления обоснованно расположены в различных главах УК Республики Беларусь. Основанием для этого послужило различие в объекте преступления.

Очевидно, что одной только уголовно-правовой классификации недостаточно для формирования методик расследования преступлений. Необходимо определить иные основания, пригодные для разработки криминалистических классификаций преступлений. В то же время «В.А. Образцов отмечает, что своего рода «чистой» криминалистической классификации преступлений объективно существовать не может, поскольку в любом случае в нее включаются объекты и элементы уголовно-правовой классификации» [12, с. 1774].

На первоначальном этапе развития научных категорий криминалистической науки уголовное право необходимо в качестве источника их становления. Но буквально заимствованные положения уголовно-правовой науки в целом сдерживают развитие криминалистики и ее отдельных научных категорий, что сказалось и на криминалистической классификации преступлений. Вначале это повлекло за собой предложение отказаться от уголовно-правовых характеристик как основы для криминалистической классификации преступлений. Возражая такому предложению, Р.С. Белкин отметил, что «без уголовно-правовой классификации совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы» [13, с. 197].

Криминалистическую классификацию преступлений Р.С. Белкин представил как их систематизацию «по криминалистически значимым основаниям, способствующим формированию криминалистических характеристик преступлений и разработке частных криминалистических методик» [14, с. 91].

В качестве оснований для классификации преступлений В.А. Образцов называет три группы признаков. Во-первых, речь идет о признаках, характеризующих преступление, в частности, преступника, его мотив и цель, объекты, средства, результаты деяния и др. Во-вторых, признаки обстановки совершения преступления. В-третьих, признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений: субъекта, объекта, задач, средств, процесса и результатов расследования [15, с. 80–127].

Иной точки зрения придерживается Н.П. Яблоков, считая, что «главными основаниями криминалистической классификации преступлений должны выступать отдельные элементы их криминалистической характеристики и виды следственных ситуаций, возникающих к моменту начала расследования» [16, с. 47].

Любой элемент криминалистической характеристики, по мнению Н.П. Яблокова, может служить основанием классификации преступлений, но «наибольший интерес представляют данные о способе и обстановке совершения преступления, включая и сферу особенностей преступного поведения, типологические и иные особенности личности преступника, его преступный «опыт», своеобразие и отдельные свойства личности потерпевшего и т. п.» [16, с. 47].

Что касается следственных ситуаций как оснований криминалистической классификации преступлений, то на их основе могут быть выделены, как считает Н.П. Яблоков, два вида преступлений. Во-первых, преступлений, предполагающих использование специальных методов для их раскрытия

и расследования по «горячим» следам. Во-вторых, раскрытие и расследование преступлений не связано с наличием «горячих» следов; в ходе расследования используются методы, соответствующие виду совершенного деяния [16, с. 50].

В качестве оснований классификации преступлений ученые-криминалисты также рассматривают отдельные, специфические признаки (свойства) преступлений. Например, анализируя экономические преступления, Г.А. Шумак обращает внимание на отражения хозяйственной деятельности предприятий и организаций в системе экономической информации, что служит методологической основой не только для выявления и расследования преступлений, совершаемых в сфере экономики, но также обеспечивает классификацию преступлений. Это позволило Г.А. Шумаку сделать вывод, что «с точки зрения криминалистики к экономическим преступлениям следует отнести преступные деяния, совершаемые работниками управленческих, коммерческих и иных структур, реализующими свои функции в сфере экономики путем осуществления производственной, финансовой, контрольной деятельности в нарушение установленных правил и порядка, которые *отразились или должны были отразиться в системе экономической информации*» (курсив авт. – А. Х.) [17].

Можно продолжать рассмотрение мнений ученых о криминалистической классификации преступлений, но представленных позиций достаточно, чтобы понимать суть проблемы. Она связана, во-первых, с отсутствием единых методологических основ построения криминалистической классификации преступлений. Во-вторых, ученые-криминалисты не пришли к единству в понимании преступления как системы, образованной элементами ее материальной структуры. В-третьих, то общее, что характерно для элементов материальной структуры преступлений отдельных видов, может служить основанием для их классификации. Именно таким образом нам представляется возможным объединить в одну группу различные по своему содержанию преступные деяния, например, компьютерные, экономические, коррупционные и другие группы преступлений. В-четвертых, научно обоснованная классификация позволяет разработать комплексные (базовые, общие, групповые) методики расследования преступлений.

Значение криминалистической классификации преступлений проявляется в том, что она способствует, во-первых, формированию общего, преимущественно криминалистического, представления об изучаемом виде или группе преступлений, во-вторых, определению общей характеристики отдельного криминального деяния из данной группы преступлений, и, в-третьих, она позволяет прогнозировать возможности развития преступлений определенного вида или группы [18, с. 163].

Следует также иметь в виду, что на начальном этапе создания методики расследования преступлений возникает вопрос о необходимости формирования [19, с. 60] или использования имеющейся научно обоснованной и реализуемой практикой криминалистической классификации преступлений. Приступая к разработке криминалистических методических рекомендаций, требуется указать на преступления, о которых будет идти речь. В практическом аспекте это имеет значение для правильной квалификации противоправных действий.

Заключение

Изложенное позволяет предложить для обсуждения некоторые выводы.

1. Уголовное право является необходимым источником развития криминалистической классификации преступлений, но не может в полной мере удовлетворить познавательные потребности криминалистической науки и практики противодействия преступлениям.

2. Уголовно-правовая классификация преступлений, пригодная для решения многих криминалистических задач, не утратила своего базового значения, потому что криминалистической классификации преступлений в «чистом» виде не существует, т. к. невозможен отрыв представлений о преступлении от его первоосновы – уголовного права.

3. Разнообразие мнений ученых-криминалистов привело к выводу, что любой элемент криминалистической характеристики может служить основанием классификации преступлений. Классификация по способу совершения преступления всегда доминирует в классификационном исследовании и сохраняет свое значение для практической деятельности.

4. В качестве методологической основы для построения криминалистической классификации преступлений может служить положение о материальных составляющих преступной системы. Наиболее общие признаки, характерные для элементов материальной структуры преступлений отдельных видов, служат основанием для их классификации, что позволяет объединить в одну группу различные по своему содержанию преступные деяния.

Список цитированных источников

1. Субботин, А. Л. Классификация [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. – М. : ИФ РАН, 2001. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/basis/3794/3795. – Дата доступа: 14.09.2022.

2. Строгович, М. С. Логика. Учеб. пособие / М. С. Строгович – М. : Госполитиздат, 1949. – 362 с.

3. Чупахин, И. Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования / И. Я. Чупахин. – Вопросы диалектики и логики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1964. – С. 55–72.

4. Якушин, Б. В. Классификация // В кн. : Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. Т. 12. – М. : Совет. Энциклопедия, 1973. – 624 с.

5. Розова, С. С. Классификационная проблема в современной науке / С. С. Розова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 225 с.

6. Егиазарян, А. С. Криминалистическое классифицирование – специальный криминалистический метод познания : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Егиазарян ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2011. – 25 с.

7. Головин, А. Ю. Криминалистическая систематика : монография / А. Ю. Головин ; под ред. Н. П. Яблокова. – М. : ЛексЭст, 2002. – 335 с.

8. Дмитриева, Т. Ф. Система технико-криминалистических средств, используемых при осмотре места происшествия / Т. Ф. Дмитриева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1 (25). – С. 42–45.

9. Головин, А. Ю. Классификации в криминалистической тактике : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Ю. Головин. – М., 1999. – 241 с.

10. Исаев, С. С-Х. Классификации в криминалистической методике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. С-Х. Исаев ; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2012. – 27 с.

11. Образцов, В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. Курс лекций / В. А. Образцов. – М. : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 400 с.

12. Цит. по : Корин, И. С. О криминалистической классификации преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия / И. С. Корин // Актуальные проблемы рос. права. – 2014. – № 8 (45). – С. 1773–1777.
13. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики / Р. С. Белкин. – Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1979. – 543 с.
14. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – 2-е изд., доп. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
15. Образцов, В. А. Криминалистическая классификация преступлений / В. А. Образцов. – Красноярск, 1988. – 176 с.
16. Яблоков, Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды / Н. П. Яблоков // Вестн. МГУ. Сер. 11 «Право». – 2015. – № 5. – С. 40–51.
17. Шумак, Г. А. Проблемы классификации и структурного анализа экономических преступлений [Электронный ресурс] / Г. А. Шумак. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30223/1/29_%D1%88%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BA.pdf. – Дата доступа: 14.09.2022.
18. Чуманов, Е. В. Гносеологическая функция классификации в российском праве / Е. В. Чуманов // Науч. труды филиала МГЮА в г. Кирове. – 2005. – № 10. – С. 163–165.
19. Пашута, И. В. Криминалистическая классификация преступлений, связанных с процессом взрыва / И. В. Пашута, В. Н. Радоман // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 58–62.

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «уголовно-правовая классификация преступлений» и «криминалистическая классификация преступлений». На этой основе акцентировано внимание на ключевой роли уголовно-правовых положений для развития многих научных криминалистических категорий, в том числе и криминалистической классификации преступлений, т. к. невозможен отрыв представлений о преступлении от его первоосновы – уголовного права. В то же время более широкий пространственный интерес криминалистической науки определяет потребность в выделении собственно криминалистических оснований классификации преступлений. Анализ различия мнений ученых о криминалистической классификации преступлений и ее основаниях позволил выявить проблемные аспекты, связанные с отсутствием единых методологических основ построения криминалистической классификации преступлений и единства в понимании преступления как системы, образованной элементами ее материальной структуры.

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF CRIMES AS A BASIS FOR CONSTRUCTION OF PRIVATE INVESTIGATION METHODS

Khlus A.M.

Keywords: criminal law, criminalistics, classification, corruption, corruption crime, investigation, investigation methodology.

Adstract. The article discusses the relationship between the concepts of "criminal-legal classification of crimes" and "forensic classification of crimes". On this basis, attention is focused on the key role of criminal law provisions for the development of many scientific forensic categories, including the forensic classification of crimes, since it is impossible to separate ideas about a crime from its fundamental principle - criminal law. At the same time, the broader spatial interest of forensic science determines the need to highlight the actual forensic grounds for classifying crimes. An analysis of the differences in opinions of scientists about the forensic classification of crimes and its foundations made it possible to identify its problematic aspects related to the lack of unified methodological foundations for building a forensic classification of crimes and unity in understanding crime as a system formed by elements of its material structure.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Шупицкая О.Н.

Ключевые слова: конституция, конституционные принципы, конституционные обязанности, социальная ответственность, уголовно-правовые меры, конституционализация.

Введение

27 февраля 2022 г. на республиканском референдуме были приняты изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь 15 марта 1994 г. Основной Закон государства был и остается правовым актом, определяющим конституционные основы всех сфер государственной и общественной жизни. Закрепляя конституционные принципы и конституционные нормы, он определяет вектор развития всех подпадающих под правовое воздействие социальных связей, включая область, связанную с уголовно-правовой ответственностью.

Вопросам уголовно-правовой ответственности посвящены работы таких исследователей, как Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.И. Горелик, И.О. Грунтов, А.В. Шидловский и др. Между тем глубокие исследования взаимосвязи уголовно-правовой ответственности и конституционных принципов и норм в отечественной юридической науке не проводятся. Цель настоящей работы – раскрыть взаимосвязь между совершенствованием конституционных правил (принципов и норм) и тенденциями развития мер уголовно-правовой ответственности.

Основная часть

Если рассматривать вопрос о нормативном развитии конституционных принципов и конституционных норм после внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. [1], в первую очередь следует начать с принципа верховенства права.

Верховенство права – важнейший принцип конституционных моделей современных государств, один из аспектов конституционного принципа правового государства. Его реализация в системе законодательства связана с четкой иерархией нормативных правовых актов. По состоянию на сегодняшний день система нормативных правовых актов в Республике Беларусь вернулась к так называемой классической системе: нормативные правовые акты, принимаемые государственными органами и должностными лицами, по юридической силе ниже законов. Они должны соответствовать Конституции и законам, принимаемым парламентом – Национальным Собранием Республики Беларусь. Как определенное развитие принципа верховенства права, думается, следует рассматривать и внесение в Основной Закон белорусского государства положения о прямом действии Конституции.

Конституция белорусского государства с изменениями, внесенными решением республиканского референдума от 4 марта 2022 г., включила в себя и новые нормы: о социальной ответственности индивида перед государством;

о сохранении исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны как обязанности гражданина Республики Беларусь. Названные новации, как представляется, окажут (и уже оказывают) влияние на сферу уголовно-правовой ответственности.

Совершенствование текста Конституции Республики Беларусь – нормативной формы конституционных принципов и конституционных норм – предполагает и совершенствование юридической практики, частью которой является уголовно-правовая практика. Составная ее часть – деятельность, связанная с реализацией уголовно-правовых норм, и, соответственно, применением норм уголовно-правовой ответственности.

Анализ действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [2] показывает, что он детализирует конституционные принципы применительно к сфере деликтного права. Статья 3 УК среди принципов уголовного закона и уголовной ответственности называет принципы законности, равенства, справедливости и гуманизма. Все они имеют конституционную природу и напрямую закрепляются Конституцией Республики Беларусь. В этой же норме УК закреплены принципы неотвратимости ответственности и личной виновной ответственности. Они не формулируются в Конституции белорусского государства непосредственно. Между тем данные принципы, думается, связаны с конституционной нормой, устанавливающей презумпцию невиновности.

Одна из новаций, внесенных в действующую Конституцию Республики Беларусь, – укрепление конституционного принципа государственного суверенитета. Так, в преамбуле Основного Закона белорусского государства определяется, что Конституция белорусского государства принята в том числе и на основе суверенитета, «истории развития белорусской государственности» в целях обеспечения «независимости и процветания Республики Беларусь» [1].

Само по себе изменение Основного Закона не может автоматически повлечь изменения в национальной правовой системе. Воплощение обновленной Конституции в жизнь требует определенных трансформаций в области каждой составляющей национально-правовой системы: системе законодательных актов, деятельности правоприменительных органов и их актов, правового сознания и правовой культуры.

Совершенствование нормативной формы конституционных положений, влияющих на сферу уголовно-правовой ответственности, выводит на повестку дня вопрос о соответствующем изменении законодательных актов в сфере правоприменительной деятельности.

Развитие законодательства в части регулирования вопросов, касающихся уголовно-правовой ответственности, связано, как представляется, с несколькими тенденциями. С одной стороны, в продолжение совершенствования конституционных норм об укреплении государственного суверенитета криминализованы определенные формы поведения, такие как содействие экстремистской деятельности, подготовка к ней, нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий и др.

Вторая тенденция – декриминализация отдельных преступлений. Среди них: уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415 УК), уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416 УК),

незаконное пользование эмблемой Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла (ст. 385 УК) и иные.

Еще одно направление – двойственная тенденция, связанная с ужесточением уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений против государства и общественной безопасности, и, наоборот, – смягчением мер уголовно-правовой ответственности за некоторые виды преступных деяний. Так, например, согласно ранее действующему законодательству за кражу, совершенную в крупном размере (ч. 3 ст. 205 УК), было предусмотрено исключительно наказание в виде лишения свободы со штрафом или без него. После внесения изменений и дополнений в УК на основании Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З, предусмотрено альтернативное наказание в виде ограничения свободы. Как своего рода смягчение наказания следует рассматривать и изменение правил зачета сроков содержания под стражей в срок отбытия наказания.

В законодательной сфере в качестве тенденции совершенствования уголовно-правовой ответственности, думается, следует ожидать, как отмечает В.Л. Калинкович, дальнейшей оптимизации данной сферы общественных отношений [3, с. 4]. Оптимизация уголовно-правовой ответственности связана с несколькими направлениями. Во-первых, это освобождение от уголовной ответственности. Речь идет о все большем применении различных оснований для освобождения от уголовной ответственности и наказания: в связи с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86 УК), в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК), в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК), в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 88-1 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК). Данные основания, за исключением освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, применяются и будут далее применяться в отношении таких субъектов, которые совершают преступления, не представляющие большой общественной опасности или менее тяжкие преступления. Своего рода замена уголовно-правовой ответственности административно-правовой – ст. 86 УК – применяется к лицам, впервые совершившим преступные деяния. Условие возмещения причиненного ущерба – основание для освобождения от уголовной ответственности в случае совершения преступления, не связанного с причинением вреда жизни и здоровью человека. Как утверждает председатель одного из судов г. Минска, «на современном этапе развития уголовного права, если совершенное преступление не связано с причинением вреда жизни и здоровью, то на каждой стадии уголовного преследования у лица, его совершившего, есть возможность смягчить свое наказание либо вообще его избежать» [4].

Второе направление оптимизации уголовно-правовой ответственности – назначение лицам, совершившим преступления, более мягких по сравнению с лишением свободы видов наказаний или не назначения реального наказания. Сюда же относятся уменьшение размера штрафа как вида уголовно-правового наказания; применение рассрочки при назначении наказания в виде штрафа; сокращение видов дополнительных наказаний. В частности, в настоящее время четко определен размер штрафа, который может быть назначен лицу, совершившему преступление до 18 лет. Ранее штраф назначался в размере,

не превышающем 20 базовых величин, а за корыстное преступление – 100 базовых величин. В настоящее время для несовершеннолетних предусмотрен штраф в размере от 5 до 50 базовых величин. В измененной редакции УК предусмотрена возможность с учетом материального положения обвиняемого назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до 5 лет, но не менее 2 базовых величин ежемесячно, либо с отсрочкой его уплаты на срок до 1 года. В качестве дополнительного наказания суды смогут назначать только штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Еще одно направление оптимизации – применение в уголовно-правовой сфере медиации. Применение медиации в случае обвинения лица в совершении отдельных преступлений, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких, относящихся к категории дел частного и частно-публичного обвинения, видится перспективным с точки зрения развития примирительных процедур в Республике Беларусь. Конечно, медиацию вряд ли стоит применять при совершении должностных преступлений или преступлений против государства. Вместе с тем использование данного института будет способствовать уменьшению объема работы следственных и прокурорских работников, судебных учреждений, сокращению лиц, являющихся судимыми. И самое главное – медиация позволит примирить обвиняемого и потерпевшего добровольно, без вмешательства государства и применения принудительных мер.

Своеобразными формами оптимизации применения мер уголовно-правовой ответственности, имеющими высокий потенциал, являются институты помилования и амнистии, получающие в современной Республике Беларусь все большее распространение.

Важное значение в сфере совершенствования законодательства, связанного с уголовно-правовой ответственностью, и его применения призваны сыграть судебные органы. Изменения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь, как представляется, направлены на укрепление независимости этой ветви власти. Так, впервые в Конституции белорусского государства появилась самостоятельная норма, закрепляющая правовой статус Верховного Суда Республики Беларусь – органа, возглавляющего систему судебных учреждений белорусского государства (ст. 112-1 Конституции Республики Беларусь).

Изменения коснулись и конституционных норм, регламентирующих правовой статус белорусского органа конституционной юстиции – Конституционного Суда Республики Беларусь. Статья 116-1 Основного Закона белорусского государства определяет полномочия органа конституционной юстиции, устанавливает круг субъектов, которые могут обратиться в Конституционный Суд с просьбой дать заключение по определенным вопросам. Впервые в белорусском законодательстве закреплен принцип индивидуальной конституционной жалобы.

Судебные учреждения играют значимую роль в применении мер уголовно-правовой ответственности. Являясь, говоря словами В.И. Крусса, «ключевыми участниками» конституционализации, именно они призваны обеспечивать права человека [5, с. 133]. При этом под конституционализацией понимается заполнение правовой системы «конституционными идеями и институтами» [5, с. 16]. Определяя лицу, совершившему преступление, вид и меру уголовно-правовой ответственности, суд, руководствуясь законом, на основе внутреннего

убеждения «выявляет конституционный смысл подлежащих применению норм» [5, с. 134]. При этом он соблюдает баланс между обеспечением безопасности в государстве, неотвратимостью наказания, с одной стороны, и возможностью исправления оступившихся лиц, с другой.

Конституционный суд Республики Беларусь – орган, полномочный оказывать влияние как на законодательство, так и на правоприменение. Как указывается в ежегодном Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального Собрания Республики Беларусь, принятом 10 марта 2022 г., он формулирует «правовые позиции, констатирующие принятие государством мер по гарантированию правовой обеспеченности и правовой безопасности во всех сферах общественной жизни для достижения конституционно значимых целей, по защите конституционных ценностей и интересов, по установлению механизмов реализации прав, свобод и законных интересов граждан» [6]. Указанное касается и сферы уголовно-правовой ответственности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Изменение текста Конституции Республики Беларусь, т. е. нормативной формы конституционных принципов и конституционных норм, означает совершенствование основы для развития всех составляющих национальной правовой системы, в том числе и сферы общественных отношений, связанной с уголовно-правовой ответственностью.

2. Трансформация нормативного оформления принципов верховенства права, обеспечения прав и свобод личности, независимости судебной ветви власти, включая конституционную юстицию, – залог прогрессивного развития уголовно-правового законодательства.

3. Направлениями совершенствования сферы уголовно-правовой ответственности будут являться ужесточение наказания за преступления против суверенитета государства и общественной безопасности; оптимизация уголовно-правового наказания посредством более широкого использования мер освобождения от него и уголовной ответственности или назначения более гуманных видов наказания; возрастания роли судебных учреждений в осуществлении правоприменения, соответствующего конституционным принципам и конституционным нормам.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275–З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Калинкович, В. Л. О роли юридической науки в реализации государством правоохранительной функции / В. Л. Калинкович // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 3–4.

4. Важен дифференцированный подход. Председатель суда рассказала о гуманизации Уголовного кодекса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/b6167763542f4147.html. – Дата доступа: 10.09.2022.

5. Крусс, В. И. Конституционализация права: основы теории : монография / В. И. Крусс. – М. : Норма Инфра-М, 2019. – 240 с.

6. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] // 2009–2019 Конституционный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.kc.gov.by/document-74183. – Дата доступа: 10.09.2022

Аннотация. Конституционные нормы и конституционные принципы являются основой для развития всех сфер общественной жизни. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь, принятые на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., задают вектор развития общественных отношений, связанных с применением мер уголовно-правовой ответственности. Трансформация нормативного оформления принципов верховенства права, обеспечения прав и свобод личности, независимости судебной ветви власти, включая конституционную юстицию, – залог прогрессивного развития уголовно-правового законодательства. Направлениями совершенствования сферы уголовно-правовой ответственности являются: ужесточение наказания за преступления против суверенитета государства и общественной безопасности; оптимизация уголовно-правового наказания посредством более широкого использования мер освобождения от него и уголовной ответственности или назначения более гуманных видов наказания; возрастания роли судебных учреждений в осуществлении правоприменения, соответствующего конституционным принципам и конституционным нормам.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS FOR IMPROVING CRIMINAL LAW LIABILITY MEASURES

Shupitskaya A.N.

Keywords: constitution, constitutional principles, constitutional duties, social responsibility, criminal law measures, constitutionalization.

Abstract. Constitutional norms and constitutional principles are the basis for the development of all spheres of public life. Amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus, adopted at the republican referendum on February 27, 2022, set the vector for the development of public relations related to the application of criminal liability measures. The transformation of the normative formalization of the principles of the rule of law, ensuring the rights and freedoms of the individual, the independence of the judicial branch of government, including constitutional justice, is the key to the progressive development of criminal law legislation. The areas of improvement of the sphere of criminal liability are tougher penalties for crimes against the sovereignty of the state and public security; optimization of criminal punishment through the wider use of measures of exemption from it and criminal liability or the appointment of more humane types of punishment; increasing the role of judicial institutions in the implementation of law enforcement in accordance with constitutional principles and constitutional norms.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.123

ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЛИБО ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО): МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Богданович Н.А.

Ключевые слова: уголовная ответственность, смерть подозреваемого (обвиняемого), прекращение уголовного дела, близкий родственник.

Введение

В правоприменительной практике неоднократно возникают споры относительно особенностей применения такого обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, как смерть лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (п. 7 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1]. Следует отметить, что не только органы уголовного преследования, но и суд испытывают немалые затруднения в реализации норм закона, регулирующего вопросы отказа в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производство по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК. Известный постулат mors omnia solvit, к сожалению, не решает все вопросы в современном мире, а создает проблемы в практике применения норм уголовно-процессуального закона.

Основная часть

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело не может быть возбуждено в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для его реабилитации. Реабилитация осуществляется путем подачи заявления о несогласии с отказом в возбуждении уголовного дела или с прекращением производства по уголовному делу близкими родственниками, членами семьи умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, либо их законными представителями, которые могут быть признаны представителями умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (далее – заинтересованные лица) в орган, ведущий уголовный процесс.

Алгоритм применения п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК зависит от того этапа, на котором органом уголовного преследования или судом принимается решение в отношении материалов проверки или уголовного дела:

1) до возбуждения уголовного дела (т. е. в случаях и порядке, предусмотренных ст. 173, 174 УПК): деяние подлежит квалификации

по соответствующей статье Особенной части УК, затем устанавливается виновное лицо, затем органы уголовного преследования отказывают в возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 2. ч. 1 ст. 174 УПК. В случае неустановления виновного лица при условии истечения сроков по материалам проверки, установленных ст. 173 УПК, уголовное дело подлежит возбуждению в общем порядке либо в его возбуждении может быть отказано, но по иным основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 29 УПК;

2) если уголовное дело возбуждено: деяние подлежит квалификации по соответствующей статье Особенной части УК, затем устанавливается виновное лицо (в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого), уголовное дело приостанавливается (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК), а затем, когда истекает срок давности, предусмотренный уголовным законом (ст. 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [2]), уголовное дело прекращается вовсе.

Из представленного алгоритма вытекает ряд правил применения п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК:

1) для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по уголовному делу должен быть установлен и подтверждаться материалами проверки либо уголовными делами, во-первых, факт совершения умершим преступления, во-вторых, приведены доказательства его виновности в совершении инкриминируемого преступного деяния, соответствующие требованиям ст. 105 УПК, т. е. на основании материалов проверки либо уголовного дела должен быть сделан однозначный вывод о совершении преступления именно умершим лицом;

2) решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого не может ставиться в зависимость от согласия или несогласия с ним заинтересованных лиц;

3) наделение заинтересованных лиц правами, которыми должен был бы обладать подозреваемый (обвиняемый), не может быть корректным, т. к. данные субъекты не являются сторонами в уголовном процессе.

В науке уголовного процесса и правоприменительной практике имеют место различные подходы к применению п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК, причинами возникновения которых являются ряд проблемных вопросов в части принятия решения органом, ведущим уголовный процесс, об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по уголовному делу в отношении умершего.

Проблема первая: неверное толкование нормы п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь. Зачастую ее толкуют как норму-диспозитив, что по сути своей не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона. Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении производства по нему в связи со смертью подозреваемого либо обвиняемого является обязанностью органа уголовного преследования. Вместе с тем должен быть установлен и подтверждаться материалами проверки либо уголовного дела факт совершения умершим преступления, а также приведены доказательства его виновности в совершении инкриминируемого преступного деяния (не имеет значения стадия, на которой собраны эти доказательства: до возбуждения уголовного дела или после). Важным здесь является одно: на основании

материалов проверки или уголовного дела должен быть сделан однозначный вывод о совершении преступления именно умершим лицом [3, с. 74].

В то же время, если однозначного вывода о виновности лица сделать невозможно, имеются сомнения относительно наличия в деянии состава преступления, виновности умершего, то решение о прекращении производства по уголовному делу по п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь приниматься не должно. В подобных случаях необходимо принимать решения либо об отказе в возбуждении или о прекращении производства по уголовному делу по соответствующим реабилитирующим основаниям, либо должно проводиться расследование уголовного дела в общем порядке [3, с. 74].

В данном случае необходимо четко отграничивать два момента: наличие самого преступления и возможность привлечь к уголовной ответственности виновного. В обоих случаях мы говорим об уголовной ответственности. Однако в первом мы констатируем факт ее наличия; во втором – исключаем возможность реализовать ее элемент – признать виновным (или наказать).

Проблема вторая: положение о прекращении производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого ставится в зависимость от согласия или несогласия с ним заинтересованных лиц. Это было неоднократно описано учеными-процессуалистами в своих работах (например, Н.А. Богданович, Л.В. Зайцева, Л.И. Кукреш, А.В. Солтанович, М.С. Строгович, Ю.Ю. Чурилов, А.П. Фильченко, М.А. Шостак и др.). Нередко вносились предложения о совершенствовании законодательства в этой части. Вывод из действующих норм отечественного законодателя однозначен: данное решение не должно ставиться в зависимость от согласия (несогласия) обозначенных субъектов. Прежде всего потому, что, например, близкие родственники могут вовсе отсутствовать у умершего. В данной ситуации, когда в отношении одного лица будет дано согласие на прекращение, а в отношении другого ввиду отсутствия у него близких родственников невозможно будет его получить, нельзя говорить о равенстве защиты прав личности. Несогласие заинтересованных лиц с решением органа уголовного преследования об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела должно являться частным случаем продолжения производства по уголовному делу.

Одновременно следует заметить, что в случае несогласия с принятым решением об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела заинтересованные лица могут обжаловать его прокурору либо в суд. При этом подача жалобы в суд не препятствует реализации и не ограничивает прав заинтересованных лиц, поскольку при рассмотрении жалобы суд не должен предрешать и рассматривать вопрос о виновности лица. Суд в данном случае может отменить указанные решения лишь по формальным основаниям, поскольку заинтересованные лица, по сути, не согласны с внесудебным порядком признания лица виновным в совершении преступления.

Проблема третья: право суда рассматривать уголовное дело даже если обвиняемый мертв. Уголовно-процессуальный закон не ограничивает и не запрещает рассмотрение уголовного дела в общем судебном порядке в случае смерти обвиняемого. В частности, это положение подтверждается в ч. 4 ст. 356 УПК, где устанавливается возможность постановления судом обвинительного приговора без назначения наказания, если к моменту его вынесения наступила смерть обвиняемого. При этом уголовное дело должно

рассматриваться по существу в общем порядке с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как обвиняемый. Следует отметить, что возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие обвиняемого предусмотрена уголовно-процессуальным законом (ст. 294 УПК). В рамках судебного разбирательства должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния, на основании которых может быть постановлен обвинительный приговор без назначения наказания либо оправдательный приговор.

В свое время Конституционный Суд Республики Беларусь в своем заключении от 12 июня 2014 г. № 3–928/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» [4] признал положения п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК, определяющие, что уголовное дело в отношении умершего не может быть возбуждено, а по возбужденному делу подлежат прекращению предварительное расследование и производство по уголовному делу при назначении судьей судебного заседания, а также в судебном заседании, кроме случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не соответствующими ч. 1 ст. 25, ст. 26, 28 и 60 Конституции Республики Беларусь в той мере, в какой эти положения в системе действующего законодательства позволяют органу, ведущему уголовный процесс, в случае смерти подозреваемого или обвиняемого отказать в возбуждении уголовного дела, а по возбужденному делу прекратить производство без согласия его близких родственников. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16–П положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников [5]. Однако приведенным постановлением также допускается возможность продолжения производства по уголовному делу, если это требуется для реабилитации лица в случаях, когда возражения родственниками не заявлены.

По мнению А.П. Фильченко, смерть подозреваемого или обвиняемого должна исключать назначение наказания, но не может рассматриваться как обстоятельство, прекращающее отношение уголовной ответственности [6].

Заключение

Исследование проблемных аспектов применения такого обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, как смерть лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, позволяет резюмировать следующее:

1) принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращение производства по нему в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого является обязанностью органа уголовного преследования или суда;

2) наделение заинтересованных лиц правами, которыми должен был бы обладать подозреваемый (обвиняемый) не может быть корректным, т. к. данные субъекты не являются сторонами в уголовном процессе;

3) положение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении по нему в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого не может ставиться в зависимость от согласия или несогласия с ним заинтересованных лиц;

4) продолжение предварительного расследования и последующее направление в суд уголовных дел в отношении умерших для рассмотрения их по существу представляется возможным на основании действующих положений уголовно-процессуального закона.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295–З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Прокурорский надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и на досудебных стадиях уголовного процесса (выпуск 5, в двух частях) : Часть 2. Прокурорский надзор за исполнением законодательства на досудебных стадиях уголовного процесса : руководство для прокуроров / Н. А. Богданович [и др.] ; отв. за выпуск И. Г. Севрук, А. В. Солтанович. – Минск, 2019. – 208 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 12 июня 2014 г., № 3-928/2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14.07.2011 № 16-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.

6. Фильченко, А. П. Значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности / А. П. Фильченко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы процессуального порядка отказа в возбуждении уголовного дела либо прекращения производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) и обозначены современные проблемы, возникающие при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по уголовному делу по указанному основанию. Также уделено внимание отельным положениям закона в части правового положения родственников и иных лиц, обладающих правом возражать против такого прекращения.

REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS OR TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE DEATH OF A SUSPECT (ACCUSED): MATERIAL AND PROCEDURAL ISSUES

Bahdanovich N.A.

Keywords: the criminal responsibility, the death of the suspected (accused), termination of the criminal case, a close relative.

Abstract. In the article deals the asks of the procedural order the termination of criminal proceedings in connection with the death of the suspected (accused) and marked modern problems the procedural order the termination of criminal proceedings in connection with the death of the suspected (accused). Attention is also paid to certain provisions of the law in terms of the legal status of relatives and other persons who have the right to object to such termination.

УДК 343.98

АРХИВНЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА И ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Варавко Ю.В.

Ключевые слова: информационно-аналитическая деятельность следователя, архивные уголовные дела и иные материалы, электронное уголовное судопроизводство, серийные преступления.

Введение

Специфика информационных процессов, происходящих в современном обществе, обусловливает необходимость пересмотра классических подходов к источникам криминалистически значимой информации и способам ее аналитической обработки. В таких условиях для следственной деятельности как одного из важнейших элементов системы противодействия преступности приоритетное значение приобретают полнота и достоверность результатов анализа данных, полученных следователем, что может быть обеспечено в ходе осуществления информационно-аналитической деятельности следователя (далее – ИАД следователя).

Немаловажным фактором, определяющим эффективность ИАД следователя, является полнота использования потенциальных источников криминалистически значимой информации.

Наибольшее количество сведений о преступлениях и лицах, их совершивших, накапливается и сохраняется в материалах уголовных дел, использование которых направлено на достижение фактически одной цели – принятие окончательного решения органом уголовного преследования или судом.

Уголовные дела и иные материалы, образующиеся в процессе деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений,

после решения органом уголовного преследования, судом и иными органами стоящих перед ними задач передаются на хранение в архивы, где доступ к ним ограничен. Представляется, что в информационную эпоху, когда общепризнанна ценность данных, такой подход является нерациональным.

Кроме того, в работе следователя прослеживается тенденция развития ее аналитической составляющей, сопровождающаяся расширением возможностей применения современных цифровых технологий для сохранения значительного объема данных, получаемых в качестве результата деятельности органов уголовного преследования и суда. С учетом этого представляется необходимым систематизировать и актуализировать накопленные в криминалистике знания, касающиеся использования архивных уголовных дел и иных материалов на стадии предварительного расследования.

Основная часть

Вопросам использования следователем архивных уголовных дел и иных материалов уделялось значительное внимание многими учеными-криминалистами. Так, еще в начале XX в. австрийский ученый Г. Гросс указывал на необходимость изучения «прежних дел» при расследовании уголовного дела о «более или менее серьезном преступлении». Цель такого ознакомления состоит в получении следователем знаний о личности участника уголовного процесса «как главного материала следствия». При этом австрийский ученый предлагал осуществлять полное изучение материалов дела для отслеживания в динамике поведения лица, в том числе занимаемой им позиции, а также реакции на применяемые тактические приемы и в целом развитие следственной ситуации. Причинами, позволяющими следователю использовать архивные уголовные дела, Г. Гросс считал тот факт, что «люди, даже после значительного промежутка времени, остаются одинаковыми и в способах оправдания, и защиты» [1, с. 45].

А. Вейнгарт полагал, что при выдвижении следственных версий могут быть использованы все документы полиции, касающиеся различного рода событий, в которые было вовлечено лицо, интересующее следствие [2, с. 101].

Авторы советского учебника по криминалистике, изданного в 1939 г., предлагали использовать изучение уголовных дел в архивах прокуратуры и уголовного розыска для установления убийств, совершенных аналогичным образом с расследуемым противоправным лишением жизни человека [3, с. 324].

Особое внимание вопросам использования следователем архивных уголовных дел и иных материалов уделено в работах В.П. Лаврова, который, в частности, описал задачи, решаемые путем анализа данных, содержащихся в архивных материалах, а также следственные ситуации, в которых возможно их применение [4; 5].

А.В. Дулов выделял в качестве одного из методов криминалистики метод криминалистического анализа материалов уголовного дела, которые выступают в качестве результата отражения в документах деятельности следователя и других участников, формируются путем приобщения к делу документов, фотокопий, описаний объектов, действий и т. д. [6, с. 61]. Ученый предлагал в ходе криминалистического анализа документов использовать методы контент-анализа, лингвистического и логико-семантического анализа [6, с. 60].

На диссертационном уровне вопрос использования архивных уголовных дел и иных архивных материалов исследовал А.А. Парамонов. При этом он указал

на закономерности, которые позволяют использовать архивные материалы при предупреждении, раскрытии и расследовании уголовных дел. К ним он отнес отражение преступной деятельности в сознании людей, документах, на предметах, а также повторяемость способов совершения и сокрытия преступления и его следов [7].

Проблемные аспекты использования информации, содержащейся в материалах архивных уголовных дел, затронуты в исследованиях П.П. Ищенко. Автором отмечено, что семантическая ограниченность признаками регистрационного объекта регистрационной информации, получаемой следователем в ходе предварительного следствия и помещаемой им в криминалистические учеты, приводит к утрате значимой части данных, содержащихся в материалах уголовного дела. В качестве одного из способов преодоления указанных негативных обстоятельств П.П. Ищенко видит сохранение такой информации в электронном виде [8, с. 149].

На современном этапе развития криминалистики важным представляется определить объем рассматриваемого понятия, т. е. ту сумму или совокупность (множество, класс) предметов, которые могут мыслиться посредством этого понятия [9, с. 535].

Изучение исследований, касающихся вопросов применения архивных уголовных дел и иных материалов на стадии предварительного следствия, позволяет прийти к выводу, что к ним относят архивные:

– уголовные дела;
– материалы об отказе в возбуждении уголовного дела;
– оперативно-розыскные материалы;
– личные дела арестованных и осужденных;
– материалы, относящиеся к отбытию лицом наказания.

Приведенный список архивных материалов, по нашему мнению, необходимо уточнить и расширить с учетом современных тенденций развития деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений.

Полагаем необходимым включить в перечень архивных материалов, используемых для осуществления ИАД следователя, поступающую в орган уголовного преследования документацию, касающуюся оказания международной правовой помощи по уголовным делам о преступлениях, которые относятся к противоправным деяниям, с высокой долей вероятности образующих серию (например, преступления против половой свободы или половой неприкосновенности, против компьютерной безопасности и др.). Накопление информации, содержащейся в международных просьбах и ответах на них (IP-адреса, номера электронных средств платежей и т. п.), с учетом транснационального характера многих противоправных деяний и свободы перемещения причастных к ним лиц расширяет возможности раскрытия преступлений и доказывания вины таких лиц, а также обеспечивает полноту установления обстоятельств, интересующих следствие.

Значение могут иметь также поступающие в орган уголовного преследования обращения, которые рассматриваются не в рамках уголовного процесса, а в порядке, предусмотренном законодательством об обращениях граждан и юридических лиц, и, соответственно, не помещаются в материалы уголовного дела или материалы проверки. По результатам аналитической обработки их содержания может быть сделан вывод, например, о характере отношений

между лицами, наличии оснований для конфликта между фигурантами уголовного дела и т. п.

Важным аспектом использования архивных материалов, в том числе в ходе осуществления ИАД следователя, является определение информации, которая может быть получена в ходе изучения архивных уголовных дел и иных материалов. Это могут быть сведения:

– о связях лица. Источниками такой информации являются показания лица и иных участников процесса по данному вопросу, оперативно-розыскные материалы, в которых содержатся данные о соучастниках совершения преступлений, характеризующий материал, собранный по месту отбытия наказания, и т. п.;

– о характеристике лица. Такие сведения содержатся в заключениях судебных психологических и психиатрических экспертиз, допросах свидетелей и иных участников уголовного процесса, ответах на запросы о характеристике личности;

– о типичных чертах криминального поведения лица, а также особенностях поведения в качестве участника уголовного процесса. Для решения обозначенной задачи необходим анализ целой совокупности документов, в которых закреплена информация о способах подготовки, совершения и сокрытия преступления, избираемых формах противодействия предварительному следствию, наличии в действиях лица определенного почерка, а также автографа (по серийным преступлениям), позиции, занимаемой при предъявлении доказательств, признании либо отрицании вины в ходе предварительного следствия и др.;

– об антропометрических (внешних) признаках лица, в том числе подозреваемого (обвиняемого). Данный и предыдущий пункты полагаем возможным рассматривать как основу для выявления серий преступлений по способу их совершения, приметам лица и иным признакам поведения и внешности;

– иные данные, в которых можно выделить сведения, не являющиеся источником ИАД следователя. К ним относятся, например, объекты, используемые в качестве образцов для сравнительного исследования. Это могут быть образцы почерка лица, если отсутствует иная возможность их получения, либо, например, звуко- и видеозаписи процессуальных действий в качестве материала для получения сравнительных образцов голоса при проведении фоноскопической экспертизы. В то же время в рассматриваемой группе данных может быть выделена информация, полученная в ходе осуществления предварительного расследования или проведения оперативно-розыскных мероприятий, которая является потенциальным источником ИАД следователя. Так, с учетом ограниченности времени хранения у непосредственного владельца сведений о телефонных соединениях они могут быть изъяты (например, путем копирования) из архивных уголовных дел либо иных материалов.

Основываясь на предложенной нами классификации информации, содержащейся в архивных уголовных делах и иных материалах, можно обозначить решаемые с ее помощью задачи предварительного расследования.

Во-первых, это установление и изобличение лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Наиболее очевидным способом при этом является выявление фактов совершения неустановленным лицом аналогичных

преступлений. При этом данные, находящиеся в архивных материалах, способствуют формированию более полной картины и, как следствие, повышению информационной насыщенности характеристики устанавливаемого лица. В отдельных случаях выявление серии позволяет получить непосредственно биографические данные подозреваемого.

Так, по уголовному делу, возбужденному по факту совершения неустановленным лицом насильственного акта мужеложства в отношении малолетнего Р., следователем был подготовлен запрос в территориальные органы прокуратуры с просьбой сообщить обо всех аналогичных по способу совершения фактах противоправных деяний и лицах, к ним причастных, схожих по признакам личности с преступником. В одном из ответов были указаны сведения о Б., в отношении которого проводилась проверка по факту совершения им действий, имевших признаки развратных действий. При изучении личности Б., в том числе и с использованием информации, содержащейся в архивном материале проверки, было установлено, что он проживает в районе совершения противоправных действий в отношении Р. В связи с этим было принято решение о задержании данного лица и проверке его следственным путем. В ходе проведения следственных и иных процессуальных действий причастность Б. к совершению насильственного акта мужеложства в отношении Р. нашла подтверждение. Таким образом, анализ архивных материалов проверки позволил раскрыть следственным путем особо тяжкое преступление против половой неприкосновенности [10].

Во-вторых, обеспечение полноты расследования, что выражается в выявлении иных преступлений, совершенных лицом. Данная задача решается в первую очередь путем изучения приостановленных, в отдельных случаях прекращенных уголовных дел, а также материалов проверок, по которым отказано в возбуждении уголовного дела.

В-третьих, осуществление розыскных действий следователем и сотрудниками органов дознания. Это может быть как розыск известного лица, скрывающегося от органов уголовного преследования, так и розыск имущества. При этом предметом анализа являются данные, характеризующие особенности поведения лица, примененные им ранее способы противодействия предварительному расследованию.

В-четвертых, изучение личности участника уголовного процесса как самостоятельный элемент предмета доказывания по уголовному делу.

В-пятых, выбор стратегии осуществления расследования и тактики проведения отдельных следственных действий. В рассматриваемой ситуации особенно хотелось бы отметить, что, исходя из понятия ИАД следователя, это одно из наиболее характерных направлений такой деятельности, отражающих ее суть. Очевидно, что анализ следователем поведения лица на предварительном следствии по архивным уголовным делам и иным материалам позволяет взвешенно и обоснованно принимать тактические и процессуальные решения при расследовании новых фактов его противоправной деятельности.

Так, по уголовному делу по факту убийства Б. следователем до задержания подозреваемого Д. изучены материалы архивных уголовных дел о совершенных им ранее преступлениях, по которым были постановлены обвинительные приговоры. При этом была проанализирована его линия поведения в ходе допросов и предъявления доказательств. Результат такой работы позволил

реализовать тактическую операцию, заключающуюся в проведении нескольких допросов, каждый из которых в рамках достижения единой цели – получения признательных показаний, решал различные тактические задачи. Избранный подход сделал возможным создание исключительно следственным путем у подозреваемого установки на дачу правдивых показаний [11].

Помимо перечисленных выше общих задач можно выделить и частные тактические задачи, решаемые путем аналитической обработки информации, содержащейся в архивных уголовных делах и иных материалах. Это могут быть проверка алиби, разоблачение инсценировок, выдвижение версий [7, с. 14].

Проблемным аспектом использования архивных уголовных дел и иных материалов является ограниченность доступа к ним. В частности, следователь в силу требований локальных правовых актов, регулирующих вопросы деятельности архивов, может лишь непосредственно путем посещения суда с разрешения соответствующих должностных лиц этого органа изучить материалы уголовного дела. Такая усложненная процедура не позволяет следователю расширить практику использования при осуществлении ИАД архивных уголовных дел, по которым судами постановлен обвинительный приговор либо вынесено постановление о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Одним из путей решения данной проблемы видится переход к электронному уголовному судопроизводству, благодаря чему информация, содержащаяся в материалах уголовного дела, практически в полном объеме будет сохраняться и накапливаться в электронном виде. При этом рациональным представляется создание в системе, поддерживающей ведение электронного уголовного дела, специализированных программных продуктов, позволяющих в автоматическом режиме проводить первичный анализ архивных уголовных дел и иных материалов в целях установления данных, значимых для проведения ИАД следователя.

Важной составляющей реализации потенциала использования архивных материалов может стать применение отмеченного в исследовании П.П. Ищенко опыта зарубежных правоохранительных органов по введению должности «следователя-аналитика, занимающегося выявлением схожих преступлений». В качестве обоснования такого институционального изменения в структуре следственных органов ученый отмечает необходимость сравнения при раскрытии безфигурантного преступления не отдельных зарегистрированных данных (способ совершения преступления, внешние признаки лица, особенности поведения и т. п.), а всей их совокупности, содержащейся в материалах уголовного дела. Например, следователю, осуществляющему предварительное расследование, используя доступные данные криминалистических учетов, затруднительно установить, что одно и то же лицо выступает в качестве свидетеля по двум уголовным делам по фактам квартирных краж. В данном случае требуется системное изучение материалов таких уголовных дел в полном объеме [8, с. 66].

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что с момента зарождения криминалистики существовало понимание важности использования в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений архивных уголовных дел и иных материалов. При этом несмотря на достаточное количество

теоретических и прикладных исследований по данному вопросу, изменение структуры преступности, возросшие возможности фиксации и хранения фактически неограниченного объема данных, а также выработанные подходы к аналитической обработке криминалистически значимой информации требуют актуализации процедур использования таких материалов на стадии предварительного расследования.

Одним из путей совершенствования следственной деятельности является включение архивных уголовных дел и иных материалов в систему ИАД следователя в качестве ее источника. При этом требуются технические и организационные изменения такой системы, основанные на понимании описанных в настоящей публикации возможностей использования указанных материалов.

Список цитированных источников

1. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс ; науч. ред.: В. В. Крылов. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

2. Вейнгарт, А. Уголовная тактика: руководство к расследованию преступлений / А. Вейнгарт ; пер. под ред. В. И. Лебедева. – СПб. : Вестн. полиции, 1912. – 276 с.

3. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / С. А. Голунский, Б. М. Шавер ; под ред. А. Я. Вышинского. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 373 с.

4. Лавров, В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлении прошлых лет : учеб. Пособие / В. П. Лавров. – М. : ВШ МВД СССР, 1972. – 87 с.

5. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. – 943 с.

6. Криминалистика : учеб. Пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. – Минск : ИП «Экоперспектива», 1998. – 415 с.

7. Парамонов, А. А. Архивные уголовные дела и другие архивные материалы как элементы информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. А. Парамонов ; Калинингр. юрид. ин-т МВД России. – Калининград, 2004. – 27 с.

8. Ищенко, П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практ. пособие / П. П. Ищенко ; под ред. Е. П. Ищенко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 168 с.

9. Асмус, В. Ф. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Ф. Асмус. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – Т. 3 : Логика. – 832 с.

10. Архив суда Заводского района г. Минска за 2002 г. – Уголовное дело № 01011011984.

11. Архив Минского областного суда за 2018 г. – Уголовное дело № 06026190028.

Аннотация. В статье на основании анализа научных исследований в области криминалистики и современных тенденций развития системы следственной деятельности рассматриваются вопросы использования архивных уголовных дел и иных материалов в качестве источников информационно-аналитической деятельности следователя. При этом проведена систематизация актуализированных объектов, относящихся к таким источникам, определены задачи, решаемые с их помощью, предложены организационные меры, направленные на повышение эффективности использования в качестве источников информационно-аналитической деятельности архивных уголовных дел и иных материалов на стадии предварительного расследования. Отдельные аспекты использования архивных материалов проиллюстрированы примерами из следственной практики.

ARCHIVAL CRIMINAL CASES AND OTHER MATERIALS AS SOURCES OF INFORMATION AND ANALYTICAL ACTIVITY OF INVESTIGATOR

Varavko Y.

Keywords: information and analytical activity of investigator, archival criminal cases and other materials, electronic criminal procedure, serial crimes.

Abstract. Based on the analysis of scientific research in the field of forensic science and current trends in the development of the investigative system, the article discusses the use of archival criminal cases and other materials as sources of information and analytical activity of the investigator. At the same time, the systematization of the updated objects related to such sources was carried out, the tasks solved with their help were identified, and organizational measures aimed at improving the efficiency of using archival criminal cases and other materials at the preliminary investigation stage as sources of information and analytical activities were proposed. Certain aspects of the use of archival materials are illustrated by examples from investigative practice.

УДК 343.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Козел В.М.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, материалы оперативно-розыскной деятельности, результаты оперативно-розыскной деятельности, источники доказательств, доказывание по уголовным делам.

Введение

Организация раскрытия преступлений и изобличения виновных лиц показывает необходимость целенаправленной работы по установлению источников доказательств. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что их достаточно сложно получить только уголовно-процессуальным путем. Более того, раскрытие неочевидных преступлений или на стадии подготовки к ним фактически невозможно с помощью проведения лишь следственных действий. Поэтому неуклонно возрастает роль оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в части использования ее результатов как доказательства в уголовном процессе, т. к. их легализация и приобщение к материалам уголовного дела составляют неотъемлемую часть предварительного расследования.

В последние годы количество научных работ по обозначенной тематике неуклонно растет. Возможности использования материалов ОРД в уголовном процессе становились предметом научного исследования таких белорусских ученых-юристов, как И.И. Басецкий, В.В. Бачило, И.И. Бранчель, В.С. Гайдельцов, И.В. Ломоть, А.Н. Тукало, А.М. Хлус, Е.А. Шпаковский и др.

Однако вопросы допустимости использования указанных материалов в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве не решены в полном объеме до настоящего времени и вызывают острые дискуссии, что обуславливает актуальность темы исследования, объектом которого являются проблемы их применения в уголовном процессе.

Основная часть

В ст. 2 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307–З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) дается понятие «материалы оперативно-розыскной деятельности», под которыми понимаются «оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», и далее в ст. 49 раскрывается допустимость их использования [1].

Как следствие, в ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закреплено понятие «материалы оперативно-розыскной деятельности», а именно «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, представлены, проверены и оценены в порядке, установленном настоящим Кодексом» [2].

Авторами пособия «Оперативно-розыскная деятельность» (под редакцией А.И. Шведа) предлагается «итоговую работу ОРД» именовать «как ее «результаты», а не как «материалы» [3, с. 251]. Аналогичной позиции придерживаются А.Н. Тукало и А.Н. Толочко, указывая, что «внесение предлагаемых поправок» в Закон об ОРД «по закреплению в нем определения «результаты оперативно-розыскной деятельности» будет способствовать единообразному толкованию данных терминов в законе и УПК Республики Беларусь» [4, с. 32].

Согласно п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) под результатами ОРД понимаются «сведения, полученные оперативными подразделениями в порядке, предусмотренном Федеральным законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда» [5].

Вместе с тем, в Федеральном Законе об оперативно-розыскной деятельности (далее – ФЗ об ОРД) мы не найдем определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности». В большинстве случаев это понятие определяется как «собирание оперативными подразделениями информации о наличии или отсутствии общественно опасного деяния, виновности лица, совершившего это деяние, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела» [6, с. 140].

На наш взгляд, сравнивая используемые термины «результаты ОРД» и «материалы ОРД» необходимо обратиться к выяснению сущности терминов «результат» и «материалы».

Согласно словарю В.И. Даля, результат означает «следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог, развязку, исход, конец дела», а термин

«материал» вообще отсутствует, однако имеется «материя»: во втором значении – «составляющий, образующий запасы, вещественные предметы» [7].

В словаре Д.Н. Ушакова «результат» означает «конечный итог, следствие, завершающее собой какие-н. действия, явления, развитие чего-н.», а «материал» во втором значении – то, «что служит основой, источником для образования, построения, для развития чего-н.» [8].

Схожее значение отражено в «Малом толковом словаре русского языка», в котором «результат» означает «следствие, последствие, исход, конец, итог», а «материал» – «вещество для работы» [9].

А.Ю. Шумилов под материалами ОРД понимает «оперативно-служебные документы и материалы дел оперативного учета, содержащие сведения о лицах, являющихся объектами оперативной заинтересованности» [10, с. 84].

О.А. Вагин, А.П. Исиченко и А.Е. Чечетин определяют материалы как «документы (рапорта, справки, акты и т. д.), в которых отражены сведения о признаках противоправного поведения, образе жизни, действиях и поведении проверяемых лиц; физические носители информации (кассеты с аудио- и видеозаписями, фотографии, кино- и фотопленки), а также дела оперативного учета, рассматривают материалы как составную часть ОРД, которые «должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, где эти документы и физические носители информации концентрируются и хранятся» [11, с. 147].

Таким образом, проанализировав вышеприведенные определения, мы можем сделать вывод, что «результатом» является итог, следствие какой-либо деятельности, а «материалы» – источником для образования, построения и последующего развития, поэтому нельзя не согласиться с мнением ряда ученых о том, что «более правильным было бы именовать итоговую работу ОРД как ее «результаты», а не как «материалы» и как следствие, в связи с чем предлагается «в названии и в тексте статьи 101 УПК слова «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности», заменить на слова «результаты оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 251].

Результаты ОРД целесообразно классифицировать по своему предназначению:

– материалы, которые в соответствии с УПК могут быть признаны вещественными доказательствами;

– результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

– результаты ОРД для подготовки и осуществления процессуальных действий;

– результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам;

– результаты ОРД, используемые для анализа и продолжения комплекса ОРМ в рамках ведения дел оперативного учета.

Как справедливо отмечают В.Ю. Стельмах и П.М. Титов, требования к результатам ОРД для их использования по различным направлениям объективно различаются [12, с. 145].

Остановимся на результатах ОРД, предоставляемых для использования в процессе доказывания по уголовным делам. При этом мы поддерживаем мнение А.В. Победкина и В.Н. Яшина, что «… концепция формирования

доказательств путем соблюдения процессуальной формы их собирания в настоящее время остается единственной строго научно обоснованной» и, соответственно, «… результаты оперативно-розыскной деятельности могут получить статус доказательств, только если они оказались в распоряжении следователя, дознавателя в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом» [13, с. 11, 21].

Далее, нельзя не согласиться с суждением В.С. Соркина, что «… в последнее время в связи с усложнением преступной деятельности и ее высокой конспиративностью все чаще встает вопрос о допустимости получения доказательственной информации непроцессуальным путем» [14, с. 41]. При этом заметим, что материалы, полученные в ходе ОРД, являются источниками доказательств (ч. 2 ст. 88 и ст. 101 УПК) [2].

Исследуя вопрос использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, мы разделяем точку зрения А.Ю. Афанасьева, согласно которой «… множественные проблемы теории доказательств находятся на стыке различных юридических наук и их решение носит междисциплинарный характер» [15, с. 57]. Как следствие, наш объект изучения требует проработки в области оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса.

Материалы ОРД предоставляются в орган уголовного преследования согласно ст. 50 Закона об ОРД [1]. При этом требования к указанным материалам (результатам) регламентируются внутриведомственными актами, доступ к которым ограничен. Поэтому обратимся к Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция), принятой 23 декабря 2013 г. в Российской Федерации. Согласно Инструкции: «Результаты ОРД, предоставляемые для использования в доказывании, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе» [16, с. 114–115].

Однако, на наш взгляд, порядок оформления, передачи и использования материалов (результатов) ОРД требует дополнительной регламентации на законодательном уровне путем внесения дополнений в ст. 50 Закона об ОРД в части закрепления предъявляемых требований к предоставляемым в орган уголовного преследования материалам (результатам) ОРД, которое должно быть согласовано с положениями ст. 101 УПК.

Также целесообразно остановиться на следственной ситуации, когда доказательства виновности лица основываются на предоставленных результатах ОРД. При этом данные результаты были получены при содействии граждан органам, осуществляющим ОРД. Следователь, руководствуясь требованиями ст. 101 УПК с целью их признания источниками доказательств, обязан провести следственные и иные действия для их проверки и оценки. В этой связи необходимо допросить данное лицо в качестве свидетеля.

Однако, согласно ч. 2 ст. 60 УПК не подлежат допросу в качестве свидетеля: «… лицо, оказывающее содействие или оказывавшее содействие на конфиденциальной основе органу, уполномоченному законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, – без его согласия и согласия органа, уполномоченного законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, которому это лицо оказывает или оказывало содействие на конфиденциальной основе» [2]. Схожая норма содержится в ст. 48 Закона об ОРД: «… предание гласности сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, … допускается только с их согласия в письменной форме в соответствии с настоящим Законом и иными законодательными актами» [1].

Причины отказа данных лиц быть допрошенными в ходе предварительного расследования с учетом предполагаемого принятия мер по их защите, а также отказ органа, уполномоченного осуществлять ОРД, не затрагивают тематику нашего исследования. На наш взгляд, выходом из данной ситуации может быть допрос в качестве свидетеля должностного лица, который в силу своих функциональных обязанностей непосредственно взаимодействовал с источником информации, положенной в основу результатов ОРД.

Посредством допроса оперативного сотрудника могут быть получены сведения в отношении источника криминалистически значимой информации, а также проверены предоставленные материалы, которые стали ему известны в результате его личного, непосредственного восприятия. Безусловно, допрос оперативно-розыскного работника необходимо проводить с учетом ряда существующих в подобных случаях правоограничений.

Мы разделяем мнение А.Е. Вытовтова и С.Б. Росинского, что «… допрос должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскные мероприятия, может быть проведен в целях проверки и оценки доброкачественности полученных им результатов и в соответствии с общими правилами производства следственных либо судебных действий, то есть по усмотрению следователя или суда» [17, с. 92].

Вместе с тем к допросу конфидента и оперативного сотрудника в качестве свидетеля следует прибегать лишь в крайнем случае, когда исчерпаны другие средства доказывания, чтобы исключить возможность нарушения требований ст. 8 Закона об ОРД в части раскрытия форм и методов ОРД, ее сил и средств [1].

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать ряд выводов и предложений:

– целесообразно внести изменение в ст. 101 УПК, а именно: слова «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности» заменить на слова «результаты оперативно-розыскной деятельности», а также в Закон об ОРД по закреплению в нем определения термина «результаты оперативно-розыскной деятельности»;

– предлагается дополнить ст. 50 Закона об ОРД в части закрепления предъявляемых требований к предоставляемым в орган уголовного преследования материалам (результатам) ОРД;

– сведения, полученные в ходе допроса лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе органу, уполномоченному законом осуществлять ОРД, а также оперативного сотрудника, образуют содержание такого

доказательства, как показания свидетеля, прибегать к которому необходимо лишь в случаях крайней необходимости, когда иного пути получения информации, имеющей доказательственное значение для дела, не имеется;

– результаты ОРД можно и нужно использовать в доказывании. Вместе с тем их нельзя принимать за истину по определению, а необходимо проверять и оценивать наравне с другими доказательствами, которые имеются в уголовном деле.

Список цитированных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 83-З : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И. М. Бранчель [и др.] ; под ред. А. И. Шведа. – Минск : Тетралит, 2014 – 352 с.

4. Тукало, А. Н. Анализ взглядов на соотношение «результатов» и «материалов» оперативно-розыскной деятельности при их использовании в доказывании / А. Н. Тукало, А. Н. Толочко // Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2014. – № 2(36). – С. 27–32.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г., одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. От 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020 / КонсультантПлюс.Россия. – Режим доступа: www.consultant.ru. – Дата доступа: 24.08.2022.

6. Корма, В. Л. Тактико-криминалистические особенности использования оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений / В. Л. Корма. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 192 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id =253990. – Дата доступа: 24.08.2022.

8. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id =241944. – Дата доступа: 24.08.2022.

9. Малый толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. П. Е. Стоян. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=70065. – Дата доступа: 24.08.2022.

10. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с постатейным приложением нормативных правовых актов и документов / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – 6-е изд., доп. и перераб. – М. : Изд. Шумилова И.И., 2004. – 330 с.

11. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под ред. О. А. Вагина, А. П. Исиченко, А. Е. Чечетина. – Барнаул : Деловой двор, 2009. – 136 с.

12. Стельмах, В. Ю. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве : монография / В. Ю. Стельмах, П. М. Титов. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 344 с.

13. Победкин, А. В. Следственные действия : монография / А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 192 с.

14. Соркин, В. С. Доказательства и доказывание в уголовном процессе (теоретико-правовые аспекты) : монография / В. С. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2017. – 123 с.
15. Афанасьев, А. Ю. Уголовно-процессуальное доказывание: теория, практика, методология : монография / под ред. А. Ю. Афанасьева. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 176 с.
16. Оперативно-розыскная деятельность : науч.-практ. коммент. (постатейный) к Федеральному закону / А. И. Бастрыкин [и др.] ; под ред. А. И. Бастрыкина. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 280 с.
17. Вытовтов, А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве : монография / А. Е. Вытовтов, С. Б. Росинский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 168 с.

Аннотация. В статье рассмотрен ряд теоретико-прикладных вопросов, связанных с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Обращено внимание, что несмотря на рост научных работ по данной тематике, в Республике Беларусь вопросы допустимости использования указанных материалов в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве не решены в полном объеме до настоящего времени и вызывают острые дискуссии, что обуславливает актуальность темы исследования, объектом которого являются проблемы их применения в уголовном процессе. Предложен вариант рассмотрения исследуемого вопроса через призму повышения эффективности предварительного расследования путем поиска и включения в действующее оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательство новых положений.

THE USE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN PROVING CRIMINAL CASES

Kozel V.M.

Keywords: perational-investigative activity, materials of operational-investigative activity, results of operational-investigative activity, sources of evidence, proving in criminal cases.

Abstract. The article considers a number of theoretical and applied issues related to the use of the results of operational investigative activities in proving criminal cases. Attention is drawn to the fact that despite the growth of scientific works on this topic in the Republic of Belarus, the issues of the admissibility of the use of these materials in the process of proving in criminal proceedings have not been fully resolved to date and cause acute discussions, which determines the relevance of the research topic, the object of which is the problems of their enforcement in criminal proceedings. A variant of considering the issue under study through the prism of improving the effectiveness of the preliminary investigation by searching for and including new provisions in the current operational investigative and criminal procedure legislation is proposed. The results obtained can be used in terms of conducting further scientific research.

УДК 343.985.7

К ВОПРОСУ О НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ, ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.

Мельник Л.Л.

Ключевые слова: расследование преступлений, наложение ареста на имущество, информационные технологии, криптовалюты, электронные деньги, компьютерная информация, осмотр компьютерной информации.

Введение

Активная цифровизация общественной жизни поставила ряд вызовов перед правоохранительными органами всех государств, в том числе Республики Беларусь. Среди таких вызовов можно отметить использование преступниками криптовалют и электронных денег, в том числе для сокрытия получаемого дохода.

Технические особенности технологии блокчейн и электронных платежных систем создают серьезные затруднения в идентификации их пользователей, а в случае обнаружения их единиц расчета (криптовалют и электронных денег) – наложения ареста на них или реализации: конвертации и перевода на фиатные валюты. Действующее законодательство Республики Беларусь возлагает на орган, ведущий уголовный процесс, обязанность предпринимать исчерпывающие меры для возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также других имущественных взысканий. Вместе с тем, учитывая отсутствие каких-либо действующих механизмов, а также новизны института наложения ареста на криптовалюты и электронные деньги, представленная проблема требует проработки и создания алгоритмов, позволяющих осуществлять наложение ареста на них, а также внесения изменений в действующее законодательство Республики Беларусь в указанной сфере.

Отечественными и российскими учеными рассмотрен широкий перечень вопросов, касающихся уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектов оборота криптовалют и электронных денег, в том числе наложения на них ареста. Так, среди трудов российских ученых по указанной тематике следует выделить работы М.А. Филатовой (2014) [1], В.А. Ализаде (2017) [2], И.И. Кучерова (2016) [3], М.И. Долгиевой (2018) [4]. Среди отечественных авторов наиболее значительны труды И.Г. Мухина (2018) [5], Н.С. Бушкевича (2019) [6], В.В. Хилюты (2019) [7], В.П. Зайцева (2020) [8] и иных ученых. Однако в указанных и иных работах не представлены алгоритмы действий представителя органа уголовного преследования при аресте криптовалют и электронных денег.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, а также немногочисленную практику рассматриваемого процессуального действия, представленная тема является актуальной, имеет существенное научное и практическое значение, требует совершенствования действующего законодательства, а также правоохранительной практики. На основании изложенного целью настоящей работы является систематизация алгоритмов работы органа уголовного

преследования при рассмотрении вопроса о наложении ареста на криптовалюты, электронные деньги и их эквиваленты, описание и обоснование их структуры, выявление и пути решения проблемных вопросов, возникающих при этом.

Основная часть

В настоящей статье обобщен и проанализирован опыт работы следователей главного следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь в части наложения ареста на криптовалюты, электронные деньги, а также их эквиваленты. Исходя их полученных данных, можно представить следующие виды алгоритмов действий органа уголовного преследования при наложении ареста, в зависимости от его объекта: криптовалюты, электронные деньги, а также на фиатные валюты, получаемые в результате их конвертации:

а) арест на денежные средства, полученные в результате реализации криптовалют;

б) арест на криптовалюты;

в) арест на денежные средства, полученные в результате обмена и погашения электронных денег;

г) арест на электронные деньги.

Далее каждый из представленных алгоритмов рассмотрен подробно и представлен ниже:

а) Арест на денежные средства, полученные в результате реализации криптовалют.

Положениями п. 18 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), а также Указа Президента Республики Беларусь от 14.02.2022 № 48 закреплен порядок ареста и реализации криптовалюты. На основании вышеуказанных нормативных правовых актов, а также существующей практики можно констатировать, что использование алгоритма по реализации криптовалюты является приоритетным по отношению к алгоритму по наложению на нее ареста, ввиду существенных рисков, которые связаны с криптовалютой: ее высокая волатильность; возможность блокировки веб-кошельков, на которых она находится; возможность ее потери ввиду хищения и т. п. В связи с этим при обнаружении криптовалют следует обратиться к представленному ниже алгоритму по ее реализации в фиатные валюты и последующее наложение на них ареста:

1) Обыск.

В ходе обыска осуществляется визуальный осмотр компьютерной техники, находящейся по месту его проведения. При отсутствии информации относительно каких-либо сообщников у лица, у которого проводится обыск, иных обстоятельств, указывающих на возможность вывода третьими лицами обнаруженных в ходе обыска криптовалют, осмотр компьютерной информации следует производить после окончания обыска. В случае, если имеются сведения, что обнаруженные криптовалюты могут быть утеряны, обыск следует приостановить и осуществить осмотр компьютерной информации, в ходе которого осуществить перевод обнаруженной криптовалюты на подконтрольные органу уголовного преследования кошельки;

2) Осмотр компьютерной информации.

Осмотр компьютерной информации – веб-кошельков, аппаратных криптокошельков, так называемых «холодных» программных криптокошельков, проводится с санкции прокурора или его заместителя либо с согласия лица,

которому фактически принадлежат указанные кошельки (учетные записи). В случаях, требующих неотложности проведения указанного действия, например, ввиду возможной потери криптовалюты, осмотр можно произвести без санкции прокурора с последующим его уведомлением. Следует отметить, что зачастую криптокошельки оформлены на третьих лиц, которые по существу являются подставными и даже не знают об их существовании. При наличии сведений, указывающих на реального владельца криптокошелька, достаточно его согласия на проведение рассматриваемого следственного действия. Осмотр компьютерной информации должен проводиться с применением фото-видеозаписи и включать фиксацию следующих сведений:

– ввод реквизитов доступа при авторизации в криптокошельке;

баланс общего счета криптокошелька, а также количество всех видов криптовалют, находящихся на нем;

– историю всех транзакций, совершенных с использованием осматриваемого криптокошелька;

– регистрационные сведения (при их наличии), указанные при создании криптокошелька;

– историю IP-адресов, использовавшихся при авторизации в криптокошельке;

– историю переписки с технической поддержкой криптокошелька.

Кроме того, с целью дальнейшего планирования осмотров криптокошельков необходимо выяснить максимально допустимые суммы переводов криптовалют;

3) Допрос подозреваемого, обвиняемого или лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия.

В ходе допроса необходимо выяснить фактическую принадлежность обнаруженных криптовалют, а также желание лица использовать их для конвертации в фиатные деньги с целью последующего погашения ущерба, причиненного преступлением, дохода, полученного преступным путем. В случае согласия лица, которому фактически принадлежат обнаруженные криптовалюты, на их конвертацию в фиатные валюты посредством операторов обмена криптовалют, операторов криптобирж следует получить от него ходатайство как от участника уголовного процесса;

4) Ходатайство подозреваемого, обвиняемого, иного участника уголовного процесса.

В ходатайстве о конвертации криптовалют в фиатные валюты их фактическому владельцу следует отразить свое волеизъявление на конвертацию, а также конкретные суммы криптовалют, их виды, которые подлежат обмену. Кроме того, данное лицо должно представить сведения о криптобирже, с которой он хочет заключить договор на осуществление конвертации его криптовалют. В настоящее время в Республике Беларусь зарегистрировано и осуществляют деятельность 3 криптобиржи и 1 криптоплатформа [9], услугами которых можно воспользоваться при конвертации криптовалют;

5) Заключение договора купли-продажи криптовалюты.

После достижения соглашения с представителями криптобирж относительно осуществления обмена криптовалюты следует составить договор купли-продажи криптовалюты между подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, с одной стороны, и представителем криптобиржи, с другой. Указанный договор должен

содержать: реквизиты счета Следственного комитета Республики Беларусь, на который непосредственно будут перечислены денежные средства, получаемые в результате обмена; общая сумма криптовалют, подлежащих обмену, их виды; веб-адреса криптобиржи, на которые будут переводиться криптовалюты; обязанность криптобиржи предоставить акт выполненных работ с указанием суммы денежных средств, переведенных криптобиржей в результате обмена. Конкретная сумма денежных средств, получаемых в результате обмена криптовалюты, как правило, не указывается ввиду высокой волатильности курса в момент времени. Данный договор должен быть составлен в 3-х экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела;

6) Дополнительный осмотр компьютерной информации.

В ходе данного следственного действия дополнительно осматриваются – веб-кошельки, аппаратные криптокошельки, иные криптокошельки, на которых хранятся криптовалюты, подлежащие обмену. Осмотр проводится с участием лица, чьи криптовалюты подлежат обмену. В ходе осмотра осуществляется перевод криптовалюты на предоставленные криптобиржей веб-адреса. С целью минимизации возможных последствий потенциальной ошибки рекомендуется первоначально перевести минимальную сумму криптовалют на предоставленный веб-адрес, после чего просмотреть результаты перевода в блокчейн-обозревателе. После подтверждения факта перевода связаться с ответственным представителем криптобиржи и получить подтверждение осуществления перевода. После получения подтверждения следует осуществить перевод оставшейся суммы криптовалют. При наличии суммы криптовалюты свыше установленного ежедневного лимита необходимо провести дополнительные осмотры компьютерной информации с последующими дополнительными переводами криптовалют. Во время осмотра необходимо осуществлять видеофиксацию экрана монитора (например, можно использовать свободно распространяемую программу Icecream screen recorder [10]). По окончании осмотра оптический диск с видеозаписью необходимо приложить к соответствующего протоколу, о чем сделать в нем отметку;

7) Акт выполненных работ и платежное поручение.

После осуществления вышеуказанного перевода криптобиржа предоставляет акт выполненных работ и платежное поручение с указанием конкретной суммы фиатных валют, которые переведены на счет Следственного комитета, который указан в договоре. Данные документы необходимы для фиксации и подтверждения суммы, на которую налагается арест, и самого факта перевода;

8) Наложение ареста на денежные средства.

После получения акта выполненных работ производится наложение ареста на денежные средства в установленном порядке.

б) Арест на криптовалюты.

Регламентацию ареста на криптовалюты содержат положения ст. 132 УПК. Вместе с тем, учитывая разницу между понятиями токен и криптовалюта, которые представлены в Декрете Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8, следует отметить, что зачастую могут быть обнаружены и токены или так называемые «токенизированные активы» [11], которые не будут являться криптовалютами. В связи с этим представляется необходимым внесение изменения в положения ст. 132 УПК, а именно: замена понятия «криптовалюты» на «токены» как более широкое и охватывающее первое.

Использование алгоритма по наложению ареста на криптовалюты является обоснованным в случаях, когда не имеется возможности осуществить конвертацию криптовалют в фиатные валюты. Причиной тому может быть, например, невостребованность конкретного вида криптовалюты ввиду ее нераспространенности.

Далее представлен порядок действий при наложении ареста на криптовалюты:

1) Первоначальные действия аналогичны представленным в пунктах 1–3 вышеуказанного алгоритма;

2) Получение веб-адреса служебного криптокошелька в соответствующем финансово-экономическом подразделении Следственного комитета.

В Следственном комитете Республики Беларусь существует установленный внутренними нормативными правовыми актами порядок получения служебных веб-адресов криптокошельков. Веб-адрес предоставляется по письменному запросу следователя и содержится в соответствующем письме с указанием веб-адреса и его графического кода. Данные письма приобщаются к материалам уголовного дела;

3) Дополнительный осмотр компьютерной информации.

При проведении осмотра веб-кошельков, аппаратных криптокошельков, так называемых «холодных» программных криптокошельков, на которых хранятся криптовалюты, подлежащие переводу, следует соблюдать все требования, указанные выше. В ходе данного процессуального действия осуществляется перевод криптовалюты, подлежащей аресту, на веб-адрес криптокошелька Следственного комитета Республики Беларусь;

4) Наложение ареста на криптовалюту.

После осуществления перевода криптовалюты на нее следует наложить арест. В постановлении о наложении ареста указывается сумма фактически поступившей на служебный кошелек переведенной криптовалюты с учетом взимаемой комиссии. После составления соответствующего постановления его копию необходимо передать в финансово-экономическое подразделение Следственного комитета для постановки на учет арестованной криптовалюты;

5) Письменное уведомление финансово-экономического подразделения Следственного комитета о зачислении криптовалют.

После получения постановления о наложении ареста на криптовалюту ответственный представитель финансово-экономического подразделения должен предоставить письменное уведомление о принятии на учет арестованной криптовалюты.

Следует отметить, что не всегда существует возможность в осуществлении перевода обнаруженных криптовалют на служебные веб-адреса ввиду невозможности их создания по отношению к определенным видам криптовалют. В связи с этим оптимальным вариантом представляется вынесение постановления о наложении ареста на такие виды криптовалюты, находящиеся непосредственно на обнаруженных веб-адресах, с передачей на ответственное хранение.

Арест на денежные средства, полученные в результате реализации электронных денег.

В п. 15 ст. 132 УПК закреплен порядок изъятия на хранение арестованных электронных денег. При этом определяющим фактором в выборе алгоритма

ареста является происхождение электронных денег: иностранным или национальным эмитентом они выпущены. В соответствии с п. 19 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22.12.2005 № 12, только юридическим лицам – резидентам Парка высоких технологий предоставляется возможность открытия кошельков в иностранных электронных платежных системах. Таким образом, в случае обнаружения электронных денег в иностранных платежных системах у органа уголовного преследования могут возникнуть проблемы в части их изъятия на подконтрольный кошелек ввиду отсутствия такового, поскольку правоохранительные органы в настоящее время не могут регистрировать и использовать в служебных целях кошельки в иностранных платежных системах. Учитывая вышеизложенное, в настоящее время возникла необходимость совершенствования действующего законодательства в части регулирования возможности открытия электронных кошельков в иностранных платежных системах правоохранительными органами.

Из вышеуказанного следует, что наложение ареста на электронные деньги оптимально в случаях, когда они выпущены национальным эмитентом, а их погашение на фиатные валюты оптимально в случае, когда они выпущены иностранными платежными системами.

Алгоритм первоначальных действий по обнаружению и фиксации наличия электронных денег аналогичен как в случае с криптовалютой (пункты 1–3), поэтому далее представлены только оригинальные его структурные элементы:

1) Ходатайство подозреваемого, обвиняемого, иного участника уголовного процесса.

В данном ходатайстве владелец электронных денег указывает на способ осуществления обмена. Как правило, электронные деньги иностранных платежных систем можно обменять только посредством сервисов, занимающихся соответствующими обменами, которые находятся за пределами Республики Беларусь. Предпочтительным является обмен на наличные денежные средства ввиду их реальной ценности и свободной конвертируемости;

2) Осмотр компьютерной информации.

С целью недопущения сговора между владельцем электронных денег и представителем обменного сервиса, необоснованного завышения комиссий следует проводить совместный осмотр переписки владельца электронных денег с обменным сервисом, в ходе которого зафиксировать достигнутую между ними договоренность о погашении электронных денег. К осмотру должна быть приложена переписка владельца электронных денег с представителями рассматриваемого сервиса с указанием адреса кошелька, на который необходимо осуществить перевод, а также места, времени, способа, размера комиссии при осуществлении обмена;

3) Дополнительный осмотр компьютерной информации.

В ходе данного процессуального действия осуществляется перевод электронных денег на указанный в переписке идентификатор кошелька обменного сервиса;

4) Получение наличных денежных средств участником уголовного процесса.

В ходе реализации сделки по погашению электронных денег на наличные фиатные валюты их владелец непосредственно осуществляет прием наличных

денежных средств с целью последующей передачи в ходе выемки органу уголовного преследования с целью последующего наложения на них ареста.

5) Выемка полученных в ходе погашения электронных денег наличных денежных средств.

6) Назначение технико-криминалистической экспертизы в отношении изъятых денежных средств.

7) Наложение ареста на денежные средства, их сдача на ответственное хранение в финансово-экономическое подразделение Следственного комитета Республики Беларусь.

Арест на электронные деньги.

Алгоритм действий при аресте электронных денег, выпущенных национальным эмитентом, зависит от того, имеется ли необходимость в их переводе на подконтрольные следствию кошельки или нет. Необходимость перевода на подконтрольные следствию кошельки может возникнуть в случае наличия сведений об ином соучастнике, который может осуществить блокировку обнаруженных электронных кошельков или самостоятельно их вывести. Если же таких обстоятельств не имеется, целесообразно арестовать электронные деньги на тех же кошельках, на которых они хранятся, путем вынесения постановления о наложения ареста на них и предоставления его в соответствующий банк-эмитент для исполнения. В случае, если имеются основания полагать, что может быть осуществлен несанкционированный следствием вывод электронных денег, следует их перевести на кошельки, подконтрольные органу уголовного преследования. С данной целью необходимо получить санкцию прокурора на наложение ареста на электронные деньги; при этом в постановлении о наложении ареста должен быть указан идентификатор служебного кошелька, на который будет осуществлен перевод, после чего его осуществить в порядке, представленном в вышеуказанных алгоритмах.

Заключение

Представленные алгоритмы действий при обнаружении криптовалют и электронных денег с целью наложения на них ареста, а также их реализации обобщают имеющийся опыт с учетом требований и нововведений законодательства Республики Беларусь. Использование вышеуказанного алгоритма позволяет органу уголовного преследования эффективно выполнять возложенные на него обязанности по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, специальной конфискации, других имущественных взысканий. Представленные алгоритмы позволят процессуально и тактически грамотно обнаруживать, фиксировать и изымать криптовалюты и электронные деньги, а также накладывать на них арест. Обнаруженные пробелы в законодательстве и пути их решения – необходимость замены понятия «криптовалюта» на «токены» в ст. 132 УПК, а также предоставления возможности открытия электронных кошельков в иностранных платежных системах правоохранительными органами, позволят более эффективно и оперативно выполнять возложенные на них обязанности.

Список цитированных источников

1. Филатова, М. А. Анализ криптовалюты в мировой финансовой системе с позиции уголовного права (на примере Bitcoin) / М. А. Филатова // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Рос. конгресса уголовн. права, Москва, 29–30 мая 2014 г. / Моск. гос. ун-т; редкол. : В.С. Комиссаров [и др.]. – М, 2014. – С. 216–223.

2. Ализаде, В. А. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты / В. А. Ализаде, А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 6. – С. 281.

3. Кучеров, И. И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты / И. И. Кучеров // Рос. следователь. – 2018. – № 12 – С. 17–22.

4. Долгиева, М. М. Конфискация криптовалюты / М. М. Долгиева // Законность. – 2018. – № 11. – С. 45–49.

5. Мухин, И. Г. Криптовалюты и блокчейн-технологии: оценка рисков и угроз / И. Г. Мухин // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол. : С. Я. Аземша [и др.]. – Минск, 2018. – С. 218–121.

6. Бушкевич, Н. С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество / Н. С. Бушкевич // Предварительное расследование. – 2019. – № 1. – С. 63–67.

7. Хилюта, В. В. Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав? / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Зайцев, В. П. Наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: коротко о главном / В. П. Зайцев, В. В. Мелешко // Предварительное расследование. – 2020. – № 1. – С. 85–89.

9. Белорусский крипторынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belmarket.by/news/news-50807.html. – Дата доступа: 24.05.2022.

10. Программное обеспечение Icecream screen recorder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://icecreamapps.com/ru/Screen-Recorder. – Дата доступа: 24.05.2022.

11. Токенизированные активы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forklog.com/chto-takoe-tokenizirovannye-aktivy. – Дата доступа: 24.05.2022.

Аннотация. На основе обобщения практики расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют и электронных денег, представлены алгоритмы наложения на них ареста, их реализации в обмен на фиатные валюты. На основе выявленных проблем правового регулирования наложения ареста на криптовалюты и электронные деньги представлены предложения по изменению законодательства с целью совершенствования указанного института.

ON THE QUESTION OF ARRESTING CRYPTOCURRENCIES AND ELECTRONIC MONEY, THEIR EQUIVALENTS. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Melnik L.L.

Keywords: investigation of crimes, seizure of property, information technology, cryptocurrencies, electronic money, computer information, examination of computer information.

Abstract. Based on a generalization of investigating practice of crimes which committed with use of cryptocurrencies and electronic money, algorithms for their seizing, and implementation in exchange to fiat currencies are presented. Based on the identified problems of legal regulation in connection with the discovery of cryptocurrencies and electronic money, proposals are put forward to identify legislation, in order to identify in order to identify.

УДК 343.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Моисеева И.А.

Ключевые слова: медиация, уголовно-правовой конфликт, возмещение ущерба, примирение сторон, потерпевший, обвиняемый, освобождение от уголовной ответственности.

Введение

Развитие уголовной юстиции в последнее десятилетие характеризуется поиском наиболее эффективных механизмов разрешения уголовно-правового конфликта, возникающего в результате совершенного лицом противоправного деяния. Этот конфликт включает в себя такие аспекты, как: возмещение вреда лицу, в отношении которого было совершено деяние; восстановление порядка, нарушенного в результате преступления; восстановление нормальной жизнедеятельности потерпевшего после преступления; ресоциализация осужденного в целях предотвращения повторного совершения им преступления. Эти задачи не могут быть решены без определенных изменений в системе уголовного судопроизводства. Данные обстоятельства предопределили введение медиации в уголовный процесс Республики Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [1] были внесены изменения, согласно которым в уголовном процессе появилась медиация. Так, в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) даны определения понятий «медиативное соглашение», «медиатор» и «медиация», а ст. 30-1 УПК предусматривает порядок ее проведения. Данные нововведения безусловно являются прогрессивными, однако возникают определенные вопросы о реальности широкого применения медиации в уголовном судопроизводстве на практике.

Применение медиации в уголовном процессе находится в процессе становления. За последнее десятилетие она стала предметом изучения в монографиях Л.М. Карнозовой [2], Ю.В. Кувалдиной [3], Ю.В. Деришев и Е.Е. Забуги [4], В.В. Колесник и Н.В. Федоренко [5] и др.

Автор согласен с Э.С. Каминским в том, что в настоящее время не существует научно обоснованного алгоритма, позволяющего следователю и прокурору с учетом как публичных, так и частных интересов в досудебном уголовном производстве выбирать между традиционным осуждением

и альтернативным способом разрешения уголовно-правового конфликта, которым является медиация [6, с. 5].

Основная часть

Согласно п. 14-2 ст. 6 УПК под медиатором понимают не заинтересованное в исходе уголовного дела лица, которое участвует в переговорах между обвиняемым и потерпевшим в целях оказания содействия их примирению. Медиатор должен отвечать требованиям законодательства. В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» [7] медиатором может быть лицо с высшим образованием, которому Министерство юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации выдало свидетельство медиатора.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О медиации» конфиденциальность является одним из основных ее принципов. Так, ст. 16 обязывает медиатора сохранять конфиденциальность всей информации, относящейся к медиации. Медиатор не вправе без письменного согласия сторон разглашать любую информацию, относящуюся к медиации, которая стала ему известна в ходе ее проведения. Конфиденциальность медиатора имеет определенные исключения, установленные действующим законодательством Республики Беларусь. В отличие от членов семьи и близких родственников обвиняемого, священнослужителя и защитника, на медиатора не распространяется примечание к ст. 406 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), освобождающее его от уголовной ответственности за недонесение о преступлении. Следовательно, если медиатор во время проведения медиации узнает о совершенном лицом преступлении (другом, не в рамках которого проводится медиация), он обязан о нем сообщить. Распространяется ли эта обязанность на медиатора в случае, если он узнал об обстоятельствах расследуемого преступления, которые выходят за рамки предмета спора, разрешаемого в медиации? И узнав о них, не может ли он быть допрошен по данному делу в качестве свидетеля? Напомним, что лицо не может отказаться от дачи показаний в качестве свидетеля. В случае его отказа или уклонения будет стоять вопрос о привлечении к уголовной ответственности по ст. 402 УК.

Справедливости ради следует сказать, что за недонесение не о любом преступлении лицо привлекается к уголовной ответственности, а только о совершенном особо тяжком либо о готовящемся тяжком и (или) особо тяжком.

Согласно п. 13.1 Правил этики медиатора [8] и п. 14.1 Правил проведения медиации [9] медиатор вправе знакомиться с материалами дела. Соответственно, если мы ведем речь о материалах уголовного дела, то вполне логично возникает как минимум следующие вопросы:

1. Что конкретно из материалов всего уголовного дела относится к предмету спора в медиации?

2. С какими конкретно материалами уголовного дела может ознакомиться медиатор?

3. Следует ли брать с него подписку о неразглашении сведений, составляющих тайну следствия? На этом вопросе следует остановиться подробнее. Согласно п. 13.4 Правил этики медиатора и п. 14.4 Правил проведения медиации медиатор может получать необходимые консультации у специалистов. Имеет ли он на это право в рамках оказания содействия

по урегулированию спора в рамках уголовного дела и не будет ли это расценено как разглашение сведений, составляющих тайну следствия?

Далее. Согласно п. 13.6 Правил этики медиатора и п. 14.6 Правил проведения медиации медиатор вправе проводить индивидуальные переговоры с каждой из сторон. Каким образом это будет осуществляться, если в отношении обвиняемого лица избрана мера пресечения в виде заключения по стражу?

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: медиация будет применяться на практике в том случае, если каждая из сторон (обвиняемый и потерпевший) будет видеть для себя положительные результаты от участия в ней. И эти результаты проще и выгоднее будет получить, чем без проведения процедуры медиации.

Согласно ст. 27 УПК в обязанности органа уголовного преследования входит принятие мер по обеспечению возмещения причиненного потерпевшему вреда (имущественного ущерба и материального возмещения морального вреда).

В соответствии со ст. 28 УПК пострадавшее от преступления лицо по делу частного обвинения вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от обвинения. Согласно ч. 6 ст. 26 УПК производство по уголовному делу в таком случае может быть прекращено (автор подчеркивает еще раз: может быть прекращено, а не прекращается) при наличии оснований, указанных в ст. 89 УК.

Примириться с потерпевшим и на этом основании быть освобожденным от уголовной ответственности может только лицо, которое: 1) совершило не представляющее большой общественной опасности преступление или 2) впервые совершило менее тяжкое преступление.

Вред, причиняемый преступлением, бывает физический, имущественный и моральный. Если потерпевший готов идти на примирение с обвиняемым, то стороны оговаривают сумму причиненного вреда и (или) способ его возмещения. Могут быть разные способы возмещения вреда (например, возврат украденной вещи или ремонт сломанной вещи, компенсация ущерба в денежном выражении). Если между обвиняемым и потерпевшим достигнуто соглашение (обвиняемый возместил вред в полном объеме и примирился с потерпевшим), то потерпевший констатирует факт полном возмещении материального и морального вреда, причиненного преступлением, и о том, что он претензий к обвиняемому не имеет. По одному и тому же уголовному делу потерпевшими могут быть признаны несколько лиц. В таком случае примирение должно быть достигнуто с каждым из них.

Возбужденное уголовное дело в соответствии со ст. 30 УПК может быть прекращено в связи с примирением с потерпевшим 1) следователем, ведущим уголовное дело, 2) прокурором и 3) судом. То есть действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь дает три шанса на прекращение уголовного дела. Следовательно, если не удалось примириться на стадии предварительного следствия, есть еще возможность сделать это в суде (до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора).

И даже в случае отказа органа, ведущего уголовный процесс, в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в порядке медиации, медиативное соглашение будет положительным фактором в рассмотрении уголовного дела в суде при решении суда как о виде, так и размере наказания, а также в качестве гарантии

того, что потерпевший не будет предъявлять дополнительные претензии о возмещении ему вреда, причиненного преступлением, в суде.

Казалось бы, вот заинтересованность в медиации для обвиняемого, который имеет возможность примириться с пострадавшей стороной, возместив ей причиненный вред. Однако говорить о широком применении такого основания освобождения от уголовной ответственности, как примирение с потерпевшим, в судебной практике пока рано. Согласно статистике Верховного Суда Республики Беларусь, процент лиц, дела которых прекращены судом по такому основанию, составляет 30 % (706 из 2326 в 2019 г. и 565 из 1858 в 2020 г.). В первой половине 2021 г. этот показатель стал несколько выше и составил 39 % (241 из 620) [10, с. 86–87].

И этому есть причины. Даже несмотря на достигнутое сторонами соглашение, прокурор может осуществлять уголовное преследование независимо от позиции лица, пострадавшего от преступления (ч. 2 ст. 28 УПК), если этого требует защита прав граждан, а также государственных или общественных интересов (ч. 6 ст. 26 УПК).

Так, например, по приговору суда Б. был признан виновным в систематическом нанесении побоев, не повлекшем последствий, предусмотренных ст. 147, 149 УК. Он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, по месту жительства потерпевшей П. и вне ее жилища на улице систематически наносил последней побои.

Прокурор возбудил уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 154 УК, при отсутствии заявления пострадавшей от преступления П., мотивировав свое решение тем, что «совершенное Б. преступление имеет значительную степень отрицательного влияния на интересы государства и общества, так как обвиняемый проявил пренебрежение к сложившимся в обществе устоям и принципам нравственности, систематически в состоянии алкогольного опьянения применяя насилие к потерпевшей. При этом его преследование в порядке производства по делам об административных правонарушениях не осуществлялось ввиду отсутствия заявлений пострадавшей» [11].

Судебная коллегия областного суда оставила приговор в отношении Б. без изменения, а его кассационную жалобу, в которой он просил приговор отменить, так как в деле отсутствует заявление потерпевшей о привлечении его к ответственности, без удовлетворения.

В соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» [12] применение ст. 89 УК допускается при наличии достаточных данных, свидетельствующих об отсутствии необходимости применения наказания или иных мер уголовной ответственности к обвиняемому. Следовательно, помимо условий, указанных в ст. 89 УК, орган, ведущий уголовный процесс, будет учитывать данные, характеризующие личность обвиняемого, обстоятельства преступления, предшествующее и последующее поведение лица.

Приведем пример из судебной практики. К. был признан виновным в совершении умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, сопровождающихся

применением насилия (хулиганстве). Он принес потерпевшему свои извинения и полностью возместил причиненный преступлением вред. Обвиняемый К. примирился с потерпевшим. Потерпевший не имел к нему никаких претензий и просил суд не привлекать К. к уголовной ответственности. Обвиняемый К. ранее к уголовной ответственности не привлекался, работал, имел постоянное место работы, характеризовался положительно, на иждивении имел двое малолетних детей.

Судебная коллегия по уголовным делам Брестского областного суда отказала обвиняемому К. в удовлетворении апелляционной жалобы на приговор суда, в которой К. просил приговор отменить, применить к нему ст. 89 УК, освободить его от уголовной ответственности, а производство по уголовному делу прекратить. Отказывая обвиняемому К. в удовлетворении ходатайства об освобождении его от уголовной ответственности на основании ст. 89 УК, суд мотивировал свое решение тем обстоятельством, что «неоднократное привлечение обвиняемого К. к административной ответственности не достигло цели его воспитания и предупреждения совершения им новых правонарушений» [13].

В другом случае государственный обвинитель в частном протесте ставил вопрос об отмене постановления суда об освобождении Х. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 186 УК, в связи с примирением с потерпевшей. В своем протесте государственный обвинитель указал, что суд не в полной мере дал оценку личности обвиняемого, совершившего преступление в период неснятой и непогашенной судимости за преступление, предусмотренное ст. 364 УК, которое сопровождалось применением физического насилия и угроз. Кроме того, Х. был привлечен к административной ответственности за нанесение побоев потерпевшей. Государственный обвинитель полагал, что прекращение уголовного дела в отношении Х. не соответствует задачам уголовной ответственности. Судебная коллегия, рассмотрев дело, пришла к выводу, что постановление суда в отношении Х. подлежит отмене, а уголовное дело направляется на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства [14].

Также важно понимать, что прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим – это прекращение по нереабилитирующим основаниям (ч. 4 ст. 30 УПК). То есть обвиняемый будет признан виновным в совершении преступления, но будет признано отсутствие необходимости привлечения его к уголовной ответственности за это.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что следовало бы разрешить указанные противоречия, что, безусловно, способствовало бы развитию института медиации в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь.

Одна из задач уголовного судопроизводства – это обеспечение законных прав и интересов лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. Медиация же является альтернативным способом разрешения уголовно-правовых конфликтов, который позволяет достичь этой задачи наиболее быстрым и эффективным способом и при этом рационально использовать имеющиеся процессуальные ресурсы.

На сегодняшний день возникла необходимость обеспечения баланса публичных и частных правовых интересов при разрешении уголовно-правового конфликта. Безусловно, что компромисс интересов сторон этого конфликта может быть достигнут не только в порядке медиации, но и в рамках традиционного уголовного процесса, когда суд обязывает обвиняемого возместить потерпевшему вред, причиненный преступлением. Однако избрание такого способа разрешения уголовно-правового конфликта увеличивает сроки уголовного судопроизводства, а следовательно, и сроки, в течение которых потерпевшему может быть реально возмещен ущерб, что проводит к нерациональному использованию трудовых ресурсов и экономических затрат на эти ресурсы, а также не гарантирует желание обвиняемого возместить вред в кратчайшие сроки.

Для развития института медиации в уголовном процессе требуется разработать алгоритм, позволяющий следователю и прокурору уже в ходе досудебного производства по уголовным делам сделать выбор между традиционным осуждением и альтернативным способом разрешения уголовно-правового конфликта.

Список цитированных источников

1. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-З [Электронный ресурс] : ЭТАЛОН ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100112. – Дата доступа: 05.08.2022.

2. Карнозова, Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография / Л. М. Карнозова ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М. : Проспект, 2014. – 262 с.

3. Кувалдина, Ю. В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : монография / Ю. В. Кувалдина. – М. : Юстиция, 2016. – 2-е изд. – 251 с.

4. Деришев, Ю. В. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : монография / Ю. В. Деришев, Е. Е. Забуга. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 221 с.

5. Колесник, В. В. Медиативное соглашение в рамках уголовно-процессуального законодательства : монография / В. В. Колесник, Н. В. Федоренко. – Ростов-на-Дону : АзовПринт, 2018. – 91 с.

6. Каминский, Э. С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э. С. Каминский. – М., 2021. – 26 с.

7. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Об утверждении Правил этики медиатора [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 17 янв. 2014 г., № 15 : в ред. постановления Министерства юстиции Респ. Беларусь от 29.05.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Об утверждении Правил проведения медиации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 2013 г., № 1150 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 24.06.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Моисеева, И. А. Расширение диспозитивных начал разрешения уголовно-правовых конфликтов в Республике Беларусь / И. А. Моисеева // Сацыяльна-эканам. і правав. даследаванні. – 2022. – № 2(68). – С. 82–87.

11. Определение судебной коллегии по уголовном делам областного суда от 07.02.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/144011/%D1%87.%205%20%D1%81%D1%82.%2026%20%D0%A3%D0%9F%D0%9A?searchKey=vojg&searchPosition=14#M100018. – Дата доступа: 05.08.2022.

12. О практике применения статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 30.06.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

13. Определение судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда от 07.06.2022 (дело № 18У22131/А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/176520/%D1%81%D1%82.%2089%20%D0%A3%D0%9A?searchKey=nvw4&searchPosition=1#M100016. – Дата доступа: 05.08.2022.

14. Определение судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 09.06.2021 (дело № 71У2133/А) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/169221/%D1%81%D1%82.%2089%20%D0%A3%D0%9A?searchKey=nvw4&searchPosition=7#M100012. – Дата доступа: 05.08.2022.

Аннотация. В соответствии со ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь задачей уголовного процесса является защита как публичных, так и частных интересов, а именно: защита личности, ее прав и свобод, защита интересов общества и защита интересов государства. Традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешать указанные задачи. Соответственно, актуальными являются вопросы о развитии примирительных процедур, в частности медиации, которые позволят разрешить уголовно-правовой конфликт и удовлетворить как материальные претензии потерпевшего, так и его психоэмоциональные потребности, а также достичь цели превенции. В статье автор анализирует теоретические и практические вопросы применения медиации в уголовном процессе Республики Беларусь и делает выводы о том, что в настоящее время требуется разработать четкий алгоритм разрешения уголовно-правового конфликта посредством медиации.

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF THE APPLICATION OF MEDIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Maiseyeva I.A.

Keywords: mediation, criminal law conflict, compensation, reconciliation of parties, victim, accused, exemption from criminal responsibility.

Abstract. Pursuant to article 7 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, the purpose of criminal proceedings is to protect both public and private interests, namely the protection of the individual, his or her rights and freedoms, the protection of the interests of society and the protection of the interests of the state. The traditional criminal procedure does not always allow for these tasks to be successfully completed. Consequently, the development of conciliation procedures, in particular mediation, is relevant, which would allow the resolution of criminal law conflicts and satisfy both the material claims of the victim and his psycho-emotional needs, as well as achieving the goal of prevention. The author analyses theoretical and practical issues of mediation in criminal proceedings in the Republic of Belarus and concludes that a clear algorithm for the resolution of criminal law conflicts through mediation is now required.

УДК 351/354

РОЛЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ФОРМИРОВАНИИ СЕРВИСНОЙ МОДЕЛИ ПОЛИЦИИ

Отепова Г.М.

Ключевые слова: реформа в системе органов внутренних дел, сервисная модель полиции, сервис, оптимизация, сотрудник полиции, доверие населения.

Введение

Преступность существовала со времен создания человечества и вопросы ее природы, условия возникновения на протяжении столетий волнуют ученых всего мира. Наукой выявлены закономерности, причины роста преступности, являющегося индикатором уровня благополучия общества, однако при всей своей просвещенности в части регулирования данного процесса перед каждым государством возникает вопрос, какую цену готово заплатить то или иное сообщество для обеспечения своей безопасности.

В 2018 г. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана обозначил необходимость перевода работы полиции на сервисную модель в целях формирования в сознании граждан понятия о полицейском не как о карателе, а как о помощнике [1]. Им было дано конкретное поручение о старте данной реформы с 1 января 2019 г. Это стало отправной точкой для Министерства внутренних дел Республики Казахстан в изучении международного опыта и выработки концепции, наиболее отвечающей особенностям национального законодательства и общества.

С первых дней вступления в должность Касым-Жомарт Токаев неоднократно подчеркивал, что «Реформы ради реформ – это реальный путь к потере государства», тем самым давая установку к уходу от «кампанейщины» и проведению реформирования по мере необходимости [2]. Глава государства четко обозначил продолжение демократического курса развития страны, в котором главенствующую роль отвел гражданскому обществу и транспарентности перед ним.

Основная часть

Следует отметить, что общественностью в Казахстане широко обсуждается вопрос перехода на сервисную модель полиции, в основном в результате низкой оценки уровня доверия населения к правоохранителям. Одни обозреватели данный процесс связывают с кризисом во внутренней политике страны, другие склонны рассматривать его как следствие перехода на качественно новый уровень развития национального права.

Касательно первой позиции можно отметить, что в своих выступлениях Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев неоднократно заявлял о кризисе в государственном аппарате и необходимости скорейшего перехода к реализации концепции «Слышащего государства», ориентированного на сервисную модель, подразумевающую подотчетность населению и транспарентность, прозрачность деятельности институтов государства.

Понятие кризиса предполагает переломную ситуацию в развивающейся смене событий, полной угроз, требующую незамедлительных действий,

принуждающую к принятию кардинальных решений в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности [3].

Наряду с этим, Концепцией правовой политики определены приоритетные направления государственного планирования в области национального права, среди которых дальнейшее совершенствование деятельности правоохранительных органов с закреплением степени доверия населения в качестве критерия эффективности [4].

Независимо от причин способствующим переменам, данный процесс запущен и необратим.

При переходе к Сервисной модели полиции ключевым понятием является слово «сервис». Сервис от латинского «service» – служение; производные латинские слова «servio» – служить, обслуживать и «servus» – служилый, раб, подневольный [5].

В словаре С.И. Ожегова слово «сервис» тождественно слову «обслуживать», т. е. «Работать по удовлетворению чьих-н. нужд» [6].

Д.Н. Ушаков в качестве одного из вариантов предлагает понятие «сервис» как производное от английского неологизма «service»: «Совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него (быстрая починка носильных вещей, доставка покупок на дом, справочное дело и т. д.)» [7].

В нашем обществе данное слово больше ассоциируется со сферой «обслуживания», и при применении его в словосочетании «сервисная модель» подразумевает конкретный тип оказания услуг. Понятие «сервис» стало в своем роде мерилом качества их предоставления (к примеру, отличный сервис).

Согласно международному опыту сервисная полиция – это такой подход к полицейской деятельности, при котором идеология и организационная стратегия полиции направлены на оказание качественных полицейских услуг гражданам и на решение проблем безопасности в партнерстве с обществом.

С учетом современной конституционной теории главным характерным признаком правового государства является обеспечение нормальной жизни для гражданского общества, состоящей из общественного порядка, который, в свою очередь, невозможен без общественной безопасности. Обеспечение общественного порядка и безопасности связано с соблюдением соответствующих правил, составляющих систему организационных и правоохранительных мер поведения людей в различных сферах социальной жизни. К ним относятся правила: дорожного движения, поведения в общественных местах, обращения с огнестрельным оружием, борьбы со стихийными и техногенными бедствиями, а также другие мероприятия, соблюдение которых осуществляется посредством предупреждения, пресечения и привлечения к ответственности.

Гражданское общество не способно обеспечить правопорядок, т. к. собственно люди, из которых оно состоит, в силу своей природы нарушают установленные сообществом правила по соблюдению правопорядка. Соответственно, обязанность по обеспечению общественного порядка, нормальной жизнедеятельности общества делегируется государству, а именно: его правоохранительному органу.

Что же есть полиция с высоким качеством обслуживания для национального гражданского общества? По каким параметрам граждане Казахстана сегодня

оценивают работу сотрудников правоохранительной системы? Многочисленные социальные исследования, проводимые как ведомственными научными учреждениями в рамках реализации поручения Главы государства, так и неправительственными организациями показали следующее. Население республики среди предпочтительных качеств полицейского выделяет: законность, своевременность, качество, вежливость и информированность.

Эти требования были учтены и нашли отражение в принципах национальной сервисной модели полиции, таких как шаговая доступность, тесное партнерство с населением, прозрачность и подотчетность.

Первичным звеном реформирования правоохранительной системы определено развитие сервисной модели полиции, где главная роль отведена сервисному подходу, строящемуся на установлении партнерских взаимоотношений с обществом, с передачей главенствующего значения мнению населения конкретной территориальной единицы, наряду с обеспечением программы шаговой доступности к полиции.

Масштабная работа проделана Министерством внутренних дел Республики Казахстан во взаимодействии с местными исполнительными органами в части исполнения поручений Главы государства по реализации программы «Полиция в шаговой доступности». Так, только в 2021 г. введен в эксплуатацию 91 современный участковый пункт и 61 модульный пост полиции, в общественных местах и на автомагистралях устанавливаются устройства «Кнопка SOS», функционирует мобильное приложение «102», позволяющее сотрудникам полиции в онлайн-формате посредством видеозвонка оперативно реагировать на обращения граждан [8].

95 % государственных услуг (38 из 40), оказываемых гражданам полицейскими, переведены в электронный формат, что значительно сокращает время и упрощает порядок их получения, а также снижает коррупционные риски.

Для удобства жильцов многоквартирных домов в мессенджерах WhatsApp созданы общедомовые чаты с участковыми инспекторами полиции, в которых обсуждаются проблемы, связанные с проживанием в кондоминиуме, в том числе по вопросам охраны общественного порядка и безопасности граждан, что позволяет правоохранителям практически незамедлительно реагировать на нужды граждан.

Среди мероприятий по своевременному информированию граждан об особенностях и внесенных изменениях и дополнениях в действующее законодательство можно отметить организацию оперативно-профилактических мероприятий «Приемная на дороге», «Приемная во дворе». В свою очередь, для сохранения действующего личного состава приняты меры по повышения заработной платы и улучшению социального пакета сотрудников подразделений патрульной полиции и участковых инспекторов полиции.

Наряду с этим, в Республике Казахстан для перехода на сервисную модель имеется правовая и организационная основа. Внесены изменения в Кодексы об уголовных и административных правонарушениях, приняты отраслевые Законы, в том числе «О профилактике правонарушений», «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних», «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» и др., способствующие органичному

переходу казахстанских полицейских от традиционной к сервисной модели работы.

Функционируют соответствующие государственные и общественные институты. Созданы Межведомственные комиссии по профилактике правонарушений на центральном, региональном и районном уровнях.

Действует местная полицейская служба, в состав которой входят подразделения участковых инспекторов полиции, участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних, защиты женщин от насилия, с реформы которой Президент поручил начать соответствующую работу.

В качестве третьего ключевого компонента представлена профилактика правонарушений с элементами коллективного сервиса, подразумевающая пресечение преступной деятельности на начальном этапе, когда преступник только замышляет, планирует совершение определенного деяния (т. е. на стадии, когда его деятельность еще не является уголовно наказуемой). Соответственно, деятельность полиции в большей мере будет связана с профилактической деятельностью, в результате которой лицо отказывается от совершения преступных действий, нежели с процессом раскрытия преступлений, что обуславливает взаимодействие институтов государственного управления и общественности в вопросах профилактики правонарушений (трудоустройство безработных граждан, организация занятости, досуга несовершеннолетних, установка в общественных местах системы видеонаблюдения, сигнализации, оборудование надлежащего освещения улиц и дворов жилых многоквартирных домов и т. д.).

Именно эту деятельность предлагается взять в качестве основного критерия при оценке конкретных сотрудников органов внутренних дел.

Следует отметить, что данный элемент одним из первых был протестирован на территории Карагандинской области и получил высокую оценку как со стороны местного населения, так и руководства профильного ведомства, впоследствии принявшего решение о масштабировании данной работы. В настоящее время элементы коллективного сервиса в вопросах профилактики правонарушений применяются также на территории Актюбинской, Павлодарской областей, а также городов Нур-Султан и Алматы.

Вместе с тем гражданское общество в силу исторических, политических и субъективных аспектов в определенной степени затеоретизировано. Большая часть его представителей рассуждает о личности полицейского предвзято, и вызвано это в первую очередь всеобщим настроением потребительского отношения к власти. Граждане, выражая свое отношение к деятельности, будь то участкового инспектора полиции или сотрудника патрульной полиции, словно забывают, что он, полицейский, такой же гражданин этой страны, с ментальностью, присущей народу, чей уровень жизни значительно уступает среднестатистическому, опять же в силу профессиональных издержек.

Кроме того, Концепцией определен четвертый компонент национальной модели сервисной полиции, а именно: подотчетность и прозрачность, обеспечиваемых через механизмы внутреннего и внешнего контроля, представляющих стандарты профессиональной деятельности, оценку, мониторинг, аттестацию полицейских и контроль вышестоящих органов, надзорных структур, парламентского, судебного контроля, институтов

гражданского общества, в том числе неправительственных организаций, средств массовой информации.

На сегодняшний день среди подобных инструментов в национальном обществе применяется систематическое заслушивание маслихатов, Общественных советов, отчетов о результатах деятельности органов внутренних дел, организация местными исполнительными органами отчетных встреч перед населением как со стороны первых руководителей органа внутренних дел, так и участковых инспекторов полиции конкретных административных участков.

В мировой практике реформы, проводимые в правоохранительной системе, прежде всего затрагивают внутреннюю структуру ее устройства, скажем так, организацию процесса, и, как правило, это выражается в оптимизации кадрового состава. И здесь даже при наличии четкого понимания закономерности и необходимости данного процесса возникает ряд обстоятельств, доказывающих обратный ожидаемому эффекту.

Понятие оптимизации больше из категории терминов бизнес-процессов, где необходимо разграничивать оптимизацию численности работников и оптимизацию работы персонала. В целом же процесс оптимизации – это попытка добиться больших результатов при наименьших затратах. Современная наука насчитывает огромное количество методик ее реализации, вместе с тем наиболее предпочтительным для Министерства внутренних дел Казахстана, как показывает 30-летняя история, становится уменьшение затрат на трудовую деятельность посредством сокращения персонала.

В то же время среди методов оптимизации, связанных с уменьшением затрат, существуют такие, которые заключаются в повышении квалификации сотрудников и, соответственно, улучшении эффективности их трудовой деятельности, однако на местах руководители применяют метод, связанный с избавлением от неэффективных сотрудников. И здесь возникает закономерный вопрос: откуда собственно появляются в системе органов внутренних дел «неэффективные» сотрудники?

Широко известно о сложностях трудоустройства в правоохранительную систему, о жесткой системе отбора кандидатов. Вместе с тем по прошествии определенного времени персонал, отобранный по заданным параметрам, становится нежелательным. Напрашивается вывод: либо отбор был проведен некачественно, либо организация работы в определенных подразделениях органа оставляет желать лучшего. Вне зависимости от полученного ответа перед нами будет стоять одна и та же задача – улучшение организационной структуры, т. к. и в первом и во втором случае мы будем иметь дело с ненадлежащей организацией труда с разницей лишь в адресате.

Национальный процесс оптимизации органов внутренних дел, проводимый с целью снижения затрат по обеспечению трудовой деятельности, не затрагивает материально-технического обеспечения территориальных подразделений ведомства: ежегодно увеличиваются расходы на приобретение, содержание и обслуживание автотранспорта, радио-, видео-, электронно-вычислительной техники, систем видеонаблюдения, создание, приобретение и обслуживание программ системного обеспечения и т. д. С учетом положений Концепции правовой политики процесс цифровизации правоохранительной системы будет продолжен [4].

Безусловно, в условиях глобализации и цифровизации преступности увеличение технического оснащения системы органов внутренних дел крайне важный процесс, но не менее актуальным для нас представляется вопрос трансформации полиции в части демократизации и сближения с народом. Трагические события, произошедшие в Казахстане в январе 2022 г., стали индикатором отношения народа к правоохранительным органам. Людская жестокость, зверство, сопровождавшие организованные террористами беспорядки, стали точкой невозврата. История казахстанской полиции навсегда будет разделена на «До» и «После».

На наш взгляд, каждый сотрудник полиции задумался над тем, насколько он предан службе, о степени осознанности выбора данной профессии? Каким должен быть «полицейский»? Как следует выстраивать взаимоотношение с населением, чтобы вызвать доверие и уважение?

Заключение

В заключение хотелось бы выразить радость по поводу научного подхода, применяемого при апробировании «Сервисной модели полиции», наблюдений за внедрением отдельных компонентов в различных территориальных единицах. Но, как не печально это звучит, большая часть сотрудников органов внутренних дел еще очень далека от «глубинного изменения мышления», что является основополагающим в системе всех предложенных компонентов данной программы.

Лишь через внутреннюю трансформацию каждого сотрудника, его мотивов и мотивации к ежедневно выполняемой работе, отношения к окружающим: к коллегам по работе, представителям служб взаимодействия и обычным гражданам, в том числе нарушающим правопорядок, мы можем говорить о возможном, хочу подчеркнуть возможном, успешном завершении данного эксперимента.

Можно «переодеть» сотрудника, научить, заставить его обращаться к гражданам с фразой: «Чем я могу Вам помочь?», но гарантирует ли это культуру, вежливость, честность, добросовестность, справедливость, доброжелательность, человеколюбие?

Изменения в системе органов внутренних дел не должны ограничиваться трансформацией формальных признаков: оптимизацией штатов либо рабочих процессов, сменой форменного обмундирования, названия органа. Важно определиться с целью проведения реформирования и, уже исходя из нее, поставить задачи по ее реализации, и непременно позаботиться о разработке механизмов по их осуществлению.

Список цитированных источников

1. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана, 5 окт. 2018 г. Рост благосостояния казахстанцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g.

2. «Реформы ради реформ»: Токаев рассказал о пути к потере государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nur.kz/politics/power/1814910-a-protiv-krajnosti-tokaev-rasskazal-o-tom-kak-budut-provoditsa-reformy-v-kazahstane/?ysclid=l3hjodijo5.

3. Протасеня, Ю. Е. Теоретические основы понятия «Кризис» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-krizis?ysclid=l7twyeaw3r975605720.

4. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года : Указ Президента Респ. Казахстан, 15 окт. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674.

5. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : «Русский язык», 2002.

7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : «Русский язык», 1988.

8. В МВД объяснили, как будет внедряться сервисная модель полиции в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mail.kz/ru/news/kz-news/v-mvd-obyasnili-kak-budet-vnedryatsya-servisnaya-model-policii-v-kazahstane.

Аннотация. Статья посвящена вопросам реформирования в системе органов внутренних дел. В ней предлагается общий обзор компонентов апробируемой в Республике Казахстан сервисной модели полиции. С учетом изученных автором законодательных актов, научных публикаций относительно сервисной модели деятельности полиции, мнений отечественных и зарубежных общественных деятелей и ученых раскрывается проблематика проводимых мероприятий, в частности, по формированию и оптимизации кадрового состава.

THE ROLE OF POLICE PERSONNEL IN THE FORMATION OF THE SERVICE MODEL OF THE POLICE

Otepova G.M.

Keywords: reform in the system of internal affairs bodies, police service model, service, optimization, police officer, public trust.

Abstract. The article is devoted to the issues of reform in the system of internal affairs bodies. It offers a general overview of the components of the police service model being tested in the Republic of Kazakhstan. Taking into account the legislative acts studied by the author, scientific publications concerning the service model of police activity, the opinions of domestic and foreign public figures and scientists, the problems of the activities carried out, in particular on the formation and optimization of personnel, are revealed.

УДК 343.137.5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Петрова О.В.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальная политика, производство по делам несовершеннолетних, меры пресечения, доказывание.

Введение

Совершенствование правового положения несовершеннолетних в уголовном процессе невозможно без понимания концептуальных подходов законодателя. Как правило, анализ системного совершенствования производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних осуществляется через соотнесение международных стандартов с национальным законодательством и практикой его применения [1; 2; 3].

Так, следует обратить внимание, что целый ряд международно-правовых норм и региональных требований, в том числе Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. (далее – Пекинские правила), Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., ряд рекомендаций и стандартов на уровне ООН и региональном уровне формируют различные модели международно-правовой концепции производства по делам несовершеннолетних: ювенальной юстиции, дружественного ребенку правосудия, правосудия для несовершеннолетних.

Реформирование уголовной политики в отношении преступности несовершеннолетних путем создания самостоятельной системы ювенальной юстиции позволяет комплексно подходить к проблеме противодействия ей, обеспечить как комплексность правовой защиты несовершеннолетнего, так и эффективность в достижении целей.

Вместе с тем важным представляется понимание развития национального законодательства, исходя из исторических предпосылок формирования собственного подхода к уголовно-правовым и уголовно-процессуальным механизмам противодействия преступности несовершеннолетних.

Основная часть

Представляется возможным осуществлять целостный анализ уголовно-процессуального законодательства через модель уголовной и уголовно-процессуальной политики. Содержанием уголовной политики является определение целей и задач, а также выработка средств и методов борьбы с преступностью. Целью уголовной политики можно считать как обеспечение безопасности в обществе, так и противодействие конкретным социально опасным явлениям, в том числе социально-опасному поведению подростков.

Признано понимание уголовно-процессуальной политики как компонента уголовной политики государства [3, с. 214]. С этой точки зрения она должна быть согласованной с уголовно-правовой, уголовно-исполнительной политикой и т. п. Кроме того, уголовно-процессуальная политика в отношении преступности несовершеннолетних является частью социальной политики [4, с. 64], в том числе молодежной политики в части ресоциализации подростков с девиантным поведением, т. к. правовая защита и социальная адаптация молодежи являются направлением государственной молодежной политики в Республике Беларусь.

Таким образом, независимо от имплементации каких-либо международных правовых требований в каждом государстве формируется собственная концепция противодействия преступности несовершеннолетних через уголовно-правовые, процессуальные и иные меры. В юридической науке модели уголовной политики в отношении преступности несовершеннолетних выделяют в «идеальные» модели. Адаптированное представление об «идеальных» моделях производства по делам несовершеннолетних (ювенальной юстиции) было представлено в работах Л.А. Шестаковой, которая называет:

1) модель индивидуализации обращения или реабилитационная модель;

2) карательная модель;

3) неореабилитационная модель;

4) восстановительная или альтернативная модель [6, с. 58].

Механизмы противодействия преступности несовершеннолетних формируются через правовые предписания уголовного законодательства и уголовно-процессуального законодательства.

Уголовный закон Республики Беларусь содержит раздел V, который определяет особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, а Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) – самостоятельную гл. 45, закрепляющую особенности производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет.

Применительно к детям в конфликте с законом в национальном законодательстве прежде всего определены особые условия наступления уголовной ответственности, круг наказаний и специальные принудительные меры воспитательного характера. Меры воспитательного характера реализуются в рамках системы защиты детей. Ведущая роль в данной системе принадлежит комиссиям по делам несовершеннолетних.

Исторический анализ позволяет утверждать, что основой уголовно-процессуальной политики в отношении преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь является появившаяся в советский период неореабилитационная модель (в представленной выше терминологии).

Вехой формирования такой модели следует назвать либеральные изменения дифференцированной формы судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц 1960-х гг. Закрепление специальных норм рассматривалось советскими юристами как победа гуманизма [7, с. 11].

Следует отметить, что многие дополнительные гарантии в отношении несовершеннолетних в действующем УПК Беларуси появились именно в Уголовно-процессуальном кодексе БССР 1960 г. (далее – УПК 1960 г.), принятом до появления международно-правовых принципов в данной области.

Вместе с тем в УПК 1960 г., в отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних не были сгруппированы в отдельную главу, а предусматривались в рамках обычных процедур. Представляется, что законодатель не рассматривал соответствующие изменения как появление нового процессуального института. Такое понимание возникает в 1990-х гг. под влиянием международно-правовой традиции.

Прежде всего УПК 1960 г. содержал целый ряд положений, направленных на имплементацию воспитательных мер (п. 5 ч. 1 ст. 5, ст. 307). Также были предусмотрен более ранний термин допуска защитника (ч. 2 ст. 49 УПК 1960 г.), что подтверждало признание особой уязвимости несовершеннолетних.

Более того, УПК 1960 г. предусмотрел статус законного представителя обвиняемого, свидетеля. На практике реализовывался принцип двойного представительства несовершеннолетнего (обязательное присутствие защитника и законного представителя) [8, с. 268; 9, с. 234]. Также была закреплена такая мера пресечения, как отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 97 УПК 1960 г.). Аналогичную меру предусмотрел и УПК Беларуси. В этом можно усматривать сохранение особой роли семьи, проявление ответственности близкого окружения, на которое возлагается контроль за поведением несовершеннолетнего.

Видение особой роли семьи или лиц, ее заменяющих, появившееся в советский период, законодатель реализует в настоящее время и в применении амнистии к несовершеннолетним. Норма ст. 24 Закона Республики Беларусь от 18 мая 2020 г. № 17–З «Об амнистии в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» предусматривала передачу несовершеннолетних, освобожденных от наказания на основании Закона, после прибытия их к месту жительства под контроль родителей, органов опеки и попечительства, в необходимых случаях определение этих несовершеннолетних в детские дома, детские деревни (городки), школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, профессионально-технические училища или их трудоустройство, а также принятие мер по недопущению совершения ими новых преступлений и проведению среди них воспитательной работы.

Обеспечивается реализация условий помилования при исполнении приговора за счет личного поручительства и наложения денежного взыскания на поручителей в случае осуждения лица за совершение после применения помилования нового умышленного преступления в течение неотбытой части наказания (ст. 403[1]УПК Беларуси).

Помимо указанных положений, нормы УПК 1960 г. уже предусматривали меры попечения о детях заключенного под стражу (ст. 93), а норма ст. 91 УПК 1960 г. гласила, что несовершеннолетние, подвергшиеся задержанию или предварительному заключению, должны были содержаться отдельно от взрослых лиц и осужденных несовершеннолетних.

По делам о преступлениях несовершеннолетних было обязательно предварительное следствие (ст. 123 УПК 1960 г.), т. е. закон отвергал упрощение уголовно-процессуальной формы при участии несовершеннолетних.

Кроме того, в ст. 150 УПК 1960 г. было предусмотрено участие педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, хотя и по усмотрению следователя. Согласно ст. 159 УПК 1960 г. педагог обязательно вызывался на допрос свидетеля, не достигшего 14 лет, а по усмотрению следователя – на допрос несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет.

Разумно, что упоминание психолога появляется только в УПК Беларуси, когда психологическая помощь появилась в системе образования. Вместе с тем международная концепция производства по делам несовершеннолетних не требует такого участия. И, на наш взгляд, такие гарантии могут рассматриваться как проявление национальной модели, ибо присутствие педагога при производстве следственных и процессуальных действий характерно для систем уголовного процесса постсоветского пространства.

Следует обратить внимание на отсутствие сегодня единого понимания сущности работы педагога или психолога, методологических основ его участия в правоприменительной практике [10]. Представляется, что обращение к анализу научной мысли советского периода поможет уяснить роль и задачи, как они задумывались изначально.

Далее норма ст. 151 УПК 1960 г. указывала, что при производстве предварительного расследования по делам несовершеннолетних подлежат выявлению следующие обстоятельства: возраст несовершеннолетнего; условия жизни и воспитания; причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетним; наличие взрослых подстрекателей

и соучастников, а в некоторых случаях и насколько несовершеннолетний мог полностью осознавать значение своих действий.

Фактически такой объем предмета доказывания был воспринят УПК Беларуси, где закреплена в ст. 89 необходимость установления по делам о преступлениях несовершеннолетних следующих обстоятельств:

1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);

2) условия жизни и воспитания;

3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;

4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.

Сходство формулировок показывает, что фактически специальный предмет доказывания по делам несовершеннолетних зародился в модели, представленной в УПК 1960 г., а не как результат имплементации требований об отчете о социальном обследовании, предусмотренном ст. 16 Пекинских правил.

В соответствии с УПК 1960 г. широко рекомендовалось привлечение представителей общественности к рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних (ст. 283), что было обусловлено укладом жизни советского общества и не сохранилось до наших дней.

Более жизненным примером реализации неореабилитационной концепции уголовно-процессуальной политики является распространенность выездных судебных заседаний по делам о преступлении несовершеннолетних.

В настоящее время судебные слушания уголовных дел по месту работы или учебы несовершеннолетнего возможны по делам несовершеннолетних, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, их прекурсоров и аналогов, с уклонением от выполнения воинских обязанностей и другими специфическими для несовершеннолетних преступлениями. В некоторых случаях вместо выездных судебных заседаний в зал судебного заседания приглашается публика из числа несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста.

Вместе с тем УПК Беларуси предусмотрел согласно международно-правовым требованиям конфиденциальности процесса с участием несовершеннолетних обязательное проведение закрытых судебных заседаний, когда обвиняемый не достиг шестнадцатилетнего возраста (ст. 23).

Рассмотренные выше сформированные исторических развитием меры явились во многом определяющими в комплексной модели производства по делам несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Беларусь. Вместе с тем тенденции гуманизации уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних, выразившиеся в поэтапном расширении процессуальных гарантий прав и законных интересов названных участников уголовного процессе, проявились и в дальнейшем совершенствовании законодательства [11, с. 36].

Заключение

Изложенное выше позволяет формулировать следующие выводы и предложения.

1. Гуманизация в СССР уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних в 1960-х годах сформировала неореабилитационную концепцию производства по делам о преступлениях несовершеннолетних. УПК Беларуси развивает многие черты указанной модели.

2. В рамках правовой традиции БССР нормы, закрепляющие особенности производства по делам несовершеннолетних, не были объединены в отдельную главу уголовно-процессуального закона и не рассматривались как самостоятельный уголовно-процессуальный институт. Такая идея получила развитие уже в УПК Беларуси.

3. Международные нормы повлияли на развитие уголовно-процессуальной политики, однако остается открытым вопрос имплементации международно-правовой концепции правосудия в отношении несовершеннолетних.

4. Понимание традиции правовой системы Беларуси позволит эффективно совершенствовать законодательство и правоприменительную деятельность.

Список цитированных источников

1. Правосудие по делам несовершеннолетних: Республика Беларусь и международный опыт : учеб.-метод. пособие / редкол. : А. В. Барков (гл. ред.) [и др.] ; УО «Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ». – Минск : Четыре четверти, 2018. – 119 с.

2. Ярмоц, Е. Н. Институционализация ювенальной юстиции / Е. Н. Ярмоц ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Полоцкий гос. ун-т». – Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т, 2019. – 187 с.

3. Знания, отношения и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции: Отчет о выполнении исследовательского проекта / Д. Г. Ротман [и др.] ; Пред-во Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ), Центр социолог. и полит. исследований БГУ. – Минск, 2005. – 155 с.

4. Шминке, А. Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование / А. Д. Шминке // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2017. – № 5 (118). – С. 210–216.

5. Смирнова, И. Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые рассуждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике / И. Г. Смирнова // Криминолог. журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 61–67.

6. Шестакова, Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Шестакова. – Самара : Самарский гос. ун-т, 2015. – 242 л.

7. Исакова, Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. В. Исакова; Байкальский гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2009. – 24 с.

8. Зайцева, Л. Л. Производство по делам несовершеннолетних в новом УПК Республики Беларусь / Л. Л. Зайцева // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. – Минск : БГУ, 2001. – Вып. 11. – С. 266–275.

9. Михайлова, Т. Н. Эволюция развития нормативно-правовой основы ювенального судопроизводства в России / Т. Н. Михайлова, О. П. Грибунов //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14). – С.225–236.

10. Петрова, О. В. Проблемы правового регулирования участия педагога (психолога) в уголовном процессе Республики Беларусь / О. В. Петрова // Весн. Гродзенскага дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 4 : Правазнаўства. – 2013. – № 6. – С. 57–62.

11. Якубель, М. М. Исторические предпосылки формирования производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет / М. М. Якубель // Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1 (41). – С. 33–37.

Аннотация. Работа посвящена изучению исторических основ правового регулирования производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в Республике Беларусь. Особое внимание уделено правовому регулированию особенностей производства по делам о преступлениях несовершеннолетних по Уголовно-процессуальному закону БССР 1960 г. Показана гуманитарная основа изменений, которая не была основана на имплементации международных стандартов, а стала итогом выработанной государством уголовно-процессуальной политики. Вместе с тем в правовой традиции в указанный период времени особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних не рассматривались как самостоятельный правовой институт. Указывается на сохранение неореабилитационной модели производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Беларуси и последующем влиянии международно-правовых требований. Остается открытым вопрос имплементации международно-правовой концепции производства по делам несовершеннолетних.

HISTORICAL BACKGROUNDS OF LEGAL REGULATION OF JUVENILE JUSTICE

Petrova O.V.

Keywords: Criminal Procedure, Criminal Policy, Juvenile Justice, coercive measures, criminal evidence.

Abstract. The paper is devoted to the study of the historical backgrounds of legal regulation of juvenile justice. Special attention is paid to the legal regulation of the peculiarities of juvenile cases under the Criminal Procedure Law of the BSSR of 1960. The humanitarian basis for the novelties is shown, which were not based on the implementation of international standards, but became the result of the national criminal procedure policy development. At the same time, juvenile justice was not considered as a special legal institution according to the legal tradition those days. Preservation of the neo-rehabilitation model of juvenile justice in the Republic of Belarus and further influence of international legal requirements is pointed out. The implementation of the international legal concept of juvenile proceedings is still under discussion.

УДК 343.137:343.62

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С СЕМЕЙНО-БЫТОВЫМ НАСИЛИЕМ

Синица И.М.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, медиация, семейно-бытовое насилие, альтернатива, восстановительная юстиция.

Введение

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), признавая в качестве социально ориентированных (а не деструктивных) целей уголовной ответственности ресоциализацию осужденного, частную превенцию, а в целом – и общую превенцию преступлений, предопределяет систему мер государственного воздействия, направленных на защиту государства, общества и каждого конкретного гражданина от преступных посягательств. Мировой опыт

показывает, что жесткость и суровость реакции на совершенное преступление, превалирование в законодательстве карательной тенденции над исправительной или восстановительной являются неэффективными факторами декриминализации общества.

Известно, что современная доктрина уголовного права сталкивается с необходимостью преодоления веками складывавшегося карательного (возмездного) уклона уголовной ответственности, исходя при этом из того, что, с одной стороны, должны быть обеспечены неотвратимость и справедливость уголовной ответственности, а с другой – лица, совершившие преступления, должны быть приобщены к законопослушному образу жизни, что соответствует интересам как самих этих лиц, так и государства. Репрессия как путь реакции на преступность в большинстве случаев оказывается малорезультативной.

Основополагающая идея современной уголовной политики состоит в том, что ее карательный характер должен быть изменен на восстановительный. Эффективная уголовная политика – это восстановление социальных и моральных качеств населения, укрепление правопорядка и т. д. Восстановительное правосудие (или восстановительная юстиция) считается мировой тенденцией развития уголовного права и процесса.

Особую значимость этот тезис приобретает при рассмотрении насильственных преступлений, вызванных агрессией. Они отличаются повышенной общественной опасностью и часто влекут тяжкие последствия для потерпевших. Статистика показывает, что современная агрессивная преступность носит преимущественно бытовой, ситуативный характер. Именно в этой сфере фиксируется примерно каждое третье убийство и тяжкое телесное повреждение.

Семейно-бытовое насилие существенно отражается на жизни общества, причем проявляется в самых негативных аспектах и затрагивает самых уязвимых. 65 % маленьких белорусов подвергались в семье насилию – физическому или психологическому, при этом 8 % опрошенных родителей считают это нормой [1].

Проблема насилия в семейно-бытовой сфере имеет различные проявления. Так, по данным Следственного комитета Республики Беларусь, каждое четвертое женское самоубийство в стране происходит на почве домашнего насилия. За помощью в территориальные центры социального обслуживания населения в 2021 г. обратились около 11 тыс. жертв домашнего насилия [2].

Несмотря на невысокий удельный вес тяжких насильственных преступлений в целом по Республике Беларусь (не превышает 5 % от общего количества) [3, с. 58], являющихся лишь своеобразной «вершиной айсберга», предупреждение агрессивной насильственной преступности (и правонарушений) было и остается одной из наиболее актуальных задач.

Основная часть

Сегодня остро стоит вопрос противодействия именно насильственным преступлениям семейно-бытового характера. Республика Беларусь является первой страной на постсоветском пространстве, где 10 ноября 2008 г. был принят Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон), вступивший в силу в феврале 2009 г. Изначально в концепцию Закона были заложены основы профилактики конкретных видов правонарушений, в том числе алкоголизма и насилия в семье.

В Республике Беларусь сложилась стабильная, регламентированная нормами права практика реагирования на факты совершения правонарушений (в том числе преступлений) в сфере семейно-бытовых отношений. На основе многолетнего опыта, а также опыта зарубежных стран в законодательстве были закреплены меры воздействия на лиц, совершивших административные правонарушения на бытовой почве, такие как вынесение защитного предписания и возложение обязанности пройти курс лечения от алкоголизма.

Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 14 июня 2022 г. № 148 утверждена Инструкция о порядке проведения оценки риска домашнего насилия, регламентирующая процедуру проведения оценки вероятности продолжения либо повторного совершения домашнего насилия, наступления тяжких либо особо тяжких последствий его совершения, в том числе смерти пострадавшего от домашнего насилия. Результаты такой процедуры фиксируются в акте оценки риска домашнего насилия.

Несмотря на то, что реализация положений Закона на сегодняшний день позволяет в определенной степени разрешать стоящие перед обществом задачи по защите прав и законных интересов граждан, на наш взгляд, одним из значительных недостатков правосудия по делам, связанным с семейно-бытовым насилием, является недостаточное внимание к нуждам жертв преступлений и правонарушений. За его рамками остается восстановление чувства безопасности у лица, ставшего жертвой, доверия к людям, иные психологические проблемы. Восстановительная функция правосудия в данном аспекте не срабатывает так, как должно быть.

Восстановительное правосудие призвано выполнять ту же функцию, что уголовная юстиция – реагировать на преступление. В то же время, в отношении семейно-бытовых преступлений существует ряд сложностей, связанных, например, с тем, что в делах частного и частно-публичного обвинения (к которым относится, например, ст. 153 УК, ч. 1 ст. 154 УК, ст. 186 УК и иные) потерпевший (а чаще – потерпевшая) не всегда готов обращаться в правоохранительные органы для защиты своих прав.

Восстановительный подход в делах, связанных с семейно-бытовым насилием, предполагает учет уязвимого положения жертвы и содействие ее исцелению, нормализацию отношений в окружении жертвы, облегчение разрешения сложившейся ситуации при минимальном давлении официальных (и зачастую пугающих не знакомого с ними человека) процедур. Наиболее очевидным путем расширения восстановительной функции правосудия, на наш взгляд, является использование в уголовной юстиции медиации и подобных ей форм урегулирования конфликтов в случаях, когда речь не идет о тяжких или особо тяжких преступлениях против здоровья и жизни человека. Ориентация на достижение соглашения сторон, сопровождающегося возмещением вреда, на как можно менее травмирующую потерпевшего (потерпевшую) обстановку должна составлять суть таких медиативных процедур и восстановительного правосудия в целом. Кроме того, медиация и иные внесудебные примирительные процедуры разгружают судебную систему быстрой и удобной альтернативой.

Можно согласиться, что в соответствии с восстановительной парадигмой основная цель правосудия – восстановление, понимаемое не формально-юридически, как восстановление нарушенного правопорядка, установленного государством (при полном фактическом равнодушии к драме жертвы),

но в широкой социально-антропологической рамке, как исцеление жертвы, реальное (а не виртуальное) возмещение ей причиненного преступлением вреда, искупление вины обидчиком, взятие им на себя ответственности, восстановление нарушенных отношений в социальной общности [4, с. 287].

Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что после совершения преступления чаще всего внимание правоохранителей и общества сосредоточивается на преступнике, нужды и потребности потерпевшего же, не входящие в узкий круг уголовно-процессуальных прав, остаются за рамками правосудия.

И если мы уже пришли к мысли, что меры уголовного воздействия, составляющие содержание уголовной ответственности, призваны обеспечить задачу восстановления безопасной для общества социальной ориентации личности осужденного, а также индивидуальную превенцию совершения новых преступных посягательств, то на жертв преступлений восстановительная функция правосудия практически не распространяется.

Существует много различных форм и экспериментов с восстановительным правосудием в разных странах мира. Рекомендации № R (99) 19, принятые Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., предлагают различные модели медиации, среди которых есть: неформальное посредничество, осуществляемое работниками органов уголовной юстиции в ходе их обычной работы; медиация в уголовных делах в форме посредничества между пострадавшим и правонарушителем, причем посредником выступает специально назначенный медиатор, ведущий встречу бескорыстно или за плату; передача уголовных дел на рассмотрение местным сообществом по принятым в нем правилам, которые отличаются большей гибкостью и отсутствием формализма; семейные и общественные конференции и т. д.

На наш взгляд, «классическая» медиация представляется самым адекватным существующим социальным условиям методом разрешения конфликтов. В этом аспекте представляется интересным ее правовое регулирование в Республике Казахстан, в которой действует Закон от 28 января 2011 г. № 401 «О медиации». Предусмотренный им институт примирительных процедур (медиации) стал новым словом в национальной системе права Казахстана. Согласно ст. 1 указанного Закона сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных, административных правоотношений и иных общественных отношений с участием физических и (или) юридических лиц, административных органов, должностных лиц, а также рассматриваемые в ходе производства по делам об административных правонарушениях, в ходе уголовного судопроизводства по делам об уголовных проступках, преступлениях небольшой и средней тяжести, а также в установленных Уголовным кодексом Республики Казахстан случаях – тяжких преступлениях.

В целом, отмечается положительная практика предупреждения семейно-бытовой преступности в Республике Казахстан, где одной из практических мер реализации гендерной политики стало создание в 1998 г. в структуре органов внутренних дел подразделений по защите женщин от насилия. Казахстан является единственной страной на постсоветском пространстве, где есть такое подразделение, и действует единая система сбора данных, отражающая реальную ситуацию преступлений в семейно-бытовой сфере. После создания

в МВД специального подразделения, которое занимается только проблемой домашнего насилия, число обращений женщин в полицию увеличилось в десятки раз [5, с. 18].

Однако существует и мнение, что медиация и схожие внесудебные процедуры недопустимы в случаях, когда речь идет о семейно-бытовом насилии. Аргументируется это следующим: по принципу медиации оба партнера равны, однако обидчик имеет огромную власть над жертвой, что вызывает дисбаланс сил между партнерами, который не может быть исправлен, несмотря на опыт медиатора [5, с. 16–17].

Мы считаем, что для предотвращения подобных ситуаций всегда перед тем, как обращаться к медиации, необходимо убедиться в добровольности решения сторон, их осведомленности об условиях и последствиях такой процедуры, осознанности обращения к ней и целесообразности ее проведения для них самих. Конечно, медиация (и восстановительное правосудие в целом) не может абсолютно заменить уголовное судопроизводство. Медиация не может применяться в тех случаях, когда соглашение вредит потерпевшему и принципам правосудия, препятствует достижению его превентивных целей. Недопустимо, чтобы медиация воспринималась как уловка, способ избежать ответственности, а обращение к ней – как «победа» преступника над правосудием. Соответственно, в Республике Беларусь существует необходимость в регулярном статистическом мониторинге случаев насилия на республиканском и местном уровнях, их систематизации и анализе, в том числе в целях выявления недостатков правосудия по таким делам.

Изначально принятый в Республике Беларусь Закон «О медиации» (2013 г.) стал стимулом развития медиации как комплексного института в Республике Беларусь, однако лишь в июне 2021 г. Законом Республики Беларусь № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», который внес существенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, было закреплено положение о возможности примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения. Часть 5 ст. 30^1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) допускает в случае достижения примирения обвиняемого с потерпевшим прекращение производства по уголовному делу о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях.

Заключение

Необходимость технологий восстановительного правосудия не только осознана и провозглашена государством, но и им сделаны значительные шаги по внедрению медиации как примирительной процедуры в уголовное судопроизводство. И именно в делах, связанных с семейно-бытовыми насильственными конфликтами, медиация как процедура, носящая более личностный характер, позволяющая проговорить причины противоправного поведения и осознать вину, способствующая социальной реабилитации правонарушителя и возвращению его в общество, может стать востребованной.

Уже говорилось, что эффективность уголовной политики государства сегодня во многом зависит от того, насколько рационально и социально ориентировано привлечение к ответственности лиц, нарушивших закон. В таком случае медиация выступает как естественная альтернатива уголовному

судопроизводству, направленная как на ресоциализацию виновных, так и на восстановление психического состояния и нормальной жизнедеятельности потерпевших.

Для Республики Беларусь урегулирование конфликта, возникшего в связи с совершением преступления, посредством восстановительной процедуры, которой является медиация, представляет собой новое правовое явление. Нельзя отрицать, что в процессе формирования и «освоения» практикой механизма примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения будут возникать проблемы, искать решение которым предстоит с учетом наработанного опыта и выявленных достоинств и недостатков этого механизма. Перспективы медиации по делам, связанным с семейно-бытовым насилием в этом аспекте представляются еще более сложными, но именно в этой сфере она может оказаться востребованной и необходимой. Однако развитие альтернативных методов разрешения споров «тормозит» недостаточная о них осведомленность людей и, соответственно, недоверие как к непонятной и неизвестной деятельности. Во многом эффективность медиации в уголовном процессе будет зависеть и от профессионализма медиаторов и их умения конструктивно разрешать уголовно-правовые конфликты личностного характера. При этом требования, предъявляемые к медиатору по уголовным делам, содержанию медиативного соглашения должны быть закреплены в УПК.

Список цитированных источников

1. Таливинская, Н. 65 % маленьких белорусов подвергались в семье физическому или психологическому насилию [Электронный ресурс] / Н. Таливинская // Звязда. – Режим доступа: https://zviazda.by/ru/news/20190710/1562777284-65-malenkih-belorusov-podvergalis-v-seme-fizicheskomu-ili-psihologicheskomu. – Дата доступа: 09.09.2022.

2. В Минтруда рассказали, сколько пострадавших от насилия в семье в прошлом году обратились за помощью [Электронный ресурс] // Гомельская правда. – Режим доступа: https://gp.by/novosti/aktualno/news247514.html. – Дата доступа: 09.09.2022.

3. Терещенко, Т. Г. Криминологическая характеристика насильственной преступности и хулиганства в Республике Беларусь / Т. Г. Терещенко // Пенитенциарная наука. – 2017. – № 1 (37). – С. 57–61.

4. Зырянова, Ю. В. Технологии восстановительного правосудия как мера специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи / Ю. В. Зырянова, А. Л. Репецкая // Russian Journal of Economics and Law. – 2014. – № 4. – С. 286–292.

5. Алибаева, Г. А. Насилие в отношении женщин в современном казахстанском обществе: обзор ситуации и законодательства / Г. А. Алибаева, С. К. Жетписов // Legal Concept. – 2016. – № 2 (31). – С. 15–22.

Аннотация. В статье рассматривается значение и перспективы восстановительного правосудия, в частности, процедуры медиации в Республики Беларусь. Ввиду законодательного закрепления возможности примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения анализируются возможности и востребованность медиации в делах, связанных с семейно-бытовыми насильственными конфликтами.

RESTORETIVE JUSTICE: PERSPECTIVES FOR APPLICATION IN CRIMINAL CASES RELATED WITH DOMESTIC VIOLENCE

Sinitsa I.M.

Keywords: criminal law conflict, mediation, domestic violence, alternative, restorative justice.

Abstract. The article discusses the significance and prospects of restorative justice, in particular, the mediation procedure in the Republic of Belarus. In view of the legislative consolidation of the possibility of reconciliation of the accused with the victim by concluding a mediation agreement, the possibilities and demand for mediation in cases related to domestic violent conflicts are analyzed.

УДК 343.131

О КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Солтанович А.В., Долгоруков С.В.

Ключевые слова: классификация принципов уголовного процесса, судопроизводство по уголовным делам, совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Введение

В специальной литературе имеется многообразие подходов к содержанию понятия принципов уголовного процесса, однако в большинстве своем они трактуются как закрепленные в Конституции и на ее основе в уголовно-процессуальном законе основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм [1, с. 97]. Принципы отражают определенные правовые, политические, нравственные взгляды и убеждения общества и государства о том, каким должно быть производство по уголовным делам. Помимо того, что принципы выражают сущность процесса, его характерные черты, значение их состоит в том, что: 1) они служат основой уголовно-процессуального законодательства, предпосылкой для формирования отраслевых норм; 2) являются нормами прямого действия и подлежат применению наряду с конкретными правовыми предписаниями; 3) несоблюдение при производстве по уголовным делам принципиальных положений может привести к отмене принимаемых решений.

Будучи нормативно закрепленными положениями, принципы уголовного процесса обладают императивностью, универсальностью, системностью и стабильностью. Они выступают в качестве ведущих ориентиров для должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, призваны обеспечить надлежащий порядок производства по уголовному делу, при котором в максимальной степени будут защищены права и свободы вовлеченных в него граждан [2, с. 27].

Все принципы образуют целостную и взаимосвязанную систему, где содержание и значение каждого обусловлено функционированием всей их системы [3, с. 26]. Иными словами, каждый из принципов в этой системе выступает своего рода гарантией для остальных принципов. Так, например, принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон в процессе обеспечивает реализацию права граждан на судебную защиту и одновременно является гарантией независимости судей, их объективности и беспристрастности при рассмотрении дела.

Основная часть

В системе принципов уголовного процесса различают общие (зафиксированные в Конституции Республики Беларусь и нашедшие свое развитие в УПК) и специальные принципы (закрепленные только в УПК). При этом некоторые общие принципы (законность; обеспечение прав и свобод граждан; неприкосновенность личности; уважение чести и достоинства личности; охрана личной жизни; неприкосновенность жилища и иных законных владений; публичность; презумпция невиновности; равенство граждан перед законом и равенство защиты их прав и законных интересов; язык, на котором ведется производство по материалам и уголовному делу), а также такие специальные принципы, как обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела; оценка доказательств по внутреннему убеждению; прокурорский надзор в уголовном процессе, распространяют свое действие на все стадии процесса; ряд общих принципов (осуществление правосудия только судом; независимость судей и подчинение их только закону; гласность судебного разбирательства; осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон) реализуется лишь на судебных стадиях.

В литературе встречается деление принципов уголовного процесса на принципы организации (например, принцип осуществления правосудия только судом) и деятельности (функциональные).

Отмечая определенную стабильность базовых положений по сравнению с детализирующими процессуальными нормами, необходимо подчеркнуть, что принципы нельзя рассматривать как нечто застывшее, неизменное. Напротив, являясь составным элементом уголовно-процессуальной системы, они развивают ее и развиваются вместе с ней, т. е. принципы – это явление конкретно-историческое [4, с. 31]. На эволюцию принципов оказывает влияние множество факторов: политические, правовые и нравственные идеи, господствующие в обществе; уровень правосознания населения и т. д. Особую роль в совершенствовании системы и содержания принципов уголовного процесса играли и продолжают играть международные нормы, определяющие требования к уголовному судопроизводству в правовом государстве. Большинство из них нашло отражение в национальном уголовно-процессуальном законодательстве. С учетом перспективы внедрения отдельных международно-правовых норм в качестве базовых в уголовный процесс Республики Беларусь, направленности действия принципов уголовного процесса имеются основания разделить их на несколько групп: 1) принципы, обеспечивающие деятельность государственных органов, ведущих уголовный процесс; 2) принципы, обеспечивающие реализацию прав личности в уголовном процессе; 3) принципы, обеспечивающие правосудие по уголовным делам; 4) принципы, связанные

с уголовно-процессуальным доказыванием; 5) принципы, основывающиеся на международно-правовых актах.

Применительно к последним следует указать, что в ст. 8 Конституции Республики Беларусь закреплено, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. В связи с этим анализ отдельных принципиальных положений, закрепленных и применяемых в международном и европейском праве и касающихся судопроизводства по уголовным делам, представляет не только теоретический, но и практический интерес. К таким принципам можно отнести: право на справедливое судебное разбирательство (***fair trial***); разумный срок судебного разбирательства; недопустимость повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (***non bis in idem***); пропорциональность. Следует отметить, что многие элементы указанных принципов нашли закрепление в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь, однако текстуально в виде принципов в гл. 2 УПК не отражены.

Принцип справедливости судебного разбирательства (*fair trial*).

Право на справедливое судебное разбирательство является неотъемлемым правом человека и одновременно условием наиболее эффективного восстановления нарушенных прав, применения адекватного наказания, оправдания в случае невиновности и т. д. Такой вывод вытекает из содержания многих международно-правовых актов. Так, в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему обвинения, имеет право на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». В ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится норма о том, что «каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». В ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляется право каждого при рассмотрении предъявленного ему обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданном на основе закона.

Анализ приведенных положений также позволяет констатировать, что надлежащее осуществление правосудия должно предусматривать два аспекта: институциональный (независимость и беспристрастность суда) и процедурный (справедливый характер разбирательства дела) [5, с. 7]. Применительно к независимости и беспристрастности суда следует отметить, что ст. 60 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому защиту его прав и свобод не только независимым и беспристрастным, но и компетентным судом. Указанные требования к суду нашли свою регламентацию и детализацию как в принципиальных, так и в иных нормах УПК (законность в уголовном процессе (ст. 8 УПК); независимость судей и подчинение их только закону

(ст. 22 УПК); обстоятельства, устраняющие судью от участия в рассмотрении уголовного дела (ст. 77 УПК) и др.).

Что касается справедливого характера судебного разбирательства, то такого требования Конституция Республики Беларусь не содержит. Однако это не означает, что процессуальное законодательство в целом и уголовно-процессуальный закон в частности не предусматривают справедливую процедуру рассмотрения дел в суде. Не вдаваясь в детальный анализ такой многогранной и сложной категории, как справедливость, следует высказать мнение, что справедливым судебное разбирательство может быть признано при соблюдении как минимум нескольких условий: 1) при рассмотрении дела реализовано разделение функций обвинения, защиты и осуществления правосудия; 2) стороны наделены равными правами для отстаивания своей позиции по делу; 3) суд создал необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей; 4) отсутствовали обстоятельства, устраняющие судью и других лиц от участия в рассмотрении уголовного дела как условие беспристрастности суда; 5) приговор, иные решения суда вынесены на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Разумный срок. Приведенные выше, а также некоторые другие международно-правовые акты предусматривают не только условие справедливости судебного разбирательства, но и его разумный срок. При этом достаточно убедительным является мнение, согласно которому требование справедливости включает в себя в качестве необходимого элемента и гарантии быть судимым без неоправданной задержки разумный срок судебного разбирательства [6, с. 43]. Конституция Республики Беларусь дословного указания на разумный срок судебного разбирательства не содержит, однако в ст. 60 гарантирует каждому защиту его прав и свобод судом в определенные законом сроки. Из смысла данной нормы следует, что защиту прав и свобод нельзя увязывать только с судебным разбирательством. Применительно к уголовному процессу такая защита может и при необходимости должна иметь место на предшествующих и последующих стадиях. Так, например, суд на стадии предварительного расследования при наличии соответствующей жалобы должен освободить незаконно и необоснованно задержанное или заключенное под стражу или домашний арест лицо. Кроме этого, конституционное предписание требует установления неких конкретных предельных сроков принятия процессуальных решений как на отдельных стадиях, в том числе на стадии судебного разбирательства, так и в целом по уголовному делу. Следует отметить, что УПК, определяя сроки начала судебного разбирательства с момента вынесения судьей постановления о его назначении (ст. 282 УПК), перерыва в судебном заседании по ходатайству государственного обвинителя (ст. 301 УПК) и т. д., не определяет предельный срок рассмотрения дела в суде. При этом, в отличие от УПК, такие сроки установлены в гражданском процессе (ст. 158 ГПК) и для рассмотрения экономических дел (ст. 175 ХПК). Потребность в установлении предельных сроков судебного разбирательства уголовных дел является объективной необходимостью как гарантии вынесения судебного решения в течение такого периода времени, который устанавливает максимальный предел нахождения

лица в состоянии неопределенности в связи с предъявленным ему обвинением в совершении преступления.

Принцип недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (*non bis in idem*).

В п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод указывается: «Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами данного государства». Аналогичную норму содержит п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором закреплено: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны». Правило о недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступления именуется в юридической науке как принцип ***non bis in idem***. Несмотря на высказываемое в специальной литературе мнение о том, что данный принцип имеет межотраслевой характер и распространяет свое действие на все виды юридической ответственности [7, с. 15], бесспорным является его действие в сфере уголовного права и процесса, и Республика Беларусь в этом плане не является исключением. Так, в ч. 6 ст. 3 УК установлено, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Не менее важными для реализации принципа ***non bis in idem*** являются положения, закрепленные в п. 8 и 9 ст. 29 УПК. Предусмотренное п. 8 ст. 29 УПК такое основание для отказа в возбуждении уголовного дела в отношении лица, о котором имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию, отрицает возможность повторного производства по уголовному делу. При этом, как справедливо указывается в литературе, категория «то же» обвинение (основание) понимается в этой норме в широком смысле, включая и варианты измененного обвинения [8, с. 33]. Аналогичным по своей сущности является предусмотренный п. 9 ст. 29 УПК запрет на возбуждение уголовного дела в отношении лица, о котором имеются неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, что объясняется невозможностью наличия двух взаимоисключающих друг друга решений по одному и тому же факту в отношении одного и того же лица. Необходимо отметить, что указанные в п. 8 и 9 ст. 29 УПК основания, исключающие производство по уголовному делу, относятся также и к лицам, совершившим общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости [9, с. 65].

Принцип пропорциональности. Еще одним базовым положением, которое применяется в практике Европейского суда по правам человека, является принцип пропорциональности, который иногда именуется принципом соразмерного ограничения прав и свобод личности. Критерии и пределы ограничений прав и свобод человека, закрепленные многими международно-правовыми актами, нашли интегрированное воплощение в Документе

Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению в 1990 г., где устанавливается, что такие ограничения: 1) должны быть предусмотрены законом; 2) должны соответствовать обязательствам государства по международному праву; 3) ограничения носят характер исключений; 4) недопустимо злоупотребление ограничениями; 5) любое ограничение прав и свобод в демократическом обществе должно быть увязано с одной из целей применяемого закона и быть строго соразмерно предназначению данного закона.

Таким образом, ограничение прав и свобод личности рассматривается как средство достижения органами государства во благо всему обществу определенной цели. Применительно к уголовному процессу – это привлечение виновного к уголовной ответственности путем раскрытия преступления, расследования и рассмотрения уголовного дела.

В настоящее время в европейском праве применяется тест на пропорциональность, разработанный в публичном праве Германии, который предполагает последовательное разрешение следующих вопросов: 1) имело ли место вмешательство государственных органов в осуществление индивидуальных прав (свобод); 2) было ли такое вмешательство предусмотрено внутригосударственным законом; 3) является ли цель вмешательства легитимной; 4) может ли желаемая цель быть достигнута с применением данного способа вмешательства, другими словами, является ли используемое средство пригодным для достижения цели; 5) имеется ли какое-либо другое, одинаково пригодное, однако в меньшей степени обременительное средство, иными словами, является ли используемое средство необходимым для достижения легитимной цели; 6) является ли используемое средство соразмерным (пропорциональным в узком смысле), то есть соразмерно (пропорционально) ли обременение индивида преследуемой цели и достигаемым при этом преимуществам для всего общества [10, с. 56].

Заключение

По сути дела, данный тест на пропорциональность может быть применим при оценке допустимости в каждом конкретном случае тех правоограничений, которые в общем виде закреплены в ст. 23 Конституции Республики Беларусь, устанавливающей, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Данная норма находит детализацию в отраслевом, в том числе уголовно-процессуальном, законодательстве. Так, например, соразмерность выражается в том, что применение заключения под стражу возможно при условии, что цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения (ч. 1 ст. 126 УПК).

Следует отметить, что Конституционный Суд Республики Беларусь дает оценку нормам проверяемых законов, которыми ограничиваются конституционные права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы организаций, именно с учетом принципа пропорциональности, на что обращается внимание в литературе [11].

Нельзя не указать также на то, что допустимость ограничения прав и свобод приобретает особое значение в нынешних реалиях, когда правоохранительные органы применяют в борьбе с преступностью современные достижения науки и техники, получая возможность вмешиваться в права частных лиц.

Список цитированных источников

1. Уголовный процесс : учебник / под. ред. В. П. Божьева – М. : Высшее образование, 2006. – С. 54; Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2004. – С. 97.

2. Чурсина, И. В. Принципы уголовного судопроизводства / И. В. Чурсина // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4 – С. 27.

3. Данилевич, А. А. Уголовный процесс : учеб.-метод. пособие / А. А. Данилевич, О. В Петрова, В. И. Самарин. – Минск : БГУ, 2016. – 351 с.

4. Климович, Ю. О природе и эволюции принципов уголовного процесса // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 10. – С. 31.

5. Зайцева, Л. Справедливое судебное разбирательство: международный опыт и законодательство Республики Беларусь // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 2. – С. 7.

6. Букато, Л. Г. Регламентация предельного общего срока производства по материалам и уголовному делу как необходимая процессуальная гарантия // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–12 нояб. 2017 г. / БГУ, кафедра уголов. процесса и прокурор. надзора; Берлинский ун-т им. Гумбольдта ; редкол. : В. И. Самарин (отв. ред.). – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 43.

7. Василевич, С. Г. Принцип недопустимости повторного применения мер ответственности за одно правонарушение / С. Г. Василевич // Журн. зарубеж. законодательства и сравнител. правоведения. – 2016. – № 1. – С. 15.

8. Уголовный процесс. Особенная часть : учебное пособие : в 2 т. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – Т. 1 : Досудебное производство / И. В. Данько [и др.]. – 265 с.

9. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

10. Михайлов, А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России / А. А. Михайлов // Уголовная юстиция. – 2016. – № 1 (7). – С. 56.

11. Седельник, В. В. Принцип соразмерности (пропорциональности) в интерпретационной практике Конституционного Суда Республики Беларусь / В. В. Седельник // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-прак. юрид. центр; редкол. : И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 1. – С. 265–269.

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам классификации принципов уголовного процесса и анализу отдельных базовых положений, закрепленных и применяемых в международном и европейском праве, касающихся судопроизводства по уголовным делам, представляющих не только теоретический, но и практический интерес, в том числе в плане совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь.

ON CLASSIFICATION OF THE PRINCIPLES OF THE CRIMINAL PROCEDURE AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Soltanovich A.V., Dolgorukov S.V.

Keywords: classification of the principles of the criminal procedure, criminal proceeding, development of criminal procedure legislation.

Abstract. The article is devoted to the controversial issues of classification of the principles of the criminal procedure and to the analysis of certain basic provisions provided by and applied in the International and European Law on criminal proceedings. These provisions are of both theoretical and practical interest, including for the improvement of the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 347.963

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ ТРАВМАТИЗМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

Васько Н.О.

Ключевые слова: прокурорский надзор, подготовка к проверке, информационное обеспечение, образовательный процесс, учет, несчастный случай, профилактика травматизма.

Введение

В Кодексе об образовании Республики Беларусь право на охрану жизни и здоровья во время образовательного процесса закреплено в качестве одного из основных прав обучающихся. Данному праву корреспондирует обязанность учреждений образования по созданию безопасных условий при организации образовательного процесса, воспитанию у обучающихся культуры безопасности жизнедеятельности. Следует отметить, что действующее законодательство предъявляет высокие требования безопасности для учреждений образования, предусматривает эффективные механизмы реализации и защиты прав детей на охрану их жизни и здоровья. Вместе с тем, несмотря на проводимую работу и достигнутые положительные результаты по снижению количества случаев травмирования детей в учреждениях образования, данный вид травм по-прежнему занимает значительное место в общей структуре детского травматизма, а результаты проводимых органами прокуратуры проверок свидетельствуют о распространенности нарушений в указанной сфере.

В этой связи особую значимость приобретает прокурорский надзор как гарант реализации прав детей на охрану жизни и здоровья, точного и единообразного исполнения требований законодательства по обеспечению безопасности образовательного процесса, эффективной деятельности уполномоченных органов и организаций в данной сфере.

Основная часть

Вопросы планирования и проведения проверок законодательства о профилактике травматизма в учреждениях образования регламентированы приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 22 сентября 2010 г. № 52 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи».

В соответствии с требованиями данного приказа надзор за исполнением законодательства о реализации прав детей на охрану жизни и здоровья, об обеспечении условий для сохранения, укрепления и восстановления здоровья должен носить постоянный характер и строиться на основе систематического анализа правоприменительной практики и сведений, характеризующих состояние законности и правопорядка.

Основной формой осуществления прокурорского надзора является проверка, качество подготовки к которой определяет ее результативность.

Проверки по рассматриваемым вопросам могут быть плановыми и внеплановыми. Плановые проверки проводятся на основании анализа состояния законности в сфере охраны жизни и здоровья обучающихся в учреждениях образования, подготовка к ним занимает достаточно длительный период.

Внеплановые проверки проводятся в связи с поступившей информацией о конкретных фактах нарушения законодательства, требующих незамедлительного вмешательства органов прокуратуры. Внеплановые проверки фактически не оставляют прокурору времени на подготовку.

Элементом организации прокурорского надзора, имеющим важное значение в том числе и на этапе подготовки к проверке, является информационно-аналитическая работа прокурора, представляющая собой «постоянный процесс сбора, учета, накопления, обмена информацией (информационное обеспечение) и ее мыслительно-логической обработки: уяснения, обобщения, оценки, построения выводов и предложений (аналитическое обеспечение)» [1, с. 8].

При подготовке к проверке информационно-аналитическая работа проводится по двум взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, анализируются материалы, характеризующие исполнение законодательства об охране жизни и здоровья несовершеннолетних.

Во-вторых, анализу подлежат данные, отражающие состояние прокурорского надзора. В практической деятельности эти направления тесно взаимосвязаны между собой, поскольку нельзя отрывать надзорную деятельность от предмета надзора [2, с. 33].

Право прокурора на получение информации, необходимой для осуществления надзорной деятельности, регламентировано Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) (ст. 27). Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат исполнению в установленный срок. При этом истребуемая информация предоставляется прокурору безвозмездно.

В первую очередь при подготовке к проверке прокурору необходимо истребовать статистическую информацию о показателях травмирования в учреждениях образования в динамике последних лет. Соответствующие сведения можно получить:

– в государственных организациях здравоохранения, государственная и ведомственная отчетность которых предусматривает сбор сведений о травмировании детей от внешних причин. В государственной статистической отчетности представлены сведения о числе травм с разбивкой по локализации, возрастным группам (до 1 года, 1–4 года, 5–9 лет и т. д.) и полу. В ведомственной отчетности – по локализации и виду (уличная, бытовая, транспортная, спортивная, школьная и т. д.). Ведомственный отчет основывается на учете впервые полученных травм, государственный отчет – повторных и первичных детских травм [3, 4].

Следует отметить, что организации здравоохранения учитывают травмы вне зависимости от тяжести вреда, причиненного здоровью, т. е. от «микротравм» до тяжелых;

– в органах управления образованием и учреждениях образования, которые ведут учет несчастных случаев в соответствии с Инструкцией о расследовании и учете несчастных случаев с обучающимися и воспитанниками, утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 7 августа 2003 г. № 58 (далее – Инструкция).

Согласно Инструкции расследуются и подлежат учету несчастные случаи, повлекшие временную или стойкую утрату здоровья либо смерть обучающегося или воспитанника (далее – обучающегося). В ходе расследования устанавливаются обстоятельства и причины несчастного случая, выявляются нарушения требований действующего законодательства, разрабатываются профилактические мероприятия по устранению причин несчастного случая и их предупреждению в дальнейшем. По завершению расследования оформляется акт о несчастном случае, который регистрируется в журнале регистрации несчастных случаев с обучающимся или воспитанником, получившим травму. С этого момента несчастный случай считается учтенным в данном учреждении образования.

Несчастный случай, произошедший с обучающимся, который не вызвал повреждения здоровья, вносится руководителем учреждения образования в журнал регистрации микротравм. Расследование в таком случае не проводится, и несчастный случай на учет не берется.

Вместе с тем в Инструкции отсутствуют четкие критерии отнесения травмы к тому или иному виду, что на практике может приводить к их ненадлежащему учету.

Обработка статистических данных включает в себя:

1. Выборку соответствующих статистических данных за 5 лет.

2. Составление сравнительных таблиц сопоставимых данных.

3. Исчисление относительных показателей (в долях, в %, коэффициентах на 10 тыс., на 1000 несовершеннолетних) [5, с. 102].

В ходе анализа полученных сведений прокурорам необходимо учитывать, что в связи с рассмотренными особенностями и недостатками системы учета, а также отсутствием эффективного взаимодействия в рамках сверки данных о фактах травматизма, организации здравоохранения и учреждения образования зачастую обладают различными сведениями о показателях школьного травматизма.

Факты расхождения статистических данных не могут оставаться без внимания со стороны прокурора и служат основанием для принятия им решения о получении и изучении из иных источников дополнительной информации, содержащей сведения о возможных фактах травмирования обучающихся, с целью установления полноты и достоверности их учета учреждениями образования.

К дополнительным источникам получения информации относятся:

сведения о количестве поступивших в территориальные органы внутренних дел, территориальные подразделения Следственного комитета Республики Беларусь заявлений и сообщений о травмировании несовершеннолетних в результате противоправных действий третьих лиц и результатах их рассмотрения (ст. 145–147, 149, 153–155, 306, 317, 339, 342^1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст. 10.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь). Для удобства анализа и использования полученных сведений при подготовке к проверке запрашиваемая информация

должна содержать не только количественные показатели, но и краткое содержание заявления и сообщения;

протоколы заседаний педагогических и попечительских советов, совещаний при руководителе учреждения образования;

документация медицинских пунктов (журнал амбулаторного приема, журнал изолятора), изучить которую возможно при посещении учреждений образования;

материалы служебных проверок, приказы о применении мер дисциплинарного взыскания.

При возникновении сомнений относительно достоверности учета травмы прокурор в соответствии с Законом о прокуратуре вправе потребовать от обучающегося объяснения об обстоятельствах получения им травмы. В некоторых случаях, например, по причине малолетнего возраста, болезни обучающегося и т. д., объяснения могут быть получены у его законного представителя.

Информация о возможных нарушениях законодательства о безопасности обучающихся во время образовательного процесса может быть также получена:

– из материалов предыдущих прокурорских проверок;

Информация о проведенных проверках, распространенности нарушений отражается в документах первичного учета работы прокуроров, в частности, Журнал № 1 «Сведения о работе прокурора по надзору за исполнением законодательства» содержит сведения о периодах, объектах и предметах проверок, а также о принятых по их результатам мерах реагирования;

– из обращений граждан, поступающих в органы прокуратуры, территориальные органы управления образованием;

– в ходе мониторинга публикаций в средствах массовой информации и сети Интернет;

– при изучении материалов проверок об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении проверки по делам частного обвинения; уголовных дел по факту травмирования несовершеннолетних; дел об административных правонарушениях; гражданских дел соответствующей категории;

– из материалов проверок органов управления образованием в подведомственных учреждениях по рассматриваемым вопросам.

Из учреждений образования и органов управления образованием целесообразно истребовать результаты проведенного ими анализа состояния и причин травматизма, содержащего сведения о количестве случаев травмирования обучающихся (с разбивкой по половозрастным характеристикам), обстоятельствах получения травм (например, во время перерывов между учебными и факультативным занятиями, на уроках физической культуры и здоровья, в период проведения соревнований), их причинах, тяжести травм и др.

В территориальных органах государственного санитарного надзора необходимо истребовать сведения о количестве проведенных в учреждениях образования проверок, выявленных нарушениях санитарно-эпидемиологических требований, несоблюдение которых создавало угрозу жизни и здоровью обучающихся; принятых мерах по контролю за их устранением. Сведения о количестве проведенных проверок, выявленных нарушениях требований пожарной безопасности и принятых по ним мерах – в органах государственного пожарного надзора.

Анализ вышеуказанной информации позволит прокурору установить степень распространенности нарушений и решить, необходимо ли участие в проверке специалистов данных государственных органов и организаций, и при необходимости разработать для них перечень подлежащих проверке вопросов.

Полученная в ходе подготовки к проверке прокурором информация подлежит систематизации и правовой оценке с учетом следующих критериев:

– характер правонарушений;

– распространенность нарушений на отдельных объектах;

– общественная опасность совершенных правонарушений;

– обстоятельства, способствовавшие нарушениям законодательства.

Накопление информации, поступающей из разных источников, позволяет прокурору получить наиболее полную и объективную картину состояния законности в данной сфере правоотношений, избежать формального подхода к ее оценке; сформулировать правильные выводы о характере и распространенности конкретных нарушений законов об охране жизни и здоровья несовершеннолетних, их распространенности, динамике, тенденциях роста или снижения [2, с. 36].

Заключение

В заключение необходимо отметить следующее.

Качество и результативность прокурорской проверки во многом зависит от уровня подготовки к ней.

Важное значение на этапе подготовки к проверке имеет такой элемент организации прокурорского надзора, как информационное обеспечение деятельности прокурора.

Результаты аналитической работы могут использоваться как для определения методики и тактики проведения проверки соблюдения законодательства о профилактике травматизма, так и для совершенствования надзорной деятельности прокуратуры в данной сфере.

Использование прокурорскими работниками приведенного в статье алгоритма подготовки к проверке позволит повысить эффективность прокурорского надзора за соблюдением законодательства о профилактике травматизма в учреждениях образования.

Список цитированных источников

1. Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур : сб. материалов семинаров по обмену опытом / под общ. ред. Э. Б. Хатова. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012. – Вып. 6. – 88 с.

2. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране жизни и здоровья несовершеннолетних : пособие / А. В. Гришин [и др.]. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 67 с.

3. Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-дети (Минздрав) «Отчет о медицинской помощи детям» и указаний по ее заполнению : постановление Национального статистического комитета Респ. Беларусь, 25 окт. 2018 г., № 115 ; ред. от 15.10.2021 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. О формах и перечне форм ведомственной отчетности на 2022 год : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 31 янв. 2022 г., № 6 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Величко, О. И. Организация прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» : пособие / О. И. Величко. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – 148 с.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с осуществлением информационно-аналитической работы прокурора на этапе подготовки к проведению проверки исполнения законодательства о профилактике травматизма в учреждениях образования. В статье определены основные источники получения информации о возможных нарушениях законодательства в данной сфере правоотношений.

INFORMATION SUPPORT OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF THE LEGISLATION ON INJURY PREVENTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Vasko N.O.

Keywords: prosecutor's supervision, preparation for inspection, information support, educational process, recording, accident, injury prevention.

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of information and analytical work of the prosecutor at the stage of preparation for the audit of the implementation of legislation on the prevention of injuries in educational institutions. The article identifies the main sources of obtaining information about possible violations of the law in this area of legal relations.

УДК 347.963

ЗАПРОС ПРОКУРОРА В КРЕДИТНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Винокуров А.Ю.

Ключевые слова: запрос прокурора, контроль за соответствием расходов доходам, кредитные организации, полномочия прокуроров, противодействие коррупции.

Введение

Надзорная деятельность прокуроров связана с изучением и оценкой информации, содержащейся в различных источниках, а порядок ее получения нашел свое детальное закрепление в ст. 6 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) в 2017 г., когда были внесены важные для «общенадзорной» сферы коррективы, обусловленные позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в одном из знаковых для прокурорской системы постановлений [1].

Тем не менее длительное время, несмотря на неоднократные обращения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в различные инстанции, в том числе и в Федеральное Собрание Российской Федерации, оставался нерешенным

вопрос о возможности получения информации от кредитно-финансовых организаций в рамках проводимых прокурорами проверок; причем отказ в законодательном закреплении соответствующих правомочий, обусловленный, полагаем, серьезным лоббистским влиянием заинтересованных акторов, мотивировался недопустимостью нарушения требований законодательства о защите банковской тайны.

Имеющейся проблеме и обоснованию необходимости наделения прокуроров соответствующими правами посвятили свои работы отдельные авторы, специализирующиеся на прокурорской тематике [2; 3; 4]. При этом вопрос о важности предоставления прокурору права на обращение с запросом в указанные организации ставился вне зависимости от конкретно взятой сферы правоотношений, хотя и тяготел в большей степени к такому направлению, как надзор за исполнением законов о банках и банковской деятельности, который в настоящее время отражается в ведомственной статистической отчетности по форме ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» самостоятельной строкой «(надзор за исполнением законов) о кредитно-банковской деятельности».

Основная часть

Как известно, следуя возложенным на себя обязательствам в сфере противодействия коррупции, вытекающим из международных договоров, Российская Федерация последовательно реализовывала в своей правотворческой политике основные требования к антикоррупционному поведению служащих, что отразилось в первую очередь в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273–ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) и ряде других законодательных актах. Это, в свою очередь, обозначило такой приоритет в прокурорской деятельности, как надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, что подкреплено на практике функционированием с 2007 г. одноименного управления в аппарате Генеральной прокуратуры Российской Федерации, соответствующего отдела в Главной военной прокуратуре, самостоятельных подразделений либо выделенных работников-предметников в прокуратурах регионального звена, а также ведущейся отдельно ведомственной статистической отчетностью по форме К «О реализации органами прокуратуры Российской Федерации отдельных полномочий по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции».

Подчеркнем, что Закон № 273-ФЗ не определяет нормативное наполнение термина «законодательство» в рассматриваемом контексте, закрепляя в ст. 2, что правовую основу противодействия коррупции составляет совокупность правовых актов различной юридической силы, начиная от Конституции Российской Федерации и заканчивая муниципальными правовыми актами. Поэтому с учетом закрепленного в ст. 21 Закона о прокуратуре предмета надзора за исполнением законов мы исходим из равноценности понятий «законодательство» и «закон», поскольку иной подход противоречил бы в том числе и конституционным основам (ч. 1 ст. 129 Конституции России) надзорной деятельности прокуроров.

Не имея целью давать подробную характеристику антикоррупционному законодательству, в котором на протяжении последних тринадцати лет поступательно наращивался потенциал прокуратуры в рассматриваемой сфере, отметим, что к концу второго десятилетия XXI в. стала отчетливо проявляться

потребность в более тесном взаимодействии прокуроров с банковскими структурами, и первым серьезным шагом в этом направлении следует рассматривать дополнение в 2019 г. ст. 7 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79–ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» частью 4, согласно которой органы прокуратуры были управомочены напрямую направлять запросы в иностранные банки и иные иностранные организации, а также в уполномоченные органы иностранных государств при осуществлении проверок исполнения названного законодательного акта, а ч. 6 указанной статьи предусмотрела возможность запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Центральный банк Российской Федерации, который, в свою очередь, обращается в центральный банк и (или) иной орган надзора иностранного государства, в функции которого входит банковский надзор, или к иностранному регулятору финансового рынка с запросом о предоставлении имеющейся у них информации о наличии у определенных лиц счетов (вкладов), наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории России, и (или) иностранных финансовых инструментов, на чем подробно мы останавливались в одной из публикаций [5].

Вместе с тем не решаемый долгое время вопрос с доступом прокуроров к информации о банковских вкладах чиновников и иных лиц в пределах российской юрисдикции к концу 2021 г. разрешился дополнением ст. 26 «Банковская тайна» Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395–I «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон № 395–I) частью пятьдесят первой (в настоящее время – пятьдесят вторая), согласно которой справки по операциям, счетам и вкладам физических и юридических лиц выдаются кредитной организацией Генеральному прокурору Российской Федерации, заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, военным и другим специализированным прокурорам, приравненным к прокурорам субъектов Российской Федерации (далее – прокуроры регионального звена), по их запросам в случае осуществления в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 12 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230 –ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон № 230–ФЗ) контроля за соответствием расходов лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) одну из должностей, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 230–ФЗ, расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга). Напомним, что в свое время мы выделили в своей классификации деятельность по реализации положений этого законодательного акта как самостоятельную функцию, имеющую явную антикоррупционную направленность, но отличную от собственно надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции [6].

В приведенной норме, на наш взгляд, есть один недостаток, который лишает возможности реализовать предоставленное прокурорам право заместителями прокуроров регионального звена, поскольку именно они, как правило, курируют соответствующее антикоррупционное направление прокурорской деятельности, а также прокурорами районного звена. Ведь в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 230–ФЗ

фигурируют в том числе *муниципальные должности* и *должности муниципальной службы*, т. е. вопрос явно находится в плоскости интересов таких прокуроров.

Непосредственно в Законе № 230–ФЗ к инициаторам проведения контрольных мероприятий отнесены *Генеральный прокурор Российской Федерации и / или подчиненные ему прокуроры* (ст. 5, 7, 12), что, собственно, вполне допускало использование аналогичного словосочетания и в процитированной норме ст. 26 Закона № 395–I. Тем более это логично с точки зрения единства терминологии в регулировании вопросов, связанных с одной и той же группой правоотношений. В то же время рискнем предположить, хотя и без претензий на открытие, что все перечисленные в ст. 26 Закона № 395–I прокуроры в силу ст. 129 Конституции России назначаются на должность Президентом Российской Федерации, а потому являются конкретными воплотителями его воли в рассматриваемых правоотношениях, тем более что инициатива проведения прокурором контрольных мероприятий согласно закону может исходить непосредственно от него либо его специального представителя.

Отметим, что в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 14 апреля 2015 г. № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230–ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона», который на момент написания статьи не был скорректирован с учетом рассматриваемых положений ст. 26 Закона № 395–I, прокуроры районного звена определены в качестве активных исполнителей, и в этом смысле наделение их соответствующими полномочиями представляется нелишним.

Следующим шагом в направлении допуска прокуроров к отдельным аспектам банковской тайны явилась новая редакция части седьмой ст. 26 Закона № 395–I, согласно которой справки по операциям, счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией Генеральному прокурору Российской Федерации и его заместителям, а также прокурорам регионального звена по их запросам, направленным в установленном порядке при проведении в соответствии со ст. 8.2 Закона № 273–ФЗ проверки законности получения денежных средств, поступивших на счета лица, замещавшего (занимавшего) должность, осуществление полномочий по которой влечет за собой обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, на счета его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в банках и (или) иных кредитных организациях.

Как видим, круг прокуроров, наделенных соответствующим правом, идентичен отраженному выше, однако основание для его реализации вытекает из другого законодательного акта – Закона № 273–ФЗ, который дополнила вступившая в силу с 17 марта 2022 г. новая ст. 8.2 «Контроль за законностью получения денежных средств». С учетом названия статьи, а также характера правоотношений, входящих в предмет ее регулирования, полагаем возможным высказаться о том, что речь в рассматриваемом случае идет также о контрольной, а не надзорной деятельности прокуроров, и по своей сути эта деятельность является неотъемлемой частью обозначенной нами выше

функции – *контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам* со специфическим, прямо перечисленным в указанной статье объемом полномочий (полагаем, что этот аспект достоин самостоятельного исследования), одним из которых, собственно, и выступает обращение с запросом в кредитную организацию. Наша позиция основана на том, что в рассматриваемой статье ни разу не упоминается о надзорных полномочиях, закрепленных в Законе о прокуратуре, а единственная ссылка на этот законодательный акт приведена в ч. 14 ст. 8.2 в контексте установленной им компетенции прокуроров при рассмотрении поступивших в органы прокуратуры материалов. И здесь нельзя не отметить, что непосредственно Закон о прокуратуре более или менее наглядно прописывает компетенцию только военных прокуроров, да и то без четкого отражения правомочий прокуроров конкретного звена. Вопрос о компетенции прокуроров на протяжении всех трех десятков лет существования Закона о прокуратуре решается на уровне организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации и Главного военного прокурора.

Формально подтверждает наш тезис о функциональном позиционировании рассматриваемой деятельности и название направленного нижестоящим прокурорам в связи с исследуемыми законодательными новеллами информационного письма заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 20.04.2022 № 86-13-2022/Иф5433-22 «О новых полномочиях прокуроров в сфере контроля за законностью получения денежных средств лицами, представляющими сведения о доходах, их супругами и несовершеннолетними детьми».

Обратим внимание на то, что, хотя согласно ч. 4 ст. 8.2 Закона № 273–ФЗ решение о проведении соответствующей проверки принимают «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры», направлять запросы в кредитные и ряд других органов вправе только Генеральный прокурор Российской Федерации, его заместители и прокуроры регионального звена, что прямо корреспондирует части седьмой ст. 26 Закона № 395–I.

Заключение

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что востребованность потенциала прокуратуры в сфере противодействия коррупции обусловила, пусть и с серьезным опозданием, необходимость наделения прокуроров правом на обращение с запросами в кредитные организации по поводу информации о банковских операциях, счетах и вкладах определенной категории лиц, подпадающих под действие ограничений и запретов, связанных с прохождением государственной и муниципальной службы, а также иных аффилированных с ними лиц. Вместе с тем, соглашаясь в целом с позицией законодателя о чрезмерности наделения прокуроров правом на обращение в финансово-кредитные организации как универсальном надзорном полномочии, полагаем, что оно должно применяться по крайней мере в рамках надзора за исполнением Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115–ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который прямо обозначен в ст. 14 этого законодательного акта. А с учетом наличия в ведомственной статистической отчетности по форме ОН строки «о кредитно-банковской деятельности», на что обращалось внимание выше, не лишним видится рассмотрение законодателем

вопроса о реализации указанного полномочия и при осуществлении надзора за исполнением законов о банках и банковской деятельности.

Список цитированных источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Правозащитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной"» // СЗ РФ. – 2015. – № 9. – Ст. 1389.

2. Козина, С. Банковская тайна и прокурорский надзор / С. Козина // Законность. – 2000. – № 9.

3. Паламарчук, А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о банках и банковской деятельности / А. В. Паламарчук // Законность. – 2008. – № 1.

4. Стрельников, В. В. Прокурорский надзор и банковская тайна / В. В. Стрельников // «ЭЖ-Юрист». – 2011. – № 40.

5. Винокуров, А. Ю. О расширении компетенции Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции / А. Ю. Винокуров // Юрид. мир. – 2019. – № 9. – С. 43–46.

6. Винокуров, А. Ю. Контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам как самостоятельная функция прокуратуры / А. Ю. Винокуров // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С. 108–112.

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты нового полномочия российских прокуроров – права на направление запроса в кредитную организацию в рамках противодействия нарушениям антикоррупционного законодательства, которое было закреплено в ряде федеральных законов в 2021–2022 гг. в контексте усиления деятельности по контролю за соответствием расходов отдельных категорий лиц их доходам. Подчеркивается важность данного шага законодателя и высказывается мнение о необходимости наделения прокуроров соответствующим правовым средством выявления нарушений законов применительно к отдельным направлениям надзорной деятельности.

PROSECUTOR'S REQUEST TO CREDIT INSTITUTION IN ANTI-CORRUPTION SYSTEM

Vinokurov A.Yu.

Keywords: request of the prosecutor, control over the compliance of expenses with income, credit organizations, the powers of prosecutors, countering corruption.

Abstract. The article analyzes certain aspects of the new powers of Russian prosecutors – the right to send a request to a credit institution as part of countering violations of anti-corruption legislation, which was enshrined in a number of federal laws in 2021–2022 in the context of strengthening activities to control the compliance of expenses of certain categories of persons with their income. The importance of this step of the legislator is emphasized and the opinion is expressed on the need to empower prosecutors with an appropriate legal means to identify violations of laws in relation to certain areas of supervisory activities.

УДК 347

ДИАЛЕКТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОКУРОРОМ (НА ПРИМЕРЕ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ)

Головко И.И.

Ключевые слова: правонарушение, прокурор, квалификация, проверка, непроверочные действия, стадия деятельности.

Введение

При осуществлении надзора за исполнением законов поступившая в орган прокуратуры информация о нарушении закона изучается прокурором в целях установления оснований проведения проверки исполнения законов. Особенности указанной деятельности исследовали К.И. Амирбеков [1; 2], Ю.О. Карпышева [3]. Учеными обоснованы критерии оценивания информации, выделены признаки деятельности прокурора и раскрыто ее содержание. В настоящей работе уделено внимание диалектике развития знания прокурора о конкретном нарушении закона в рамках обозначенной деятельности.

Основная часть

В соответствии с п. 3 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220–З «О прокуратуре Республики Беларусь» проверки исполнения законодательства проводятся на основании сообщений и других данных о нарушениях законности, требующих непосредственного прокурорского реагирования.

В соответствии с п. 2 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Следовательно, принятию решения о проведении проверки исполнения законов предшествует изучение поступившей в орган прокуратуры информации о нарушении закона. При оценивании сведений о правонарушении основополагающим является установление его события и состава. Также к обязательным для установления сведениям следует отнести возможность подтвердить или опровергнуть сведения без проведения проверки. В свою очередь, установление факта правонарушения не имеет определяющего

значения, т. к. всегда необходимо принятие мер прокурорского реагирования в соответствии с компетенцией прокурора либо инициирование деятельности иных уполномоченных органов и лиц.

В этот момент познавательная деятельность прокурора осуществляется в ситуации неопределенности:

1) из нескольких вариантов признаков состава нарушения закона, которые уместно рассматривать как систему противоречий, противоположностей, определяются конкретные признаки для изучаемого деяния. Это позволяет в первую очередь разграничить преступления, административные правонарушения, гражданские правонарушения и пр. Знание прокурора о правонарушении развивается в результате производимого им отбора, «борьбы» возможных взаимоисключающих характеристик состава деяния. До исчерпания «борьбы» противоположных признаков деяния, т. е. до установления всех необходимых признаков состава правонарушения, невозможно говорить о том, что квалификация нарушения определена либо установлено отсутствие нарушения закона;

2) критериями признания той или иной информации о нарушении закона подтвердившейся или опровергнутой до вынесения решения о проведении прокурорской проверки профессор К.И. Амирбеков определил:

– достоверная идентификация источника и автора информации, поступившей в прокуратуру;

– отсутствие сомнений в правильной квалификации самого нарушения;

– установление субъекта, совершившего нарушение;

– наличие у прокурора достоверной информации о характере вины лица в совершении правонарушения.

При наличии ответов на все четыре вопроса информация о нарушении закона подтверждена, а отсутствие сведений хотя бы по одному из признаков приводит к выводу о невозможности подтвердить информацию [1].

Установленные характеристики деяния обобщаются, приводятся в единство, которое является первым выводом прокурора о правонарушении на основании поступившей в орган прокуратуры информации.

В случае, если прокурором при изучении поступившей информации установлены точные и полные сведения о событии и составе правонарушения, установлено соответствие информации всем критериям признания информации о нарушении закона, подтвердившейся или опровергнутой до вынесения решения о проведении проверки, основания проведения прокурорской проверки отсутствуют. В этом случае имеет место ситуация определенности сведений о правонарушении либо о его отсутствии в связи с наличием реальной возможности формирования правовой оценки деяния и установления отсутствия события деяния, либо определения деяния в качестве неправомерного или правомерного.

В случае невозможности завершить определение квалификации деяния, оценив имеющуюся информацию, прокурор должен прийти к выводу о том, в какой части информации недостаточно или имеющаяся информация спорная, какие источники информации необходимы и пр. Указанные сведения являются определяющими при подготовке к проведению проверки и при проведении проверки исполнения законов.

В результате проверки некоторые характеристики деяния могут не подтвердиться, возможно будут уточнены и дополнены новыми сведениями. В связи с этим результат проверки исполнения законов не только базируется на предпроверочном выводе, но и отрицает вывод по итогам предпроверочного изучения информации. Таким образом, в ходе развития знания прокурора о правонарушении имеет место отрицание отрицания составляющих комплекса сведений о правонарушении. Предварительная характеристика правонарушения за счет получения новых данных преобразуется в точную квалификацию деяния, знания о правонарушении приобретают новое качество. Может иметь место ситуация, когда новые сведения позволяют сделать вывод об отсутствии правонарушения, что также является результатом перехода количества в качество, только с противоположным результатом.

Таким образом, в случае принятия решения о проведении проверки имеющаяся до проверки неопределенность должна в результате проверки перейти в определенность знания о деянии. Формируя правовую оценку поведения участников правоотношений, прокурор приходит к одному из двух выводов – деяния правомерные либо неправомерные (противоправные). Аналогичным образом должны оцениваться решения уполномоченных органов и лиц – как правомерные либо неправомерные.

Отметим, что неопределенность может иметь место не только до проверки, но и в ходе проверки, когда получены сведения, указывающие на наличие в деятельности проверяемого органа (организации) иных нарушений законов, требующих принятия мер прокурором, которые невозможно подтвердить или опровергнуть без проведения проверки (ситуация отражена в п. 3 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). В таком случае познавательная деятельность прокурора осуществляется от изучения информации в ходе предпроверочной деятельности по новому факту нарушения закона до выявления правонарушения в ходе проверки.

Таким образом, изучение поступившей информации о нарушении закона до принятия решения о проведении проверки (предпроверочная деятельность) и последующая проверка исполнения закона связаны отношениями отрицания отрицания и перехода количества в качество.

В публикациях, посвященных деятельности прокурора от момента получения информации о правонарушении до принятия решения о проведении проверки, акцентировано внимание на следующих ее особенностях: определены действия, которые вправе совершать прокурор; обоснован вывод о необходимости принятия прокурором мер в связи с установлением факта правонарушения. Как отмечает К.И. Амирбеков, в ходе изучения поступившей в прокуратуру информации прокурор осуществляет непроверочные действия: сбор информации из открытых источников или путем получения ответов на запросы; накопление и анализ информации; установление источника и автора информации; выбор и принятие мер прокурорского реагирования для устранения выявленного нарушения и привлечения нарушителя к установленной законом ответственности; осуществление контроля за рассмотрением актов реагирования [2]. Прокурор обязан сам принять меры к их устранению или инициировать необходимую деятельность уполномоченных лиц в связи с нарушениями закона, сведения о которых установлены без проведения проверки [2].

Рассмотренные особенности реализации полномочий прокурора по надзору за исполнением законов позволяют обосновать представление о месте изучаемой деятельности прокурора в системе деятельности прокурора по надзору за исполнением законов.

А.Д. Берензон и В.Г. Мелкумов [6, с. 5] в условиях действия законодательства СССР в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов определяли следующие стадии:

– выявление нарушений законов и обстоятельств, им способствующих;

– анализ полученных сведений;

– реагирование на выявленные нарушения законов и обстоятельства, им способствующие;

– проверки результативности актов прокурорского реагирования.

Ранее мы пришли к выводу, что предпроверочная деятельность и проверка не связаны отношениями общего и частного. Также К.И. Амирбеков определяет действия прокурора до и после проверки как находящиеся за рамками проверки [1]; Ю.О. Карпышева «проверку прокурором информации о нарушениях закона» рассматривает как одну из стадий прокурорского надзора за исполнением законов [3].

Кроме этого, различие следует из особенностей познавательной деятельности прокурора. Предпроверочная деятельность прокурора ограничивается работой с поступившей информацией, осуществлением непроверочных действий, перечень которых обосновал К.И. Амирбеков [2]. В результате устанавливаются сведения о нарушениях законов.

В свою очередь, проверочная деятельность прокурора посвящена сбору и исследованию информации, выявлению признаков правонарушения. Так, А.Д. Берензон и Т.Л. Маркелов полагали, что проверка исполнения закона прокурором есть расследование правонарушения [7, с. 84]. К.Ф. Скворцов отмечал, что «выявление означает обнаружение признаков нарушения закона» [8, с. 14–15]. В.Д. Ломовский определил проверку как деятельность прокурора по выявлению (исследованию) обстоятельств правонарушения, установлению лиц, допустивших нарушение, других имеющих значение фактов и обстоятельств, осуществляемую путем производства конкретных прокурорско-надзорных действий [9, с. 7]. Авторский коллектив учебника «Прокурорский надзор» указывает, что прокурорская проверка – это совокупность проводимых прокурорами мероприятий в отношении поднадзорных органов и должностных лиц [10, с. 175].

Предпроверочная деятельность может быть рассмотрена как самостоятельная деятельность в связи с отличиями от прокурорской проверки, а также наличием между ними отношений отрицания отрицания и перехода количества в качество. Учитывая, что переход в качественно иное состояние определяют как этапы [11, с. 44; 12, с. 37; 13, с. 55], как скачок [14, с. 339] или ступени развития [15, с. 112], имеются основания рассматривать предпроверочную деятельность прокурора как самостоятельную деятельность, которая осуществляется в рамках отдельной предпроверочной стадии деятельности по надзору за исполнением законов.

Заключение

В статье рассмотрены особенности диалектики развития знания прокурора о конкретном нарушении закона на предпроверочной стадии надзора

за исполнением законов. Результаты настоящего исследования позволяют определить некоторые возможные направления изучения предпроверочной стадии и в целом прокурорской деятельности.

Необходимо отметить, что предпроверочная стадия и проверка, а в случае наличия оснований также административное преследование и участие прокурора в рассмотрении дел судами связаны единством доказательственной базы. Это актуализирует обращение внимания на вопросы работы с информацией, вопросы оформления и оценивания доказательств. Определение места предпроверочной стадии в системе деятельности прокурора предполагает обоснование особенностей ее правового регулирования.

Список цитированных источников

1. Амирбеков, К. И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) / К. И. Амирбеков // Рос. следователь. – 2020. – № 2. – С. 63–68.

2. Амирбеков, К. И. Невозможность подтверждения или опровержения информации о фактах нарушения законов как основание проведения прокурорской проверки исполнения законов / К. И. Амирбеков // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 61–64.

3. Карпышева, Ю. О. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов : монография / Ю. О. Карпышева. – Иркутск : Иркутский юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 147 с.

4. Берензон, А. Д. Работа прокурора по общему надзору: Вопросы общей методики / А. Д. Берензон, В. Г. Мелкумов ; отв. ред. И. В. Черменский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 144 с.

5. Берензон, А. Д. Повышение эффективности общенадзорной деятельности прокуратуры / А. Д. Берензон, Т. Л. Маркелов // Проблемы эффективности прокурорского надзора. – М. : Юрид. лит., 1977. – 160 с.

6. Скворцов, К. Ф. Функции и цели системы органов прокуратуры / К. Ф. Скворцов // Проблемы эффективности прокурорского надзора. – М. : Юрид. лит., 1977. – 160 с.

7. Ломовский, В. Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учеб. пособие / В. Д. Ломовский. – Тверь, 1993. – 75 с.

8. Прокурорский надзор : учеб. для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – М. : Юрайт, 2014. – 639 с.

9. Стадник, В. П. Отрицание отрицания как закон функционирования / В. П. Стадник // Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития : сб. науч. тр. – Свердловск : Изд. УрГУ, 1984. – 152 с.

10. Семашко, Л. М. Структура разрешения противоречия / Л. М. Семашко // Категории диалектики : межвуз. сб. науч. тр. / МВ и ССО РСФСР, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Вып. 4 : Структурный анализ диалектического противоречия / отв. ред. В. В. Ким. – Свердловск : УрГУ, 1975. – 156 с.

11. Материалистическая диалектика : в 5 т. / под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. – Т. 1 : Объективная диалектика / отв. ред. тома Ф. Ф. Вяккеров. – М. : Мысль, 1981. – 374 с.

12. Материалистическая диалектика как общая теория развития / под ред. Л. Ф. Ильичева. –Т.1. Философские основы теории развития. – М. : Наука, 1982. – 497 с.

13. Ермаков, В. И. О способе разрешения антиномии меновой и потребительной стоимости / В. И. Ермаков // Категории диалектики : межвуз. сб. науч. тр. / МВ и ССО РСФСР, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Вып. 4 : Структурный анализ диалектического противоречия / отв. ред. В. В. Ким. – Свердловск : УрГУ, 1975. – 156 с.

Аннотация. В статье на основании применения законов диалектики раскрываются последовательность и особенности познавательной деятельности прокурора по надзору за исполнением законов от момента поступления сведений о нарушении закона до проведения проверки исполнения законов. Изучены нормативные правовые акты о прокуратуре Республики Беларусь и Российской Федерации. Установлены закономерности развития знания прокурора о наличии нарушения закона и о квалификации установленного деяния. Подчеркивается самостоятельность этой стадии деятельности прокурора относительно иных стадий надзорной деятельности; данная стадия деятельности прокурора определена как предпроверочная. На основании полученных результатов обозначены некоторые актуальные направления научных исследований предпроверочной деятельности прокурора. Сформированные в статье выводы и предложения направлены на повышение эффективности прокурорской деятельности по надзору за исполнением законов.

DIALECTICS OF THE QUALIFICATION OF AN OFFENSE BY A PROSECUTOR (ON THE EXAMPLE OF SUPERVISION OF THE EXECUTION OF LAWS)

Golovko I.I.

Keywords: offense, prosecutor, qualification, verification, non-verification actions, stage of activity.

Abstract. Based on the application of the laws of dialectics, the article reveals the sequence and features of the cognitive activity of the prosecutor for the supervision of the execution of laws from the moment of receipt of information about the violation of the law to the verification of the execution of laws. Regulatory legal acts on the Prosecutor's Office of the Republic of Belarus and the Russian Federation have been studied. The regularities of the development of the prosecutor's knowledge about the existence of a violation of the law and about the qualification of the established act are established. The independence of this stage of the prosecutor's activity from other stages of supervisory activity is emphasized, the stage of the prosecutor's activity is defined as pre-verification. On the basis of the results obtained, some relevant areas of scientific research of the prosecutor's pre-verification activity are identified. The conclusions and proposals formed in the article are aimed at improving the efficiency of prosecutorial activities for the supervision of the execution of laws.

УДК 343.163

О ПОЛНОМОЧИЯХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ НАКАЗАНИЙ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Джи М.

Ключевые слова: прокурорский надзор, формы прокурорского надзора, надзор за исполнением наказаний, прокуратура КНР.

Введение

В Китайской Народной Республике (далее – КНР) в силу сложности происхождения и уникальности исторического развития органы прокуратуры обладают уникальными и обширными полномочиями, которые в совокупности можно назвать надзором за законностью. Полномочия органов прокуратуры

предусмотрены Конституцией, Уголовно-процессуальным законом (УПЗ) и Органическим законом о народных прокуратурах КНР (ОЗНП), который включает в себя полномочия по осуществлению процессуального надзора, поддержанию государственного обвинения, участие в судебном разбирательстве в общественных интересах, утверждение или принятие решения об аресте, расследование и другие полномочия, предоставленные соответствующими законами. В данной статье рассматриваются полномочия по надзору за исполнением наказаний, которыми обладают органы прокуратуры Китая (функции, характеристики, существующие проблемы и предложения по улучшению такого надзора), а также защита прав заключенных как одна из функций надзора за исполнением наказаний.

Основная часть

В соответствии со ст. 134 Конституции КНР народная прокуратура Китая является государственным органом надзора за законностью. Надзор за исполнением наказаний является одним из важных направлений правового надзора органов прокуратуры в Китае.

В Китае полномочия органов прокуратуры по надзору за исполнением наказаний означают, что согласно УПЗ и ОЗНП органы прокуратуры осуществляют надзор для установления соответствия закону деятельности по исполнению наказаний и надзорной деятельности органов исполнения наказаний (это в основном тюрьмы, которые являются специальными органами исполнения наказаний, и места содержания под стражей, где находятся подозреваемые и обвиняемые, участвующие в уголовном процессе, а также некоторые категории осужденных).

Для выполнения данной функции и более эффективной защиты прав заключенных в органах прокуратуры Китая созданы отделы, которые отвечают за надзор за законностью деятельности по исполнению наказания.

Для обеспечения законности деятельности тюрем и мест содержания под стражей и защиты заключенных надзор органов прокуратуры включает два предмета:

1) исполнение решений и постановлений народных судов по уголовным делам, поддержание уважения к закону и обеспечение единообразного и правильного исполнения закона;

2) обеспечение законных прав и интересов преступников, находящихся в тюрьме, для поддержки справедливости и правосудия в местах надзора и перевоспитания.

Законные права и интересы лиц, содержащихся в тюрьме или месте содержания под стражей, наиболее уязвимы для ущемления в силу особого положения этих лиц. Однако защита прав уязвимых групп населения является важным доказательством уровня стандартов прав человека в стране. Поэтому в Китае защита прав человека уязвимых групп, особенно находящихся в заключении, является неизбежным требованием для построения правового общества.

Прокурорами осуществляется надзор за законностью поступления лиц в места содержания под стражей и законностью освобождения из указанных мест. Целью такого надзора является предотвращение незаконного задержания или продления срока содержания под стражей, а также защита граждан от произвольного задержания и ареста. В ходе надзора проверяется законность

нахождения подозреваемого или обвиняемого в месте содержания под стражей, а также законность и выполнение всех необходимых процедур, наличие требуемых документов; кроме того, проверяется законность освобождения подозреваемых. Что касается тех лиц, которые не должны были быть задержаны или арестованы, в отношении которых дела не должны были быть возбуждены или были прекращены, или тех лиц, которые были признаны невиновными или не должны были быть подвергнуты уголовному наказанию, или в отношении которых должны были быть использованы другие принудительные меры, или срок лишения свободы истек, следует проверить, освободили ли этих лиц из тюрьмы, места содержания под стражей, другого места задержания, а также было ли это освобождение своевременным.

Если прокуроры обнаруживают, что в тюрьме или месте содержания под стражей незаконно содержатся граждане или задержанных вовремя не освободили, предложения по исправлению ситуации немедленно направляются руководству. При обнаружении того, что подозреваемые и обвиняемые незаконно находятся под стражей длительное время, предложения по исправлению ситуации направляются в подразделения, уполномоченные разрешать соответствующие вопросы.

Прокурорами также осуществляется надзор за тюрьмами и местами содержания под стражей для обеспечения выполнения закона, а также управления указанными учреждениями в соответствии с научными достижениями. Целью такого надзора является обеспечение гуманного обращения с заключенными и полной защиты их законных личных и демократических прав. Для этого проверяются: подвергались ли задержанные пыткам, физическому жестокому обращению; горячая ли у них еда, хорошо ли она приготовлена, не голодны ли они, чисто ли и безопасно ли питание; соответствуют ли условия жизни и медицинские условия требованиям закона и процедурам; могут ли содержащиеся под стражей лица обратиться к врачам и получить своевременное лечение; есть ли у задержанных возможность связаться со своими родственниками и увидеться с ними. При привлечении заключенных к работам проверяется соблюдение режима рабочего времени, применение мер безопасности и охраны труда. Кроме того, устанавливаются факты применения оружия, специальных средств и мер изоляции задержанных.

Одним из видов надзора является надзор за законностью изменения наказания, смягчения его, условно-досрочного освобождения лица и исполнения наказания за пределами тюрьмы на временной основе. Цель этого вида надзора – обеспечить заключенным равные возможности на применение к ним указанных мер. Если выявлены заключенные, которым следует смягчить наказание, условно-досрочно освободить или исполнить наказание вне тюрьмы, но эти меры не были применены к ним, прокуроры имеют право рекомендовать исполнительным органам обеспечить применение этих мер к заключенным, вставшим на путь исправления.

Организация надзора за исполнением наказаний в Китае включает в себя следующие виды.

Текущий надзор. Для осуществления такого надзора в тюрьмах и местах содержания под стражей создаются прокуратуры или в эти учреждения командируются прокуроры. Преимущество такого надзора – оперативное выявление всех видов нарушений закона. Однако поскольку сотрудники

прокуратуры и тюремные надзиратели работают вместе и находятся в постоянном контакте, то определенная «ассимиляция» может привести к снижению качества надзора.

Система текущего надзора на местах делает более удобным общение заключенных и их родственников с прокурорами для защиты законных прав и интересов заключенных. Прокуроры создают систему приема заключенных и их родственников для посещения, написания писем, подачи жалоб и ходатайств о повторном судебном разбирательстве, а также для получения от заключенных сообщений о совершении преступлений.

Прокурорская выездная проверка. В рамках реформы прокуратуры с 2018 г. осуществляется продвижение выездной прокурорской работы, в том числе в тюрьмы. Традиционная стационарная работа играет важную роль в надзоре за деятельностью тюрем, но при этом имеется проблема распределения надзорных и исполнительных обязанностей [1].

Имеющиеся примеры показывают эффективность выездной работы, возможность обнаружения и исправления серьезных нарушений. Так, в ходе выездной проверки органами прокуратуры провинции Хэнань были обнаружены недостатки, которые привели к возбуждению расследования в отношении семи надзирателей и привлечению шести командированных прокурорских работников к ответственности [2].

Специальные проверки. В рамках данных проверок прокуроры изучают особые аспекты деятельности тюрем и мест содержания под стражей, что позволяет выявлять и исправлять случаи незаконного продления срока содержания под стражей.

Длительное содержание под стражей на этапах уголовного расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства не только серьезно нарушает права подозреваемого и обвиняемого, а также препятствует реализации функции защиты прав человека в уголовно-процессуальном законодательстве Китая и наносит ущерб имиджу органов общественной безопасности и судебных органов.

В 2003 г. такие проверки были проведены по всей стране. Иногда местные прокуратуры проводят такие проверки самостоятельно (например, прокуратура уезда Цзиннин провинции Чжэцзян в 2018 г. [3]).

В целях реализации позиции Центрального комитета Коммунистической партии Китая об усилении правового надзора за органами прокуратуры и осуществлении политики уголовного правосудия «меньше арестов, осторожное преследование и осторожное содержание под стражей» Верховная Народная Прокуратура (ВНП) с июля 2021 г. по декабрь 2021 г. провела работу по пересмотру необходимости содержания под стражей по всей стране, что дало положительные результаты. В этот период уровень досудебного содержания под стражей снизился до 40,47 %, что почти на 5 процентных пунктов ниже, чем в первой половине года, и на 3 процентных пункта ниже, чем за тот же период 2020 г. В четвертом квартале уровень досудебного содержания под стражей снизился до 36,31 %. Учитывая изложенное, ВНП приняла решение продлить специальную деятельность еще на один год, а круг рассматриваемых дел расширить до всех дел, которые связаны с содержанием под стражей [4].

Расследование преступлений. После масштабной реформы 2018 г. подавляющее большинство должностных преступлений расследуется

надзорными комиссиями всех уровней, а прокуратура отвечает только за рассмотрение и преследование по этим делам. Однако прокуратура по-прежнему сохраняет небольшую часть полномочий по расследованию должностных преступлений, ущемляющих гражданские права и наносящих ущерб судебной справедливости, совершенных судебными работниками, которые злоупотребляют своими полномочиями (в частности, незаконное задержание, вымогательство признания под пыткой, незаконный обыск и другие преступления, посягающие на права граждан и нарушающие правосудие, совершенные работниками аппарата суда с использованием своих функций и полномочий).

Следует отметить особенности защиты прокуратурами в Китае законных прав и интересов заключенных. Сегодня защита прав человека в мире является одной из важных проблем. Китайское правительство всегда уделяло большое внимание этой теме и уважает права человека. В марте 2004 г. Всекитайское собрание народных представителей закрепило в Конституции, что «государство уважает и защищает права человека», что является вехой развития прав человека в Китае. Данное положение относится к любому китайцу, а значит, и к преступникам, подозреваемым и обвиняемым. Даже если эти лица, находящиеся под стражей, лишены личной свободы, у них все еще есть другие права, а именно:

общие права человека, такие как право на выборы, свобода слова, а также достоинство, безопасность, законная собственность и свобода вероисповедания;

права, предусмотренные специальными законами: право не быть задержанным незаконно или задержанным свыше срока содержания под стражей, право на изменение или отмену принудительных мер; право на защиту, право на жалобы, апелляции и сообщения; право не подвергаться пыткам, жестокому обращению, право писать письма, встречаться с родственниками и покидать тюрьмы для посещения своих семей и родственников; право на элементарные условия жизни, основные условия охраны здоровья, а в случае болезни – на посещение врача; право на отдых и работу; право на административные и уголовные поощрения, такие как смягчение наказания, условно-досрочное освобождение и др. и право на своевременное освобождение в соответствии с положениями закона.

К принципам защиты прав человека органами прокуратуры в Китае относятся профессионализм, непосредственность и эффективность.

Профессионализм. Для его обеспечения в прокуратурах создаются отделы по исполнению наказаний; имеются специальные прокуроры, которые отвечают за тюрьмы, исправительные учреждения, чтобы защитить права лиц, находящихся под стражей.

Непосредственность. Аккредитация прокуроров при тюрьмах и местах содержания под стражей позволяет осуществлять надзор непосредственно и незамедлительно. Наличие мест для приема жалоб, сообщений и обращений от заключенных и их родственников для выявления незаконных действий, нарушающих права заключенных, позволяет оперативно исправить эти незаконные действия или внести письменные предложения по исправлению.

С развитием технологий методы прокурорского надзора также становятся все более совершенными. Сегодня многие тюрьмы и места содержания под стражей применяют Интернет для надзора и совместного использования информации;

прокуроры могут использовать видео для оперативного надзора за деятельностью по исполнению наказания. Они могут в любое время проверить деятельность лиц, находящихся под стражей, и деятельность полиции по исполнению наказания, чтобы выявить незаконные действия, нарушающие законные права заключенных, и вовремя их исправить.

Эффективность. Достигается сочетанием полномочий прокурора по расследованию преступлений с полномочиями по надзору. При обнаружении того, что полицейские в тюрьмах и местах содержания под стражей нарушают права заключенных и их действия образуют состав преступления, они могут возбудить соответствующее дело.

С учетом изложенного, органы прокуратуры Китая эффективно и добросовестно выполняют свои обязанности: исправляются незаконные действия, имеющие место в ходе следствия, суда, исполнения наказания и содержания под стражей, расследуются случаи использования служебного положения, которые нарушают права задержанных, такие как незаконное продление срока содержания под стражей, пытки и др. В 2020 г. органы прокуратуры по всей стране осуществили надзор и корректирующие действия в отношении 51 000 лиц, что на 33 % больше по сравнению с предыдущим годом [2].

Заключение

Исполнение наказания имеет важное значение, т. к. является заключительной процедурой в процессе реализации функций наказания. Надзор за исполнением наказания является важной частью полномочий органов прокуратуры. В надзоре за наказаниями имеется ряд проблем, таких как недостаточность средств надзора, невнимательность, формализм. На основе изученного опыта Англии в данной сфере возможно рекомендовать следующие меры по повышению эффективности надзора за законностью исполнения уголовных наказаний и укрепления законности.

Создание комитета по надзору в органах прокуратуры. Члены этого комитета могут привлекаться из всех слоев общества, готовых заниматься надзором за наказаниями [5]. Им может быть предоставлено право, например, посещать тюрьмы в любое время, беседовать и общаться с преступниками по своему желанию, создавать отчет об увиденном или услышанном, публиковать его в Интернете и / или представлять его отчеты местным властям, министру юстиции, генеральному прокурору ВНП и даже Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. Эффективность такого надзора была бы значительной, благодаря высокой прозрачности, широкому распространению и влиянию такой информации.

Создание Бюро независимого надзора за тюрьмами. Примером для такого Бюро является соответствующее учреждение в виде Совета, который существует в Англии при каждой тюрьме и состоит из 12–20 независимых обычных людей из региона, в котором находится тюрьма. Члены совета работают на безвозмездной основе, осуществляя ежедневный и полный контроль за тюрьмой. Таким образом, этот вид надзора за работой тюрьмы не менее эффективен, чем специальные прокурорские мероприятия в Китае.

Бюро должно осуществлять плановые и внеплановые проверки. Члены Бюро должны обладать квалификацией в области управления и здравоохранения, чтобы иметь возможность своевременно выявить проблемы и дать советы

по улучшению. Выводы отчета должны играть решающую роль в работе тюрьмы и положении ее руководителя.

И для Комитета, и для Бюро необходимо обеспечить наличие:

независимости (не должны находиться при тюрьмах; зарплата, работа, продвижение по службе и другие аспекты также не должны зависеть от тюрем);

права свободного доступа в тюрьму в любое время и в любом месте, без согласия или одобрения администрации;

свободы беседы с преступниками, которые должны иметь право высказывать свои проблемы.

В заключение отметим, что только при одновременном выполнении вышеуказанных условий Комитет и Бюро могут заниматься надзором за повседневной деятельностью тюрьмы и давать независимую и точную оценку происходящему в тюрьме, основываясь на критериях проверки, тогда надзор будет считаться осуществимым и эффективным.

Список цитированных источников

1 Han, K. Research on the boundary between supervision responsibility and execution responsibility of the procuratorial work in prison / K. Han // Chinese Prosecutors. – 2020. – Vol. 12. – P. 26.

2. Zhang, J. Work Report of the Supreme People's Procuratorate, at the fourth session of the 13th National People's Congress on March 8, 2021 / J. Zhang // the Supreme People's Procuratorate of China. – Mode of access: https://www.spp.gov.cn/ – Date of access: 03.03.2022.

3. Shen, B. Jingning County procuratorate of Zhejiang province carried out a special inspection activity for extended detention of detainees / B. Shen, T. Ye. – Mode of access: http://www.jcrb.com/procuratorate/jcpd/201810/t20181008_1912876.html. – Date of access: 08.10.2018.

4. Shi, Zh. The Supreme People's Procuratorate decided to extend the special activity of reviewing the necessity of detention for one year / Zh. Shi // Procuratorial Daily. – 2022. – February 19. – P. 01.

5. Chen, W. The Development and Improvement of the People’s Supervisors in the New Era / W. Chen [etc.] // Law Science. – 2019 – Vol. 3. – P. 3–16.

Аннотация. В целях эффективного осуществления функции надзора за исполнением законодательства в деятельности тюрем и мест заключения, а также более эффективной защиты законных прав и интересов лиц, содержащихся под стражей, в органах прокуратуры Китая созданы соответствующие отделы. Формы осуществления такого надзора делятся на четыре вида: текущий надзор, специальная проверка, прокурорская проверка уголовно-исполнительной системы, расследование преступлений, связанных с исполнением наказаний. Защита прав и законных интересов заключенных, осуществляемая прокуратурами в Китае, характеризуется профессионализмом, эффективностью и незамедлительностью. Однако поскольку в осуществлении этого вида надзора все еще существуют некоторые проблемы, в статье выдвинуты предложения о создании Комитета по надзору при органах прокуратуры и независимого Бюро по надзору за тюрьмами. Сделан вывод о том, что конечная цель надзора – стремиться к тому, чтобы население чувствовало честность и справедливость в каждом судебном деле.

ON THE POWER OF PROCURATORIAL AUTHORITIES TO SUPERVISE THE EXECUTION OF PENALTY AND THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Ji M.

Keywords: procuratorial supervision, forms of procuratorial supervision, supervision of execution punishments, Prosecutor's Office of China.

Abstract. In order to effectively perform the function of legal supervision to supervise the activities of prisons and detention houses and better protect the lawful rights and interests of the detained persons, the procuratorial organs of China set up a procuratorial department. The Work Patterns of such supervision are divided into four kinds: routine supervision, special inspection, the procuratorial circuit inspection and the investigation of related duty crimes. The characteristics of protecting the prisoner's legal rights and benefits by the procuratorates in China are professional, effective and immediate. However, since there are still some existing problems several suggestions to establish a committee of supervision within the procuratorial organs and an independent supervision bureau of prisons. The conclusion is made that the ultimate goal of supervision is to strive to make the people feel fairness and justice in every judicial case.

УДК 349.6

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРИРОДООХРАННОЙ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дицевич Я.Б., Колобов Р.Ю.

Ключевые слова: органы прокуратуры, природоохранная деятельность, законодательство, нарушения, экология.

Введение

Органами прокуратуры во многих государствах реализуются важнейшие полномочия в области охраны окружающей среды. При этом имеющая место специфика прокурорской деятельности в природоохранной сфере в тот или иной период времени на конкретной территории, равно как и деятельность иных органов власти в рассматриваемой области, обусловлена в том числе

историческими, политико-экономическими и природоресурсными особенностями местности той или иной страны.

В России спектр полномочий прокуроров в сфере охраны окружающей среды весьма обширен. При этом в последнее десятилетие в деятельности прокурорских работников по укреплению законности в сфере экологии заметны ощутимые успехи, обусловленные, помимо прочего, увеличением количества специализированных природоохранных прокуратур, а также ростом внимания руководства ведомства к экологическим проблемам.

Основная часть

На основе успешного опыта работы действующей с 1990 г. Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры в 2017 г. в целях активизации решения экологических проблем созданы Байкальская межрегиональная и Амурская бассейновая природоохранные прокуратуры. В период 2018–2021 гг. подписаны и реализованы договоры и программы сотрудничества Генеральной прокуратуры России с аналогичными ведомствами Монголии и Китая [1]. В 2021 г. Генеральным прокурором России подписан новый специализированный приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании», где более четко, по сравнению с действовавшим с 2014 г. подобным документом, отражена специфика природоохранной деятельности, задачи и особенности осуществления надзора органами прокуратуры в целях укрепления законности в сфере экологии в Российской Федерации [2]. В 2022 г. организован и проведен всероссийский конкурс на лучшего природоохранного прокурора, в котором приняли участие прокурорские работники из различных регионов России, чья деятельность непосредственно связана с охраной окружающей среды [3].

Применение достижений научно-технического прогресса в природоохранной деятельности государственных органов (включая органы прокуратуры), несомненно, способствует уменьшению латентности экологических правонарушений, благодаря их более полному и быстрому выявлению. Эффективность в борьбе с нарушениями лесного, земельного законодательства показало использование данных космического мониторинга (с учетом произошедшего в последние годы повышения качества разрешительной способности соответствующих технических устройств). Так, применение данных космического мониторинга в целях выявления лесонарушений существенно увеличивает выявляемость фактов незаконных рубок (как за период прошлых лет, так и совершаемых во время проведения проверочных мероприятий).

Не менее необходимым является и использование прокурорами существующих информационных систем, баз и банков данных в рамках созданной в России системы государственного экологического мониторинга (при осуществлении надзора за деятельностью природоохранных органов, которыми допускается немало нарушений в данной сфере). В частности, на сайтах территориальных управлений Росгидромета, Росприроднадзора, Росреестра, Ростехнадзора, иных федеральных природоохранных ведомств, а также на сайтах государственных природоохранных органов субъектов Российской Федерации (в том числе органов регионального экологического надзора) в открытом доступе размещается актуальная для осуществления прокурорского надзора экологически значимая информация.

Анализ природоохранной прокурорской деятельности приводит к выводу о том, что превентивные возможности подобных направлений деятельности, связанной с применением новых технологий, на сегодняшний день используются далеко не в полном объеме. При этом нередко именно органами прокуратуры принимаются меры для воспрепятствования участившимся нарушениям, случаи совершения которых при использовании новых технологий в работе по охране окружающей среды, к сожалению, невозможно исключить. Например, прокурорами в Иркутской области, Забайкальском крае выявлялись факты сокрытия информации о крупных незаконных рубках работниками региональных органов управления лесами, осуществлявшими обработку карточек дешифрирования.

Использование аналитических возможностей технологий больших данных, оправданно считающееся перспективным в современной научной и практической природоохранной деятельности, становится одной из наиболее востребованных задач в современном государственном экологическом управлении [4]. В природопользовательской деятельности участники также активно используют вышеуказанные и другие преимущества цифровой трансформации процессов сбора, хранения и применения больших объемов информации, формируемой при осуществлении деятельности, связанной с негативным воздействием на окружающую среду [5; 6].

Ввиду отмечаемого в настоящее время сокращения полномочий органов государственного экологического надзора следует отметить актуальность вопросов повышения эффективности производственного и общественного экологического контроля, результаты которых могут содержать значимую для прокурора информацию о нарушениях. В этой связи природоохранными и территориальными прокурорами в сотрудничестве с работниками Университета прокуратуры России и его филиалов проводится деятельность, направленная на совершенствование организационных и правовых основ данных институтов экологических правоотношений.

В последнее пятилетие отмечается укрепление правовой базы деятельности общественных инспекторов в сфере охраны окружающей среды, чей правовой статус в немалой степени сравним с комплексом прав и обязанностей общественных экологов в Беларуси. Прежде всего утвержден приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от12 июля 2017 г. № 403 «Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды». В начале 2022 г. представителями законодательной и исполнительной власти федерального уровня инициирована подготовка законопроекта, в котором уточняется и укрепляется правовой статус данных участников экологических правоотношений [7; 8].

В обучении лиц, претендующих на присвоение статуса общественного экологического инспектора, основам знаний в области правовой охраны природы принимают участие работники правоохранительных органов, в том числе органов и организаций прокуратуры России. В частности, авторами настоящей публикации в 2020–2022 гг. принято участие в эколого-просветительском федеральном проекте «ЭКОшкола общественных экологических инспекторов», реализуемом всероссийской общественной организацией «Общероссийский народный фронт» (ОНФ) в рамках выполнения

задач, закрепленных в паспорте национального проекта «Экология». Подготовлены видео-лекции по отдельным темам правовой охраны природы. При этом по состоянию на 1 марта 2021 г. в проекте приняли участие в качестве зрителей обучающих видео-лекций более 4 тыс. человек из 77 регионов России [9]. Помимо этого, осуществляется эколого-просветительская деятельность в многофункциональном мессенджере Телеграм [10; 11].

Кроме того, принимая во внимание эффективность указанных научных собраний, авторы данной статьи участвуют в организации и проведении круглого стола «Проблемы предупреждения нарушений экологического законодательства» на базе Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры России, в котором принимают участие природоохранные и территориальные прокуроры из различных российских регионов, представители эколого-правовой науки, природоохранных государственных органов и институтов гражданского общества (например, в круглом столе, проводимом в мае 2022 г., участвовало около 300 человек). Материалы по итогам данных мероприятий размещаются в открытом доступе на сайте ИЮИ (ф) УП РФ «Конференции и круглые столы» [12]. При этом в честь 10-летнего юбилея вышеуказанного ежегодного мероприятия в мае – июне 2023 г. планируется проведение Международного Байкальского природоохранного форума.

Для обеспечения эффективности природоохранной деятельности и развития системы экологического мониторинга целесообразным представляется усиление надзора в сфере использования и обработки данных экологического мониторинга государственными природоохранными органами; развитие сети наблюдательных пунктов (центров) за состоянием окружающей среды, их обновление и совершенствование деятельности (на сегодняшний день в полном объеме данная сеть не сформирована, более того в недавние годы отмечалось сокращение числа наблюдательных пунктов Росгидромета).

В рассматриваемой сфере видится перспективной и подлежащей распространению практика межрегиональных природоохранных прокуратур по применению мер судебного понуждения к органам власти субъектов Российской Федерации в целях создания указанными природоохранными органами условий для осуществления наблюдений за состоянием окружающей среды [13, с. 72].

Заключение

В свете отмечаемой ранее тенденции сужения полномочий органов государственного экологического надзора повышается значимость деятельности по активизации производственного и общественного экологического контроля (результаты которых также могут содержать значимую для прокурора информацию о нарушениях).

Отмечаемые трансформации в организации природоохранной деятельности прокуратуры предопределяют необходимость корректировки подходов к реализации прокурорами полномочий по укреплению законности в экологической сфере, состоящей прежде всего в расширении направлений рассматриваемой работы прокурора, в том числе за счет выделения, наряду с собственно природоохранной деятельностью прокуратуры, направлений прокурорской деятельности по обеспечению законности в сфере природопользования и в области обеспечения экологической безопасности государства и общества.

Список цитированных источников

1. Перечень подписанных двусторонних соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств (по состоянию на март 2022 г.) // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation/sogl/so. – Дата доступа: 31.07.2022.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере : приказ Генерального прокурора Российской Федерации, 15 апр. 2021 г., № 198 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

3. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации определен победитель конкурса профессионального мастерства среди работников природоохранных прокуратур // Новости прокуратуры Российской Федерации : официальный сайт. – Режим доступа: https://procrf.ru/news/2517924-v-generalnoy-prokurature-rf-opredelen-pobeditel-konkursa-professionalnogo-masterstva-sredi.html?ysclid=l6af51grx7150308856. – Дата доступа: 31.07.2022.

4. В университетах России отмечается развитие деятельности в данном направлении (см. : Эксперт: эпоха Big Data – вызов для наук об окружающей среде) // Томск. гос. ун-т : официальный сайт. – Режим доступа: http://bio.tsu.ru/node/6489.

5. Например, в группе «Газпром нефть» для управления юридическими рисками, анализа итогов и динамики проверок государственных органов, судебных разбирательств, нарушений прав на интеллектуальную собственность и иных аспектов деятельности внедрена автоматизированная система КЮРАСАО (подробнее см. : Кондрашов И., Иванов А., Цшайге Х., Пронин А., Серго А., Гаштайер Т., Вашкевич А., Квитко Р., Нестеренко А., Савельев А., Переверзев С., Калятин В., Будылин С. LegalTech и юристы будущего // Закон. – 2017. – № 11. – С. 20–36).

6. Уровень открытости органов власти России незначительно изменился в 2022 году // ТАСС : официальный сайт. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/15307771?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. – Дата доступа: 31.07.2022.

7. Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды : приказ Министерства природных ресурсов и экологии Рос. Федерации, 12 июля 2017 г., № 403 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

8. Министерство природы Российской Федерации внесло в Правительство России законопроект об общественных инспекторах / Министерство природных ресурсов и экологии Рос. Федерации : официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/press/news/minprirody_vneslo_v_pravitelstvo_rossii_zakonoproekt_ob_obshchestvennykh_inspektorakh/?ysclid=l6ah9062d418058952. – Дата доступа: 31.07.2022.

9. ОНФ открывает онлайн-школу общественных экологических инспекторов // Общерос. народный фронт : официальный сайт. – Режим доступа: https://onf.ru/2020/12/04/onf-otkryvaet-onlayn-shkolu-obshchestvennyh-ekologicheskih-inspektorov/?ysclid=l6aivfc6np729600679. – Дата доступа: 31.07.2022.

10. Телеграмм-канал «Ярослава Дицевич. Экология права». – Режим доступа: https://t.me/yaroslavaeco. – Дата доступа: 31.07.2022.

11. Телеграмм-канал Ассоциации молодежных экологических объединений Байкальского региона «ЭкоМолодежь». – Режим доступа: https://t.me/studenteco. – Дата доступа: 31.07.2022.

12. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ : официальный сайт. – Режим доступа: http://iuifagprf.ru/ecology/index.php. – Дата доступа: 24.07.2022.

13. Александрова, Е. В. Проблемные вопросы исполнения законодательства об охране атмосферного воздуха / Е. В. Александрова // Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики : сб. ст. – Иркутск : Иркутский юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2022. – С. 69 –72.

Аннотация. Система органов прокуратуры Российской Федерации, наряду с территориальными, включает в себя специализированные природоохранные прокуратуры. Ключевым направлением деятельности данных прокуратур является прокурорский надзор за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании. В статье отражены вопросы, возникающие при реализации как территориальными, так и специализированными прокурорами природоохранных полномочий с использованием новых технологий. Содержится указание на достижения научно-технического прогресса, применяемого в данной деятельности: космический мониторинг, использование различных информационных систем. В качестве перспективной и подлежащей распространению отмечена практика эколого-правового просвещения межрегиональных природоохранных прокуратур. Также в статье отмечена тенденция сужения полномочий органов государственного экологического надзора и повышения значимости деятельности по активизации производственного и общественного экологического контроля. Последний вид контроля осуществляется лицами, получившими по итогам специального обучения и собеседования в уполномоченных органах власти статус общественного экологического инспектора. Приведен опыт авторов статьи по формированию обучающих видеокурсов для будущих общественных экологических инспекторов и осуществления иной эколого-просветительской деятельности.

ABOUT SOME MODERN TRENDS IN ENVIRONMENTAL PROSECUTOR'S ACTIVITY

Dicevich Ya.B., Kolobov R. Yu.

Keywords: prosecutor's office, environmental protection, legislation, violations, ecology.

Abstract. The system of prosecutor's offices of the Russian Federation, along with territorial ones, includes specialized environmental prosecutor's offices. The key activity of these prosecutor's offices is the prosecutor's supervision of the implementation of laws on environmental protection and nature management. The article reflects the issues arising during the implementation of environmental protection powers by both territorial and specialized prosecutors using new technologies. It contains an indication of the achievements of scientific and technological progress applied to this activity: space monitoring, the use of various information systems. The practice of ecological and legal education of interregional environmental prosecutor's offices was noted as promising and subject to dissemination. The article also notes a tendency to narrow the powers of state environmental supervision bodies and a corresponding increase in the importance of activities to activate industrial and public environmental control. The latter type of control is carried out by persons who have received the status of a public environmental inspector based on the results of special training and interviews with authorized authorities. The experience of the authors of the article on the formation of training video courses for future public environmental inspectors and the implementation of other environmental education activities is given.

УДК 343.163

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Меркурьев В.В., Ульянов М.В., Васнецова А.С.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, национальная безопасность, предупреждение, пресечение, профилактика, терроризм, экстремизм.

Введение

Ослабление устойчивости системы международных отношений в настоящих условиях способствует значительной трансформации существующих вызовов и угроз в сфере обеспечения национальной безопасности (ужесточается санкционная политика иностранных государств, появляются кризисные явления в экономике и др.). Так, например, глубокая обеспокоенность по поводу продолжающейся деградации системы международной безопасности была выражена в совместном заявлении министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности от 10 июня 2022 г. [1]. Все это придает новое звучание проблемам противодействия угрозам национальной безопасности.

Следует согласиться с тем, что прокуратура – важнейший субъект обеспечения национальной безопасности прежде всего потому, что осуществляет надзор за исполнением законов всеми другими субъектами обеспечения национальной безопасности [2, с. 12].

При определении ее места и роли в системе обеспечения национальной безопасности требуется анализ правовых проблем. Тем более что от уровня разработанности теоретических и правовых основ зависит эффективность реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности в целом.

Основная часть

Широкие возможности для участия в раннем предупреждении правонарушений террористической и экстремистской направленности предоставлены органам прокуратуры, которые могут осуществлять воздействие не только на причины и условия, но и на то, что их порождает, воспроизводит, создает условия для криминологической детерминации: социальное расслоение, ксенофобия, межнациональные конфликты и т. д. [3].

В силу предоставленных законодательством полномочий прокуратура обладает наибольшим набором средств, применение которых позволяет не только эффективно реализовать собственную профилактическую функцию, но и консолидировать усилия остальных участников этой деятельности, в том числе с учетом реализации положений Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182–ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон № 182–ФЗ).

Согласно положениям ст. 15 Закона № 182–ФЗ органами прокуратуры осуществляется общая и индивидуальная профилактика. Последняя реализуется в том числе с применением специальных мер профилактики правонарушений

террористической и экстремистской направленности, которые уполномочены применять должностные лица органов прокуратуры в пределах установленной компетенции.

Основой конструктивного взаимодействия органов прокуратуры в сфере профилактики терроризма и экстремизма являются документы стратегического планирования, позволяющие объединить усилия различных ведомств и увеличить их суммарный профилактический потенциал [4; 5].

Правовой инструментарий профилактики в органах прокуратуры постоянно совершенствуется. Подтверждением служит наблюдаемый в последние годы законотворческий процесс, который характеризуется существенной корректировкой статуса и задач российской прокуратуры, приводящей к расширению круга прокурорских полномочий по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, в сфере противодействия терроризму и экстремистской деятельности. Так, активизация деятельности международных террористических организаций обусловила введение новых направлений деятельности и правовых институтов, значительно корректирующих статус и задачи прокуратуры.

Государственно-правовой механизм в сфере противодействия терроризму и экстремистской деятельности в Российской Федерации на сегодняшний день обладает достаточно существенным перечнем правовых средств.

Органы прокуратуры рассматриваются в числе основных субъектов как противодействия экстремизму и терроризму, так и профилактики их проявлений. Прежде всего это выражается в предоставлении прокурорам дополнительных полномочий, направленных на пресечение и предупреждение проявлений терроризма и экстремизма [6]. Так, прокурором для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений экстремистской и террористической направленности, в полной мере используются имеющиеся полномочия, предусмотренные как Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации», так и иными специальными федеральными законами, а именно:

1) обращение прокурора в суд с заявлением о признании организации террористической, ее ликвидации и запрещении ее деятельности на территории Российской Федерации (ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму»);

2) при наличии подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, прокурор или его заместитель направляет руководителю общественного или религиозного объединения либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности (ст. 25^1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 6 Федерального закона от 25 июля 2002 № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114–ФЗ);

3) вынесение прокурором или его заместителем предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности, в том числе

в деятельности хотя бы одного из их региональных или других структурных подразделений, признаков экстремизма (ст. 7 Закона № 114–ФЗ);

4) вынесение прокурором или его заместителем предупреждения о недопустимости распространения через СМИ экстремистских материалов учредителю и (или) редакции (главному редактору) данного средства массовой информации (ст. 8 Закона № 114–ФЗ);

5) обращение прокурора в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения, иной организации за осуществление экстремистской деятельности (ст. 9 Закона № 114–ФЗ);

6) обращение прокурора в суд с заявлением о признании информационных материалов экстремистскими (ст. 13 Закона № 114–ФЗ);

7) направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем требования о принятии мер по удалению информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, и по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию, в случае ее неудаления (ст. 15^{1-1} Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149–ФЗ);

8) направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем требования о принятии мер по удалению недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство заявителя или подрывает его репутацию и связана с обвинением заявителя в совершении преступления, и ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию, в случае ее неудаления (ст. 15^{1-2} Закона № 149–ФЗ);

9) направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях и иной распространяемой с нарушением закона информации (ст. 15^{3} Закона № 149–ФЗ).

Формы профилактического воздействия, предусмотренные ст. 17 Закона № 182–ФЗ, также в полной мере востребованы прокурором. Речь идет прежде всего о правовом просвещении и правовом информировании, объявлении официального предостережения и внесении представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения.

В сфере противодействия экстремистской деятельности предостережения объявлялись прежде всего наиболее активным организаторам незаконных публичных мероприятий, а также руководителям российских и иностранных интернет-компаний. Среди актов прокурорского реагирования самым распространенным остается представление об устранении нарушений закона в органы МВД России, Минюста России, Роскомнадзора и др.

Очевидным образом профилактическая деятельность не исчерпывается приведенными формами профилактического воздействия.

Особое внимание органами прокуратуры уделяется деятельности по обеспечению законности в сфере противодействия терроризму, направленной прежде всего на устранение причин и условий, способствующих проявлениям терроризма. Существенная доля выявленных прокурорами нарушений и актов прокурорского реагирования связана с вопросами обеспечения антитеррористической защищенности объектов.

Значительное количество нарушений выявляется прокурорами в деятельности органов публичной власти.

Необходимо отметить, что участие органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в профилактике терроризма предусмотрено ст. 5.1, 5.2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму». Правовое обеспечение профилактики экстремистской деятельности и терроризма на уровне муниципальных образований также основано на положениях ст. 14, 15, 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Являясь субъектами профилактики терроризма и экстремистской деятельности, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления не всегда обеспечивают эффективность реализации своих полномочий. Ключевая роль в сфере профилактики принадлежит соответствующим региональным и муниципальным программам профилактики терроризма и экстремистской деятельности. Как показывает практика прокурорского надзора, наиболее существенные недостатки выявляются именно при реализации данных программ.

Среди мер профилактики выделяются полномочия прокурора по приостановлению деятельности, ликвидации (запрете деятельности) экстремистской или террористической организаций.

Превентивное значение прокурорской деятельности на этом направлении трудно переоценить, поскольку после вступления в силу судебного решения о запрете деятельности террористической организации на территории Российской Федерации и включения ее в соответствующий федеральный список, действия по возобновлению ее существования в любой форме подлежат уголовной ответственности по ст. 205^5 УК РФ.

Задачи обеспечения государственной безопасности, установленные Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, включают разработку мер в сфере предупреждения межконфессиональных конфликтов, распространения религиозного радикализма и деструктивных религиозных течений [5]. В полной мере на выполнение данных задач нацелены прокуроры, на постоянной основе осуществляющие мониторинг ситуации в сфере исполнения законов о свободе совести и религиозных объединениях.

Действия в отношении религиозных объединений, направленные на недопущение расширения влияния радикальных религиозных концепций, которые предпринимаются работниками прокуратуры, носят превентивный характер (применение таких правовых средств прокурорского реагирования, как представление, предупреждение либо предостережение). Прокурорами проверяются религиозные организации на предмет использования объектов культа в соответствии с земельным и градостроительным законодательством.

Вскрываются случаи эксплуатации объектов в отсутствие правоустанавливающих документов. По всем фактам принимаются меры прокурорского реагирования.

Прокурорами осуществляется профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде. Субъектами системы профилактики выступают органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, образовательные организации.

С учетом положений новой Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации, характеризующих информационные угрозы в качестве комплекса взаимосвязанных деструктивных процессов, включающих распространение не только материалов экстремистского содержания, но также недостоверной и любой иной противоправной информации, еще более возросло значение прокурора как субъекта обеспечения информационной безопасности.

Важной составляющей профилактической работы прокуроров являются рабочие встречи с представителями духовенства и руководителями культурных центров в целях проведения профилактических мероприятий, направленных на недопущение их использования в межнациональных и религиозных конфликтах.

Информационно-коммуникационные технологии все более активно применяются при осуществлении террористической деятельности. Почти четверть террористических преступлений совершаются с использованием сети Интернет [7]. Цифровые технологии и медиа-средства активно задействуются для вовлечения в террористическую деятельность, в том числе путем совершения публичных призывов к ее осуществлению. Свыше половины экстремистских преступлений также совершаются с использованием Интернета, в том числе социальных сетей и мессенджеров.

Одним из основных инструментов противодействия распространению экстремистской идеологии до сих пор выступает порядок признания информационных материалов экстремистскими.

Содержание понятия экстремистских материалов на сегодняшний день расширено законодателем. В частности, в ст. 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и ст. 1 Закона № 114–ФЗ внесены изменения в части установления запрета на публичное демонстрирование выступлений, изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, а также руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями [8].

Кроме того, прокурорами направлялись иски о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации по фактам размещения в сети Интернет информационных материалов, демонстрирующих сцены осквернения предметов религиозного культа.

Предупредительный потенциал прокурорской деятельности в сфере противодействия терроризму в полной мере отражается в реализации полномочий по обращению в суд с административным исковым заявлением о признании информации, размещенной в Интернете, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Активно применяются полномочия, направленные на пресечение доступа к запрещенной информации как в судебном, так и внесудебном порядке. Сфера применения последних расширилась. На этом фоне значение прокурора как субъекта обеспечения информационной безопасности возросло. Полномочия прокуроров по ограничению доступа к распространяемой с нарушением закона информации, нацеленные непосредственно на профилактику терроризма и экстремистской деятельности, приобрели комплексный, сложносоставной характер.

Заключение

Действующий правовой механизм профилактики средствами прокурорского надзора правонарушений террористической и экстремистской направленности, причин и условий, способствующих их совершению, базируется на комплексном подходе, который учитывает надзорные, координационные и иные полномочия прокурора в административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и иных сферах деятельности, направленные на борьбу с данными преступлениями.

Список цитированных источников

1. Письмо Постоянного представителя Армении при Организации Объединенных Наций от 29.06.2022 на имя Генерального секретаря ООН.

2. Капинус, О. С. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / О. С. Капинус, В. П. Рябцев, И. Б. Кардашова // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2010. – №. 6. – С. 12.

3. Деятельность органов прокуратуры по профилактике терроризма : науч.-практ. пособие / П. В. Агапов [и др.] ; под ред. Ю. П. Хохлова ; Ген. прокуратура Рос. Федерации ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2020.

4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Рос. Федерации, 29 мая 2020 г., № 344 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

6. Меркурьев, В. В. Осуществление органами прокуратуры профилактики экстремизма в деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента / В. В. Меркурьев, И. С. Глибовец // Юго-Западный юридический форум : сб. науч. тр. Юго-Запад. юрид. форума, посвященного 30-летию юрид. факультета Юго-Запад. гос. ун-та, Курск, 16 окт. 2021 г. – Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2021. – С. 295– 301.

7. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2020 год : информ.-аналит. Записка / под общ. ред. О. С. Капинус. – М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2021.

8. О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон, 1 июля 2021 г., № 280–ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы участия органов прокуратуры в раннем предупреждении правонарушений террористической и экстремистской направленности с учетом надзорных, координационных и иных полномочий в административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и иных сферах деятельности. Значение деятельности прокурора в сфере противодействия

экстремизму и терроризму возросло в настоящее время в условиях ослабления устойчивости системы международных отношений, которые способствуют значительной трансформации существующих вызовов и угроз в сфере обеспечения национальной безопасности. Приводится перечень имеющихся полномочий, предусмотренных как Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», так и иными специальными федеральными законами, направленных на выявление и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений экстремистской и террористической направленности, а также формы их реализации.

ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE FOR THE PREVENTION OF TERRORISM AND EXTREMIST ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Merkuriev V.V., Ulyanov M.V., Vasnetsova A.S.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, national security, prevention, suppression, prevention, terrorism, extremism.

Abstract. The article deals with the participation of the prosecutor's office in the early warning of terrorist and extremist offenses, taking into account supervisory, coordinating and other powers in the administrative-legal, criminal-legal, criminal-procedural and other fields of activity. The importance of the activities of the prosecutor in the field of countering extremism and terrorism has increased at the present time in the context of the weakening of the stability of the system of international relations, which contribute to a significant transformation of existing challenges and threats in the field of ensuring national security. A list of available powers is provided, provided both by the Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», and other special federal laws aimed at identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to the commission of extremist and terrorist offenses, as well as forms of their implementation.

УДК 343

ПОРЯДОК ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ ВОЗРАЖЕНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕРКИ, ПРОВЕДЕННОЙ КОНТРОЛИРУЮЩИМ (НАДЗОРНЫМ) ОРГАНОМ

Никитин Ю.А.

Ключевые слова: проверка, контролирующий (надзорный) орган, акт, возражения, заключение, дополнительная проверка.

Введение

Результаты любой проверки оформляются итоговым документом – актом либо справкой. Так, по результатам проверки, в ходе которой выявлены нарушения актов законодательства, составляется акт проверки. Результаты проверки, в ходе которой не выявлено таких нарушений, оформляются справкой проверки.

Акт (справка) проверки оформляется не менее чем в двух экземплярах и подписывается проверяющим (руководителем проверки) в срок не позднее пяти рабочих дней со дня окончания проверки с указанием даты подписания (ч. 1, 2 п. 59 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 (далее – Положение).

Акт проверки с изложенными в нем нарушениями законодательства является правовым основанием для дальнейших процедур привлечения проверяемого субъекта и его должностных лиц к административной и уголовной ответственности, взыскания штрафов, недоплаченных налогов, пени и т. п. В связи с этим после ознакомления с актом проверки у субъекта предпринимательской деятельности есть два варианта дальнейших действий:

1. Согласиться с результатами проверки и, соответственно, ждать вынесения решения контролирующего (надзорного) органа по выявленным нарушениям законодательства (в том числе привлечения к административной ответственности, уплаты штрафов, налогов). Названный вариант встречается, как правило, когда проверяемый субъект был ознакомлен с предварительными результатами проверки и согласовал спорные моменты с проверяющими, которые при этом настроены на выявление только реальных и серьезных нарушений в деятельности предприятия.

2. Отказаться от подписания акта проверки, в том числе с письменным изложением мотивов отказа, и (или) подготовить возражения по акту проверки.

Поскольку подписание акта проверки в определенной степени свидетельствует о признании вины проверяемым субъектом во «вменяемых» ему правонарушениях, в ряде случаев руководители, как свидетельствует практика, отказываются от подписи акта. К тому же неподписание не влечет для субъектов предпринимательской деятельности никаких негативных последствий (например, в виде привлечения к административной ответственности).

При составлении же юридически мотивированных возражений по акту проверки зачастую удается сократить размер претензий, предъявленных контролирующими органами. В этой связи необходимо достаточно скрупулезно относиться как к обоснованию нарушений со стороны проверяющих, так и к суммам предъявляемых штрафов. И прежде чем готовить возражения, руководителю организации необходимо понять их юридические перспективы. Если самостоятельно не получается оценить, какими могут быть результаты оспаривания решений контролирующих органов, то, как отмечают специалисты, есть основание обратиться за помощью к финансовым консультантам или аудиторам [1].

Основная часть

При наличии возражений по акту (справке) проверки проверяемый субъект или его представитель делает об этом запись перед своей подписью и не позднее 15 рабочих дней со дня подписания акта (справки) представляет в письменном виде возражения по его (ее) содержанию в контролирующий (надзорный) орган, который проводил проверку (п. 71 Положения)[1].

[1] Подача возражений на акт проверки в вышестоящий контролирующий (надзорный) орган будет необоснованной, поскольку их рассмотрение относится к компетенции проверяющих.

Несмотря на то, что в Положении предусмотрено при наличии возражений учинение записи перед подписью в акте (справке) проверки, проверяемый субъект или его представитель вправе не делать таких записей, а лишь представить возражения в установленный срок. Кроме того, представителям проверяемых организаций не нужно указывать в итоговом документе конкретную дату представления возражений, как это встречается на практике. Данная мера является излишней, поскольку процедура представления возражений четко регламентирована нормами законодательства [2].

Справочно. Непредставление возражений по акту проверки не лишает проверяемого субъекта возможности обжалования в дальнейшем принятого решения в вышестоящий контролирующий (надзорный) орган или в суд.

Как следует из анализа норм Положения, обязательной формы документа, в котором должны излагаться возражения, не установлено, в связи с чем проверяемый субъект вправе произвольно изложить свои обоснованные аргументы, ссылаясь на соответствующую нормативную правовую базу и прилагаемые документы, подтверждающие его позицию (точку зрения). В этой связи в юридической литературе также обоснованно поднимается вопрос, на что именно подаются возражения?

Несмотря на очевидность ответа о том, что они подаются на акт проверки, необходимо констатировать, что составление этого документа основано на определенных материалах и документах (наряду с документами, исходящими от проверяемого субъекта, это и материалы встречных проверок, и документы, полученные в ходе проверки от третьих лиц, и протоколы опросов физических лиц, которые легли в основу предъявляемых претензий к проверяемому субъекту, и материалы многочисленных запросов со стороны контролирующих органов, и др.). Нередко на практике проверяемому субъекту вручается только акт проверки без соответствующих подтверждающих документов или их копий. В то же время для того чтобы составить аргументированные возражения по акту проверки, субъекту предпринимательской деятельности необходимо обладать полной и достоверной информацией о результатах проведенной проверки, т. е. всеми имеющимися в распоряжении контролирующего органа материалами. В противном случае он не сможет полноценно реализовать предоставленное ему законодательством право на подачу возражений по акту проверки.

Все документы, которые отражают соответствующие положения акта проверки, являются его неотъемлемой частью и позволяют (в их совокупности) определить объем и характер вменяемых правонарушений. Невручение по требованию проверяемого субъекта всех документов, находящихся в распоряжении контролирующего органа, фактически означает, что проверяемый субъект не в полном объеме ознакомлен с результатами проверки. Вместе с тем в соответствии с требованиями абз. 10 п. 6 Положения проверяющие обязаны ознакомить проверяемого субъекта с результатами проверки. Согласно же ч. 1 п. 59 Положения акт проверки составляется по ее результатам, т. е. в данном случае законодатель текстуально определенным образом абсолютно верно исходит из разного нормативно-прикладного понимания правовых конструкций «результаты проверки» и «акт проверки» в контексте соотношения общего и частного [3].

Что касается основания подачи возражений, то они могут быть представлены в контролирующий (надзорный) орган в случае несогласия:

с фактами (нарушениями), изложенными в итоговом документе проверки;

с выводами и предложениями проверяющих;

с фактами, выводами и предложениями проверяющих, изложенными в изменении (дополнении) к акту проверки.

Представление возражений является законным способом смягчения ответственности и минимизации негативных последствий проведенной проверки для проверяемого субъекта и его руководителя (в случае наличия законных оснований для этого).

Подача возражений на итоговый документ (как правило, акт проверки) является первоначальным этапом отстаивания своих интересов проверяемым субъектом при несогласии с выводами проверяющих работников контролирующих (надзорных) органов. Акт проверки является не только так называемым контрольным документом, но также и документом, на основании которого может начаться процесс привлечения виновных лиц к административной ответственности за совершенные правонарушения (чаще всего в сфере налогообложения), поскольку в нем:

обосновывается факт конкретного правонарушения и наличие в деянии лица признаков административного правонарушения;

указывается норма законодательства, определяющая конкретный вид административного правонарушения;

указываются соответствующие диспозиция и санкция нормы административного законодательства (КоАП).

В возражениях руководитель субъекта предпринимательской деятельности предварительно, но аргументированно излагает свои доводы относительно необоснованности результатов проверки.

Справочно. Процедуру подачи возражений на акт (справку) проверки необходимо отграничивать от обжалования действий (бездействия) проверяющих при проведении проверки. В последнем случае обжалуется конкретное действие (бездействие), а не итоговый документ проверки в целом. Также жалоба на действие (бездействие) проверяющего может быть подана и до подписания (вручения) акта (справки) проверки. При этом жалоба в контролирующий (надзорный) орган может быть подана через представителя (например, в налоговый орган – через законного или уполномоченного представителя, налогового консультанта, действующего на основании договора возмездного оказания услуг по налоговому консультированию).

Обоснованность доводов, изложенных в возражениях, изучается проверяющим (руководителем проверки), и по ним в течение 15 рабочих дней составляется письменное заключение, которое направляется проверяемому субъекту заказным письмом с уведомлением о вручении либо вручается проверяемому субъекту или его представителю под роспись.

При необходимости в целях подтверждения обоснованности доводов, изложенных в возражениях, не позднее 10 рабочих дней со дня поступления возражений может быть назначена дополнительная проверка в отношении проверяемого субъекта. Такая проверка проводится тем контролирующим (надзорным) органом, который проводил первоначальную проверку. В этом случае письменное заключение по возражениям направляется проверяемому субъекту заказным письмом с уведомлением о вручении либо вручается проверяемому субъекту или его представителю под роспись не позднее

10 рабочих дней со дня завершения дополнительной проверки (ч. 2 п. 71 Положения).

Дополнительная проверка проверяемого субъекта назначается руководителем контролирующего (надзорного) органа. Дополнительная проверка проводится в случае, если она необходима для подтверждения обоснованности доводов, изложенных в возражениях по акту (справке) проверки либо в жалобе на решение контролирующего (надзорного) органа (должностного лица), требование (предписание) об устранении нарушений, изучения дополнительных вопросов по делам, поступившим в органы уголовного преследования, суды, кроме ранее согласованных проверяющим (руководителем проверки) и должностными лицами органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу, судами по находящимся в их производстве делам, либо по причине несоблюдения проверяющим (руководителем проверки) установленного порядка проведения проверок (абз. 9 ч. 1 п. 8 Указа № 510).

Необходимо отметить, что полномочия проверяющих при проведении дополнительной проверки ограничены: осуществлять контрольные мероприятия они вправе только в рамках вопросов, с результатами проверки которых не согласен проверяемый субъект.

Справочно. Проведение дополнительной проверки может быть поручено как должностным лицам, изначально проводившим проверку, так и иным работникам контролирующего (надзорного) органа.

Дополнительная проверка проверяемого субъекта назначается и проводится вышестоящим органом:

при отмене решения по акту проверки, предписания об устранении нарушений по итогам рассмотрения жалобы на такие решение, предписание;

при необходимости проведения проверок по делам (материалам), поступившим в органы уголовного преследования, суды, по причине несоблюдения проверяющим (руководителем проверки) требований Положения, в том числе установленного порядка назначения и проведения проверок (абз. 4. п. 81, п. 97 Положения).

Основанием для проведения дополнительной проверки является предписание, которое оформляется в порядке, установленном п. 24 Положения.

Поскольку дополнительные проверки относятся к категории внеплановых, они проводятся без включения в полугодовой план выборочных проверок и должны осуществляться в соответствии с требованиями, установленными для проведения таких проверок.

В ходе проведения дополнительной проверки проверяются вопросы, которые явились причиной и основанием для ее назначения и которые подлежат указанию в предписании. Также могут быть повторно изучены вопросы, которые ранее уже проверялись за тот же период (п. 15 Указа № 510). Проверяемый период при дополнительных проверках не ограничен (абз. 8 ч. 2 п. 16 Указа № 510).

Срок проведения дополнительной проверки не может превышать 10 рабочих дней. В то же время названный срок не распространяется на дополнительные проверки, проводимые по поручениям органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу (ч. 4 п. 26 Положения). Если в ходе дополнительной проверки подтвердились нарушения актов законодательства, составляется акт проверки, а если не подтвердились – справка. Если

по результатам дополнительной проверки необходимо внести изменения и (или) дополнения в акт (справку) проверки, соответствующие действия должны осуществляться с соблюдением порядка, установленного Положением.

Заключение

В заключение следует отметить, что на практике такой инструмент, как подача возражений по акту проверки, применяется гораздо более активно, чем проводятся дополнительные проверки, поскольку, как правило, первоначальные проверки проводятся полно и объективно, что позволяет проверяющим рассмотреть поступившие возражения и составить соответствующее заключение без дополнительных проверочных действий.

Список цитированных источников

1. Жук, А. Акт проверки подписан. Что дальше? / А. Жук // Эконом. газета. – 2018. – № 36 (2140).

2. Лазарь, М. Споры с налоговыми органами на стадии до вынесения решения по акту проверки / М. Лазарь // Глав. бухгалтер. – 2019. – № 39.

3. Пилипенко, А. Отдельные аспекты выражения несогласия проверяемого субъекта с результатами проверки (белорусский опыт) / А. Пилипенко // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 2.

Аннотация. В статье рассматривается общий порядок организации и осуществления контроля (надзора) в форме проверок, а также порядок (основания) рассмотрения возражений по их результатам; приведены права и обязанности контролирующих (надзорных) органов и проверяемых организаций, которые регламентированы Положением о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510.

PROCEDURE FOR SUBMISSION AND CONSIDERATION OF OBJECTIONS ACCORDING TO THE RESULTS OF THE INSPECTION CARRIED OUT BY THE CONTROL (SUPERVISORY) BODY

Nikitin Yu.A.

Keywords: check, controlling (supervisory) body, act, objections, conclusion, additional check.

Abstract. The article discusses the general procedure for organizing and exercising control (supervision) in the form of inspections, as well as the procedure (reasons) for considering objections based on their results, gives the rights and obligations of controlling (supervisory) bodies and audited organizations, which are regulated by the Regulations on the organization and conduct of inspections, approved by Decree of the President of the Republic of Belarus dated October 16, 2009 No. 510.

УДК 343.163

О НОВОЙ ФОРМЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ КАК ЗНАЧИМОМ УСЛОВИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Омельянович В.В.

Ключевые слова: прокурорский работник, мессенджер, групповой чат, деловое общение, коммуникация, профессиональная этика, правила переписки.

Введение

Повышение эффективности прокурорской деятельности зависит от целого комплекса вопросов, успешная реализация которых позволит в кратчайшие сроки получать искомый результат. Существенным условием в достижении поставленных целей выступает беспрепятственная и комфортная коммуникация работников органов прокуратуры в рамках совместной деятельности всего коллектива. Это также относится и к вопросам дистанционного обмена информацией. Говоря о проработанности рассматриваемой темы, отметим, что до настоящего времени исследования проводились в основном в рамках особенностей общих подходов деловой переписки [1, с. 116–119; 2, с. 149–152; 3, с. 74–77; 4, с. 271–273 и др.], в то время как исследования специфики организации взаимодействия работников органов и организаций прокуратуры посредством обмена сообщениями через мессенджеры еще не проводились. Учитывая появление новой формы коммуникации, которая не только нашла свое широкое применение у прокурорских работников, но и стала влиять на содержательные составляющие их деятельности, имеется необходимость ее изучения и выработки рекомендаций по оптимизации применения. В связи с этим рассмотрение данного вопроса является своевременным и актуальным.

Основная часть

Активное использование цифровых технологий в повседневной жизни (в частности, мессенджеров) постепенно привело к их активному использованию в сфере делового общения прокурорских работников. Постепенно это стало неотъемлемой частью деловой коммуникации. Такое неофициальное их «внедрение» в рабочий процесс предопределило специфику ведения виртуального обмена текстами, значительным образом отличающегося от установленных правил деловой переписки, предусмотренных Инструкцией по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 450. Это, в свою очередь, накладывает существенную специфику на вопросы распознавания и понимания закладываемой в тексты направляемых сообщений информации. Эти негласные, но имеющие место быть, правила виртуального общения оказывают серьезное влияние как на оперативность включения прокурорских работников в процесс исполнения поступающих через мессенджеры поручений, так и на их морально-психологический настрой после прочтения указанных писем. В определенных случаях это может вырастать в проблему.

Указанному вопросу, на наш взгляд, необходимо уделять особое внимание, т. к., например:

– неверные интерпретации сообщений в мессенджере могут повлечь за собой недопонимание (непонимание), препятствующее конструктивному ведению диалога уже в реальной деятельности прокурорских работников, и, как следствие, скажутся на быстроте и эффективности их работы. В частности, подчиненный не понял, что от него требуется немедленное исполнение конкретных действий и упустил сроки их исполнение. Или, например, руководитель увидел знак прочтения подчиненным работником его указания и не продублировал эту информацию иным способом, в то время как поступившее сообщение было непреднамеренно отмечено как просмотренное, но осталось непрочитанным. В результате задача оказалась невыполненной;

– неправильное восприятие подчиненным работником эмоциональной нагрузки сообщения от прокурора может отрицательно сказаться на эмоциональном фоне и негативно отразиться на его работоспособности. Ведь благоприятный климат в коллективе – это залог успешной реализации поставленных задач в рамках достижения искомой цели [5, с. 26–29].

То есть при использовании общегражданского механизма виртуальной коммуникации в деловом общении работников органов и организаций прокуратуры появляется риск возникновения такого эффекта, как «испорченный телефон». И без предупредительных организационных мер в данном вопросе не обойтись.

Так, для оптимизации делового общения по рабочим вопросам в мессенджерах руководителям подразделений рекомендуется определять правила ведения корпоративной переписки в групповых чатах. Это необходимо для однозначного толкования всеми членами коллектива смысловой нагрузки поступающих текстовых сообщений.

Наиболее важным является обсуждение трендовых особенностей конструирования текстов писем, которые выходят за пределы существующих правил служебной переписки, т. е. необходимо обеспечить упреждение неправильного понимания смысла поступающих сообщений. Ведь современные правила общения в мессенджерах могут быть неизвестными одним прокурорским работникам, но в то же время восприниматься всерьез другими, что может стать своеобразными «подводными камнями» в их общении. Так, например, работники разных поколений могут быть не осведомлены об имеющихся в настоящее время условностях конструирования текста в «онлайн-переписках».

Для возможности своевременного и действенного влияния на указанную ситуацию предложим ряд позиций, необходимых для коллективного обсуждения прокурорскими работниками перед началом ведения ими групповой переписки в мессенджерах. Предлагается:

1. Оговорить отдельные, ставшие в повседневной переписке правилами эмоциональных оттенков текста, письменные знаки, не осторожное применение которых может искажать восприятие выражаемой мысли.

2. Напомнить о строгом запрете обмена информацией ограниченного доступа и (или) ограниченного распространения [6. с. 8220–8235].

3. Оговорить возможность или запрет использования смайл-знаков с учетом того, что на разных устройствах они могут отображаться по-разному.

4. Определить равнозначность написания текста прописными и строчными буквами, т. к. текст, состоящий из прописных букв, в повседневном интернет-общении принято считать кричащим выражением эмоции пишущего.

5. Напомнить о правиле постановки точки в конце предложения как о соблюдении правил русского языка и не воспринимать ее как сухость (черствость) выражения мысли пишущего.

6. Определить время общения в корпоративном чате относительно установленного распорядка дня.

7. Напомнить о том, что в групповом чате необходимо четко обозначать адресат письма.

8. Необходимо информацию передавать в тексте с максимальной степенью конкретности, чтобы адресат не мог расценить поступающие сведения двойственно.

9. Определить необходимость направления информации в рамках единого текста без его разбивки на множество разрозненных частей.

10. Ответ на поставленные вопросы давать однозначно и прямо, ни в коем случае не используя в качестве ответа картинки или смайл-знаки.

11. Срочные задачи дублировать телефонным звонком даже при условии отображении знака о прочтении адресатом сообщения.

12. Обозначить необходимость в ответном письме направлять информацию о получении поступившего указания и принятии его к исполнению.

13. Определить возможность (невозможность) использования аудио-сообщений в корпоративном чате.

14. Разъяснить участникам рабочего чата об отсутствии необходимости отвлекать коллектив отправкой в корпоративную группу любой не относящийся к работе информации. Это позволит прокурорским работникам сконцентрировать свое внимание на поступающих письмах (так, если пришло сообщение в групповой чат, то это исключительно важная информация).

15. Избегать перехода обсуждения рабочего вопроса на дискуссии по отвлеченным от решения поставленных задач темам, что может отвлекать внимание коллектива от поступающих значимых сообщений.

16. Определить периодичность проверки группового чата.

17. Во избежание нахождения прокурорских работников «вне зоны действия сети» следить за корректностью работы мессенджера и, соответственно, возможностью своевременного получения сообщений в групповом чате.

18. Оговорить вопрос необходимости участия в групповом чате прокурорского работника в период его нахождения в очередном ежегодном отпуске (в том числе с выездом в другой регион) или при нахождении на длительном лечении.

Представляется, что инициатива установления названных правил ведения неофициальной онлайн-переписки коллектива должна исходить от руководителя структурного подразделения.

Кроме того, постоянный контроль исполнения членами коллектива данных правил должен осуществляться руководителем на постоянной основе, и в случае необходимости им должны своевременно вноситься необходимые коррективы (напоминания) о необходимости соблюдения оговоренных условий переписки.

Эти коррективы прокурором могут доводиться до членов коллектива как в рамках проведения плановых (внеплановых) рабочих совещаний, так и посредством отправки соответствующих информационных сообщений в групповой чат.

С учетом ротации кадров в органах прокуратуры вновь пришедших работников рекомендуется отдельно инструктировать о существующих нюансах корпоративного общения в мессенджерах в рамках индивидуально-воспитательных мероприятий.

Наличие договоренности по этим аспектам позволит облегчить взаимопонимание прокурорских работников [7, с. 66–76] и будет способствовать повышению эффективности их деятельности.

Также представляется целесообразным и необходимым отдельно обсуждать указанные вопросы в рамках целевой подготовки кадров как на уровне освоения основных профессиональных образовательных программ высшего образования (например, при изучении учебной дисциплины «Профессиональная этика»), так и при прохождении слушателями (практическими работниками) обучения в рамках освоения дополнительных профессиональных программ повышения квалификации (профессиональной переподготовки). С учетом компетентностного подхода к реализации образовательных программ отметим, что для должного получения студентами (слушателями) знаний, умений, навыков, а также соответствующего практического опыта, образовательными организациями высшего образования кроме лекционных занятий необходимо в учебных (учебно-тематических) планах также предусматривать время на проведение занятий семинарского типа.

Заключение

В заключении отметим, что поднятая в настоящей статье тема с точки зрения организации взаимодействия прокурорских работников является значимой. Приведенные в тексте предложения могут быть использованы:

– в рамках учебного процесса;

– при проведении дальнейших научных исследований рассматриваемой тематики;

– при непосредственной организации работы в органах и организациях прокуратуры.

Представляется, что реализация приведенных нами рекомендаций позволит оптимизировать деловое общение прокуроров и в целом будет способствовать повышению эффективности их деятельности в рамках решения возложенных на прокуратуру Российской Федерации задач [8, с. 366].

Список цитированных источников

1. Кокина, И. А. Этикетные особенности делового письма / И. А. Кокина // Молодой исследователь Дона. – 2019. – № 1 (16). – С. 116–119.

2. Калянова, Л. М. Деловая переписка и особенности стиля деловых документов / Л. М. Калянова // Перспективы науки. – 2019. – № 1 (112). – С. 149–152.

3. Кужелева, Т. Ю. Особенности языка деловых документов в английском и русском языках / Т. Ю. Кужелева // Язык. Коммуникация. Культура. – Тюмень. – 2008. – С. 74–77.

4. Игебаева, Ф. А. Служебная переписка в деловой коммуникации / Ф. А. Игебаева // NovaInfo.Ru. – 2016. – Т. 1. – № 42. – С. 271–273.

5. Попов, Д. Г. Морально-психологическое состояние сотрудников и социально-психологический климат служебного коллектива / Д. Г. Попов // Юрид. психология. – 2009. – № 4. – С. 26–29.

6. О государственной тайне : Закон Рос. Федерации, 21 июля 1993 г., № 5485–1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 13 окт. 1997 г. – № 41. – С. 8220–8235.

7. Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации (приложение № 1 к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114) // Законность. – 2021. – № 6. – С. 66–76.

8. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон, 17 янв. 1992 г., № 2202–1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. – 20 февр. 1992 г. – № 8. – С. 366.

Аннотация. Активное использование прокурорами мобильных средств связи и интернет-ресурсов начало оказывать влияние на особенности восприятии ими поступающей информации. Настоящая статья посвящена особенностям их делового общения с использованием месседжеров. Появление особенностей именно этого вида обмена информацией обусловлено переносом общегражданских норм и правил ведения онлайн-переписки в сферу обсуждения рабочих вопросов. Разное понимание примененных текстовых оборотов зачастую приводят к недопониманию (непониманию) между общающимися прокурорскими работниками. Для упреждения сбоев при решении поставленных задач (ввиду искаженной интерпретации поступающих сообщений) в статье предлагаются конкретные рекомендации по оптимизации указанного способа корпоративного общения, что в целом позволит повысить эффективность деятельности работников органов (организаций) прокуратуры.

ABOUT A NEW FORM OF BUSINESS COMMUNICATION OF PROSECUTOR'S EMPLOYEES AS A SIGNIFICANT CONDITION FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF THEIR ACTIVITIES

Omelyanovich V.V.

Keywords: prosecutor's employee, messenger, group chat, business communication, communication, professional ethics, rules of correspondence.

Abstract. The prosecutors' active use of mobile communications and Internet resources has begun to influence the way they perceive incoming information. This article is devoted to the peculiarities of their business communication using messengers. The appearance of features of this particular type of information exchange is due to the transfer of general civil norms and rules of online correspondence to the sphere of discussion of working issues. Different understanding of the applied text phrases often lead to misunderstanding (misunderstanding) between communicating prosecutors. To prevent failures in solving tasks, due to the distorted interpretation of incoming messages, the article offers specific recommendations for optimizing this method of corporate communication. That, in general, will increase the efficiency of the activities of employees of the prosecutor's office bodies (organizations).

УДК 342.9

ИНИЦИИРОВАНИЕ ПРОКУРОРОМ ПЕРЕСМОТРА РЕЗУЛЬТАТОВ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О НАЛОЖЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Плоскунов Д.В.

Ключевые слова: исполнение административного взыскания, разрешение вопросов исполнения, пересмотр, протест, прокурор.

Введение

С 1 марта 2021 г. вступил в силу новый Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП 2021 г.). Содержание ряда его норм идентично аналогичным положениям ПИКоАП 2006 г. с присущими ему недостатками. Одна из таких проблем состоит в отсутствии в ПИКоАП 2021 г. правил, регламентирующих основания и порядок пересмотра решений, принятых при разрешении вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания (ст. 14.6).

Актуальность темы исследования определяется потребностью в установлении правового регулирования оснований и порядка устранения ошибок, допущенных при рассмотрении указанных вопросов.

В работах ряда отечественных юристов затрагивались положения, регламентирующие разрешение вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания, по существу [1, с. 87; 2, с. 247; 3, с. 232; 4, с. 543–544], однако проблемы опротестования (обжалования) и пересмотра принятых решений в них не обсуждалась. Вместе с тем внимание на такой теме акцентировалось за рубежом [5, с. 26].

Цель настоящего исследования заключается в определении возможности проверки, в том числе по инициативе прокурора, законности и обоснованности решений, принятых в порядке ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г., а также во внесении предложений по совершенствованию законодательства.

Основная часть

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие при решении вопросов исполнения постановлений о наложении административного взыскания. При проведении исследования применялись етоды анализа, комплексного исследования, сравнительного правоведения, а также формально-юридический и системный методы.

Статьей 14.6 ПИКоАП 2021 г. установлено, что вопросы, связанные с исполнением постановления о наложении административного взыскания, разрешаются судом, органом ведущим административный процесс, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях, вынесшими постановление, или соответствующим должностным лицом государственного органа, которому поручено исполнение указанного постановления.

Как показала практика, принятые на данном этапе судом и иными органами решения могут быть ошибочными.

Одновременно со вступлением в силу ПИКоАП 2021 г. с 1 марта 2021 г. введен в действие новый Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП 2021 г.), из которого исключена ответственность за ряд деяний по сравнению с КоАП 2003 г.

Не имея до 15 июля 2021 г. права прекращения исполнительного производства по постановлениям о наложении административного взыскания по основаниям, предусмотренным ПИКоАП (с 15 июля 2021 г. соответствующие основания закреплены и в Законе Республики Беларусь «Об исполнительном производстве»), судебные исполнители обращались в суды, органы ведущие административный процесс, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, с представлениями о прекращении исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях ввиду утраты деяниями противоправности. Формальной причиной внесения таких представлений послужило устранение, по мнению органов принудительного исполнения, противоправности деяний, за которые налагались исполняемые взыскания. Фактически соответствующие деяния не перестали носить противоправный характер, однако диспозиции соответствующих статей изложены или сгруппированы по-другому, в связи с чем судебные исполнители заблуждались относительно устранения административной ответственности за содеянное. Речь идет, например, о ч. 2 ст. 10.5 и ч. 2 ст. 23.56 КоАП 2003 г. В первом случае совершенное деяние охватывается диспозицией ст. 11.1 КоАП 2021 г., во втором – дифференцировано между ч. 7 и 8 ст. 24.36 КоАП 2021 г.

Вместе с тем судебные исполнители инициировали, а органы, которым поступали их представления (письма), прекращали исполнение постановлений о наложении административных взысканий. Решения о прекращении исполнения указанных постановлений вопреки п. 15 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП 2021 г. не всегда оформлялись документально и облекались в процессуальную форму (постановление). В частности, один из территориальных органов внутренних дел лишь внес отметки в ЕГБДП о прекращении исполнения административных взысканий.

В Российской Федерации решение о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания принимается судьей, органом, должностным лицом, вынесшими такое постановление, в виде постановления, а решения по иным вопросам, связанным с исполнением постановления о назначении административного наказания, – в виде определения (ст. 31.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (далее – КоАП РФ).

С учетом этого, исходя из п. 15 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП 2021 г., предусматривающего, что решения, выносимые судьей или органом, ведущим административный процесс, оформляются в виде постановлений, а также необходимости единства терминологии, применяемой в Кодексе, представляется необходимым дополнить ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. частью 3 следующего содержания: «3. По результатам разрешения вопросов, указанных в части 1 настоящей статьи, выносится мотивированное постановление, которое вступает в силу с момента его вынесения и направляется заинтересованным лицам в течение трех дней».

Немедленное вступление постановления в силу обусловлено поводами для его вынесения (например, освобождение от исполнения взысканий в виде общественных работ, административного ареста исключает обязанность лиц, подвергнутых им, претерпевать связанные с этим ограничения (исполнять обязанности), а также необходимостью процессуальной экономии. Однако это не должно исключать права заинтересованных лиц на его обжалование, а прокурора – на опротестование.

Другим еще более распространенным основанием для прекращения исполнения постановлений о наложении административного взыскания в виде штрафа являлось истечение сроков давности их исполнения. Исходя из положений ч. 3 ст. 14.5 ПИКоАП 2021 г., для применения этого основания недостаточно минования 2 лет со дня вступления постановления по делу об административном правонарушении в силу. Необходимо также чтобы орган принудительного исполнения не установил у лица, в отношении которого вынесено такое постановление, денежных средств и иного имущества, на которые может быть обращено взыскание.

Нередко судебные исполнители допускали неполноту исполнительных действий. В результате этого определенный объем сведений о лицах, подвергнутых административному взысканию, оставался непроверенным, а некоторые источники взыскания штрафа не выявлялись. Указанные обстоятельства не всегда подвергались критическому анализу и находили должную оценку со стороны судов и органов, ведущих административный процесс, наложивших административные взыскания (что показали результаты прокурорских проверок), в связи с чем ими выносились необоснованные постановления о прекращении исполнения постановления о наложении административного взыскания.

В дальнейшем на основании постановлений суда, органов, ведущих административный процесс, о прекращении исполнения постановлений о наложении административного взыскания судебные исполнители принимали решения о прекращении исполнительных производств. Для отмены таких решений требовалось устранение причины их принятия – вышеуказанных постановлений суда и органов, ведущих административный процесс. Однако порядок отмены (изменения) таких постановлений в ПИКоАП 2021 г. не установлен.

С 15 июля 2021 г. вступили в силу изменения в Закон Республики Беларусь «Об исполнительном производстве». Судебные исполнители теперь вправе самостоятельно прекращать исполнительные производства при наличии вышеуказанных обстоятельств. Однако весь перечень оснований прекращения исполнения постановлений о наложении административного взыскания судом, органами, ведущими административный процесс, вынесшими указанные постановления, в ч. 1 ст. 14.3 ПИКоАП 2021 г. сохранился. Кроме того, в порядке ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. могут разрешаться и иные вопросы. Поэтому, хотя количество решений, принятых в таком порядке и требующих пересмотра, сократилось, вопрос регламентации порядка и оснований их пересмотра не утратил актуальности.

В советский период еще до принятия кодифицированного нормативного правового акта по вопросам привлечения к административной ответственности И.А. Галаган отмечал важность принципа инстанционного и судебного контроля

за деятельностью по наложению административных взысканий. Данный принцип при его надлежащей реализации «способствует расширению охраны прав граждан, улучшению деятельности органов управления и усилению законности в практике осуществления административной ответственности» [6, с. 192].

Полагаем, что указанный принцип, несмотря на то, что нами анализируется иная стадия административного процесса, вполне применим и к рассматриваемой ситуации. Его элементы можно обнаружить в ст. 2.3, 2.10, 2.15 ПИКоАП 2021 г.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. (ст. 887) и Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. (ст. 224) так же, как и ПИКоАП 2021 г., не предусматривают возможности опротестования (обжалования) решений по вопросам, связанным с исполнением постановления о наложении административного взыскания (наказания). Положения указанных статей зарубежных кодексов почти дословно заимствованы из ст. 31.8 КоАП РФ, кроме следующей особенности. В КоАП РФ подход к статусу решений по результатам разрешения вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания, не единообразен. Возможность пересмотра предусмотрена лишь для определений судьи, органа, должностного лица об отклонении ходатайств лиц, привлеченных к административной ответственности, о восстановлении двадцатидневного срока со дня вынесения постановлений о наложении административного штрафа для его уплаты в размере половины суммы наложенного штрафа (ч. 1.3 –1.3^3 ст. 32.2 КоАП РФ). Эти определения пересматриваются в общем порядке (предусмотренном для пересмотра сперва не вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях (вынесенных при их рассмотрении по существу) и последующих решений, затем – вступивших в законную силу таких постановлений и последующих решений).

А.Ю. Якимов, анализируя статус постановлений о прекращении исполнения постановлений о назначении административных наказаний, ввиду отсутствия в КоАП РФ норм, предусматривающих их обжалование или опротестование, отмечал, что введение такого механизма способствовало бы упрочению законности при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях [5, с. 26].

Обжалование и опротестование в общем порядке определений и постановлений, вынесенных при разрешении вопросов, связанных с исполнением административного наказания, предусматривалось в ч. 12 ст. 11.7 подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации проекта Федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [7]. Таким образом, правом инициировать пересмотр решений, вынесенных по результатам разрешения указанных вопросов, предполагалось наделить и прокурора.

Несколько по-иному в России разрешаются дела об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами, их должностными лицами, а также индивидуальными предпринимателями. Они рассматриваются арбитражными судами в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ), изложенном в гл. 25. В нее помещены нормы о рассмотрении дел о привлечении к административной

ответственности судом и дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности.

Разрешая жалобу на постановления административного органа о прекращении исполнения постановлений органа исполнительной власти о назначении административного наказания, арбитражный суд указал, что обжалуемые постановления по своей правовой природе не являются постановлениями о назначении административного наказания. Постановления о прекращении исполнения постановлений о назначении административного наказания не относятся к постановлениям, выносимым по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении как самостоятельной стадии административного производства. Решение вопроса о прекращении исполнения постановлений о назначении административного наказания происходит уже на этапе исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Исходя из этого, суд пришел к выводу о том, что вопросы обжалования постановлений о прекращении исполнения постановлений о назначении административного взыскания должны рассматриваться в ином порядке – согласно гл. 24 АПК РФ (оспаривание ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных и иных органов, наделенных публичными полномочиями, должностных лиц) [8].

В Беларуси порядок административного процесса един для всех судов и административных органов. Закрепляя основания и порядок пересмотра решений, принятых при разрешении вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания, необходимо учесть принцип прокурорского надзора при ведении административного процесса (ст. 2.16 ПИКоАП), наделив прокурора правом принесения протестов на соответствующие решения. Предлагается именно такая мера реагирования, поскольку пересмотру подлежат также решения судей. Поэтому необходимо дополнить п. 7 ч. 2 ст. 2.16 ПИКоАП 2021 г. правом прокурора опротестовывать иные постановления, помимо постановлений по делам об административных нарушениях.

Порядок рассмотрения протестов и жалоб должен обеспечивать процессуальную экономию и соблюдение законности. Несмотря на предложение о немедленном вступлении в силу постановлений, выносимых по результатам разрешения указанных в ч. 1 ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. вопросов, представляется неверным, чтобы жалобы и протесты на них рассматривали только суды, поскольку такой подход нерационален. Наиболее целесообразно первоначальные жалобы и протесты подавать в органы, перечисленные в п. 1–4 ч. 1 ст. 13.3 ПИКоАП 2021 г., лишь затем исключительно в суд. Срок обжалования (опротестования) должен обеспечивать возможность реализации заинтересованными лицами прав, а прокурором полномочий во всех инстанциях. Ввиду немедленного вступления рассматриваемых решений в силу этот срок должен быть единым для всех инстанций и для постановлений, вынесенных по результатам разрешения в порядке ч. 1 ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. любых вопросов.

С учетом этого полагаем необходимым дополнить ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. ч. 4–9 следующего содержания:

«4. Постановление суда, органа, ведущего административный процесс, указанных в части 1 настоящей статьи, может быть обжаловано лицами, перечисленными в части 2 настоящей статьи, и опротестовано прокурором.

5. Жалоба (протест) подается в государственный орган (должностному лицу), указанный в пунктах 1–4 части 1 статьи 13.3 настоящего Кодекса, и направляется для рассмотрения в порядке, установленном в части 2 статьи 13.3 настоящего Кодекса.

Последующая жалоба (протест) подается в порядке, установленном в частях 1 и 2 статьи 13.12 настоящего Кодекса.

6. Жалобы (протесты) могут быть поданы в период исполнения постановления о наложении административного взыскания и в течение сроков, в пределах которых физическое или юридическое лицо считаются подвергавшимися административному взысканию, но не менее, чем в течение шести месяцев со дня вынесения обжалуемого (опротестованного) постановления.

7. Жалоба (протест) рассматривается в порядке, установленном статьями 13.13–13.17 настоящего Кодекса с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

8. По результатам рассмотрения жалобы (протеста) принимается одно из следующих решений:

1) об оставлении постановления без изменения, а жалобы (протеста) – без удовлетворения;

2) об отмене постановления полностью или в части;

3) об изменении постановления с тем, чтобы положение лица, подвергнутого административному взысканию, не было ухудшено.

9. Положения частей 3–9 настоящей статьи применяются, если законодательством не установлено иное.».

В изменениях в ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. не указаны должностные лица государственных органов, которым поручено исполнение административных взысканий, поскольку законодательством может предусматриваться иной порядок обжалования (опротестования) их решений. Другой порядок может быть определен и для пересмотра некоторых постановлений, вынесенных в порядке ПИКоАП 2021 г. при исполнении административных взысканий (ч. 3 ст. 18.2). С учетом этого предложено закрепить в ч. 9 ст. 14.6 ПИКоАП 2021 г. оговорку.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения:

1. Порядок и основания пересмотра решений, принятых по результатам разрешения вопросов, связанных с исполнением постановления о наложении административного взыскания, в ПИКоАП 2021 г. не предусмотрен, что препятствует устранению допущенных при их разрешении нарушений законодательства.

2. Правом инициировать пересмотр указанных решений необходимо наделить, в частности, прокурора.

3. Для устранения пробелов в правовом регулировании следует внести изменения в ст. 2.16 и 14.6 ПИКоАП 2021 г.

Список цитированных источников

1. Белокопытов, В. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса: руководство для прокуроров / В. В. Белокопытов, А. С. Сенько. – Минск : Белорусский Дом печати, 2018. – 224 с.

2. Административное процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича, С. В. Добрияна. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320 с.

3. Игнатюк, А. З. Административно-деликтное право и административный процесс : пособие / А. З. Игнатюк. – Минск : Народная асвета, 2022. – 264 с.

4. Круглов, В. А. Комментарий к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2017. – 640 с.

5. Якимов, А. Ю. Формы, содержание и статус решений по существу дела, принимаемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях (по материалам Верховного Суда Российской Федерации) / А. Ю. Якимов // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 17–26.

6. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование / И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – 198 с.

7. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России) [Электронный ресурс] : не внесен в ГД ФС РФ : текст по сост. На 30.01.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

8. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд (г. Ростов-на-Дону) : постановление, 21 февр. 2022 г., по делу № А-32-26488/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/rWXaU1tTPBZ5/. – Дата доступа: 14.09.2022.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оформления решений по вопросам, связанным с исполнением постановления о наложении административного взыскания, отсутствия норм, регламентирующих основания и порядок пересмотра принятых решений. Внесены предложения об устранении имеющихся пробелов с учетом наделения прокурора правом инициировать пересмотр указанных решений.

INITIATING BY THE PUBLIC PROSECUTOR THE REVIEWING OF THE OUTCOME OF THE DECISION ABOUT QUESTIONS OF EXECUTION AN ADMINISTRATIVE PENALTY

Ploskunov D.V.

Keywords: execution of an administrative penalty, resolution of execution issues, review, protest, prosecutor.

Abstract. The article deals with the problems of making decisions on issues related to the execution of the decision on the imposition of an administrative penalty, the absence of norms regulating the grounds and procedure for reviewing the decisions taken. Proposals have been made to eliminate the existing gaps, taking into account the granting of the prosecutor the right to initiate a review of these decisions.

УДК 343.1

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ)

Соркин В.С., Седач А.В.

Ключевые слова: прокурорский надзор, процессуальное положение прокурора, досудебное производство, следственный комитет, указания прокурора, стадии возбуждения уголовного дела.

Введение

Проблема обеспечения законности в уголовном судопроизводстве является одной из важнейших составляющих безопасности государства, общества, граждан. Немаловажная роль в этом деле принадлежит прокурору, являющемуся должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющим от имени государства уголовное преследование и поддерживающим государственное обвинение в суде. Функция обеспечения законности и обоснованности уголовного преследования и поддержания обвинения в суде от имени государства универсальна [1, с. 17]. Определение роли прокурора в выполнении задач предварительного следствия и укрепления законности справедливо считать одним из наиболее важных вопросов, касающихся регламентации стадий уголовного процесса. Прокурорский надзор без преувеличения является наиболее существенной гарантией по охране прав и законных интересов граждан. Именно поэтому четкое обозначение правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве имеет важное как теоретическое, так и практическое значение.

Упомянутая проблематика в той или иной степени являлась предметом научных исследований в работах И.И. Бранчеля, А.А. Данилевича, Л.Л. Зайцевой, В.В. Марчука, А.С. Рубиса, А.В. Солтановича, В.М. Хомича и др. Вместе с тем в правоприменительной практике имеется ряд сложностей в части надлежащего применения норм УПК Республики Беларусь прокурором в ходе реализации своих полномочий по надзору за соблюдением законности в уголовном процессе.

Основная часть

Термин «прокурор» произошел от лат. «procurare» (заботиться, обеспечивать, предотвращать) и имеет два смысловых значения: 1) должностное лицо, наблюдающее за соблюдением и правильным применением законов; 2) государственный обвинитель в судебном процессе [2, с. 198].

В ст. 6 УПК Республики Беларусь: «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе», под термином прокурор понимаются «действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, их заместители и помощники, начальники управлений (отделов) и их заместители, прокуроры управлений и отделов, если иное не оговорено в соответствующих статьях настоящего Кодекса» [3].

Наиболее сложная по кругу рассматриваемых задач такая отрасль прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов в ходе досудебного производства. Прокурор обязан надзирать за тем, чтобы нормы закона, регулирующие данную стадию досудебного производства, никем не нарушались, а при обнаружении нарушений – незамедлительно принимать меры к их устранению, восстановлению нарушенных прав и свобод гражданина, предупреждению нарушений закона.

На наш взгляд, борьба с преступлениями будет эффективной лишь при обеспечении быстрого и полного их раскрытия и недопущения нарушений прав и свобод граждан, а также привлечения к ответственности невиновных.

Процессуальное положение прокурора в уголовном процессе регламентировано ст. 34 УПК Республики Беларусь. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 34 УПК прокурор является должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющим от имени государства уголовное преследование и поддерживающим государственное обвинение в суде. Помимо этого, прокурор также осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [4, с. 4]. Полагаем, что в уголовном процессе превалирующей является как первая, так и вторая функция. Так, например, на досудебной стадии таковой следует признавать функцию уголовного преследования, на остальных – надзорную.

Конкретные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства подразделяются в зависимости от того, на каких стадиях – досудебных или судебных – он осуществляет свою деятельность. Такое деление обусловлено тем, что прокурор – это единственное должностное лицо, которое в той или иной форме участвует в уголовном процессе на протяжении всего производства по делу.

С.В. Борико отмечает, что широкими полномочиями прокурор обладает именно в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [2].

В ч. 2 ст. 34 УПК Республики Беларусь определено, что при осуществлении своих полномочий по надзору за исполнением законов на стадиях досудебного производства прокурор независим и подчиняется только закону.

Действительно, на досудебных стадиях прокурор обладает государственно-властными полномочиями, перечень которых приведен в ч. 4, 5-1 ст. 34 УПК Республики Беларусь.

Представляется целесообразным более подробно проанализировать процессуальную деятельность прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Это обусловлено неоднозначным к ней отношением как в части полного отказа, так и зачастую «чрезмерным» расширением перечня процессуальных и следственных действий на данной стадии.

Возбуждение уголовного дела является весьма ответственной стадией уголовного судопроизводства. Действительно, законное, обоснованное и своевременное возбуждение уголовного дела служит одним из необходимых условий для быстрого и полного расследования. И наоборот, незаконное, необоснованное, несвоевременное (запоздалое) возбуждение уголовного дела приводит к утрате доказательств содеянного, к снижению актуальности события совершенного преступления, а в конечном итоге – к оставлению безнаказанными лиц, совершивших преступления, в том числе и особо опасные. Не менее опасна

и другая крайность – непродуманное, поспешное возбуждение дела, что влечет за собой незаконные и необоснованные задержания и аресты, обыски и выемки, необоснованное предъявление обвинения, а в конечном счете – незаконное и необоснованное осуждение граждан. Уголовно-процессуальный закон устанавливает порядок, обеспечивающий безотлагательную проверку прокурором законности и обоснованности принятия дознавателем, следователем такого важного процессуального решения, как возбуждение уголовного дела [5, с. 60].

При надзоре за законностью на стадии возбуждения уголовного дела прокурор наделен рядом полномочий и функций, регламентированных в ст. 179 УПК Республики Беларусь.

Поскольку, как уже отмечалось, стадия возбуждения уголовного дела является весьма значимой, то остановимся на некоторых проблемных положениях, связанных с осуществлением прокурорского надзора.

До недавнего времени в ст. 179 УПК Республики Беларусь прокурорам был предоставлен ограниченный перечень прав при осуществлении надзора за обеспечением законности на стадии возбуждения уголовного дела, фактически наделяющих их полномочиями по осуществлению надзора лишь за процессуальными актами, подводящими итог данной стадии. В какой-то степени прокуроры могли принимать меры по обеспечению законности в ходе рассмотрения органами уголовного преследования заявлений и сообщений о преступлениях при продлении согласно ч. 3 и ч. 4 ст. 173 УПК Республики Беларусь сроков проведения проверок.

В последующем в связи с изменением законодательства в 2017 г. ст. 179 УПК Республики Беларусь изложена в новой редакции, которая более предметно урегулировала вопросы надзора за законностью возбуждения уголовного дела, предоставив прокурору также право проверять исполнение органом уголовного преследования требований закона о приеме, регистрации и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, отменять постановления о соединении или выделении заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним, о приостановлении и прекращении проверки.

Изменения и дополнения в уголовно-процессуальный закон не сняли все проблемные вопросы, возникающие при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства на стадии возбуждения уголовного дела, поэтому были приняты Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. и Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности».

Вышеуказанными законами приняты меры и по расширению регламентированных ст. 179 УПК прав прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Так, Законом от 26 мая 2021 г. ст. 179 УПК дополнена п. 1-1 и п. 4-1, в соответствии с которыми, осуществляя надзор за законностью возбуждения уголовного дела, прокурор также в праве:

– поручить нижестоящему прокурору, начальнику следственного подразделения, органу дознания принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление или сообщение о преступлении в случае отказа в приеме, рассмотрении в ином порядке;

– отменить постановление органа дознания, следователя или нижестоящего прокурора о приостановлении проведения проверки по заявлению или

сообщению о преступлении и отказать в возбуждении уголовного дела или возбудить уголовное дело [6, с. 34–36].

Осуществляя надзор за исполнением законов в ходе всего расследования, прокурор обязан по окончании расследования еще раз проверить все материалы, для этого по окончанию предварительного следствия следователь выносит постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (ст. 260 УПК Республики Беларусь).

Так, в частности, в ст. 263 УПК Республики Беларусь Республики Беларусь определяются вопросы, подлежащие разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд.

В связи с изложенным одним из ключевых вопросов в части взаимодействия прокуратуры с органами предварительного расследования является обеспечение законности в ходе досудебного производства по уголовному делу.

В соответствии с действующим законодательством следует, что в срок не позднее месяца со дня вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного следствия, а в течение 10 дней после прекращения производства по уголовному делу, материалы проверки, уголовное дело направляется прокурору.

При наличии запроса прокурора материалы проверки, по которым отказано в возбуждении уголовного дела, а также уголовные дела, следствие по которым приостановлено, направляются прокурору незамедлительно.

Однако допускаются нарушения законности, что, в свою очередь, затрудняет выполнение в полном объеме стоящих перед прокурором задач на стадии досудебного производства. Указанные обстоятельства являются основаниями для применения прокуратурой мер реагирования.

Основными причинами нарушения процессуального срока и порядка направления постановлений, материалов проверки, уголовных дел прокурору, как правило, являются личная недисциплинированность сотрудников органов предварительного следствия и несоблюдение ими требований действующего законодательства.

Представляется, что прокурорский надзор за исполнением законов в досудебных стадиях должен носить упреждающий характер, с тем чтобы не только своевременно устранять, но и не допускать нарушений уголовно-процессуального законодательства, особенно связанного с защитой конституционных прав и свобод граждан.

Мы солидарны с мнением А.А. Кеника [7, с. 244], согласно которому основным способом предупреждения нарушения закона следователем и лицом, производящим дознание, является сплошная проверка уголовных дел, находящихся в производстве, которая должна проводиться в следственном подразделении. Речь идет о проведении регулярных прокурорских проверок материалов уголовных дел не тогда, когда оно поступает к прокурору для направления в суд или по запросу, а в процессе его расследования. Думается, что данное обстоятельство не будет свидетельствовать об ограничении процессуальной самостоятельности следственного аппарата. В конечном итоге вся деятельность органов уголовного преследования направлена на реализацию задач уголовного процесса в части раскрытия преступлений и изобличения виновных, а также защиты личности, ее прав и свобод.

Это представляется наиболее актуальным в связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь, созданного в целях совершенствования деятельности органов предварительного следствия, усиления защиты прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве.

Вместе с тем на практике современному прокурору изучить уголовное дело, находящееся в производстве, весьма затруднительно. Сегодняшнее законодательство не предоставляет прокурору гарантированных полномочий для своевременного изучения дела на стадии его расследования, что создает огромную проблему при осуществлении прокуратурой защиты прав и законных интересов граждан.

Указанная ситуация обостряется также тем обстоятельством, что зачастую прокурор, возбудив уголовное дело, усмотрев признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Республики Беларусь, и передав уголовное дело для дальнейшего расследования в органы следствия, утрачивает контроль за ходом расследования такого дела. Зачастую органы следствия принимают решения о прекращении таких дел, и только после этого прокурор в порядке надзора отменяет, по его мнению, незаконное решение о прекращении производства по делу. Таким образом, затягиваются сроки расследования уголовного дела, утрачивается возможность собирать по делу полный объем доказательственной информации.

Разделяя мнение А. Сербуна в той части, где он утверждает, что вопросы расширения полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе касающихся дачи органу предварительного следствия и дознания обязательных для исполнения указаний, независимо от занимаемой должности прокурора их давшего, внесения актов прокурорского реагирования и других требуют дальнейшей проработки [6, с. 37], отметим, что любое изменение уголовно-процессуального законодательства на стадии возбуждения уголовного дела должно способствовать реализации задач законодателя, обозначенных в ст. 7 УПК Республики Беларусь, в части защиты личности, ее прав и свобод, а также интересов государства путем быстрого и полного расследования преступлений. Однако отказ от достаточно хорошо апробированных (хотя и неоднозначных) норм УПК БССР 1960 г., где регламентировалась деятельность прокурора на стадии уголовного дела, вряд ли может способствовать эффективности и результативности прокурорского надзора в полном объеме. На наш взгляд, не было настоятельной необходимости максимально ограничивать прокурора в праве на дачу им письменных указаний, обязательных для исполнения органами предварительного следствия. Представляется, что данное обстоятельство никоим образом не свидетельствовало об обязанности прокурора осуществлять процессуальное руководство расследованием и не позволяло утверждать о его вторжении в прерогативу действий начальника следственного подразделения, который в соответствии с законом такими полномочиями не наделен.

Законодатель предоставил право прокурору давать письменные указания следователю в случае возвращения уголовного дела для производства дополнительного предварительного расследования при принятии решения по делу, поступившему для направления в суд (п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК Республики Беларусь).

Достаточно часто возникают ситуации, когда выявленные прокурором нарушения законности в процессе расследования уголовного дела, производство по которому еще не завершено, непосредственным образом взаимосвязаны с ненадлежащим выполнением органом предварительного расследования задач по осуществлению полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Это обязывает прокурора своевременно принимать меры к их устранению. Следует исходить из того, что прокурор в соответствии с ч. 2 ст. 25 УПК Республики Беларусь обязан на всех стадиях уголовного процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Заключение

По результатам изложенного можно констатировать, что:

– полномочия надзирающего прокурора нуждаются в расширении не только после принятия им процессуально значимых решений на стадии возбуждения уголовного дела, но и на протяжении всего досудебного производства, что, безусловно, потребует соответствующих изменений норм действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь;

– эффективность и результативность надзорной деятельности прокурора невозможна без неукоснительного исполнения требований УПК и локальных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов предварительного следствия, в части своевременного направления надзирающему прокурору уголовных дел, по которым предварительное расследование еще не завершено, а также материалов проверки, по которым в возбуждении уголовного дела отказано, в том числе со стороны должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль.

Список цитированных источников

1. Балашов, А. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия : учеб. Пособие / А. Н. Балашов. – М., 1983. – 240 с.

2. Борико, С. В. Судоустройство и прокурорский надзор (Правоохранительные органы) : учебник / С. В. Борико. – Минск : Амалфея, 1998. – 304 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 77–78. – 2/71.

4. Божелко, О. О роли органов прокуратуры в построении правового демократического государства и взаимоотношениях прокуратуры с судебными органами / О. Божелко // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 3. – С. 4.

5. Кокоринова, Т. А. Процессуальные функции прокурора на стадии предварительного расследования / Т. А. Кокоринова // Вестн. Академии МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2 (4). – С. 60–68.

6. Сербун, А. Обеспечение прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела через призму законодательных изменений / А. Сербун // Законность и правопорядок. – 2021. – № 4. – С. 32–37.

7. Кеник, А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие /А. А. Кеник. – Минск : Амалфея, 2008. – 576 с.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового статуса и место прокурора среди правоохранительных органов Республики Беларусь, их взаимоотношения на стадии досудебного производста, проблемы при взаимодействии, а также при исполнении прокурором своих должностных обязанностей. Предлагаются пути разрешения проблем, связанные с реализацией возможных полномочий на стадии возбуждения угловного дела в ходе досудебного производства. При этом обращено внимание на совершенствование норм действующего уголовно-процессуального законодательства на упомянутой стадии, а именно: расширение процессуальных полномочий прокурора, направленных на выявление и устранение нарушения законности в деятельности органов предварительного расследования. Резюмируется мысль о возможности проверки прокурором всех уголовных дел, находящихся в производстве следственных подразделений еще до принятия окончательного решения по уголовному делу.

ON THE FEATURES OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN THE DURING THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS (problems of law enforcement and possible ways to resolve them)

Sorkin V.S., Sedach A.V.

Keywords: prosecutor's supervision, prosecutor's procedural status, pre-trial proceedings, investigative committee, prosecutor's instructions.

Abstract. This article discusses the issues of the legal status and place of the prosecutor among the law enforcement agencies of the Republic of Belarus, their relationship at the stage of pre-trial proceedings, problems in interaction, as well as in the performance of their official duties by prosecutors. Possible ways of resolving problems related to the implementation of possible powers at the stage of initiating a criminal case in the course of pre-trial proceedings are proposed. At the same time, attention is drawn to the improvement of the norms of the current criminal procedure legislation at the mentioned stage, namely, the expansion of its procedural powers aimed at identifying and eliminating violations of the law in the activities of the preliminary investigation bodies. The idea is summarized about the possibility of checking by the prosecutor of all criminal cases that are in the production of investigative units even before the final decision on the criminal case is made.

УДК 347.956:347.963(476)

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Скобелев В.П.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляционное производство, апелляционный протест, должностное лицо прокуратуры, вышестоящая прокуратура, нижестоящая прокуратура.

Введение

Согласно абз. 5 п. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220–З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220–З) прокуратура призвана обеспечивать надзор за соответствием закону судебных постановлений. Одним из способов выполнения данной задачи является участие должностных лиц органов прокуратуры в апелляционном производстве по гражданским делам (т. е. в гражданском процессе): принесение протестов и последующее поддержание их в судах второй инстанции, а также вступление в производство по проверке не вступивших в законную силу судебных постановлений, начавшееся по инициативе других юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Анализ действующего законодательства, а также правоприменительной практики показывает, что в отмеченной области имеется еще немало нерешенных проблем, на некоторые из которых уже обращалось внимание в литературе [1, с. 30–31; 2; 3, с. 21–22; 4, с. 44–46, 57, 61–68, 72–77, 80–84]. Тем не менее актуальность проблематики (полноценное апелляционное производство действует в гражданском процессе только с середины 2018 г.), а также принятие Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь постановления от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление № 1) требуют обращения к обозначенным вопросам в очередной раз.

Основная часть

1. В ч. 5 п. 4 Постановления № 1 закреплено, что «принести апелляционный протест на решение суда вправе прокурор, участвовавший в рассмотрении гражданского дела, руководители органов прокуратуры и их заместители в пределах компетенции независимо от участия в рассмотрении дела (часть третья статьи 399 ГПК, абзац пятый статьи 3 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220–З «О прокуратуре Республики Беларусь»)».

В данном случае высшая судебная инстанция применила не совсем корректный прием – давая разъяснения относительно нормы ч. 3 ст. 399 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), использовала терминологический аппарат не ГПК, а Закона № 220–З. Об использовании терминологического аппарата Закона № 220–З свидетельствуют прямая ссылка на ст. 3 Закона № 220–З (данная статья раскрывает содержание терминов, которыми оперирует Закон № 220–З)

и упоминание термина «руководители органов прокуратуры» (данный термин не употребляется в ГПК, но присутствует в Законе № 220–З, в том числе абз. 5 ст. 3 Закона № 220–З содержит дефиницию этого термина). Некорректность приема заключается в том, что при разъяснении (толковании) нормативного правового акта необходимо исходить из используемой в нем терминологии, а не руководствоваться понятиями, терминами, выражениями совершенно другого акта законодательства. Как следствие, использованный Верховным Судом Республики Беларусь прием привел к некоторой путанице в передаче смысла ч. 3 ст. 399 ГПК.

Так, в ч. 5 п. 4 Постановления № 1 со ссылкой на ч. 3 ст. 399 ГПК констатировано, что принести апелляционный протест на решение суда может только «прокурор, участвовавший в рассмотрении гражданского дела», в то же время согласно ч. 3 ст. 399 ГПК «прокурор … вправе принести протест на решение суда независимо от того, участвовал ли он в рассмотрении данного дела». Столь существенное расхождение между двумя приведенными правилами обусловлено тем, что один и тот же термин «прокурор» используется в них по отмеченным выше причинам в разных смыслах.

В ч. 5 п. 4 Постановления № 1 под прокурором подразумевается любой прокурорский работник, кроме руководителя органа прокуратуры и его заместителя, поскольку дальше по тексту предложения отдельно идет речь о руководителях органов прокуратуры (т. е. используется несвойственный ГПК термин) и их заместителях как субъектах, обладающих правом принесения апелляционных протестов независимо от участия в рассмотрении дела. А в ч. 3 ст. 399 ГПК под прокурором понимается только руководитель органа прокуратуры, потому что далее в норме упоминается заместитель прокурора, обладающий равной с прокурором компетенцией по апелляционному опротестованию, т. е. независимо от участия в деле (очевидно, что заместитель, причем с такой широкой компетенцией, может быть только у руководителя органа прокуратуры), а также помощники прокурора, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры, которые вправе приносить апелляционный протест только если принимали участие в рассмотрении дела (т. е. перечисляются рядовые сотрудники органа прокуратуры, имеющие ограниченную компетенцию по сравнению с руководителем данного органа).

2. Из ч. 5 п. 4 Постановления № 1 следует, что руководители органов прокуратуры и их заместители праве приносить апелляционный протест на решение суда только «в пределах компетенции». О необходимости соблюдения должностными лицами прокуратуры своей компетенции говорится также в п. 14 ст. 1 ГПК: «прокурор – действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры». Аналогичное содержание имеет и абз. 3 ст. 3 Закона № 220–З. Вместе с тем законодательство не дает четкого ответа на вопрос, что означает действовать, в том числе приносить апелляционные протесты, в пределах компетенции.

Очевидно, что вопрос о компетенции государственных органов, в том числе и органов прокуратуры, имеет несколько аспектов. Во-первых, это разграничение предметов ведения (предметной компетенции) между

государственными органами разных типов (видов). Во-вторых, это разграничение компетенции внутри системы органов одного типа (вида), конечно, при условии, что органов данного типа (вида) несколько и они образуют собой систему. Причем в этом последнем аспекте вопрос о компетенции расщепляется на два подвопроса: разграничение компетенции по вертикали или родовой компетенции (т. е. разграничение компетенции между вышестоящими и нижестоящими органами системы) и разграничение компетенции по горизонтали или территориальной компетенции (т. е. разграничение пространственных пределов между одноуровневыми органами – между всеми нижестоящими органами, между всеми органами, находящимися на более высокой ступеньке в иерархии системы, и т. д.).

Думается, что в ч. 5 п. 4 Постановления № 1, п. 14 ст. 1 ГПК под соблюдением должностными лицами органов прокуратуры пределов компетенции подразумевается прежде всего соблюдение ими вертикальной (родовой) и горизонтальной (территориальной) компетенции органов прокуратуры. Но каковы пределы данных видов компетенции органов прокуратуры, действующее законодательство тоже прямо не говорит.

3. По логике вещей разграничение вертикальной (родовой) компетенция органов прокуратуры при осуществлении ими надзора за соответствием закону не вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам должно базироваться на следующей посылке: органы прокуратуры «работают» с судами (в том числе приносят протесты на выносимые ими постановления) «своего» уровня, т. е. прокуратуры районов, районов в городах, городов «работают» только с районными (городскими) судами; прокуратуры областей, г. Минска – только с областными, Минским городским судами; Генеральная прокуратура – только с Верховным Судом Республики Беларусь.

Однако анализ нормативных правовых актов показывает, что в этом вопросе не все так однозначно. Например, согласно ч. 3 ст. 66 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) направлять иск (заявление) в Верховный Суд Республики Беларусь полномочны Генеральный прокурор, прокуроры областей, г. Минска и их заместители, в другие суды, рассматривающие экономические дела, – Генеральный прокурор, прокуроры областей, г. Минска и их заместители, а также прокуроры районов, районов в городах, городов, межрайонные и приравненные к ним транспортные прокуроры и их заместители (подобных норм нет в ГПК, однако принципиального значения это не имеет, т. к. мы обращаемся к положениям ХПК для того, чтобы выявить общие закономерности функционирования правовой системы).

В соответствии со ст. 439 ГПК Генеральный прокурор вправе приносить протест на судебные постановления любого суда Республики Беларусь, за исключением постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь; заместители Генерального прокурора – на судебные постановления любого суда Республики Беларусь, за исключением постановлений Президиума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Верховного Суда Республики Беларусь; прокуроры областей, г. Минска – на решения и определения районных (городских) судов и определения судебных коллегий по гражданским делам областных, Минского городского судов по апелляционным (частным) жалобам и (или) апелляционным (частным) протестам.

Наконец, нельзя не упомянуть еще норму п. 1 ст. 45 Закона № 220–З: «При наличии письменного поручения вышестоящего прокурора нижестоящий прокурор принимает участие в рассмотрении гражданских дел, дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, по первой инстанции Верховным Судом Республики Беларусь, областными и Минским городским судами, экономическими судами областей и города Минска».

Из приведенных норм вытекает, что действующее законодательство допускает возможность «работы» органов прокуратуры с судами «чужого» («не своего») уровня, при этом, например, «работа» прокуратур районов, районов в городах, городов с судами вышестоящего уровня является менее типичным явлением для отечественной правовой системы, в то время как «работа» Генеральной прокуратуры с любыми нижестоящими судами выступает общим правилом.

Такой вывод дает повод для следующего варианта истолкования правила ч. 3 ст. 399 ГПК: апелляционный протест на решение районного суда может быть принесен не только прокурором соответствующего района, но и прокурором области и даже Генеральным прокурором, при этом не исключено принесение на решение суда сразу двух апелляционных протестов – районным прокурором и каким-то вышестоящим прокурором (в этой связи стоит прокомментировать разъяснение п. 27 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве» (далее – Постановление ВХС № 22) о том, что вышестоящие прокуроры правом апелляционного протеста не обладают; данное разъяснение объясняется исключительно особенностями содержания ч. 2 ст. 267 ХПК, которая предоставляет право на принесение протеста только прокурору, принимавшему участие в рассмотрении дела).

Вместе с тем вполне реальна и обратная ситуация, когда на решение суда апелляционный протест может быть принесен должностным лицом нижестоящей прокуратуры. Так, если прокурор области воспользуется своим правом, предоставленным п. 1 ст. 45 Закона № 220–З, и поручит поддерживать в областном суде предъявленный им иск должностному лицу прокуратуры района, то правом на принесение апелляционного протеста будет обладать как прокурор области (такое право он имеет согласно ч. 3 ст. 399 ГПК независимо от участия в рассмотрении дела), так и должностное лицо прокуратуры района (в силу того, что реально участвовало в рассмотрении дела). Причем каждое из указанных должностных лиц может воспользоваться своим правом, т. е. на решение суда может быть принесено сразу два апелляционных протеста.

Несмотря на то что прокуратура представляет собой единую и централизованную систему органов (ст. 1 Закона № 220–З), деятельность которых основывается на принципе подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам (ст. 5 Закона № 220–З), мы допускаем (хотя бы чисто теоретически), что в описанных выше ситуациях два принесенных на решение суда апелляционных протеста могут между собой расходиться: в одном протесте может отстаиваться правильность позиции истца, а в другом – правильность позиции ответчика. Соответственно, возникает вопрос, каким образом поступить

суду второй инстанции при наличии коллизии между апелляционными протестами.

4. Если говорить о горизонтальной (территориальной) компетенции органов прокуратуры при осуществлении ими надзора за соответствием закону не вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам, то она, видимо, должна разграничиваться по такому принципу: должностные лица прокуратуры вправе приносить протесты на постановления суда только «своей» административно-территориальной или территориальной единицы (под территориальными единицами здесь имеются в виду районы в городах), т. е. того суда, территория юрисдикции которого совпадает с территорией юрисдикции прокуратуры. Так, должностные лица прокуратуры Браславского района полномочны приносить протесты лишь на постановления суда Браславского района (здесь у прокуратуры и суда общая в плане компетенции административно-территориальная единица – Браславский район Витебской области), должностные лица прокуратуры Заводского района г. Минска – лишь на постановления суда Заводского района г. Минска (здесь у прокуратуры и суда общая в плане компетенции территориальная единица – Заводской район г. Минска) и т. д.

Тем не менее на практике не всегда все происходит так. Дело в том, что нередко должностные лица прокуратуры, действуя в интересах субъекта, проживающего (находящего) на подконтрольной прокуратуре территории, вынуждены (подчиняясь правилам территориальной подсудности судов) предъявлять иски в суды «чужой» административно-территориальной или территориальной единицы. Например, прокурор Браславского района может столкнуться с необходимостью направления искового заявления в интересах «своего» поднадзорного субъекта (физического лица или организации) в суд Заводского района г. Минска.

Собственно, допустимость подобных ситуаций даже оговорена в п. 4 Постановления ВХС № 22: «При определении компетенции прокурора исходя из распространения его полномочий на территорию административно-территориальной единицы Республики Беларусь, на которой расположена соответствующая прокуратура, следует учитывать, что полномочия прокурора ограничиваются только предъявлением исков (заявлений) в защиту соответствующих субъектов, расположенных на данной территории. Предъявление прокурором исков (заявлений) в хозяйственный суд другой области по данному признаку не ограничивается» (тот факт, что разъяснение касается лишь экономических дел, большого значения не имеет, т. к. органы прокуратуры, будучи единой системой, не могут действовать каким-то иным образом в отношении гражданских дел).

При этом должностное лицо прокуратуры, предъявив иск в суд «чужой» административно-территориальной или территориальной единицы, обычно поручает должностным лицам прокуратуры «чужой» административно-территориальной или территориальной единицы также и поддержание своего иска в суде (для того чтобы избежать затрат времени, сил и средств, связанных с явкой в отдаленный в территориальном отношении «чужой» суд). Данная ситуация тоже легализована в Постановлении ВХС № 22: «Хозяйственным судам при рассмотрении вопроса о полномочиях прокурора, участвующего в деле, следует принимать во внимание, что прокурор, предъявивший иск

в интересах юридического лица, индивидуального предпринимателя или другого лица, при наличии уважительных причин, препятствующих его участию в рассмотрении дела, может на основании письменного извещения передать полномочия по ведению дела в хозяйственном суде прокурору иной административно-территориальной единицы Республики Беларусь, который участвует в рассмотрении дела с правами прокурора, предъявившего иск (заявление)» (п. 18); «При передаче полномочий на участие в рассмотрении дела прокурору … другой территориальной либо специализированной прокуратуры прокурор, предъявивший иск (заявление, ходатайство), письменно уведомляет об этом хозяйственный суд» (ч. 5 п. 14).

Реальное положение вещей в гражданском судопроизводстве отличается только тем, что передача полномочий должностному лицу прокуратуры «чужой» административно-территориальной или территориальной единицы обычно осуществляется в устной, а не письменной форме, а уведомление суда о такой передаче полномочий, как правило, не производится (уведомить суд о состоявшейся передаче полномочий и о ее причинах может явившееся в суд должностное лицо прокуратуры «чужой» административно-территориальной или территориальной единицы, хотя суды далеко не всегда и интересуются, почему предъявленный прокурором иск поддерживается должностным лицом «чужой» прокуратуры).

Таким образом, получается, что в том случае, когда, например, прокурор Браславского района, предъявив иск в суд Заводского района г. Минска, поручил поддержание иска в суде должностному лицу прокуратуры Заводского района г. Минска, правом на принесение апелляционного протеста на решение суда, очевидно, будут пользоваться как прокурор Браславского района и его заместитель (они обладают таким правом независимо от участия в рассмотрении дела), так и должностное лицо прокуратуры Заводского района г. Минска, непосредственно участвовавшее в рассмотрении судом спора.

Данный вывод находит подтверждение и в ч. 2 п. 26 Постановления ВХС № 22: «В случае, если в судебном разбирательстве участвовал прокурор на основании переданных ему полномочий прокурором, предъявившим иск (заявление), хозяйственным судам следует учитывать, что право апелляционного опротестования принадлежит как прокурору, предъявившему иск (заявление), так и прокурору, участвовавшему в заседании суда первой инстанции» (при этом заметим, что данное разъяснение даже в большей мере соответствует гражданскому судопроизводству, нежели хозяйственному процессу, т. к. ч. 2 ст. 267 ХПК позволяет приносить протест исключительно прокурору, принимавшему участие в рассмотрении дела, ничего не упоминая про прокурора, предъявившего иск, в то время как ч. 3 ст. 399 ГПК наделяет правом апелляционного опротестования также и должностных лиц прокуратуры, не принимавших участия в разбирательстве дела).

Более того, даже если бы в смоделированном нами примере прокурор Браславского района не поручал поддержание иска в суде должностному лицу прокуратуры Заводского района г. Минска, а направил в суд Заводского района г. Минска собственного сотрудника, то и в этом случае, на наш взгляд, у должностных лиц прокуратуры Заводского района г. Минска (а именно: у руководителя прокуратуры и его заместителя, т. к. в соответствии с ч. 3 ст. 399 ГПК только эти должностные лица имеют право приносить протест, не участвуя

в рассмотрении дела) имелось бы право на принесение апелляционного протеста на решение суда, поскольку поднадзорный прокуратуре субъект – суд Заводского района г. Минска – находится на территории юрисдикции прокуратуры, а значит, было бы нелогично, если бы прокуратура (в лице своих должностных лиц) была лишена права осуществления надзора за законностью выносимых данным судом постановлений.

Значит, в приведенном нами примере при любом варианте развития событий (и тогда, когда прокурор Браславского района поручил бы поддержание иска должностным лицам прокуратуры Заводского района г. Минска, и тогда, когда этого бы не произошло) может сложиться ситуация, при которой на решение суда будут принесены сразу два апелляционных протеста – от каждой из прокуратур, причем апелляционные протесты, находящиеся в коллизии между собой, поскольку один принесен в интересах истца, а другой – в интересах ответчика. В такой ситуации возникает тот же вопрос, который был поднят нами в отношении случая принесения на решение суда расходящихся между собой апелляционных протестов должностными лицами вышестоящей и нижестоящей прокуратур – как тогда действовать суду апелляционной инстанции.

5. С обозначенными выше тесно связана еще одна проблема, имеющая отношение к разграничению вертикальной (родовой) компетенции органов прокуратуры при осуществлении ими надзора за соответствием закону не вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам: должностное лицо прокуратуры какого уровня вправе участвовать в рассмотрении дела судом второй инстанции. Нормативно данный вопрос не урегулирован. По сложившейся практике в апелляционном (ранее – кассационном) производстве принимают участие должностные лица той прокуратуры, которая соответствует уровню суда [5, с. 270; 6, с. 175]. Так, в рассмотрении дел в апелляционном порядке областными (Минским городским) судами принимают участие должностные лица прокуратур областей (г. Минска), в рассмотрении дел в апелляционном порядке Верховным Судом – должностные лица Генеральной прокуратуры. Насколько верен такой подход, проанализируем отдельно для ситуаций, когда апелляционное производство было инициировано должностным лицом органа прокуратуры, и для ситуаций, когда апелляционный пересмотр возник по инициативе иного субъекта, нежели должностное лицо прокуратуры.

Ситуации первого рода специфичны в том отношении, что в них имеет место конкуренция компетенций вышестоящей и нижестоящей прокуратур. Например, если речь идет об апелляционной проверке решения районного суда, то конкуренция возникает между компетенцией районной прокуратуры (должностное лицо которой принесло апелляционный протест на судебное решение) и компетенцией прокуратуры области (должностное лицо которой участвует в заседании суда второй инстанции). С одной стороны, участие в апелляционном производстве должностного лица вышестоящей прокуратуры соответствует уже озвученному выше принципу «суды «работают» с прокуратурами «своего» уровня», особенно если к тому же учесть, что, осуществляя поддержание протеста должностного лица нижестоящей прокуратуры, должностное лицо вышестоящей прокуратуры выполняет и свою собственную, характерную только для вышестоящей прокуратуры, миссию –

надзор за соответствием закону судебных постановлений суда апелляционной инстанции.

Однако, с другой стороны, поддержание апелляционного протеста на решение суда – это деятельность, которая является органическим продолжением деятельности, начатой еще должностным лицом нижестоящей прокуратуры, по осуществлению надзора за соответствием закону решения районного суда, т. е. деятельность по реализации компетенции прокуратуры района. Следовательно, осуществляя поддержание апелляционного протеста, принесенного должностным лицом прокуратуры района, должностное лицо прокуратуры области выходит за пределы компетенции «своей» прокуратуры и реализует компетенцию «чужой» прокуратуры, причем делает это без какого-либо уполномочия со стороны нижестоящей прокуратуры в силу одного того факта, что подобный порядок сложился на практике.

Безусловно, отмеченный порядок имеет свои преимущества: должностным лицам нижестоящей прокуратуры нет необходимости тратить время, силы и средства по явке в областной суд, который, как правило, значительно отдален от районного суда в территориальном плане, тем более что тактику поддержания апелляционного протеста в областном суде должностное лицо прокуратуры района может согласовать с должностным лицом прокуратуры области по телефону или каким-то иным удобным для обоих должностных лиц образом. Вместе с тем полагаем, что, несмотря на все свои преимущества, сложившийся порядок поддержания в вышестоящем суде апелляционных протестов должностных лиц нижестоящей прокуратуры, поскольку в этом случае имеет место конкуренция компетенций прокуратур разного уровня, требует легализации (на что мы уже вкратце обращали внимание [7, с. 293]) на уровне процессуального закона или, как вариант, хотя бы постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (например, Постановления № 1).

В ситуациях второго рода – когда апелляционное производство возбуждается по инициативе иного субъекта, нежели должностное лицо прокуратуры, и в рассмотрение дела судом второй инстанции вступает должностное лицо прокуратуры, – конкуренции по вопросу компетенции между органами прокуратуры нет. Конкуренция отсутствует даже в том случае, если в разбирательстве дела судом первой инстанции принимало участие должностное лицо нижестоящей прокуратуры, т. к. от данной прокуратуры апелляционный протест на решение суда не был принесен. Поэтому должное лицо вышестоящей прокуратуры, вступив в апелляционное производство, реализует компетенцию только своей прокуратуры – осуществляет надзор за соответствием закону постановлений суда апелляционной инстанции, т. е. действует в полном соответствии с принципом «прокуратуры «работают» с судами «своего» уровня». Единственную проблему мы видим только в том, что данный принцип тоже нигде нормативно не прописан. Следовательно, легализации требует порядок участия должностных лиц прокуратуры в апелляционном производстве и в ситуациях второго рода.

6. Согласно ч. 1 ст. 400 ГПК частный протест на не вступившие в законную силу определения суда первой инстанции вправе приносить «прокуроры», т. е. фактически любые должностные лица органов прокуратуры, перечисленные в п. 14 ст. 1 ГПК. Подобное регулирование нельзя признать верным: ведь если законодатель в ч. 3 ст. 399 ГПК устанавливает для должностных лиц

прокуратуры определенные ограничения по опротестованию судебных решений, то точно такие же ограничения по логике вещей должны действовать для должностных лиц прокуратуры и при опротестовании ими судебных определений. Допущенная в ч. 1 ст. 400 ГПК ошибка обусловлена тем, что при замене в 2018 г. кассации на апелляцию и, соответственно, изложении гл. 32 ГПК в новой редакции, законодатель впервые попытался (на наш взгляд, необоснованно) урегулировать в § 1 гл. 32 ГПК вопросы, имеющие отношение к опротестованию (обжалованию) судебных определений (в прежней редакции гл. 32 ГПК данным вопросам был посвящен исключительно § 5 гл. 32 ГПК) [2, с. 345–346].

В такой ситуации, казалось бы, отмеченная нормотворческая огреха должна была быть «исправлена» в Постановлении № 1 (слово «исправлена» мы взяли в кавычки потому, что об исправлении здесь можно говорить только в условном смысле: текст законодательных актов напрямую не может корректироваться постановлениями Пленума Верховного Суда, но последние, тем не менее, могут подсказать, как преодолевать имеющиеся в законодательных актах ошибки). Однако прямых разъяснений на данный счет в Постановлении № 1 нет. Так, ч. 5 п. 4 Постановления № 1, где описываются действующие для должностных лиц прокуратуры ограничения на принесение протестов, посвящена толкованию исключительно нормы ч. 3 ст. 399 ГПК. Еще в ч. 1 п. 22 Постановления № 1 разъяснено: «Следует иметь в виду, что подача и рассмотрение частной жалобы и (или) частного протеста на определение суда первой инстанции осуществляются в порядке, установленном для подачи и рассмотрения апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста». Однако это разъяснение представляет собой не что иное, как почти дословное воспроизведение нормы ст. 433 ГПК.

Поскольку норма ст. 433 ГПК продублирована в ч. 1 п. 22 Постановления № 1 и никаких других разъяснений относительно порядка принесения протестов на определения суда Постановление № 1 не содержит, то при опротестовании определений для должностных лиц прокуратуры, по-видимому, должны действовать те же самые ограничения, что и при опротестовании решений (прокурор или заместитель прокурора вправе приносить протест независимо от участия в деле, а помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры – только при условии участия в деле), т. к. принесение частных протестов осуществляется в порядке, установленном для принесения апелляционных протестов. Тем не менее в Постановлении № 1 на этот счет хотелось бы видеть четкие и однозначные разъяснения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

ч. 5 п. 4 Постановления № 1 целесообразно изложить в следующей редакции: «Прокурор как руководитель органа прокуратуры и его заместитель вправе принести протест на решение или определение суда независимо от участия в рассмотрении дела, а помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры – только если они принимали участие в рассмотрении дела»;

в Постановлении № 1 необходимо дать разъяснения по вопросам соблюдения должностными лицами органов прокуратуры компетенции при участии в апелляционном производстве, в частности, вправе ли протест на судебное

постановление приносить должностное лицо вышестоящей или другой территориальной прокуратуры; допустимо ли принесение на одно судебное постановление протестов сразу от нескольких прокуратур и если допустимо, то как суду разрешать возможные коллизии между протестами; должностное лицо какой прокуратуры вправе участвовать в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции.

Список цитированных источников

1. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы : монография / И. Э. Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. – Минск : Колорград, 2020. – 300 с.

2. Скобелев, В. П. О некоторых проблемах осуществления прокурорского надзора в апелляционном производстве по гражданским и экономическим делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Гос. учрежд. «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – Вып. 13. – С. 340–348.

3. Соколовская, А. Процессуальный порядок рассмотрения гражданских дел в суде апелляционной инстанции / А. Соколовская // Судовы веснік. – 2019. – № 1. – С. 18–26.

4. Теоретические и практические проблемы реформирования цивилистического судопроизводства / Д. В. Гапоненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. – Минск : Колорград, 2021. – 348 с.

5. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2006. – 576 с.

6. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2020. – 379 с.

7. Скобелев, В. П. О совершенствовании правового статуса должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генерал. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 290–297.

Аннотация. В статье освещаются некоторые проблемы, имеющие отношение к регулированию компетенции должностных лиц органов прокуратуры по их участию в апелляционном производстве. Указанные проблемы анализируются в контексте постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке». Автор показывает, что отдельные вопросы были разъяснены высшей судебной инстанцией не совсем верно, а другие очень важные вопросы Пленум Верховного Суда Республики Беларусь своим вниманием обошел. К последнего рода вопросам относятся, в частности, следующие: допустимо ли принесение протеста на судебное постановление должностным лицом вышестоящей прокуратуры, а также другой территориальной прокуратуры; возможно ли принесение на судебное постановление протестов сразу от нескольких прокуратур; должностное лицо какой прокуратуры вправе участвовать в заседании суда апелляционной инстанции и др.

APPEAL PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS AND SOME ISSUES OF REGULATING THE COMPETENCE OF OFFICIALS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Skobelev V.P.

Keywords: civil process, appeal proceedings, appeal protest, official of the prosecutor's office, higher prosecutor's office, lower prosecutor's office.

Abstract. The article highlights some of the problems related to the regulation of the competence of officials of the prosecutor's office for their participation in the appeal proceedings. These problems are analyzed in the context of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus «On the practice of application by courts of the norms of the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus governing the proceedings on appeal». The author shows that certain issues were not quite correctly explained by the highest court, and the Plenum of the Supreme Court ignored other very important issues. The latter kind of questions include, in particular, the following: is it permissible to bring a protest against a court decision by an official of a higher prosecutor's office, as well as another territorial prosecutor's office; whether it is possible to bring protests to a court decision from several prosecutors at once; an official of which prosecutor's office has the right to participate in a court session of an appellate instance, etc.

УДК 343.163

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Чижик Е.В.

Ключевые слова: прокурорский надзор, исполнение приговора, стадия исполнения приговора, вопросы, связанные с исполнением приговора, судебное заседание.

Введение

Одной из основных задач, разрешаемых органами прокуратуры, согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220–З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) является осуществление надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора. Прокурорский надзор сопровождает весь ход исполнения итоговых судебных решений, в том числе в части применения наказания. В связи с этим детальная регламентация участия прокурора в этом процессе чрезвычайно важна для полной реализации принципа законности, обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния, а также восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

Несмотря на достаточно подробное нормативное регулирование организации и деятельности органов прокуратуры, законодательство все же не избавлено от пробелов и противоречий в регламентации прокурорского надзора за исполнением приговора. Это нередко отмечается отечественными и зарубежными авторами [1, с. 164–165; 2, с. 15–17; 3]. К тому же правовая доктрина включает ряд вопросов, которые уже долгое время остаются

дискуссионными и представляют теоретический и практический интерес. Наделение прокурора полномочиями по инициированию перед судом уголовно-процессуальной деятельности по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора [4, с. 20–21; 5, с. 17], определение правового положения прокурора в судебном заседании в стадии исполнения приговора [2, с. 7; 6, с. 73] – некоторые из таких вопросов.

Целью настоящего исследования выступает выявление проблем правового регулирования деятельности прокурора в стадии исполнения приговора и определение перспектив совершенствования законодательства Беларуси в этой сфере.

Основная часть

Правовая традиция определения прокурора ключевой фигурой, поддерживающей исполнение приговора в строгом соответствии с требованиями закона, прослеживается еще в положениях Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. (далее – Устав), который распространял свое действие в то время на белорусские земли [7]. В частности, шестой раздел упомянутого документа посвящен вопросам исполнения уголовных приговоров; ст. 948, 949, 956 Устава регламентировали участие в этом процессе прокурора, на которого возлагалась задача «наблюдать» за точным исполнением приговоров (ст. 948 Устава), а также извещать суд об их исполнении (ст. 956 Устава).

Действующее национальное законодательство также отводит прокурору особое место в ходе исполнения приговора. Прокурор реализует свои полномочия как в процессуальной форме, руководствуясь положениями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), так и вне уголовного процесса. В частности, значительным объемом полномочий прокурор наделен при осуществлении надзора за исполнением наказаний и иных мер уголовной ответственности. В процессе исполнения приговора может возникнуть ряд вопросов, которые потребуют разрешения в судебном заседании. Участие прокурора при разрешении большей части вопросов признано законом обязательным (ч. 1 ст. 402^2 УПК).

Несмотря на то, что в ст. 4 Закона о прокуратуре четко поставлена задача по осуществлению прокурором надзора за исполнением итоговых судебных решений, УПК не содержит норм о надзоре в ходе подготовки к судебному заседанию при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (далее – судебное заседание). Главы 7 и 8 Закона о прокуратуре, которые регулируют порядок осуществления прокурорского надзора за исполнением приговора, а также за соблюдением законодательства при применении наказаний, также не упоминают о таком направлении надзора.

Проведем аналогию с юридическим процессом, который предшествует рассмотрению уголовного дела в суде первой инстанции. Так, по окончании стадии предварительного расследования, прежде чем уголовное дело будет направлено в суд для рассмотрения по существу, оно поступает прокурору для разрешения вопроса о возможности его направления в суд. Прокурор, таким образом, осуществляет надзор за качеством проведенного предварительного следствия.

В стадии же исполнения приговора применяется иное правило. Согласно ч. 1 ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) в отношении осужденного, к которому могут быть применены условно-

досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО), замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, орган или учреждение, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, направляют в суд соответствующее представление и материалы (далее – материалы), тем самым выступая инициатором судебного процесса.

Существующий порядок мог бы быть усовершенствован обязательным предварительным согласованием с прокурором направляемых в суд материалов. Прокурорский надзор на этом этапе подготовки к судебному заседанию мог бы быть реализован в процессуальной форме путем проверки соблюдения установленного законом порядка представления суду вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, а также качества и полноты собранных материалов, подлежащих рассмотрению в судебном заседании. В таком случае прокурор в полной мере имеет возможность реализовать надзор за соблюдением законодательства органом или учреждением, исполняющим наказание и иные меры уголовной ответственности, выявить нарушения и злоупотребления со стороны этих субъектов, а также составить правовую позицию по поступающему для разрешения в суде вопросу. Это будет способствовать даче законного и обоснованного заключения, а также реализации принципа прокурорского надзора на досудебном этапе стадии исполнения приговора.

Примечательно, что порядок инициирования уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора, урегулирован нормами УИК, а не уголовно-процессуальным законом, что, вероятно, является пробелом в законодательстве. Проведенный нами сравнительно-правовой анализ аналогичных норм национального законодательства некоторых государств позволил заметить, что подобного рода процедура регламентирована нормами процессуального закона. В частности, уголовно-процессуальные кодексы России (ст. 399), Украины (ст. 539), Казахстана (ст. 478) содержат такие положения, что является более логичным. В данном случае речь идет о юридическом поводе для проведения судебного заседания. Как справедливо отмечается в научной литературе: «судопроизводство в стадии исполнения приговора начинается с принятия судом ходатайства или представления соответствующего органа о рассмотрении вопроса, возникающего в процессе исполнения приговора, и назначения дела к слушанию» [8, с. 162]. В связи с этим включение в УПК нормы, определяющей круг субъектов, обладающих правом выхода в суд в стадии исполнения приговора, способствовало бы поддержанию логической стройности УПК.

Продолжая тему инициирования судопроизводства в порядке исполнения приговора, отметим, что в научной среде вопрос о наделении такими полномочиями прокурора вызывает дискуссию [2, с. 16; 5, с. 17]. Ранее нами также исследовался этот аспект темы [10]. Еще в советское время правоведы рассматривали целесообразность наделения прокурора такой возможностью. Например, нормы уголовно-процессуальных кодексов Узбекской ССР (ст. 341), Азербайджанской ССР (ст. 384) давали прокурору право «входить в суд с представлением об освобождении от наказания» [10, с. 113].

Что касается современного состояния уголовно-процессуального законодательства различных государств в этой сфере, то наличие у прокурора таких полномочий является редкостью. Например, украинский законодатель предоставляет прокурору право инициирования уголовно-процессуальной

деятельности по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 1 ст. 539 Уголовного процессуального кодекса Украины). Относительно Беларуси: УПК такие полномочия прокурора не закрепляет. В то же время прокурорская практика свидетельствует о том, что прокурор инициирует представление осужденного к УДО, замене неотбытой части наказания более мягким путем дачи указания органу или администрации учреждения, исполняющим наказание. Нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Беларуси лишены подобных положений. Однако такое полномочие обусловлено сутью надзорной деятельности: прокуратура не может оставлять ни единого факта нарушения прав и законных интересов граждан без реагирования, а несвоевременное представление к рассмотрению судом вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, ведет к таким нарушениям. К тому же порядок инициирования судебного процесса в стадии исполнения приговора требует особого внимания, такое полномочие прокурора, вероятно, нельзя назвать «рядовым» и обусловленным лишь характером надзорной деятельности.

Таким образом, восполнению пробелов законодательного регулирования стадии исполнения приговора, а также поддержанию логической стройности УПК будет способствовать закрепление в ст. 402^2 УПК перечня субъектов, обладающих правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности по разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора, а также соответствующего повода для проведения судебного заседания (представления, ходатайства). В целях поддержания согласованности уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и подзаконных актов органов прокуратуры необходимо нормативно закрепить полномочие прокурора вносить в суд представление о разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Это будет способствовать единству правоприменения, обеспечению своевременности представления на рассмотрение суда вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, а также повышению роли прокурорского надзора в данной сфере государственно-правовой деятельности.

Процессуальное положение прокурора в судебном заседании – еще один аспект исследуемой темы, который не получил подробной законодательной регламентации. Раздел 11 УПК, который устанавливает порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора, лишен норм, которые бы точно определяли статус и характер деятельности прокурора. Закон о прокуратуре также не содержит подобных положений. В то же время процессуальный статус прокурора, участвующего в суде при рассмотрении уголовных дел, в ч. 1 ст. 46 Закона о прокуратуре определен однозначно: прокурор в таком процессе является «государственным обвинителем». Статья 34 УПК, определяющая полномочия прокурора в уголовном процессе, также не упоминает об участии прокурора в судебном заседании в стадии исполнения приговора, регулируя при этом участие прокурора, являющегося государственным обвинителем. Правовая дефиниция термина «государственный обвинитель», данная в ст. 6 УПК, не позволяет прокурора, участвующего в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, считать таковым. Законодатель четко определил государственным обвинителем прокурора, поддерживающего государственное обвинение и осуществляющего иную процессуальную деятельность при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. Однако в судебном заседании

предметом рассмотрения выступает не уголовное дело, а материалы. Прокурор изначально не представляет сторону обвинения, поскольку обвинения как такового нет: уголовное дело уже разрешено по существу. Поддержанием последствий обвинения функцию прокурора также едва ли можно назвать, поскольку прокурор может выступать, например, как за применение УДО, так и против этого [2, с. 16].

Особенность статуса прокурора в этом процессе обусловлена спецификой производства в стадии исполнения приговора. Правоведы, исследующие проблемы рассматриваемой стадии, нередко отмечают, что производство по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является самостоятельным по своей юридической природе. Это выражается в особом круге участников, наличии собственного предмета доказывания, а также особенностях реализации принципов уголовного процесса [5, с. 16; 11, с. 18–20; 12, с. 13; 13, с. 14; 14, с. 32–33]. Поступательное развитие норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства подтверждает этот тезис.

Таким образом, вышеизложенное приводит к мысли о том, что функция прокурора в судебном заседании требует переосмысления и уточнения. Надзорной ее нельзя определить, поскольку «надзор в суде невозможен» [6, с. 73], а государственное обвинение в таком процессе прокурор уже не поддерживает. В этом вопросе нам близка научная позиция, согласно которой прокурор наделен особым статусом, функция его определяется как правозащитная [15, с. 63], правообеспечительная, «заключающаяся в создании надлежащих условий для объективного, законного и обоснованного вынесения решения» [16, с. 74–79].

Прокурор является значимой фигурой в судебном заседании, что подтверждается его обязательным участием при разрешении большинства вопросов. Позиция прокурора оформляется в виде заключения и учитывается судом при принятии окончательного решения. Прокурор принимает меры к полному и всестороннему исследованию материалов, занимает активную позицию участника процесса, пользуясь правом задавать вопросы, вносить предложения, заявлять ходатайства и т. д. В связи с этим его процессуальный статус должен быть определен нормативно в качестве самостоятельного участника уголовного процесса. Например, О.В. Воронин предлагает определить процессуальное положение прокурора в качестве «публичного представителя» [2, с. 16]. Поскольку целью настоящего исследования не является выработка термина, наиболее точно определяющего статус прокурора в производстве по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, остановимся лишь на том, что эта актуальная проблема требует правового регулирования.

Таким образом, деятельность прокурора в судебном заседании является относительно самостоятельным видом уголовно-процессуальной деятельности, который требует законодательной регламентации. Эта деятельность специфична по содержанию, направлена на защиту интересов личности, общества и государства в стадии исполнения приговора, является по своей сути правозащитной, правообеспечительной, в процессе осуществления которой прокурор гарантирует соблюдение прав и законных интересов участников данного вида производства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Для поддержания логической стройности уголовно-процессуального законодательства Беларуси целесообразно дополнить положения ст. 402^2 УПК перечнем субъектов, обладающих правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности по разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора, с указанием соответствующего повода для проведения судебного заседания (представления, ходатайства).

2. В целях поддержания согласованности уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и подзаконных актов органов прокуратуры необходимо нормативное закрепление полномочий прокурора по своей инициативе вносить в суд представление о разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

3. Более подробного законодательного регулирования требует процессуальное положение прокурора, участвующего в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, а также досудебный этап рассматриваемой стадии.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Соотношение судебного контроля и прокурорского надзора за исполнением приговора / В. Н. Бибило // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Республики Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 162–165.

2. Воронин, О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Воронин ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2004. – 23 с.

3. Скобелев, В. П. О повышении эффективности прокурорского надзора за соблюдением законодательства в исполнительном производстве / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 371–380.

4. Бровин, Г. И. Прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров / Г. И. Бровин, В. Т. Михайлов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 134 с.

5. Шабалина, Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Шабалина ; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Владимир, 2012. – 21 с.

6. Белоносов, В. О. Функции прокурора в стадии исполнения приговора / В. О. Белоносов, К. И. Сендуляк // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межведом. конф., Самара, 16–17 июня 2016 г. / Самарский юрид. ин-т ФСИН России ; под общ. ред. А. А. Вотинова. – Самара : Самарский юрид. ин-т ФСИН, 2016. – С. 72–75.

7. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / Изд. Гос. канцелярии. – СПб. : тип. 2-го отд-ния собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – Ч. 2 :Устав уголовного судопроизводства. – 460 с.

8. Уголовный процесс. Особенная часть : учебное пособие : в 2 т. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2017. – Т. 2 : Судебное производство. Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел / Л. Г. Букато [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Кукреш. – 433 с.

9. Чижик, Е. В. Участие прокурора в деятельности по применению к осужденному условно-досрочного освобождения от наказания / Е. В. Чижик // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Республики Беларусь, Минск, 14 июня 2022 г. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 230–233.

10. Хамидуллин, И. Х. Надзор прокурора за законностью при исполнении судебных приговоров / И. Х. Хамидуллин. – Казань : Таткнигоиздат, 1971. – 159 с.

11. Добровольская, Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора / Т. Н. Добровольская. – М. : Б. и., 1979. – 140 с.

12. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – 138 с.

13. Гапонов, Е. Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Н. Гапонов ; Москов. акад. экономики и права. – М., 2009. – 29 с.

14. Левченко, О. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства судом в стадии исполнения приговора / О. В. Левченко, А. А. Камардина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 190 с.

15. Гущин, В. З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве / В. З. Гущин, А. В. Чурилов // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 59–67.

16. Воронин, О. В. Некоторые проблемы участия прокурора при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / О. В. Воронин // Вест. Владимир. юрид. ин-та. – 2010. – № 4 (17). – С. 74–79.

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования деятельности прокурора в стадии исполнения приговора. Автор обосновывает важность осуществления надзора за соблюдением законодательства при исполнении итоговых судебных решений, а также обращает внимание на пробелы и противоречия в правовом регулировании этого направления деятельности органов прокуратуры. В статье определены перспективы совершенствования действующего законодательства. Включение прокурора в круг субъектов, наделенных полномочиями по внесению в суд представления о разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, определение процессуального положения прокурора в производстве по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, – некоторые из таких предложений.

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY AT THE STAGE OF EXECUTION OF A SENTENCE

Chyzhyk K. U.

Keywords: prosecutor's supervision, execution of the sentence, stage of execution of the sentence, issues related to the execution of the sentence, judicial sitting.

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of the prosecutor's activity at the stage of execution of the sentence. The author justifies the importance of prosecutor's supervision over compliance with the law in the execution of final court decisions and also pays attention to the gaps and contradictions in the legal regulation of this area of prosecutor's office activity. The article defines the prospects for improving the current legislation. The inclusion of the prosecutor in the circle of subjects authorized to make representations to the court on the resolution of issues related to the execution of the sentence, the definition of the procedural position of the prosecutor in the proceedings on the resolution of issues related to the execution of the sentence are some of these proposals.

УДК 342

КОНТРОЛЬНОЕ ПРАВОМОЧИЕ НА ОБРАЩЕНИЕ И ОБЯЗАННОСТИ ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ

Чмыга О.В.

Ключевые слова: местные Советы депутатов, обязанности местных депутатов, обращения граждан и юридических лиц, право на обращение местного депутата, контрольные полномочия, представительская функция.

Введение

Существенную роль в процессе реализации права белорусского народа на управление делами своего государства на современном этапе играют местные Советы депутатов – важнейшее звено местной коллегиальной представительной демократии. Именно поэтому в свете проводимой ныне в белорусском обществе и государстве конституционной реформы в электоральной среде наблюдается значительный запрос на усиление представительской функции названных органов власти.

Следует отметить, что правовое положение как местных Советов депутатов в целом, так и их отдельных представителей на национальном и международном уровнях достаточно неплохо нормативно урегулировано. Так, правовую основу статуса местных Советов депутатов как основного звена коллегиальной представительной демократии составляют такие акты, как Международный пакт о гражданских и политических правах [1], Европейская хартия о местном самоуправлении [2], а также ряд национальных актов – действующие Конституция Республики Беларусь [3], Избирательный кодекс Республики Беларусь [4], Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [5], Закон Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-XII «О статусе депутата местного Совета депутатов» [6], нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, регламенты местных Советов депутатов и т. п.

Действительно, белорусская правовая наука, правоприменение, «законодательство в последние десятилетия развивается динамично, причем в интересах всего народа» [7, с. 364]. Вместе с тем все еще существует некоторая пробельность национального нормативного массива в рассматриваемой сфере, а также практики его применения.

Полагаем, что обозначенную выше объемную задачу по активизации деятельности местных Советов депутатов и, следовательно, их народных представителей возможно решить посредством поступательного совершенствования национального законодательства Беларуси, направленного на укрепление полномочий депутата местного Совета депутатов, а также правоприменительной практики, научной доктрины в данной сфере.

При этом одним из возможных ответов на данный масштабный запрос белорусского общества в настоящее время может стать, в частности, активизация деятельности депутатов местных Советов посредством совершенствования

их работы с обращениями граждан и юридических лиц, с одной стороны, а также интенсификация реализации такого значимого контрольного полномочия местного депутата, как право на обращение – с другой.

В этой связи в настоящей статье обозначим основные проблемные аспекты реализации названных выше правомочий депутата местного Совета депутатов как значимого инструмента местной коллегиальной представительной демократии и сформулируем отдельные прогнозные направления совершенствования деятельности названного местного представителя, национального законодательства в указанной сфере.

Основная часть

Рассуждая о необходимости активизации представительской функции местного депутата, важно прежде всего подчеркнуть, что следует различать его работу с обращениями граждан и юридических лиц и право на обращение как контрольное правомочие данного представителя. Вместе с тем названные направления деятельности местного представителя тесно связаны между собой, так как они направлены на реализацию его представительской функции в избирательном округе.

Отметим, что институт обращений граждан и юридических лиц в нашем государстве достаточно детально проработан как на законодательном уровне, так и в плоскости юридической доктрины. В практике местных депутатов также существуют неплохие наработки в названной сфере.

Так, согласно общему для данного исследования Закону Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» под обращением белорусский законодатель понимает как заявления, так и предложения, жалобы, изложенные в индивидуальном или коллективном порядке в письменной, электронной или устной форме. Из указанного определения вытекает, что «термин «обращение» носит обобщающий характер, и в зависимости от формы обращения содержат различную по характеру и значению информацию, а соответственно, влекут и различные правовые последствия» [8, с. 183]. Действующее же специальное законодательство (ст. 19 Закона Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов») определяет, что в рамках своей представительской деятельности в избирательном округе депутат Совета обязан регулярно, не реже одного раза в месяц осуществлять личный прием, участвовать в осуществлении контроля за исполнением решений, принятых по обращениям граждан и юридических лиц, направленным депутатом Совета организациям, к компетенции которых относится решение вопросов, изложенных в обращениях; изучать причины, порождающие жалобы граждан и юридических лиц, и направлять предложения об их устранении в Совет и его органы, соответствующий местный исполнительный и распорядительный орган, другие организации; проводить встречи с гражданами и т. п.

Поэтому на практике, реализуя свои обязанности по работе с обращениями граждан и юридических лиц, местные депутаты должны в обязательном порядке учитывать требования к обращению, предъявляемые актами соответствующего национального законодательства Беларуси. Помимо прочего, в своей ежедневной работе с обращениями граждан и юридических лиц в избирательном округе депутаты местных Советов депутатов также всегда должны учитывать то обстоятельство, что «в основе реализации права на обращения лежат

следующие принципы: 1) свободы подачи обращений. Смысл его состоит в том, что граждане вправе направить депутату (как и в любые органы власти, должностным лицам) любые по содержанию обращения, кроме прямо нарушающих закон; 2) принцип равной ответственности депутата (должностного лица) – за нарушение прав, свобод и законных интересов граждан, а инициаторов жалобы – за сообщение заведомо ложных и искаженных сведений; 3) принцип равноправия, который включает в себя: равноправие граждан в части реализации права на обращение; равноправие сторон в процессе разрешения жалобы; 4) принцип подведомственности. Он означает, что рассмотрение обращения производится тем лицом (органом), в компетенцию которых входит разрешение по существу вопроса, поставленного в обращении; 5) принцип комплексного подхода в работе с обращениями граждан. Он предполагает создание единой методики и методологии в работе с обращениями граждан, а также координацию деятельности органов, их рассматривающих, и контроль над их работой; 6) принцип законности обращения граждан. Он означает, что имеется соответствующий нормативный правовой акт, который регламентирует порядок реализации права граждан на обращение» [8, с. 182].

Что же касается контрольных прав депутатов местного Совета, связанных с работой с избирателями в целом, то, по нашему мнению, белорусский законодатель в базовом Законе Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов» права депутатов местных Советов в этой области прямо не определил, обойдя их стороной. При этом право на обращение является одним из важнейших контрольных прав в данной сфере реализации полномочий депутата местного Совета. В наиболее общем виде данное правомочие представляет собой изложенное в письменной форме предложение государственным органам, другим организациям или должностным лицам о предоставлении информации и (или) разъяснений по вопросам, отнесенным к их компетенции и связанным с деятельностью депутата Совета, которое должно быть рассмотрено в установленные актами белорусского законодательства сроки. Примечательно, что депутат местного Совета может также принимать участие в рассмотрении его обращения, а в случае объективного отсутствия возможности дать письменный ответ на указанное обращение в соответствующие сроки депутату Совета целесообразно направить обоснованное письменное уведомление об этом.

Рассуждая о необходимости дальнейшего усиления представительской активности местного Совета депутатов посредством совершенствования работы депутата Совета с обращениями граждан и юридических лиц, а также характера и порядка реализации права на обращение данным представителем, хотелось бы отметить следующие проблемные аспекты и возможные пути их решения.

1. Еще в советской юридической литературе было сформулировано справедливое суждение о том, что весьма «эффективной формой воздействия на производство являются депутатские посты … Суть их сводится к тому, что депутаты определенного Совета закрепляются за соответствующим производственным участком и контролируют его работу, оказывая ему необходимую помощь. Наиболее распространены они в сельской местности во время проведения сельскохозяйственных работ» [9, с. 193].

Представляется, что подобная форма деятельности депутатского корпуса, выражаемая в *систематической и плановой работе депутатских групп*

местного Совета с обращениями, изложенными представителями конкретных трудовых коллективов и юридических лиц, *закрепленных за соответствующей депутатской группой местного Совета*, и на современном этапе может также применяться в качестве достаточно действенного средства коллегиального профессионального общения депутатов Совета со своими избирателями.

2. Деятельность депутатов местных Советов по работе с обращениями граждан и юридических лиц, реализацию контрольного права на обращение названными местными представителями, полагаем, можно также существенно активизировать посредством установления *планового и систематического взаимодействия* депутатских групп местного Совета, постоянных и временных комиссий, других органов Совета *с органами территориального общественного самоуправления* (как коллегиальными, так и единоличными), осуществляющими свою деятельность на территории соответствующего Совета (например, в форме совместного проведения Интернет-форумов и конференций по проблемам местного значения, осуществления совместных правовых проектов по общественно значимой тематике и их освещение в местных средствах массовой информации, участия в работе симпозиумов и т. п.).

3. В целях максимальной оптимизации работы депутата местного Совета с обращениями граждан и юридических лиц, а также депутатской группы Совета, в состав которой он входит, полагаем, было бы полезно предоставить каждой депутатской группе для осуществления своей депутатской деятельности право иметь до трех помощников, осуществляющих свою деятельность на добровольной безвозмездной основе. Персональный подбор помощников, распределение обязанностей и ответственность за их деятельность допустимо возложить на руководителя депутатской группы местного Совета.

4. Как следует из действующего национального законодательства, депутат местного Совета депутатов вправе участвовать с правом совещательного голоса в работе сессий других Советов и заседаниях их органов при принятии ими решений, затрагивающих интересы граждан, проживающих на территории административно-территориальной единицы, в состав Совета которой он избран. Полагаем, в целях интенсификации представительской активности местного Совета депутатов посредством совершенствования работы депутата Совета с обращениями граждан и юридических лиц, характера и порядка реализации права на обращение депутата местного Совета, а также укрепления реального взаимодействия местных Советов депутатов с органами территориального общественного самоуправления *депутатские группы Совета, в том числе сформированные и по партийному признаку,* следует нормативно наделить правом участия с правом совещательного голоса в работе заседаний органов территориального общественного самоуправления, общих собраний граждан, расположенных или проживающих в пределах территории, входящей в его избирательный округ.

5. В процессе реализации депутатом местного Совета депутатов полномочий по работе с обращениями граждан и юридических лиц было бы полезно, чтобы *депутатские группы Совета, в том числе сформированные и по партийному признаку,* создавали свой «актив»: своего рода вспомогательные рабочие группы, куда могли бы приглашаться с правом совещательного голоса депутаты местных Советов депутатов предыдущих созывов, представители органов территориального общественного самоуправления, политических партий,

общественных объединений, трудовых коллективов и местных средств массовой информации.

Заключение

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что некоторые законодательные положения, упорядочивающие отношения в области обязанностей депутата местного Совета депутатов по работе с обращениями граждан и юридических лиц, а также характер и порядок реализации контрольного права на обращение данного местного представителя, все еще не лишены некоторой пробельности, равно как и практика их реализации, и, следовательно, они должны быть подвергнуты дальнейшему научному осмыслению, а также соответствующей законодательной доработке в ближне- и среднесрочной перспективе. Полагаем, предложенные выше меры в определенной степени могут стать катализатором активизации представительской функции местных Советов в Беларуси на современном этапе.

Список цитированных источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966 г. : вступил с силу для Респ. Беларусь 23.03.1976 // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 13–27.
2. Европейская хартия местного самоуправлении : принята Советом Европы, Страсбург, 15 окт. 1985 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 1090–1103.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Избирательный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : текст Кодекса по сост. на 4 июня 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. О статусе депутата местного Совета депутатов : Закон Респ. Беларусь, 27 марта 1992 г., № 1547-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Василевич, Г. А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г. А. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 355–366.
8. Карасев, А. Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А. Т. Карасев. – Екатеринбург, 2009. – 448 с.
9. Головко, А. А. Советское строительство : учеб. пособие / А. А. Головко, А. Н. Крамник, Е. Н. Тагунов ; под ред. А. А. Головко. – Минск : Выш. шк., 1979. – 288 с.

Аннотация. В статье определены проблемные аспекты и конкретные направления интенсификации представительской функции местных Советов депутатов посредством совершенствования работы их выборных представителей в сфере реализации своих обязанностей по работе с обращениями граждан и юридических лиц, а также права на обращение. Предложены меры, направленные на совершенствование работы названных местных представителей, местного Совета депутатов, его органов и депутатских групп в указанной сфере.

CONTROL POWER ON APPEAL AND DUTIES TO DEAL WITH APPEALS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES AS TOOLS FOR INTENSIFYING THE REPRESENTATION FUNCTION OF LOCAL COUNCILS OF DEPUTIES

Chmyga O.V.

Keywords: Local Councils of Deputies, duties of local deputies, appeals of citizens and legal entities, the right to appeal of a local deputy, control powers, representation function.

Abstract. The article defines problematic aspects and specific directions for intensifying the representative function of local Councils of Deputies by improving the work of their elected representatives in the field of fulfilling their duties to work with appeals from citizens and legal entities, as well as the right to appeal. Measures have been proposed aimed at improving the work of these local representatives, the local Council of Deputies, its bodies and deputy groups in this area.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

УДК 341

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В СВЕТЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Емельянов С.Л.

Ключевые слова: нормы международного права, право на возмещение вреда, преступление, потерпевший, компенсация.

Введение

Система общественных отношений в современном государстве строится на приоритете соблюдения прав и свобод человека. Предельно отчетливо степень приверженности данному постулату проявляется в национальном законодательстве. Его состояние и генезис является объективным критерием оценки эффективности обеспечения основных прав и законных интересов граждан.

Одно из основных мест в национальных законодательствах отводится разрешению уголовно-правовых конфликтов, поскольку преступление как крайнее проявление девиантного поведения несет в себе серьезную угрозу нормальному функционированию любого цивилизованного общества. Эта задача решается в рамках уголовного процесса, неотъемлемой частью которого является механизм обеспечения прав лиц, пострадавших в результате совершения преступления.

В то же время национальное законодательство должно развиваться с учетом норм международного права, регламентирующих, в частности, общественные отношения в рассматриваемой сфере. В данной связи целью настоящего исследования является анализ основных актов международных организаций, закрепляющих право на возмещение вреда, причиненного преступлением, на базе которого будут внесены предложения по нормативному закреплению такой формы возмещения вреда, как государственная компенсация, в действующем законодательстве Республики Беларусь.

Основная часть

На международном уровне существует много правовых норм, которые в той или иной степени регулируют процедуру восстановления человека в его нарушенных правах, в том числе гарантируют право на возмещение вреда, причиненного преступлением [1, с. 120].

Право на возмещение вреда, причиненного преступлением, находит непосредственное выражение в двух актах международных организаций – Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (далее – Декларация) [2] и Европейской Конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (далее – Конвенция) [3].

В указанных документах отсутствует единообразный подход к определению субъектов и оснований возникновения рассматриваемого права. Так, в Конвенции упоминаются два субъекта права на возмещение вреда, причиненного преступлением – непосредственная жертва преступления – физическое лицо, а также иждивенцы жертвы. В Декларации же, наряду с жертвами, под которыми, как и в Конвенции, понимаются лишь физические лица, круг соответствующих субъектов расширен за счет лиц, непосредственно не соприкасающихся с преступлением. Их права затрагиваются опосредованно – в связи с нарушением преступлением прав жертв. В число названных субъектов входят основные (жертвы) и производные (близкие родственники и иждивенцы жертв, а также лица, которым был причинен вред при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию) субъекты.

В то же время анализируемые документы в качестве субъектов данного права признают исключительно физических лиц.

Право на возмещение вреда, причиненного преступлением, согласно Декларации и Конвенции – это субъективное право физических лиц, как непосредственно потерпевших от преступления, так и их родственников, иждивенцев, а также физических лиц, которым был причинен вред при оказании помощи жертвам и предотвращении виктимизации.

Конвенция закрепляет следующий перечень оснований возникновения рассматриваемого права:

1) причинение вреда физическому состоянию или здоровью жертвы в результате преступлений, являющихся умышленными и насильственными;

2) причинение имущественного вреда иждивенцу погибшего в результате умышленного насильственного преступления в связи с утратой кормильца.

В Декларации наблюдается значительное расширение соответствующего перечня. Так, в силу ст. 1 и 2 Декларации к ним относятся индивидуальные и коллективные действия или бездействие, нарушающие национальные уголовные законы, в результате которых:

– жертве причинен физический вред, включая телесные повреждения;

– жертве причинен моральный вред, включая эмоциональные страдания;

– существенно ущемлены основные права жертвы;

– близкие родственники или иждивенцы в результате смерти жертвы утратили источник существования;

– причинен вред лицу, пытавшемуся оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию.

Декларация предусматривает три формы возмещения ущерба – реституцию, компенсацию, социальную помощь.

Реституция (ст. 8–11 Декларации) представляет собой возврат собственности или выплат за причиненный вред, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах жертв, их семей или иждивенцев правонарушителями или лицами, несущими ответственность за поведение последних.

Уместно будет указать, что содержание уголовно-процессуальной реституции в белорусском уголовном процессе не соответствует содержанию одноименной формы возмещения вреда в международном законодательстве, точнее – рассматривается в более узком смысле. Под уголовно-процессуальной

реституцией согласно УПК Республики Беларусь следует понимать восстановление материального положения пострадавших физических и юридических лиц посредством возвращения им вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, а также передачи денег и иных ценностей, добытых преступным путем.

В силу ст. 14–17 Декларации содержанием социальной помощи может охватываться материальная, медицинская, психологическая и социальная помощь потерпевшим общественными, муниципальными организациями, правительством.

Компенсация предполагает финансовые выплаты государством потерпевшим от преступлений в тех случаях, когда возмещение невозможно получить или невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников (ст. 12–13 Декларации).

Требование о возмещении потерпевшим причиненного ущерба посредством возврата собственности или выплат за причиненный вред распространяется на правонарушителей или третьих лиц, несущих ответственность за их действия (ст. 8 Декларации).

Несомненная ценность положений, отраженных в ст. 12 Декларации, ст. 2 Конвенции, состоит в возложении на государство обязанности осуществлять выплаты, направленные на возмещение вреда, в тех случаях, когда отсутствует возможность обеспечить такое возмещение иным путем.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что:

– запрет нарушения права подлежит расширительному толкованию;

– государству вменяется в обязанность обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда потерпевшему самим правонарушителем. В противном случае государство должно само выплатить соответствующую компенсацию;

– анализируемые международные документы свидетельствуют о приверженности сформировавшейся в мировой практике системе отношений между государством и обществом, основанных на так называемом «протекционизме». Указанное понятие ввел в научный оборот английский философ Карл Поппер, который в содержание протекционизма включил следующие положения:

– личные (субъективные) права и свободы невозможны, если их не гарантирует государство;

– личность требует от государства, чтобы оно защитило не только ее, но и других своих подданных;

– личность готова поступиться частью своих прав в пользу государства при условии, что оно обеспечит защиту оставшейся части прав;

– гарантируя своим подданным права и свободы и принимая меры к их соблюдению, государство создает то, что мы именуем «общественной безопасностью»;

– основная цель государства – защита прав и свобод граждан, но только тех из них, которые не причиняют вреда другим [4, с. 148–150].

Схожие положения различными учеными выдвигались и ранее. В частности, Гегель писал, что «сущность государства нового времени состоит в том, что всеобщее (читай – цель общества, государства) связано в нем … с благоденствием индивидов» [5, с. 286–287].

Нельзя не согласиться с тем, что государство обязано включиться в процесс компенсации, поскольку ему не удалось в рамках реализации мер по борьбе с преступностью предупредить совершение преступлений. С другой стороны, оно, налагая запрет на личную месть, должно взять на себя обязательство умиротворить жертву и (или) находящихся на ее иждивении лиц.

Государственные компенсационные выплаты должны являться, по сути дела, исключением из общих правил взыскания ущерба, ибо неизбежно могут возникнуть трудности в обеспечении их конструктивности.

Прежде всего проанализируем ограничения, накладываемые международным законодателем на случаи прямой финансовой ответственности государства перед жертвами преступления.

К лицам, имеющим право на компенсацию, Декларация относит жертв, которые в результате преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; членов семьи (иждивенцев) лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособны в результате совершения в отношении них тяжких преступлений (ст. 12). Согласно Конвенции к таковым относятся жертвы только преднамеренных (умышленных) насильственных преступлений, явившихся прямой причиной серьезных телесных повреждений или ущерба для здоровья, а также только иждивенцев и только погибших жертв (ст. 2).

В учет берется, помимо прочего, следующее:

1) финансовое положение запрашивающего (ст. 7 Конвенции);

2) поведение жертвы или запрашивающего до, во время или после совершения преступления или в связи с причиненным ущербом (ч. 1 ст. 8 Конвенции);

3) принадлежность жертвы или запрашивающего к организованной преступности и к организации, совершающей уголовные преступления (ч. 2 ст. 8 Конвенции).

С целью предотвращения двойного возмещения ущерба государство (компетентная власть) наделяется правом, во-первых, вычесть определенную часть суммы возмещения (либо всю сумму) у потерпевшего, равную той, которую он получил от преступника, от органов социального обеспечения, от органов страхования или из других источников; во-вторых, получить возмещение ущерба вместо потерпевшего, однако не свыше выплаченной ему компенсации (ст. 9, 10 Конвенции).

Необходимо подчеркнуть, что согласно ст. 4 Конвенции обязательному возмещению подлежит ущерб в части потери дохода, затрат на лекарство и госпитализацию, затрат на похороны, алиментных выплат иждивенцам.

Как ранее уже указывалось, ч. 2 ст. 2 Конвенции предусматривает возможность возмещения ущерба в случае, если преступник не подвергается судебному преследованию или наказанию. Таким образом, открывается путь для компенсационных выплат по делам, производство по которым приостановлено либо прекращено (например, в первом случае – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, когда обвиняемый либо скрылся от органа уголовного преследования, либо когда по иным причинам не установлено его место нахождения; во втором случае – в отношении умершего).

В международном законодательстве рекомендуется также устанавливать по всему ущербу или по его частям верхние и нижние пределы возмещения (ст. 5 Конвенции), содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсаций жертвам и иных фондов такого же назначения (ст. 13 Декларации).

Важно отметить, что в актах международных организаций нормы нередко носят декларативный характер. Тем самым национальный законодатель ориентируется на принятие конкретизирующих норм с учетом особенностей той или иной правовой системы.

Мировая практика в области государственных компенсационных выплат имеет сравнительно большой многолетний опыт. Возникновение и развитие системы государственной компенсации было обусловлено осознанием низкой эффективности функционирования института реституции.

В разных странах существуют всевозможные ограничения на реализацию системы компенсационных выплат. Так, в большинстве случаев компенсация выплачивается за причинение физического вреда от насильственных преступлений. Значение может иметь или сам факт причинения физического вреда, или тяжесть причиненных телесных повреждений. В некоторых случаях предусматриваются компенсации ущерба, причиненного собственности потерпевших. Учитываться может и то, находился ли потерпевший в тяжелом материальном состоянии и не спровоцировал ли он преступление.

Процедура выплаты также предполагает соблюдение определенных сроков сообщения о преступлениях в полицию и подачи исковых заявлений. В разных странах отличны друг от друга минимальный и максимальный размеры компенсации.

Такая форма возмещения вреда, как государственная компенсация, вполне реализуема и в Республике Беларусь. Для этого необходимо учесть ряд оснований и условий ее функционирования, которые бы на современном этапе социально-экономического развития отвечали принципу разумности.

Компенсационные выплаты должны осуществляться только в случаях причинения физического вреда в результате совершения насильственных преступлений. В качестве субъектов получения выплат следует признавать жертв или их иждивенцев, находящихся в тяжелом материальном состоянии, не позволяющем самостоятельно или из других источников восстановить здоровье. При этом надо учитывать действительные материальные потери и затраты со стороны жертвы. Что касается размеров возмещения вреда, то мы считаем, что необходимо установление минимальных и максимальных пределов компенсации за ущерб, причиненный преступлением. С одной стороны, должно быть исключено рассмотрение незначительных претензий, а с другой – недопустимо превышение разумных пределов, иначе государство окажется излишне, непосильно обремененным.

С точки зрения автора, возмещение ущерба должно осуществляться по уголовным делам, производство по которым приостановлено (за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а также в связи с тем, что обвиняемый скрылся от следствия или его местопребывания не установлено по иным причинам) во всех случаях; по уголовным делам, производство по которым прекращено (по нереабилитирующим основаниям); по уголовным делам, рассмотренным

с вынесением обвинительного приговора, – в случаях отсутствия у обвиняемого средств на покрытие ущерба.

Одним из источников пополнения государственного фонда борьбы с преступностью могли бы служить добровольные пожертвования общественных и частных организаций, а также отдельных физических лиц. В этой связи государству следовало бы инициировать подобную благотворительную деятельность (в частности, путем предоставления налоговых льгот).

Заключение

Резюмируя, отметим, что основные идеи и принципы, технология и организация возмещения ущерба жертвам преступлений достаточно разнообразны. Изучая опыт зарубежных стран, воспринимая, модернизируя отдельные элементы существующих систем государственной компенсации, Республика Беларусь могла бы найти наиболее приемлемый вариант возмещения ущерба за счет средств государственной казны, укрепив тем самым правовой статус потерпевших.

Список цитированных источников

1. Савчук, Т. А. Возмещение вреда, причиненного преступлением: международные стандарты и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь / Т. А. Савчук // Право.by. – 2016. – № 3 (41). – С. 119–124.

2. Декларация основных принципов правосудия жертв преступлений и злоупотребления властью : Резолюция Ген. Ассамблеи ООН 40/34, 29 нояб. 1985 г. // Междунар. акты о правах человека : сб. док. – М. : НОРМА-ИНФРА·М, 1998. – С. 165–170.

3. Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений : принята Советом Европы 24 нояб. 1983 г. // Междунар. акты о правах человека : сб. док. – М. : НОРМА-ИНФРА·М, 1998. – С. 606–609.

4. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Р. Поппер. – М. : Феникс, 1992. – Т. 1. Чары Платона. – 452 с.

5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

Аннотация. В статье проводится анализ основных международных актов, регламентирующих право на возмещение вреда, причиненного преступлением, раскрываются отдельные аспекты правового регулирования в соответствующей сфере в законодательстве зарубежных государств. На базе проведенного исследования вносятся предложения по совершенствованию механизма государственной компенсации рассматриваемого вреда.

THE RIGHT TO COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY A CRIME, IN THE LIGHT OF NORMS OF INTERNATIONAL LAW

Emelyanov S.L.

Keywords: norms of international law, right to compensation for harm, crime, victim, compensation.

Abstract. The article analyzes the main international acts regulating the right to compensation for harm caused by a crime, reveals certain aspects of legal regulation in the relevant area in the legislation of a number of foreign states. On the basis of the study, proposals are made to improve the mechanism of state compensation for the harm in question.

УДК 343

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ: ПОНЯТИЕ, ИСТОЧНИКИ И ИХ ВИДЫ

Зимин В.В., Зимин В.П.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, международные антикоррупционные стандарты, источники международных стандартов, международный договор, уголовное право, криминализация, правовая помощь по уголовным делам, политически обязательный международный акт, международные акты рекомендательного характера.

Введение

Коррупция в более или менее острой форме проявляется практически во всех государствах мира, превращаясь в серьезное препятствие на пути их социально-экономического, политического и культурного развития и существенно снижая уровень и качество жизни населения. Поскольку она приобрела транснациональный характер, то усилий, которые предпринимает каждое государство в одиночку, оказывается недостаточно, чтобы успешно противостоять ей. В связи с этим с середины 1990-х годов противодействие коррупции стало приобретать международное измерение, и к настоящему времени оно объединяет усилия практически всех членов международного сообщества, в том числе в рамках универсальных, трансрегиональных и региональных (субрегиональных) межгосударственных (межправительственных) организаций, а также гражданского общества в лице заинтересованных международных неправительственных организаций.

Однако при оценке значения и роли сотрудничества государств в области борьбы с преступностью в целом и с коррупцией в частности следует иметь в виду, что эта борьба входит преимущественно во внутреннюю компетенцию каждого государства, поскольку преступность как общественное явление имеет в целом «национальный» характер, определяемый совокупностью действующих в конкретном государстве социальных, экономических, правовых и иных факторов. В связи с этим можно констатировать, что межгосударственное антикриминальное сотрудничество [1] носит в общем вспомогательный по отношению к внутригосударственным мерам характер – как по объему, так и по значению (различному при сравнении отдельных государств и видов преступлений) для дела эффективной борьбы с уголовно наказуемыми деяниями [2].

Таким образом, несмотря на важность международного антикоррупционного сотрудничества, главная ответственность за противодействие коррупции лежит на самих государствах и обществах.

Эффективное противодействие коррупции во многих случаях может осуществляться только при рациональном сочетании внутригосударственных (национальных) и международных усилий при взаимодействии большинства членов международного сообщества.

За прошедшее время в мире на международном уровне приняты более сотни нормативных актов (документов) самого различного характера, затрагивающих вопросы борьбы с коррупцией [3, приложение № 1].

При этом многие российские и зарубежные специалисты в области борьбы с преступностью зачастую оперируют заимствованными из англоязычной литературы терминами «международные стандарты», «европейские стандарты» и «национальные стандарты», в том числе применительно к различным аспектам борьбы с преступностью [4], активно заменяя ими устоявшиеся термины «международные нормы», «европейские нормы» и «национальные нормы».

Происходит это и в сфере антикоррупционной деятельности: ученые и специалисты-практики в этой области все шире используют указанные термины в различном сочетании, в том числе термины «международные антикоррупционные стандарты», «международно-правовые стандарты противодействия коррупции», антикоррупционные стандарты различных международных организаций [5].

При этом очевидно, что определение понятия «международные антикоррупционные стандарты» имеет как теоретическое, так и практическое значение. И прежде всего важно из огромного массива международных антикоррупционных норм вычленить обязательные к исполнению нормы (стандарты), с тем чтобы в приоритетном порядке принять меры по обеспечению их реализации.

Реализация в России международных антикоррупционных стандартов направлена на:

1) повышение эффективности противодействия коррупции на национальном уровне;

2) улучшение инвестиционной привлекательности России в целом и ее регионов;

3) укрепление позиций страны в международном антикриминальном сотрудничестве и ее международного престижа в целом;

4) сближение (гармонизацию и унификацию) антикоррупционного законодательства и практики государств – членов международных организаций и объединений, в которых участвует Россия, в том числе созданных на постсоветском пространстве (Союзное государство, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ), что способствует более активному участию этих государств в интеграционных процессах.

Основная часть

Термин «международные антикоррупционные стандарты» используется не только в научной и учебной литературе, публицистике, но и в официальных актах, в том числе нормативных [6]. Однако при этом отсутствует общепризнанное определение данного термина, что не способствует единообразному пониманию официальных документов и позиции авторов публикаций при их анализе и выработке предложений по совершенствованию правового регулирования и практики борьбы с коррупцией в России, по повышению эффективности ее участия в международном антикоррупционном сотрудничестве.

В науке нужна опора на понятийный аппарат, без которого затруднительна познавательная деятельность. Введение новых и совершенствование имеющихся понятий способствует более глубокому проникновению в предмет исследования.

Это относится и к определению понятия «международные антикоррупционные стандарты», в том числе применительно к Российской Федерации.

В связи с этим необходимо раскрыть понятие «международные антикоррупционные стандарты» (поскольку имеются различные взгляды на его содержание), определить их формальные источники и механизмы выполнения прежде всего через их инкорпорацию в отечественное уголовное законодательство.

Изучая этиологию ключевого для данного исследования термина, отметим, что синонимом понятия «международный антикоррупционный стандарт», как и любого другого правового стандарта, с позиции доктринального толкования в узком смысле является понятие «норма». Это некий ориентир, образец для подражания, трафарет, который вправе использовать национальные законодатели при условии, что он будет выполнять ту же функцию, что и норма. В более широком значении – это принципы, нормы, решения, имеющие обязательный для исполнения характер.

В отечественном антикоррупционном законодательстве понятие «антикоррупционный стандарт» раскрывается в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273–ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») [7]. Согласно его ст. 7 антикоррупционный стандарт – это единая система запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в соответствующей области. Вызывает сомнение корректность данного определения, поскольку, по нашему мнению, стандартом может быть и один запрет, одно ограничение или дозволение. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что лишь установлением антикоррупционного стандарта (стандартов) обеспечивается предупреждение коррупции в соответствующей области общественных отношений.

Определение антикоррупционного стандарта в ст. 7 ФЗ «О противодействии коррупции», по существу, сходно с его определением в ст. 2 Модельного закона СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (2003) [8], согласно которой антикоррупционные стандарты – это единые для обособленной сферы правового регулирования гарантии, ограничения или запреты, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы. Оно во многом производно и от ст. 8 Конвенции ООН против коррупции, в которой стандарт рассматривается как эталон поведения «для правильного выполнения публичных функций».

В работах последних лет нередко встречается понимание антикоррупционных стандартов как предусмотренных международным правом правовых установлений и апробированных на практике, нормативно закрепленных минимальных требований, предъявляемых к субъектам борьбы с коррупцией [9, с. 139]. В специальной литературе подчеркивается также, что стандартизация социальных процессов представляется одним из магистральных направлений обеспечения качества работы государственного аппарата. Особая роль при этом отводится поведенческим стандартам, направленным на снижение и подавление коррупционных явлений, т. е. специфическим запретам, ограничениям и дозволениям, комбинации которых и представляют собой антикоррупционные стандарты [10, с. 164–165].

Обращение к справочной литературе также приводит к заключению, что «стандарт (от англ. Standard – норма, образец) в широком смысле слова – образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов. Стандарт как нормативно-технический документ устанавливает комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации. Стандарт может быть разработан как на материальные предметы (продукцию, эталоны, образцы веществ), так и на нормы, правила, требования в различных областях» [11].

В современных словарях-справочниках даются собственные определения антикоррупционного стандарта – например: «Антикоррупционный стандарт – единая система запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области путем создания модели поведения, формирования антикоррупционного мировоззрения и повышения общего уровня правосознания и правовой культуры» [12, с. 30]. При оценке некорректности этого определения может быть применена аргументация, приведенная выше в отношении определения, содержащегося в ст. 7 ФЗ «О противодействии коррупции».

Международные антикоррупционные стандарты учитывались и учитываются при формировании отечественной стратегии и национальных планов противодействия коррупции. Так, согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2021–2024 годы [13] предусмотренные в нем мероприятия направлены на решение задач, прежде всего связанных с «совершенствованием системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции», с «повышением эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания».

В современной научной литературе, в частности, в монографии «Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование», в гл. 2 «Международные стандарты и их отражение в национальном законодательстве», к сожалению, не приводится определение международных стандартов [14].

С.В. Максимов, посвятив один из параграфов своей монографии международным антикоррупционным стандартам и Уголовному кодексу Российской Федерации, также не дает определения международным антикоррупционным стандартам [15, с. 108].

Излишне расширительное, на наш взгляд, понимание международных антикоррупционных стандартов демонстрирует М.В. Залоило, когда говорит о мониторинге «международных норм и рекомендательных актов, в целом образующих то, что принято именовать международными антикоррупционными стандартами, на предмет выявления их эффективности, соответствия им национального законодательства о противодействии коррупции» [16, с. 24]. Таким образом, он включает в международные антикоррупционные стандарты и нормы международных рекомендательных актов.

А.А. Каширкина дает следующее определение международных антикоррупционных стандартов: «В настоящее время международно-правовые акты, включающие в себя базовые и специальные антикоррупционные

стандарты, приняты как в рамках ООН, так и под эгидой других международных межправительственных организаций, в первую очередь ОЭСР, Совета Европы. Другие международные площадки также формируют международные антикоррупционные стандарты, радиус правового воздействия которых ограничен региональным характером и спецификой соответствующей международной организации. Здесь в первую очередь следует упомянуть антикоррупционные стандарты ГРЕКО» [17, с. 14].

Как представляется, нельзя согласиться с тем, что органы международного антикоррупционного мониторинга (например, ГРЕКО и Рабочая группа ОЭСР), принимая по итогам оценочных раундов рекомендации в отношении отдельных государств, формируют международные антикоррупционные стандарты, т. е. юридически или политически обязательные международные нормы, причем не только для этих государств.

Кроме того, следует иметь в виду, что, как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, зачастую толкование международных конвенций международными организациями не только значительно расширяет рамки международно-правовых предписаний, но и вносит в них существенные элементы импровизации, не являющиеся прямым отражением базовых международно-правовых норм [18, с. 101].

На наш взгляд, решению этой проблемы могло бы способствовать четкое определение того, какие положения считаются международными антикоррупционными стандартами, т. е. являются обязательными для России, а какие имеют рекомендательный характер и могут выполняться (полностью или частично) или не выполняться государствами-адресатами.

При рассмотрении международных антикоррупционных стандартов эксперты в первую очередь обращают внимание на международно-правовые стандарты, т. е. нормы, содержащиеся в источниках международного права.

К таким источникам относятся прежде всего соответствующие международные договоры. Полагаем, что положения международных антикоррупционных договоров, в которых участвует Россия и которые связаны с криминализацией соответствующих деяний, следует отнести к основным источникам международных антикоррупционных стандартов.

Международные договоры о борьбе с отдельными преступлениями (их видами), в том числе антикоррупционные договоры, заключаются, как правило, под эгидой межгосударственных организаций и органов.

К числу *основных* международных договоров, прямо или косвенно посвященных борьбе с коррупцией, участником которых является Россия (далее – международные договоры Российской Федерации), относятся следующие 4 многосторонних договора (так называемая «большая четверка»):

1) заключенная в рамках ОЭСР *Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок* от 17 декабря 1997 г. (далее – Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц) [19];

2) разработанная под эгидой Совета Европы *Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию* от 27 января 1999 г. (далее – Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию) [20];

3) Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [21];

4) Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. [22].

В данных международных договорах, заключенных в целях борьбы с коррупцией, основным является обязательство государств-участников квалифицировать указанные в них деяния как преступные (т. е. криминализировать эти деяния в своем законодательстве, если это еще не сделано) и применять за их совершение надлежащие меры наказания сдерживающего характера.

По вопросу об обязательности введения соответствующего уголовно-правового запрета в национальное законодательство имеются различные мнения. Данный вопрос тесно связан с более общей проблемой соотношения и взаимодействия международного публичного права и внутреннего права, привлекающей внимание многих ученых и практиков: как специалистов уголовно-правового профиля, так и юристов-международников [23].

Правовая система Российской Федерации (как совокупность нормативно-правовых предписаний, которыми должны руководствоваться субъекты в пределах ее юрисдикции, будь то физические или юридические лица) состоит из двух нормативных блоков: внутригосударственного (национального) и международного. При этом государство должно обеспечить их сосуществование, эффективное применение (в том числе закрепление механизмов разрешения возможных коллизий между нормами, относящимися к этим блокам) и взаимодействие.

Так, К.В. Ображиев отмечает: «На основе положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в теории уголовного права наметилась тенденция признания юридическими источниками российского уголовного права международных договоров уголовно-правового характера, имеющих силу для России» [24, с. 88].

Интересна позиция по этому вопросу Б.В. Яцеленко: «В перспективе всеми признаками судебного прецедента как источника российского уголовного права могут стать и решения Европейского Суда по правам человека в случае признания им отдельных норм отечественного уголовного законодательства не соответствующими Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.» [25, с. 11]. При этом, по нашему мнению, постановления ЕСПЧ могут являться источником международных антикоррупционных стандартов.

А.В. Денисова в своей диссертации «Системность российского уголовного права: теория, закон, практика» отмечает, что международные договоры, подлежащие непосредственному применению на территории РФ, являются источниками российского уголовного права, и предлагает закрепить это в ст. 1 УК России [26, с. 1].

Помимо криминализации, в указанной четверке международных договоров Российской Федерации более или менее детально регламентируются такие ключевые направления сотрудничества государств-участников в борьбе с перечисленными в документах деяниями, как выдача (экстрадиция), правовая помощь по уголовным делам, передача уголовного судопроизводства, арест и конфискация доходов от преступной деятельности и обеспечение возврата из-за рубежа полученных от коррупции средств, сотрудничество правоохранительных органов (полицейское сотрудничество), создание совместных следственных бригад, защита свидетелей и потерпевших.

Поэтому к международным антикоррупционным актам можно отнести и документы, регламентирующие вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного, административного (в частности, применительно к ответственности юридических лиц) и гражданского (например, в отношении гражданско-правовой конфискации, или конфискации *in rem*) судопроизводства в первую очередь соответствующие международные договоры. Россия является участником десятков таких договоров (многосторонних и двусторонних) [27].

Общепризнано, что одним из наиболее эффективных средств противодействия коррупции является борьба с легализацией (отмыванием) доходов, полученных от коррупционных правонарушений, в том числе с использованием международного сотрудничества. В связи с этим неотъемлемым элементом как международной, так и национальных систем борьбы с коррупцией следует рассматривать международные организации (органы) и международные акты (включая содержащие стандарты), затрагивающие эти вопросы.

Принимая во внимание содержание и круг государств, участвующих в перечисленных выше договорах антикоррупционного характера, в том числе почти абсолютное участие государств мира в Конвенции ООН против коррупции, можно сделать вывод, что данные международно-правовые акты составляют в совокупности весьма значительную договорную основу участия Российской Федерации в международном сотрудничестве по борьбе с коррупцией.

В отношении договорных (конвенционных) обязательств государств действует принцип pacta sunt servanda («договоры должны выполняться»), а их невыполнение может повлечь для государства-правонарушителя международно-правовую ответственность.

Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации, вырабатывая правовые позиции по рассматриваемым делам, широко использует положения международных договоров Российской Федерации, в том числе антикоррупционного характера. Например, постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» [28] содержит ссылки, в частности, на Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [29].

Однако, к сожалению, многие специалисты, в том числе уголовно-правового профиля, не учитывают, что, помимо международных договорных (конвенционных) обязательств, у России имеются антикоррупционные международные обязательства политического характера.

Такие обязательства содержатся, например, в решениях следующих международных организаций (неформальных объединений, форумов), принятых с участием России, в первую очередь: БРИКС, «Группы двадцати», Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Невыполнение (нарушение) обязательств политического характера влечет не международную юридическую (международно-правовую), а международную политическую ответственность [30].

Многие эксперты ошибочно относят к источникам международных антикоррупционных стандартов и многочисленные документы (акты) международных органов (организаций) и конференций, имеющие рекомендательный характер. К сожалению, такие ошибки имеются и в серьезных публикациях справочного и методического характера, в которых в число международно-правовых антикоррупционных актов включаются, например, резолюции ООН, ОЭСР и Совета Европы [31].

Примером международного акта рекомендательного характера является модельный закон СНГ от 25 ноября 2008 г. «О противодействии коррупции» [32]. Несмотря на определенные достоинства документов модельного антикоррупционного законодательства (которое применяется, например, в ООН, СНГ, Организации американских государств, Содружестве наций, ОДКБ), они носят лишь рекомендательный характер, а потому не могут быть источником международных антикоррупционных стандартов.

Государства не обязаны, но могут при необходимости учитывать положения международных актов (документов) рекомендательного характера, а также международных договоров, участниками которых они не являются, и международных политически обязательных актов, принятых в рамках международных форумов (организаций), в которых они не участвуют.

Заключение

В качестве основного итогового вывода полагаем возможным сформулировать следующее положение принципиального характера: для целей нашего исследования *термином «международные антикоррупционные стандарты» охватываются:*

1) **юридически обязательные** нормативные предписания о борьбе с коррупцией, содержащиеся в международных договорах Российской Федерации и решениях международных организаций, в которых участвует Россия;

2) **политически обязательные** нормативные положения о борьбе с коррупцией, содержащиеся в решениях, принятых, в частности, в рамках «Группы 20», «Группы восьми», БРИКС, ФАТФ, АТЭС и ОБСЕ.

В договорах и других документах, которые мы относим к источникам международных антикоррупционным стандартов, содержатся как императивные положения (например, обязательство привлекать к ответственности за коррупционные деяния юридические лица), так и диспозитивные (в частности, как это закреплено в ст. 26 Конвенции ООН против коррупции, право государства определять, к какому виду ответственности привлекать юридическое лицо: уголовной, административной и / или гражданско-правовой).

По нашему мнению, под международными антикоррупционными стандартами следует понимать нормы императивного характера, касающиеся борьбы с коррупцией, содержащиеся в источниках международного права и международных политических актах, обязательных для соответствующих субъектов международного права.

Соответственно, применительно к России международные антикоррупционные стандарты можно определить как нормы императивного

характера, касающиеся борьбы с коррупцией, содержащиеся в источниках международного права и международных политических актах, обязательных для Российской Федерации.

Только в отношении обязательных международных норм (стандартов) можно говорить о необходимости их соблюдения (выполнения) государствами, которым они адресованы, о мониторинге за их соблюдением (выполнением) и ответственности (международно-правовой или международной политической, в зависимости от случая) государств за невыполнение ими таких норм (стандартов).

В международной системе все стандарты являются нормами (т. е. содержат правила поведения), но не все нормы – стандарты (в том понимании, которое изложено выше). Стандартами не являются международные нормы рекомендательного характера.

На наш взгляд, предлагаемый нами *подход к определению «международных стандартов»* как юридически или политически обязательных для соответствующего государства международных норм императивного характера можно было бы распространить и на другие сферы международного сотрудничества. Полагаем, что это способствовало бы борьбе России и других заинтересованных государств в защиту миропорядка, основанного на международном праве, а не на неких навязанных Западом правилах, не основанных на согласии заинтересованных государств на их обязательность [33].

Список цитированных источников

1. В самом широком его понимании: от предупреждения преступлений до постпенитенциарного содействия бывшим осужденным.

2. Подробнее см. : Зимин, В. В. Заключение и реализация международных договоров о борьбе с отдельными преступлениями как одно из основных направлений межгосударственного антикриминального сотрудничества / В. В. Зимин // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2018. – Вып. 5. – С. 156–163.

3. Классификацию международных антикоррупционных актов по различным основаниям (критериям), включая важное для нашего исследования деление по степени их обязательности, см. : Зимин, В. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации Россией международных антикоррупционных стандартов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Зимин ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2022. – 269 л.

4. См., например : Анисимов В. Ф. Генезис международных стандартов адвокатской деятельности / В. Ф. Анисимов, И. В. Квач, С. С. Квач // Адвокатская практика. – 2018. – № 6. – С. 61–66; Буланова О. В. Отдельные аспекты правоприменения, влекущие нарушение международного стандарта на разумный срок уголовного судопроизводства на досудебных стадиях / О. В. Буланова // Рос. юстиция. – 2020. – № 6. – С. 39–40 ; Голованова Н. А. Международные стандарты и уголовное законодательство России об искоренении насилия в отношении детей / Н. А. Голованова // Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : науч.-практ. Пособие / отв. ред. В .П. Кашепов. – М., 2012; Зайцев О. А. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей – жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России / О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин, Е. П. Гришина // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. – 2020. – № 6. – С. 20–33; Шестак В. А. О международных стандартах уголовного правосудия в современных условиях / В. А. Шестак // Мировой судья. – 2020. – № 6. – С. 11–15.

5. К примеру, см. : Нарышкин, С. Е. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2011. – № 9. – С. 5–12; Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / С. В. Борисов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. – М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2015. – 296 с.; Федоров, А. В. Перспективы применения антикоррупционных стандартов ОЭСР в уголовном законодательстве Российской Федерации / А. В. Федоров – М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2015; Черепанова В. А. Международные антикоррупционные стандарты: классификация, оценка эффективности, дальнейшие перспективы развития / В. А. Черепанова // Аудитор. – 2017. – № 9. – С. 48–57.

6. См., например, подп. «ф» п. 8 Национальной стратегии противодействия коррупции (Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» / СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875) и подп. «в» п. 2 Национального плана противодействия коррупции на 2012–2013 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 13.03.2012 № 297 (СЗ РФ. 2012. № 12. Ст. 1391).

7. СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

8. Принят 15.11.2003 в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 2004. – № 33.

9. См., например : Противодействие коррупции : учебник и практикум для СПО / под общ. ред. Е. В. Охотского. – 2-е изд., испр. – М. : Юрайт, 2017. – 427 с.

10. См. : Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273–ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / Т. Я. Хабриева, А. В. Габов, А. М. Цирин [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2018. – 424 с.

11. Большой энциклопедический словарь. 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/280258#sel=5. – Дата доступа: 01.06.2021.

12. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике : словарь-справочник / Сост. : Власенко Н. А. [и др.] ; ИЗиСП при Правительстве РФ. – М. : Инфра-М, 2016. – 168 с.

13. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : Указ Президента Российской Федерации, 16 авг. 2021 г., № 478 // СЗ РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.

14. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев ; ИЗиСП при Правительстве РФ. – М. : Контракт, 2019. – 424 с.

15. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮрИнфоР, 2008. – 255 с.

16. Залоило, М. В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции : науч.-практ. Пособие / М. В. Залоило ; под ред. Д. А. Пашенцева. – М. : Проспект, 2021. – 112 с.

17. Каширкина, А. А. Международно-правовые модели имплементации антикоррупционных стандартов / А. А. Каширкина. – М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2015. – 154 с.

18. Доклад академика Т. Я. Хабриевой на Втором Евразийском антикоррупционном форуме «Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения». Хроника // Журн. рос. права. – 2013. – № 9. – С. 556–560.

19. Официальный перевод Конвенции см. : СЗ РФ. – 2012. – № 17. – Ст. 1899. На 14.09.2022 в ней участвовали 44 государства: все 37 членов ОЭСР, а также Аргентина, Болгария, Бразилия, Коста-Рика, Перу, Россия и ЮАР. Конвенция вступила в силу для России 17.04.2012.

20. Официальный перевод Конвенции см. : СЗ РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2394. Конвенция вступила в силу для России 01.02.2007. На 14.09.2022 ее участниками являлись все 47 государств – членов Совета Европы, а также Беларусь.

21. Текст см. : СЗ РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882. Для России она вступила в силу 25.06.2004. На 14.09.2022 Конвенция насчитывала 190 участников: 189 государств (из 193 государств – членов ООН) и Европейский союз.

22. Текст см. : СЗ РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780. Конвенция вступила в силу для России 08.06.2006. На 14.09.2022 ее участниками являлись 188 государств и Европейский союз.

23. См., например : Зимин, В. В. Некоторые вопросы отражения положений международных договоров Российской Федерации о борьбе с преступностью в российском уголовном законодательстве / В. В. Зимин // Вестн. Рос. нового ун-та. Серия «Человек и общество». – 2017. – Вып. 3. – С. 35–39.

24. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / К. В. Ображиев. – М., 2014. – 380 л.

25. Яцеленко, Б. В. Судебный прецедент в системе российского уголовного права / Б. В. Яцеленко // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2012. – № 6. – С. 9–17. В связи с выходом России 15.03.2022 из Совета Европы возникает вопрос об обязательности для нашей страны правовых позиций ЕСПЧ, закрепленных в его решениях, вынесенных по делам против нее.

26. Денисова, А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Денисова. – М., 2018. – 38 с.

27. Подробнее см. : Участие органов прокуратуры Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам : сб. метод. и информ. материалов. – М. : Ген. прокуратура Рос. Федерации, 2011. – 504 с.

28. СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7169.

29. При этом отметим, что Суд сослался также на заключенную в рамках Совета Европы Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (1999), в которой Россия не участвует, и на международный акт рекомендательного характера – Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия коррупции, принятые 23.11.2012 Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ.

30. К сожалению, вопрос о международной политической ответственности, в том числе о соответствующих санкциях, разработан еще в меньшей степени, чем вопрос о международно-правовой ответственности.

31. См., например : Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : монография : в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. – Т. 1. – М. : Проспект, 2019. – 528 с.

32. Текст Модельного закона см. : Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 2009. – № 43.

33. См. : Лавров, С. В. О праве, правах и правилах, 28.06.2021 / С. В. Лавров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/4801890. – Дата доступа: 30.06.2021; Совместное заявление министров иностранных дел государств – участников Содружества Независимых Государств об укреплении роли международного права, 22.03.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/position_word_order/1418026/. – Дата доступа: 25.05.2021.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия «международные антикоррупционные стандарты», выявлению их формальных источников и видов. Авторы формулируют определение понятия «международные антикоррупционные стандарты», что имеет как теоретическое, так и практическое значение. Важно из огромного массива международных антикоррупционных норм вычленить обязательные к исполнению нормы

(стандарты), с тем чтобы в приоритетном порядке принять меры по обеспечению их реализации через национальное законодательство и практику.

INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION STANDARDS – DEFINITION, SOURCES AND THEIR CLASSIFICATION

Zimin V.V., Zimin V.P.

Keywords: control of corruption, international anti-corruption standards, sources of international standards, international treaty, criminal law, criminalization, judicial assistance in criminal matters, international politically binding act, international non-binding instruments.

Abstract. This article deals with the problems of defining the notion of international anti-corruption standards, the sources of such standards that is quite important from theoretical and practical point of view for the procedures of the implementation of such standards through the national legislation and practice. The authors have deliberated the definition of international anti-corruption standards in order to extract from the mass of anti-corruption provisions those obligatory norms to implement them through national legislation and practice as a matter of priority.

УДК 347.9

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОПЫТ ИНТЕРНЕТ-СУДОВ КНР

Порохов М.Ю.

Ключевые слова: цифровизация, электронное правосудие, интернет-суд, судебное разбирательство, электронные доказательства, блокчейн-технология.

Введение

Электронное правосудие – способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [1]. Используемые информационные технологии могут быть разными и изменяться с течением времени. В этом смысле интересен опыт судов Китая, которые активно используют для осуществления правосудия по гражданским судам не просто интернет-суды и внешние блокчейн-платформы, но и создают свои аналогичные платформы, не ограничивая участников процесса в возможности использовать любые из них для сохранения электронных доказательств, сокращения своих судебных издержек и гарантируя достоверность таких данных.

Основная часть

В мае 2022 г. Верховный народный суд Китая принял решение о расширении применения технологии блокчейн в судебных процессах [2]. Такое решение

является результатом работы судов КНР с электронными доказательствами, сохраненными с использованием технологии блокчейн с 2018 г.

6 сентября 2018 г. в ст. 11 Положений о некоторых вопросах, касающихся рассмотрения дел интернет-судами [3], изданных Верховным народным судом КНР, содержатся правила для судов, устанавливающие порядок определения подлинности электронных данных. Впервые судебными органами предлагается поощрять и направлять заинтересованные стороны спора использовать технологии блокчейн.

На сегодняшний день в судебной блокчейн-платформе хранится более 2,2 миллиарда документов.

Для оптимизации работы с электронными доказательствами в судебном процессе суды Китая на протяжении нескольких лет разрабатывают и внедряют модель дистанционного цифрового правосудия на основе электронных доказательств, которая предполагает использование судами технологии блокчейн. Данная технология появилась изначально совместно с системой биткоин и впоследствии нашла свое развитие в правовой сфере, т. к. защищает внутрисудебную систему хранения и исследования доказательств, повышая их уровень надежности и достоверности и при этом позволяет эффективно бороться с контрафактными электронными доказательствами.

В документе также говорится, что суды должны сотрудничать с различными платформами блокчейна для улучшения защиты интеллектуальной собственности, оптимизации бизнес-среды, корпоративного банкротства, а также системы социального кредитования. Однако нужно отметить, что помимо внешних внесудебных платформ блокчейна в КНР интернет-суды на сегодняшний день создали свои собственные блокчейн-платформы для использования электронных доказательств в судебных процессах.

Верховный народный суд Китая создает высокий уровень цифрового правосудия путем интеграции технологии блокчейна в текущую деятельность судов, т. к., по его мнению, это поможет повысить авторитет судебной системы, улучшить социальное управление, минимизировать риски при рассмотрении дел, а также будет способствовать качественному развитию правосудия. Для этого Верховный народный суд предложил несколько мер, и часть из них мы рассмотрим.

Во-первых, к 2025 г. предлагается создать общий судебный блокчейн-альянс – сетевое сотрудничество, обеспечивающее совместное использование данных между народными судами и всеми социальными институтами КНР с возможностями проверки этих данных. Это дает возможность субъектам обмениваться информацией с помощью таких средств, как смарт-контракты, и наладить взаимодействие между судебными органами.

Во-вторых, это создание судебной блокчейн-платформы для проверки судебных решений, которая позволит проверять подлинность судебных документов, электронных доказательств и других данных. Нужно сказать о том, что на сегодняшний день в Китае три интернет-суда уже создали свои блокчейн-платформы. Данные, сохраненные с помощью таких платформ, уже неоднократно использовались при рассмотрении дел судами, и такой способ их фиксации и хранения позволяет гарантировать достоверность доказательств.

В-третьих, создание единой платформы хранения данных народных судов и исполнительных производств КНР на основе технологии блокчейна для

обеспечения безопасности судебных данных и их проверки судами в онлайн-режиме.

В-четвертых, использование блокчейн-технологии для обработки платежей в рамках судебных и исполнительных производств, медиативных соглашений и для повышения в целом эффективности судебной системы.

Пятое предложение направлено на реализацию приложения для взаимодействия между народными судами и административными органами, которое позволит проводить онлайн-запросы и проверять квалификацию юристов в судебных процессах; реализовать взаимодействие между народными судами и органами прокуратуры, судебными, административными и другими органами для повышения эффективности онлайн-обмена данными; регистрацию недвижимого имущества, обеспечение финансовых гарантий и страхования.

Активное использование судами Китая технологии блокчейн заставляет обратить особое внимание на данную технологию и рассмотреть перспективы ее использования в отечественном судебном процессе.

Технология блокчейн обладает некоторыми особенностями, которые делают ее привлекательной для использования в судебных процессах. Прежде всего это децентрализованная сеть, в которой хранятся данные для судебных процессов и которые невозможно изменить, если у вас нет соответствующих полномочий на это.

Технология блокчейн способна защитить оцифрованные доказательства, гарантируя, что у всех сторон будет доступ к достоверной информации. Блокчейн позволяет добавлять, записывать и распространять информацию от разных сторон, что создает необходимые условия для перехода к полностью цифровому формату доказывания в рамках судебных заседаний. Самое главное, что доказательства могут быть запечатаны в блоке «криптографически», что может гарантировать их подлинность.

Технология блокчейн уже опробована неоднократно в судебных разбирательствах КНР и показала свою надежность, достоверность и эффективность. Как итог проведенного эксперимента по использованию в делах доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн, Верховный народный суд КНР подтвердил достоверность доказательств, хранящихся на блокчейне, и принял 17 июня 2021 г. Правила онлайн-судебных разбирательств в народных судах, установив определенные требования к электронным доказательствам, в том числе презумпцию подлинности доказательств блокчейна [4]. Технология блокчейн может в значительной степени гарантировать, что данные трудно подделать после того, как они будут сохранены в блокчейне.

Если электронные данные, представленные сторонами в качестве доказательств, хранятся с использованием технологии блокчейн и пройдут техническую проверку, суд может считать, что электронные данные не подвергались изменениям после хранения в блокчейне (ст. 16 Правил).

Однако суду надлежит обращать внимание на следующие факты и обстоятельства для решения вопроса о допустимости доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн:

1. Блокчейн может гарантировать подлинность электронных данных, сгенерированных цепочкой, с момента их загрузки в блокчейн. При этом

технология не может гарантировать подлинность производных электронных доказательств до их загрузки в блокчейн.

2. Контроль за сроками создания электронных доказательств. Дело в том, что время создания поддается изменению третьими лицами. Международное время, время Интернета и системное время не имеют обязательной силы. Время, указанное Национальным центром службы времени Китая, является единственным признанным временем, имеющим обязательную силу в Китае.

3. Контроль результатов проверки. Чтобы определить, являются ли доказательства блокчейна, представленные сторонами, подлинными, интернет-суд может сопоставить доказательства блокчейна с хэш-значением, хранящимся на сервере судебной блокчейн-платформы. Электронные данные могут быть сопоставлены, и если они соответствуют друг другу, то суд принимает полученные из них электронные данные как достоверные.

В сентябре 2018 г. Верховный народный суд Китая вынес постановление об интернет-судах [5], позволяющее сторонам представлять электронные доказательства, сертифицированные с помощью технологии блокчейн или платформы для сбора электронных доказательств. Суды подтверждают подлинность электронных доказательств путем проверки достоверности процесса создания, сбора, хранения и передачи электронных данных.

На сегодняшний день три интернет-суда Китая создали свои блокчейн-платформы. Такие платформы создаются в сотрудничестве с нотариальными конторами, оценочными агентствами, арбитражными учреждениями, прокуратурами, судебными бюро и другими организациями.

В марте 2019 г. была запущена блокчейн-платформа под названием Balance Chain (Цепь весов), разработанная Пекинским интернет-судом [6]. В апреле 2019 г. интернет-суд Гуанчжоу объявил о запуске системы «Юридическая сеть Интернета».

В сентябре 2018 г. интернет-суд Ханчжоу объявил об официальном запуске собственной судебной блокчейн-платформы под названием «(Судебный) блокчейн», которая продемонстрировала достоверность используемых доказательств, сохраненных судами с ее использованием. Кроме того, интернет-суд также выпустил Стандарты для платформ электронных доказательств интернет-суда Ханчжоу, Стандарты для судебных блокчейн-платформ интернет-суда Ханчжоу и Правила интернет-судов Ханчжоу по судебному рассмотрению электронных доказательств в гражданском процессе. Все эти акты определяют специфику и формат представления электронных данных, порядок их защиты, спецификации интерфейсов электронных данных, а также методы судебного использования данных и стандарты их проверки.

Основные функции всех платформ схожи: сделать процесс создания, хранения, распространения и использования электронных данных достоверным, не сложным для участников процесса и судей.

Переход судебного процесса на цифровой формат доказательств, минимизировав традиционный порядок сбора и представления доказательств, создаст необходимые условия для снижения бюджетных затрат и расходов сторон, ускорит осуществление правосудия и сократит трудоемкую бумажную работу, характерную для современного судопроизводства. Технология блокчейн дает возможность реализовывать задачи правосудия, повышая достоверность электронных доказательств, создавая условия для их хранения и контроля и при

этом упрощая работу по разрешению спора как для самого суда, так и для спорящих сторон.

Деятельность суда по принятию и работе с электронными доказательствами, сохраненными с использованием технологии блокчейн, можно свести к основным моментам по проверке таких доказательств и решению вопроса о допустимости их использования в качестве судебных доказательств при рассмотрении дела.

Суду необходимо:

1. Проверить подлинность доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн, установив, были ли электронные данные действительно загружены в указанное время и были ли загруженные электронные данные именно теми сведениями, на которые ссылается сторона.

2. Проверить допустимость доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн. Суд проверяет, соответствуют ли закону способ сбора, хранения и извлечения доказательств блокчейн и не ущемляют ли они законные права и интересы других лиц.

3. Проверить относимость доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн. Суд проверяет наличие логической связи между доказательствами блокчейн и фактами, которые необходимо доказать.

4. Проверить достоверность технических средств, использованных для захвата веб-страницы – электронного доказательства.

Независимо от того, какая блокчейн-платформа использовалась стороной для сохранения своих доказательств, механизм использования таких электронных доказательств в судебном процессе интернет-суда един. Например, если речь идет о неправомерном использовании произведения в сети Интернет или если иная информация неправомерно распространяется в сети Интернет, то стороне спора необходимо отправить ссылку на нужные веб-страницы на платформу блокчейн.

Затем истцом подается иск в суд и предоставляется суду сохраненная веб-страница. Истец сообщает суду, что страница также сохранена на той или иной платформе блокчейна. После рассмотрения суд подтверждает, что представленные электронные доказательства соответствуют электронным данным, хранящимся на платформе. Суд рассматривает весь процесс создания, хранения, распространения и использования электронных данных на платформе и считает его достоверным.

Фактически использование доказательств, полученных в результате нотариального заверения, становится нецелесообразным при использовании технологии блокчейн.

Деятельность интернет-судов КНР с использованием технологии блокчейн позволяет достичь целей в том числе и по вопросам внесудебной юридической практики, таких как сокращение количества споров благодаря использованию технологии смарт-контрактов и автоматического исполнения контракта, т. к. подписание, исполнение, нарушение контракта сторонами, требование исполнения контракта и другие юридически значимые действия регистрируются в блокчейне в реальном времени. Кроме того, судебные заседания суда могут быть записаны в блокчейне, и это позволит их использовать при проверке жалоб и заявлений сторон спора, в том числе и в отношении действий суда.

Заключение

Развитие цифровизации судебной системы КНР с невероятной скоростью, самого процесса рассмотрения дел и использования цифровых доказательств и, соответственно, технологий позволит решать обычные задачи любого судопроизводства по гражданским делам, используя совершенно иные новые возможности и инструменты. Безусловно, это требует от суда и участников спора как минимум базовых компьютерных знаний, но делает перспективы достижения доступного, в том числе в финансовом плане, удобного, эффективного, более точного и прозрачного судопроизводства реальными и достижимыми в самые короткие сроки.

Интернет-судопроизводство КНР сегодня представляет собой начало формирования новой «экосистемы правосудия», которая объединяет неразрывно связанные друг с другом передовые современные технические достижения и судебную правоприменительную практику.

Использование возможностей онлайн-правосудия по гражданским делам в России должно стать одним из шагов в глобальной цифровизации и использовании передовых технологий сохранения достоверных данных в процессе рассмотрения дел, учитывая, что многолетние и новые проблемы и вызовы, с которыми столкнулись суды, по своей сути типичны для органов правосудия многих стран, например, загруженность судов, пандемия, значительные судебные расходы и не самые быстрые сроки рассмотрения дел, и традиционными способами справиться в разумные сроки с этим всем уже не получится.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации, 26 нояб. 2015 г., № 362 : приказ в ред. от 28.08.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

2. Мнение Верховного народного суда об усилении судебного применения блокчейна, 25 мая 2022 г., № 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-360271.html. – Дата доступа: 08.07.2022.

3. Постановления Верховного народного суда по некоторым вопросам рассмотрения дел интернет-судами (2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/several-issues-concerning-internet-courts-20180906. – Дата доступа: 08.07.2022.

4. Правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете / Портал законов Китая – CJO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/online-litigation-rules-for-people-s-courts-20210616. – Дата доступа: 08.07.2022.

5. О некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами : Регламент Верховного народного суда КНР, 3 сент. 2018 г., № 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/several-issues-concerning-internet-courts-20180906. – Дата доступа: 08.07.2022.

6. Пекинский интернет-суд платформа «Цепь весов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tpl.bjinternetcourt.gov.cn/tpl/. – Дата доступа: 08.07.2022.

Аннотация. Необходимость расширенного применения цифровых технологий при осуществлении правосудия в силу целого ряда причин стала, вероятно, одним из наиболее актуальных и обсуждаемых вопросов в юридической науке и практике. Правосудие КНР самым активным образом перестраивается и использует цифровую форму доказательств и процесса рассмотрения дел. В рамках статьи проводится исследование основ порядка сохранения и использования доказательств, сохраненных с использованием технологии блокчейн в судах Китая. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в КНР в настоящее время нормативная база и накопленный опыт за последние 4 года позволили внедрить и активно применять технологию блокчейн для фиксации и сохранения цифровых доказательств и данных, гарантируя их достоверность и доступность.

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN CIVIL PROCEEDINGS: THE EXPERIENCE OF THE INTERNET COURTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Porokhov M.Yu.

Keywords: digitalization, e-justice, internet court, judicial proceedings, electronic evidence.

Abstract. The need for the expanded use of digital technologies in the administration of justice has become, for a number of reasons, one of the most pressing issues in legal science and practice. The justice of the prc is being actively restructured and uses the digital form of evidence and the process of considering cases. The article examines the basics of the procedure for the preservation and use of evidence stored using blockchain technology in the courts of china. The analysis allows us to conclude that in china, at present, the regulatory framework and the accumulated experience over the past 4 years have made it possible to introduce and actively use blockchain technology to capture and store digital evidence and data, guaranteeing their reliability and availability.

НАШИ АВТОРЫ

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», кандидат юридических наук, доцент.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела прокуратуры Брестской области по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бурый Виталий Евгеньевич – начальник отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Варавко Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Васнецова Анастасия Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

Васько Наталья Олеговна – главный специалист отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Винокуров Александр Юрьевич – профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Головко Ирина Ивановна – декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Джи Мейджун – профессор права Института прокурорской теории Верховной Народной Прокуратуры КНР, доктор юридических наук, профессор.

Дицевич Ярослава Борисовна – ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Довгялло Марина Михайловна – главный специалист отдела методологического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Долгоруков Сергей Валерьевич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дятлова Виктория Олеговна – главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Емельянов Сергей Леонидович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Ескендиров Айдос Абдрахманович – ученый секретарь Ученого совета Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук.

Зимин Владимир Владимирович – преподаватель кафедры частного права Гуманитарного института Российского нового университета (г. Москва), кандидат юридических наук.

Зимин Владимир Петрович – Исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ (г. Москва), Заслуженный юрист Российской Федерации.

Ирзун Алексей Константинович – главный советник Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь.

Касьянова Елена Васильевна – начальник отдела методологического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Козел Валерий Михайлович – старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Колобов Роман Юрьевич – доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Коржов Никита Юрьевич – аспирант учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Красникова Екатерина Всеволодовна – ведущий научный сотрудник отдела НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Ларченко Александр Анатольевич – аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Лосев Владимир Владимирович – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Мельник Леонид Леонидович – следователь по особо важным делам управления по расследованию преступлений против информационной безопасности и интеллектуальной собственности главного следственного управления центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Меркурьев Виктор Викторович – заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Моисеева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминологии учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Морозова Юлия Владимировна – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Никитин Юрий Александрович – начальник отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Омельянович Вадим Васильевич– доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Отепова Галия Мейрасовна – магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Павловская Надежда Владимировна – заведующий лабораторией НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Плоскунов Денис Владимирович – прокурор отдела по надзору за соблюдением законодательства органами уголовно-исполнительной системы и принудительного исполнения прокуратуры Витебской области.

Полящук Наталья Анатольевна – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Порохов Михаил Юрьевич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Раскина Татьяна Вячеславовна – ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Рыжанков Арнольд Юрьевич – старший преподаватель кафедры юриспруденции учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова».

Седач Александр Валерьевич – заместитель прокурора города Гродно, соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Семенихин Михаил Александрович – заместитель начальника организационно-контрольного управления, начальник аналитического отдела Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Сидоренко Дарья Олеговна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Сидоренко Елизавета Олеговна – стажер младшего научного сотрудника лаборатории технических и криминалистических исследований научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Синица Ирина Михайловна – доцент кафедры уголовного права и процесса учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по заочному обучению юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Соркин Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Спиридонов Александр Иванович – соискатель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Тайшибаев Асхат Сарсембекович – заместитель командира роты СОБР Департамента полиции г. Алматы, подполковник полиции.

Тимощук Кирилл Игоревич – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат физико-математических наук.

Третьяков Григорий Михайлович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Ульянов Михаил Владимирович – ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Чижик Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики учреждения образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой».

Чмыга Оксана Васильевна – докторант кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чуешов Кирилл Викторович – заместитель начальника отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Шупицкая Оксана Николаевна – доцент кафедры международного права учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Шурпаев Шамиль Мурадович – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 15

В авторской редакции
Ответственный за выпуск Т. Ф. Рослик

Подписано в печать 02.12.2021. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,26. Уч.-изд. л. 25,00.
Тираж 100 экз. Заказ 497.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
на республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/63 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

ISSN 2221-2558